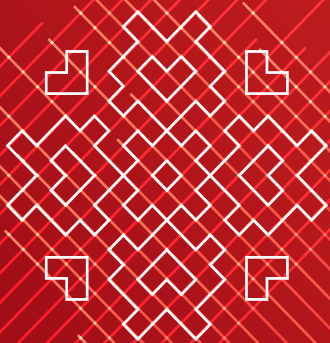

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ
В XX–XXI ВЕКАХ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

**Специфика этнических
миграционных процессов
на территории Центральной Сибири
в XX–XXI веках:
опыт и перспективы**

*Материалы Международной научной конференции
(30 ноября – 2 декабря 2017 г.)*

Красноярск
СФУ
2018

УДК 314.151(292.512.3)"19/20"
ББК 60.74(253)
С718

С718 **Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы** : материалы Междунар. науч. конф. (30 ноября – 2 декабря 2017 г.) / отв. за вып. Н.П. Копцева. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. – 324 с.
ISBN 978-5-7638-3874-9

Рассматривается широкий круг проблем по научным подходам к изучению современных миграционных процессов на территории Центральной Сибири, этнокультурной динамики и этнической мобильности в XXI веке.

Предназначены для специалистов, осуществляющих практическую деятельность в сфере реализации государственной национальной политики в области межнациональных и миграционных отношений, и представителей научного сообщества, занимающихся проблемами этнологии и религиоведения, а также преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и студентов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-11-24501.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 314.151(292.512.3)"19/20"
ББК 60.74(253)

ISBN 978-5-7638-3874-9

© Сибирский федеральный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Современные миграционные процессы на территории Центральной Сибири: научные подходы к изучению.....	8
<i>О.А. Карлова</i> Межэтническое пространство Сибири: историческая специфика и современные проблемы (опыт Красноярского края)	8
<i>Д.Г. Коровушкин, Л.Н. Щанкина</i> Мордва в Азиатской России: миграции, массивы, трансформации	16
<i>Н.П. Погодаев</i> Образовательная миграция из Таджикистана в Россию как ресурс формирования трансграничного общества.....	25
<i>Е.И. Парфенова, Н.М. Чебакова, Е.Г. Швецов</i> Оценка условий жизнедеятельности на территории Азиатской России в XXI веке при изменении климата по сценариям СМIP5.....	38
<i>А.В. Московских, Е.С. Стручева, Н.П. Концева</i> Информационный образ представителей таджикской этнокультурной группы в региональном информационном пространстве (на материале анализа Красноярского края 2014–2017 гг.).....	41
<i>Н.С. Севруженко, Н.А. Семакова, Ю.С. Замараева</i> Этническое осознание армян в региональном информационном пространстве Красноярского края	47
<i>Д.В. Ольхина, Ю.С. Замараева</i> Влияние политики нэпа на приток миграции в Красноярский край	52
<i>Д.Н. Луцык, Ю.С. Замараева</i> Этническая манифестация или ее отсутствие в студенческой среде Сибирского федерального университета.....	55
<i>К.И. Шиманская</i> Современные тенденции в научных исследованиях коренных народов Севера	58
<i>Р.А. Абдуманов</i> Опыт кыргызских диаспор как пример процессов консолидации этнических сообществ России	64
<i>Ю.В. Дзись</i> Модель мультикультурализма в ЕС: идея, реальность и перспективы...	67
<i>Р.Х. Пайтян</i> Современные подходы к международно-правовому регулированию проблем вынужденной миграции	71

А.Е. Худоногова, Н.М. Либакова
Культурная апроприация как форма взаимодействия культур 75

Часть 2. Профессиональный стандарт деятельности специалиста по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений как база для реализации государственной национальной политики Российской Федерации..... 79

В.С. Зобнин, Т.В. Протопопова
О проблеме обеспечения прав мигранта на достоинство 79

Ю.В. Попова, О.Г. Смолянинова
Практики развития межэтнического взаимодействия в поликультурной среде Сибирского федерального университета 84

Ф.А. Сметанин
Проблема исследования сообщества мигрантов-мусульман в контексте дискурса «радикализации» (пример г. Томска) 89

Е.А. Безызвестных, О.Г. Смолянинова
Социокультурная адаптация и интеграция иностранных студентов в федеральном университете средствами электронного обучения и технологии е-портфолио 94

А.Ю. Лыткина, К.И. Пастухова
Социальная адаптация иностранных студентов посредством внедрения в работу общественных организаций и объединений 99

Т.И. Монастырская, Н.Л. Микиденко, С.П. Сторожева
Гендерные аспекты адаптации детей мигрантов в образовательной среде (по материалам исследования в школах г. Новосибирска) 103

Н.В. Вейлерт, Т.В. Грязнухина
Процессы этнической миграции в контексте угрозы этнокультурной безопасности России 110

В.В. Лисаускайте
Современная миграция и вопросы гуманитарного реагирования 113

Э.А. Павельева
Посткризисная миграционная политика ЕС: соотношение интеграционных и национальных интересов 116

Л.Н. Жуковская
Содействие социально-культурному взаимодействию мигрантов в полиэтническом пространстве современной библиотеки..... 119

**Часть 3. Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов
как фактор современной этнической мобильности..... 125**

Д.Е. Брызгина

Риторика ходьбы: «этнические» рынки г. Иркутска
в пешеходных практиках горожан 125

Ю.О. Корешкова

«Вичат» как образ жизни: инструмент социальных связей
китайских мигрантов в России 131

А.И. Филько

Особенности восприятия визуального образа Красноярска жителями
и гостями города: метод декодирования 138

А.М. Юсупов, А.В. Антипина, Д.О. Недбайло, К.В. Резникова

Роль исламских культовых сооружений Красноярского края
в адаптации и интеграции мигрантов 144

М.Р. Арпентьева

Модерн и национальные отношения в России:
татарский и славянский этносы в суперэтносе России 149

Н.П. Гуляева

Жилищные условия как фактор миграции 162

Р.И. Резванов

Сибирский проект советской индустриализации: города, миграции
и сценарии развития в контексте 1950–1970-х годов..... 167

М.С. Кошелев

Проблемы межэтнических отношений и толерантности
в молодежной среде Забайкальского края: опыт регионального
исследования..... 179

Т.А. Федотова

Научные подходы к исследованию миграционных процессов 183

Е.М. Кузнецова

Этническое и социальное развитие эсеевских якутов
Красноярского края Эвенкийского муниципального района:
проблемы, успехи, современное положение 186

Т.К. Ермаков, Н.А. Сергеева, Н.П. Копцева

Современные способы этнической самоидентификации
на материале анализа Эвенкийской этнокультурной группы 195

А.И. Лойко

Миграция этнических белорусов в Сибирь: евразийский вектор 198

А.А. Волошин

Китайские мигранты в строительном бизнесе Иркутской области:
формальная и неформальная организация трудовой деятельности..... 202

<i>Е.Д. Антипенко, Ю.С. Замараева</i> Особенности социокультурной адаптации иностранного студента в Сибири (на примере жизни студента Сибирского федерального университета).....	205
Часть 4. Педагогические модели обучения русскому языку как иностранному	211
<i>К.Б. Уразаева, Г.Е. Кожамкулова</i> Школьные учебники с обновленным содержанием в Казахстане: общие тенденции с Россией и реализация реформы в образовании	211
<i>В.Л. Шуников</i> Изучение современной российской драмы в курсе РКИ	219
<i>А.В. Кочерова, Д.В. Горбачева</i> Квест как технология реализации коммуникативного метода обучения русскому языку как иностранному.....	234
<i>Е.С. Былкова</i> Вопросы и проблемы языковой политики Красноярского края в отношении коренных малочисленных народов	240
<i>Г.Х.С. Сатива</i>	243
Понимание русской культуры через стихотворение Б. Пастернака «Никого не будет в доме»	243
<i>Е.С. Ермилова</i> Изменения миграционных процессов среди западных эвенков в XXI веке.....	246
<i>А.А. Зотова</i> Процесс адаптации студентов-мигрантов, прибывших для обучения на факультет иностранных языков в Томский государственный университет	249
<i>А.В. Задорин</i> Внешняя миграция в Красноярском крае в 1992–2015 годах: ее влияние на поселенческую структуру региона	251
Часть 5. Этнокультурная динамика и этническая мобильность в XXI веке.....	257
<i>М.Е. Шмальц</i> Миграция как основание для датировки фольклорных текстов коренных малочисленных народов Сибири на примере нижнеколымских юкагигов	257
<i>Е.Л. Капустина</i> Дагестанцы в Сургуте: неформальные транслокальные сообщества и официальные земляческие организации в принимающем сообществе	262

<i>М.М. Чихачева, Л.Д. Экард, И.Н. Шкредова</i>	
Сохранность традиционной культуры Енисейского района Красноярского края (по материалам фольклорно-этнографической экспедиции Красноярского государственного института искусств в 2017 году)	271
<i>С.Д. Джанызакова</i>	
Трудовая миграция глазами читателей городского портала «Новости в Томске» (по результатам контент-анализа комментариев к новостным сообщениям)	280
<i>К.И. Петрова</i>	
Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов Севера как механизм конструирования региональной идентичности	285
<i>Э.В. Пашова</i>	
Народные верования как репрезентация этнокультурной идентичности ирландцев	288
<i>Д.А. Аброськин</i>	
Перспективы развития международных отношений в освоении ресурсов Арктического шельфа.....	293
<i>К.В. Резникова</i>	
Представления о цыганах в современном российском обществе	300
<i>М.Я. Хребтов</i>	
Основные культурные смыслы в сознании современной молодежи (на материале контент-анализа СМИ и интернет-опроса молодежи) ...	305
<i>Ю.В. Шантур</i>	
Образ мигранта через призму кинематографа	308
<i>Д.С. Пчелкина</i>	
Этническая специфика восприятия гендерных образов школьниками (результаты ассоциативного эксперимента).....	313
<i>С.В. Метляева</i>	
К проблеме этнической идентичности эвенков	320

Часть 1

Современные миграционные процессы на территории Центральной Сибири: научные подходы к изучению

Межэтническое пространство Сибири: историческая специфика и современные проблемы (опыт Красноярского края)

Карлова Ольга Анатольевна

доктор философских наук, профессор кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета, заведующая лабораторией исследований этнокультурной динамики Северной и Центральной Азии

г. Красноярск

Национальный состав Сибири отличается чрезвычайной пестротой и большим разнообразием, появившимся в результате сложных этнокультурных демографических и политических процессов. В центре Сибири – в Приенисейском регионе, как и на сибирском Севере, Юге и Востоке – до прихода русских проживали преимущественно тюркоязычные и самодийско-кетоязычные племена. По данным первой переписи 1897 г., они составляли половину всего нерусского населения Енисейской губернии – немногим более 48 тысяч человек. Вместе с «пришлыми» народами – украинцами, поляками, татарами и целым рядом других – они составляли 17 % всего населения территории [2, с. 129–130].

За полтора последних столетия соотношение коренных народов Сибири, этнических переселенцев и русского населения на территории Центральной Сибири и Красноярского края, в частности, неоднократно менялось. Строительство Транссибирской железной дороги,

Столыпинская аграрная реформа, Первая мировая и Гражданская войны, миграция из голодающего Поволжья привели в Сибирь огромные потоки переселенцев. К 1926 г. нерусское население Красноярского края насчитывало 185 тыс. человек, из них только треть (62 тыс.) приходилась на автохтонные народы. Эту тенденцию продолжили ссылка и депортация по национальному признаку, а также военная промышленная эвакуация [2, с. 436–441].

Во второй половине XX столетия начинается стабильное уменьшение численности ряда старожильческих этносов: евреев, немцев, поляков, мордвы, финнов, народов Балтии. Однако удельный вес нерусского населения региона остается стабильным (на уровне 13,5 %), поскольку в большом количестве сюда начинают приезжать выходцы из регионов Средней Азии, Кавказа и других. Азербайджанцы, грузины, армяне, узбеки, молдаване составили основу трудовой миграции на строительство и освоение красноярских краевых гигантов индустрии. В 1990-е гг. удельный вес нерусского населения уменьшается до 11 % прежде всего по причинам репатриации и естественной убыли, однако список национальностей, представленных на территории края, расширился с 124 до 137. В отличие от старожильческих национальностей Красноярья, значительно увеличили свое представительство в регионе за счет повышенной рождаемости и активной миграции диаспоры Кавказа, Средней и Юго-Восточной Азии: корейцы – на 24 %, народы Дагестана и китайцы – в 1,5 раза, киргизы – в 2 раза, азербайджанцы – в 2,6 раза, таджики – в 2,9 раза, армяне – в 3,6 раза [4, с. 8–10].

Новой тенденцией XXI в. стала стабилизация численности коренных малочисленных народов Севера (КМНС) с небольшой тенденцией к росту – 6 процентов за межпереписной период [4, с. 15]; это долгане, эвенки, селькупы, ненцы, кеты, энцы. Их прирост в сложных социально-экономических условиях обусловлен не только достаточно высокой рождаемостью, но прежде всего активной самоидентификацией метисов как представителей народностей Севера, могущих рассчитывать на адресную социальную поддержку со стороны государства. Эффективная демографическая политика с 2007 г. усилила тенденции роста рождаемости и сокращения материнской и младенческой смертности, что повлияло на общий уровень качества жизни коренных и малочисленных народов Севера. И хотя структура заболеваний детского населения здесь по-прежнему сохраняет свою специфику, остаются вопросы необходимости традиционного усиленного мясного рациона питания детей в школах, организации меди-

цинского обслуживания семей, ведущих традиционный кочевой образ жизни, можно говорить о четких приоритетах государственных региональных программ поддержки коренных и малочисленных народов Севера. Эти приоритеты сфокусированы прежде всего в поддержке традиционного образа жизни народов Севера и сохранении экологии среды их обитания и культуры.

В XXI в. среди национальных меньшинств ускоренными темпами развиваются урбанизационные процессы. Прибывающие в край мигранты стараются закрепиться в крупных городах, туда же перебирается значительная часть проживающих на селе старожильческих народов, численность которых также снижается за счет старения. Следствием этого стало неуклонное сокращение мест их компактного проживания. Дети из числа коренных и малочисленных народов Севера, оторванные от традиционного образа жизни в тундре в связи с пребыванием в интернатах, также в основной своей массе тяготеют к поселковой и городской жизни общероссийского типа.

После объединения трех субъектов федерации в один Красноярский край в 2005 г. обсуждение этих проблем стало публичным, а решение их приобрело практический характер. В 2010–2012 гг. получил свое активное развитие проект кочевых школ для детей из числа коренных и малочисленных народов Севера. Фактически он был предложен в рамках новой концепции «образования возможностей». Как правило, семьи этих народов многодетны. Ранняя диагностика одаренности таких детей выявляет вероятность особой интеллектуальной, художественной или языковой успешности. Такие дети, имеющие высокие шансы успешно выстроить свою образовательную траекторию и реализовать свои задатки, рекомендовались к обучению в школах-интернатах поселков и городов. Детям же, одаренным в части традиционных для этих народов промыслов и видов деятельности, предоставлялась возможность обучаться непосредственно в кочевьях до 8-го класса – то есть до возраста, когда фактически основы характера и образа жизни уже сформированы. Малая кочевая школа представляет собой балок на полозьях, оснащенный блоками питания, устройством для выхода в интернет, мини-классами, компьютерами. Школа действует по принципу удаленного учебного места, которое сопровождает тьютор, работающий непосредственно с методическим центром базовой школы. Первых тьюторов готовили из числа молодых незамужних родственниц кочующей семьи на специально разработанных курсах, исходя из того, что задача тьютора – обеспечивать общее педагогическое сопровождение школьника и процесса его обу-

чения, который главным образом осуществляется дистанционно, а потому также требует навыков компьютерной грамотности. Другим педагогическим работником могла быть многодетная мать, которая в рамках дополнительного образования учила своих детей премудростям жизни и быта в тундре, умениям обрабатывать шкуры животных, шить традиционную одежду, вести хозяйство. В этой педагогической позиции была зафиксирована та особая социальная роль, которую традиционно выполняет женщина в тундре, организуя быт и передавая умения последующему поколению. Таких кочевых школ, например, в 2012 г. в одном только Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе было более десяти. Близкие по организации кочевые школы получили распространение и в Якутии, что доказывает целесообразность и эффективность такой модели образования для поддержания и воспроизводства традиционного образа жизни, промыслов и культуры народов Севера. Модель «образования возможностей» является, на наш взгляд, ответом на важнейшее сложившееся на Северах противоречие между возможностью развивать традиционную жизнь рода в тундре и обеспечивать при этом конституционное право на образование всем детям. Этот проект и сегодня нуждается в серьезной поддержке, поскольку является затратным с точки зрения материального обеспечения, но, по нашему мнению, безальтернативным, если речь идет о сохранении идентичности коренных и малочисленных народов Севера.

Представители КМНС, как и в целом нерусское население, живут во всех без исключения городах и районах Красноярского края. В более чем половине из них удельный вес национальностей не превышает 10 %, еще в 23 городах и районах данный показатель колеблется от 10 до 20 %. В г. Норильске и Казачинском районе доля нерусского населения находится на уровне 20–30 %; в Пировском, Эвенкийском и Таймырском Долгано-Ненецком муниципальных районах – в пределах 40 % [4, с. 12–13]. Из сказанного можно сделать вывод, что преобладающим на территории Красноярского края является именно межэтническое пространство урбанистического типа.

90-е гг. XX в. прошли под флагом национальной идентификации народов бывшего СССР. В Сибири это коснулось прежде всего автономных территорий с титульными нациями и народами, которые получили статус республик. Основная же территория Сибири осталась пространством межэтническим с преобладанием русского населения. Одна из существенных характеристик данного пространства – концентрация некоторых его противоречий не в политической, а в соци-

ально-экономической сфере. 2000-е гг. показали, что это прежде всего проблемы деятельности гастарбайтеров, использование их низкооплачиваемого труда в жилищном строительстве, претензии к качеству продукции или услуг, производимых представителями некоторых диаспор, и ряд других.

Определенный наплыв миграции в 2000–2010 гг. испытали и северные города, причем в этой волне количество мигрантов из бывших южных республик СССР было значительным, что отразилось и на социокультурном облике северных поселений, прежде всего Норильска и Дудинки. Так, в 2011 г. в Норильске впервые за все время резко вырос показатель материнской и младенческой смертности в связи с неинтегрированностью вновь прибывших в социальное городское пространство, а также в связи с обычаем рожать в домашних условиях без медицинского сопровождения.

Этот период привнес немало попыток экономической перестройки деятельности коренных народов. Было немало муниципальных проектов развития отдельных производств в северных поселках, придания традиционным промыслам – охоте, рыбной ловле, оленеводству – черт «цивилизованного управления». Однако, так или иначе, приходилось убеждаться, что этническая культура и строй жизни накладывает на экономическую деятельность этих народов особый отпечаток. Простое перенесение на специфическую этнокультурную почву современных российских технологий экономической жизни давало зачастую совсем не те результаты, на которые рассчитывали организаторы. Оказалось, например, что муниципальное предприятие по заготовке мяса, пушнины или дикоросов на деле стало не столько формой экономической кооперации в районе, сколько механизмом экономического и политического усиления того рода, представитель которого возглавляет это предприятие.

Сегодня очевиден тот факт, что необходимые преобразования в экономической, как и в других сферах, возможны только при глубоком изучении сложившихся в данном регионе практик с учетом грамотно проведенных форсайт-исследований, разработок моделей социально-экономического развития коренных народов циркумполярных территорий в условиях глобальных трансформаций [1, с. 161–178].

В определенной степени сказанное выше характерно в целом для Сибири и Красноярского края, экономическая проблематика которых всегда была связана с этнокультурной спецификой. В Сибири природа, особенности быта и развития хозяйства всегда способствовали «растворению» основной массы этнических переселенцев в старо-

жильческом населении территории, благодаря чему сформировалась субэтническая общность – сибиряки. В силу этой традиционной культурно-бытовой субэтнической ассимиляции сфера духовно-культурных отношений и особенностей образа жизни разных этносов Сибирь по праву считается одной из самых плодотворных этнокоммуникативных общественных площадок. Наличие даже военного межнационального конфликта на исторической родине не мешало все эти годы сибирякам – этническим выходцам из этих стран – жить в Красноярске на одной лестничной площадке. С другой стороны, без национальных подворий и этнических концертов не обходится ни один большой региональный праздник. Более того, мы имеем в крае совершенно удивительные факты экономических механизмов на базе этнокультурных сообществ. Так, в одном из городов Красноярского края – Шарыпово, возникшем при градообразующей и социализирующей роли Всесоюзной ударной комсомольской стройки КАТЭКа, сегодня градообразующую роль играют не крупные предприятия (согласно территориальному размещению они относятся к Шарыповскому району), а именно малый и средний бизнес, развитый здесь в последние десятилетия представителями национальных диаспор – молдаван, армян, азербайджанцев, других народов, когда-то приехавших сюда в составе отрядов ЦК ВЛКСМ.

Вместе с тем миграционные процессы в крае далеки от социокультурного и организационно-деятельностного программирования. Так, программа привлечения в край соотечественников из ближнего зарубежья в связи с масштабными инвестиционными проектами 2007–2012 гг., а также в связи с развитием приоритетных национальных проектов в сельской местности не дала в прошлые годы масштабных результатов. Мероприятия различных социальных программ долгое время были нацелены скорее на событийный ряд – Всероссийский фестиваль национальных культур, Дни коренных малочисленных народов мира, фестиваль «Дети одной реки» и другие форматы; при всей их важности они все же не покрывают необходимых социально-кадровых дефицитов территорий края.

Вопрос о том, есть ли в межнациональном пространстве Сибири противоречия, – вопрос не праздный. Любая развивающаяся среда априори несет в себе противоречия. Но важно осознать их характер. Нам представляется, что угрозу межнациональному пространству региона, как и другим традиционно устоявшимся социальным общностям, несет именно культурно-языковая закрытость отдельных диаспор (китайцы, корейцы, выходцы из Средней Азии без знания русско-

го языка) вкупе с их численностью, компактной «оккупацией» сегментов рынка Сибири и некоторыми другими факторами. Все это вызывает беспокойство – и не именно у русских, а у всего старожильческого многонационального населения Сибири. Мы имеем дело, как представляется, не столько с рисками межнациональных конфликтов как таковых, сколько с противоречиями между открытым межэтническим пространством Сибири и закрытыми национальными анклавами в нем. В условиях рыночной экономики это противоречие носит прежде всего экономический характер.

Все знают, как легко раскачать «национальный вопрос», поскольку этнические качества являются для людей прирожденными, а вот способ ориентации в межэтническом пространстве – вещь, сугубо благоприобретенная. Он формируется той или иной исторической традицией, ее устойчивым культурным воспроизводством и ощущением стабильности и безопасности жизни этноса, уверенного в своем будущем или, напротив, чувствующего некоторые угрозы. Во всех этих вопросах современное общество все более зависит от фактического монополиста в области информирования населения – средств массовой информации. В связи с увеличением числа этносов Красноярского края, стремлением к урбанизации и сокращением мест компактного проживания представителей различных народностей эта зависимость только возрастает. В 2010-е гг. в регионе выходило более десятка национальных газет на языках старожильческих народов, в том числе «Вестник национального согласия» Сибирского национального фонда и «Содружество» Красноярского межнационального культурного центра, газеты северных муниципальных районов. В настоящее время, в связи с падением спроса на печатные средства массовой информации особенно у молодого поколения, эти проекты переживают период переориентации. В крае работают несколько десятков русскоязычных веб-сайтов межэтнической проблематики, проводятся радиопередачи на языках народов таймырского Севера. Безусловно, существующие объемы вещания на национальных языках пока недостаточны для эффективной поддержки природно-культурной среды обитания коренного народа, а в интернете и социальных сетях пока не сложилось актуальное пространство специфических этнокоммуникаций.

Вместе с тем среда, о которой мы говорим, не может быть полноценной без сохранения и развития национального языка народа как системы, в которой этот народ описывает мир. Поэтому грантовая поддержка подобного рода научных исследований как со

стороны Президентского грантового фонда, так и со стороны региональных грантовых научных и издательских программ чрезвычайно важна. Уже восемь лет научный коллектив Сибирского федерального университета последовательно изучает социокультурное пространство сибирского Севера, результаты этих теоретических и полевых исследований легли в основу монографии «Коренные и малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края)» [1] и целого ряда других научных работ.

Сибирь – своего рода большое общежитие с нелегкими условиями проживания, где каждому приезжему рады, если он приходит с честными намерениями и готов на равных трудиться со старожилами. Ему рады, если он уважает регион, в который приехал, настолько, что знает язык большинства населения и уважает свою культуру настолько, чтобы открыто поделиться ее лучшими образцами со своими новыми соседями. Единство многообразия – вот что, в сущности, означает субэтническое понятие «сибиряк», исторически возникшее по тому же территориально-бытовому признаку, что и понятие «американец», вобравшее в себя значение территории и стиля жизни.

Представленные многочисленные аспекты межэтнического пространства Сибири доказывают, что его развитие требует в XXI в. нового программно-проектного подхода. В России еще только формируется новая целостность национальных и территориальных социально-культурных систем, ее ценностные нормативы. Это значительно усложняет механизм социализации личности в межнациональном пространстве.

Приведу в связи с этим важную, на мой взгляд, мысль исследователя креакратии П.В. Попова [3], который утверждает, что феномен современности заключен в существовании разрыва между уровнем требований к личностной компетенции индивида, предъявляемых малыми социумами, и уровнем требований, предъявляемых новой глобальной социальной системой. Проблема состоит в том, что в настоящее время уровень социокультурной компетентности большинства индивидов, будучи достаточным для малых социумов традиционной эпохи, одновременно крайне низок для функционирования в системе формирующегося глобального общества.

В России мы еще только подходим к осознанию ценностной инженерии как новой необходимой властной функции в области межэтнических отношений, функции, понятой не как авторитарная нормативная агрессия готовых образцов, а как непрерывное конструирование

ние эффективных ценностных конфигураций в рамках ценностного полицентризма различных наций и народностей.

Список литературы

1. Коренные и малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края). Ч. 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012.

2. Красноярский материк: Времена. Люди. Документы. – Красноярск: Гротеск, 1998.

3. Попов П.В. Творчество и креативность как элементы инновационного процесса // Теория креакратии. – URL: www.kreakratia.ru.

4. Этноатлас Красноярского края. – Красноярск: Платина, 2006.

Мордва в Азиатской России: миграции, массивы, трансформации

Коровушкин Дмитрий Георгиевич

доктор исторических наук, профессор Сибирского университета
потребительской кооперации (СибУПК),
президент Научно-исследовательского фонда «Наследие Сибири»

г. Новосибирск

Щанкина Любовь Николаевна

доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых
дисциплин Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова

г. Москва

На территории Азиатской России – Сибири в ее традиционном понимании – издавна живут представители различных народов и культур, вступая друг с другом в разнообразные контакты «по разным поводам, в различных сферах и в многообразных формах, видах и способах». Столетия исторического развития Сибири в составе России являют нам картины то неспешного течения, то стремительного потока, несущего кардинальные изменения. Одним из примеров являются аграрные переселения конца XIX – начала XX в., во многом сформировавшие облик современной Сибири. В результате на ее тер-

ритории проживают представители более 100 этносов. Согласно материалам переписей населения, самыми многочисленными неавтохтонными группами являются русские, украинцы, белорусы, мордва, татары, немцы, чувашаи, поляки, евреи, эстонцы, латыши, эзыряне. Для Западной Сибири, ставшей первым и основным макрорегионом водворения аграрных переселенцев, свойственно заселение и проживание мордвы с представителями различных этносов, зачастую череполосно, что способствовало интенсивности их взаимных контактов. Если в прошлом для многих народов совместные поселения были редкостью, то сегодня, наоборот, довольно трудно отыскать селения, где этносы полностью однородные по национальному составу. Часто в одном населенном пункте живут представители сразу многих национальностей.

Мордовское население в азиатскую часть России переселялось из районов, ныне входящих в современные республики Мордовия, Татарстан и Башкортостан, Самарскую, Оренбургскую, Пензенскую области.

Следует отметить, что миграционные процессы в жизни мордовского этноса, приведшие к дисперсности его расселения, имеют давнюю и длительную историю. По мнению В.А. Тишкова, «переселение мордовского народа особенно в годы советской власти привело к дисперсности его расселения. Массовые миграции населения были связаны с происходящей в стране индустриализацией, коллективизацией, войной и послевоенным восстановлением экономики Российского государства, освоением целинных и залежных земель, развитием новых промышленных центров и т. д.».

В Европейской России к середине XIX в. сформировались три основных района расселения мордвы: 1) коренной район обитания, с общей численностью 307–330 тыс. человек, то есть около 50 % от общего количества мордвы; 2) Пензенско-Саратовский край с мордовским населением в 151 тыс. человек (около 22 %); 3) Заволжье и Приуралье, где проживало в конце 1850-х гг. 186 тыс. человек, то есть около 27 % от всего мордовского населения страны. В пределах Азиатской России перед реформой 1861 г. проживало незначительное количество мордвы – всего около 2 тыс. человек, или 0,2 %. Этнограф В.И. Козлов отмечал, что «до отмены крепостного права в 1861 г. мордва мало участвовала в переселенческом движении в Сибирь. К этому времени лишь незначительные по численности группы проживали в Томской губернии (около 1 тыс. человек). Основная же масса мордвы обосновалась в этом регионе, вероятно, после 1852 г., ко-

гда было разрешено официальное переселение в Томскую губернию». Так, в списке населенных мест за 1859 г. в Енисейской губернии мордовское население отмечено в 33 поселениях (5 – в Ачинском округе, 27 – Минусинском, 1 – в Енисейском округе), в г. Красноярске (10 мужчин, 8 женщин), г. Минусинске (соответственно 16 и 11), г. Енисейске (6 и 8) и г. Канске (1 и 1). Общая численность мордовского народа в Енисейской губернии составила примерно 3 тыс. человек.

На первых порах Сибирь со своим суровым климатом, малым количеством осадков не могла привлечь большинство переселенцев на переезд. Тем не менее со временем, когда удобные для переселения земли были исчерпаны, переселенцы стали заселять участки степи и приступили к освоению тайги. Важную роль в освоении сибирских просторов играла Транссибирская железнодорожная магистраль, ставшая главной осью массового оседания переселенцев. С ее строительством начали осваиваться степные пространства, расположенные к югу от железной дороги. Общая численность населения к 1897 г. на территории только Среднего Прииртышья насчитывала уже около 517,5 тыс. человек, из которых 90,6 % проживали в сельской местности.

Если до 1890-х гг. XIX в. ввиду отсутствия выхода на внешние (относительно Сибири) рынки сбыта сибирские крестьяне не могли продавать свою продукцию и из-за неимения денег оставались недоимщиками, то в 1890-е гг. положение коренным образом изменилось. Тысячи местных крестьян привлекались к сооружению дороги, получая за свою работу, как теперь говорят, живые деньги. Прибывающие переселенцы привозили с собой какие-то суммы денег и получали от государства пособия на обустройство и продовольствие. Так, при переселении в Кыштовскую волость (Кыштовский район современной Новосибирской области) государство выдавало каждой семье в 1903 г. по 14 руб. 50 коп. Приблизительные подсчеты показывают, что только осевшие за 20 лет в Омском Прииртышье 100 тыс. семей переселенцев (в том числе мордовцев) привезли с собой около 10 млн рублей, примерно столько же им было выплачено ссуд и пособий. Также значительные суммы крестьяне получили за эти годы от продажи хлеба, масла, мяса. Из-за поступления в местный оборот больших сумм ускорилось развитие товарно-денежных отношений в сибирском крае.

Заметный вклад в правительственную политику переселения и землеустройства внес образованный в 1893 г. Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД), огромную роль в деятельности которого

сыграл управляющий делами комитета А.Н. Куломзин. Из опубликованных материалов известно, что до 1890-х гг. переселенцы чаще селились среди старожилов, а с началом строительства Транссиба стали осваивать переселенческие участки. Так, А.А. Кауфман в 1894 г. провел обследование хозяйственного положения переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. По его сведениям, из Мордовии в Томскую губернию переселилось 104 семьи, из них 81 семья (79,4 %) – безлошадные и однолошадные. В пос. Островский, Воскресенский и Наумовский крестьянская беднота среди переселенцев составляла соответственно 80,6, 83,3 и 90,0 %. Он также отмечал, что с наименьшими средствами прибывали бедняки из Пензенской и Симбирской губерний. Данные об имущественном положении свидетельствуют о преобладании бедноты среди переселенцев. По материалам обследования, проведенного в 1895–1896 гг., около 84 % семей либо не имели жилых домов, либо оценили свои постройки менее чем на 100 руб.

В переселенческом движении мордовского народа на территорию Западной Сибири можно выделить три периода: 1) 1861–1917 гг. (пореформенный период); 2) 1920–1930 гг. (индустриализация, коллективизация); 3) 1950-е гг. – активное образование промышленно развивавшихся городов, освоение целинных и залежных земель.

После реформы 1861 г. (отмены крепостного права) наблюдается увеличение количества переселенцев на территории Сибири. К примеру, только в пределах современной Омской области с 1857 по 1868 г. общая численность населения возросла на 120 % (со 161 до 207,9 тыс. человек). В 1862 г. на Урал и в Сибирь переселились 39 семей из Краснослободского уезда; в 1863, 1868 и 1888 гг. – около 200 семей из Саранского; в 1889–1891 гг. – 140 семей из Инсарского, Спасского и Темниковского уездов мордовского края. По неполным данным, в 1861–1914 гг. из Мордовии выехало около 200 тыс. человек. Зачастую, не имея возможности легального переселения, мордва передвигалась самовольно вплоть до середины 90-х гг. XIX в. Действительные же размеры миграции народов из Мордовии были значительней, нежели показывала официальная статистика, так как ею не учитывалось количество самовольных переселенцев и ходоков, которые не возвращались на родину, подыскав себе подходящую землю для проживания.

Следует также отметить, что именно Томская губерния после реформы 1861 г. стала основным местом оседания переселенцев, так как на данной территории были удобные места для ведения сельского

хозяйства и благоприятные природные условия для проживания. До 1859 г. указанная губерния заселялась слабо. Так, под пашней находилось всего 0,95 % территории Томской губернии, а средняя плотность населения на то время составила 0,8 чел. на 1 км². К 1897 г. ситуация изменилась. Численность жителей Томской губернии выросла почти в три раза в немалой степени за счет переселенцев. Наиболее благоприятным местом для проживания считался Барнаульский округ. С 60-х гг. XIX в. в Притомье активно начали проникать переселенцы из мордовского края. Численность мордовского населения в 1897 г. в Томской губернии достигла 14,7 тыс. человек. Судя по местам выхода, состав переселенцев был крайне разнообразным. Например, в Верхотомской волости Томского уезда в 1888 г. переселенцы жили в 36 селениях. Большинство из них выехало из Пермской, Тобольской и Нижегородской губерний (в последней значительным по численности было мордовское население). Согласно переписи 1897 г., в Азиатской России было зафиксировано 1400 тыс. выходцев 50 губерний Европейской России. В это время из Пензенской губернии переселилось – 56,5 тыс. человек, Тамбовской – 93 тыс. человек, Саратовской – 43 тыс. человек, Самарской – 80 тыс. человек. Население губернии в 1897 г. достигло 570,2 тыс. человек, к 1914 г. оно выросло до 1119,2 тыс. жителей. К примеру, согласно архивным данным Кыштовского краеведческого музея Новосибирской области, в 1897 г. в с. Верх-Кулябинское Кыштовской волости проживали представители разных национальностей. Мордвы здесь числилось 304 человек, из них 154 мужского пола и 150 – женского.

Рассмотрим динамику численности и размещения мордовского населения Западной Сибири, основываясь на материалах всеобщих переписей населения. Первая всеобъемлющая перепись населения была проведена в 1897 г. (до этого основой учета населения являлись ревизии), дальнейшие переписи проводились в 1926, 1939, 1959, 1970, 1989, 2002 гг., а последняя в 2010 г.

Согласно опубликованным материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., мордовское население, рассеянное по 22 губерниям Российской империи, насчитывало 1 023 841 тыс. человек. Мордовские переселенцы в Сибири селились главным образом в Томской, Енисейской, Тобольской, Иркутской губерниях. Наибольшее количество мордовского населения в 1897 г. первая всеобщая перепись зафиксировала в Барнаульском, Бийском, Змеиногорском, Кузнецком, Мариинском, Томском округах Томской губернии, Минусинском округе Енисейской, Тюкалинском и Ишим-

ском округах Тобольской губернии. Таким образом, только в указанных четырех губерниях сибирского региона числилось 20 223 человек мордовской национальности, или 0,4 %.

Следует отметить, что в конце XIX в. большинство мордовского населения в сибирском регионе было зарегистрировано в сельской местности. Во всех указанных губерниях Азиатской России среди населения мордовской национальности численность мужского пола была выше, чем женского. Существенным являлось преобладание мужчин мордовской национальности в Иркутской и Тобольской губерниях. К примеру, на 100 мужчин-мордвы в Иркутской губернии женщин приходилось 14,8, а в Тобольской – 89,4. Эта особенность для означенного периода вполне объяснима источниками формирования мордовских локальных групп в этих губерниях: если Тобольскую губернию (и всю Западную Сибирь) уже накрыла волна аграрных переселений, то Иркутская губерния (и Восточная Сибирь в целом) все еще находилась во власти традиционного «каторжного» тренда.

Что касается городского населения мордовской национальности, то здесь, наоборот, зафиксировано преобладание женского населения над мужским. На 100 человек мужчин мордовской национальности в целом по губерниям Сибири приходилось женщин-мордовок 102,1. В Томской губернии зарегистрировано большее количество женщин, нежели мужчин, здесь на 100 человек мужского пола приходилось женщин 108,1. В других губерниях численность мордовских мужчин была выше численности женщин-мордовок.

В 1920-е гг. повсеместно в западносибирском регионе имелась тенденция к быстрому росту населения мордовской национальности. Главная причина переселения большого числа сельских жителей мордовского края состояла в аграрном перенаселении еще до Октябрьской революции. Основной поток мордовских переселенцев пришелся на 1921–1922 гг. По нашему мнению, это явилось следствием «качественного по инерции» переселенческого процесса, организованного в рамках многолетней деятельности бывшего Переселенческого управления Министерства внутренних дел Российской империи.

Большинство переселенцев являлись выходцами из левобережных районов Поволжья. По сведениям В.И. Козлова, «мордва все чаще, минуя районы Западной Сибири, устремлялась дальше на восток. Если общая численность мордвы в границах бывшей Томской губернии с 1920 по 1926 г. возросла с 41 до 81 тыс. человек (то есть в 2 раза), то ее численность, к примеру, в границах Енисейской губернии увеличилась за это же время с 5 до 14 тыс.

человек (то есть почти в 3 раза)». В 1927 г. в городах Мордовии проживало 60,2 тыс. жителей, в 1939 г. – 82,4 тыс. Таким образом, численность городского населения в течение 13 лет выросла всего на 22,2 тыс. человек. Это было связано с отсутствием в городах Мордовии развитой промышленности, что приводило к недостатку свободных мест, поэтому многие сельские жители вынуждены были мигрировать дальше, за пределы Мордовии.

В связи с созданием при ЦИК СНК специального Центрального колониционного комитета (с 1926 г. – переселенческого) миграционные процессы в Сибирь возобновились, так как желающим переселенцам выделялась земля и оказывалась различная помощь. По статистическим данным В.И. Козлова, с 1926 по 1939 г. население в Сибири и на Дальнем Востоке увеличилось в 3 с лишним раза. Так, по переписи 1926 г. в указанных регионах проживало 11,9 млн жителей всех национальностей. В миграционном процессе участвовали и представители мордовского этноса Поволжья. К примеру, в 1925–1926 гг. из Пензенской губернии на территорию Сибири выехало 60 семей (295 человек) мордовской национальности.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Сибири числились 107 794 человек мордовской национальности. По сравнению с 1897 г. численность представителей мордовского этноса здесь резко увеличилась. Больше всего мордвы было зафиксировано в Барнаульском округе (25 059 человек), а наименьшее – в Тулунском округе (536 человек). Следует отметить, что в сельской местности проживала большая часть мордовских переселенцев, и практически одинаковой была численность мужского и женского населения. В этот межпереписной период основные причины переселения были связаны с освоением природных богатств, прежде всего полезных ископаемых. Необходимо также отметить, что большую роль сыграл и естественный прирост населения.

Эту сложившуюся на добровольной основе структуру резко нарушила индустриализация, кардинально перекроившая экономику и размещение населения. Свой вклад внесли переселения раскулаченных, ГУЛАГовское «освоение» Сибири, депортации «виноватых». Новая страшная встряска была связана с Великой Отечественной войной: призыв представителей всех народов в войска, потери военные и тыловые, хлынувшие эвакуированные и «провинившиеся». Из полутысячи эвакуированных предприятий пятая часть была размещена в Средней Сибири. Помимо оборудования, эшелоны везли десятки тысяч работников предприятий и членов их семей.

В послевоенные годы жизнь в стране постепенно начала улучшаться: резко возросла рождаемость населения в связи с восстановлением брачных связей, когда вернулись фронтовики из армии. В то же время наблюдалась тенденция сокращения смертности благодаря некоторому улучшению условий в здравоохранении и росту материального благосостояния населения.

На середину XX в. пришла очередная волна массовых переселений, связанная со стройкой новых шахт, электростанций, предприятий легкой и тяжелой промышленности, началом освоения целинных и залежных земель и т. д. Особенностью этого периода стало отсутствие «этнической» привязки миграционных потоков: они стали более индивидуальными в своей основе, максимум, что проявлялось – это локально обусловленные перемещения сформированных частей трудовых коллективов на новые стройки и объекты тяжелой индустрии.

Анализ данных первой послевоенной переписи населения 1959 г. показывает, что численность мордовского населения в Сибирском регионе увеличилась. Видно, что этот межпереписной период (после проведения ВПН 1937/1939) отличается увеличением доли женского населения как в сельской, так и в городской местности, что вполне укладывается в рамки последствий широкомасштабной мировой войны с ее чудовищными людскими потерями.

Наибольшее количество представителей мордовского этноса зарегистрировано в Кемеровской области (26 861 человек), а наименьшее – в Хакаской АССР (3933 человек). Численность мужского населения на территории сибирского региона была ниже, чем женского. Это было связано с тем, что у женского населения средняя продолжительность жизни была больше, у мужского населения зафиксирован более высокий уровень смертности. Кроме того, численность мужчин напрямую зависела и от их убыли в годы Великой Отечественной войны.

Данные переписей 1970–2002 гг. показывают, что численность мордовского населения в Сибири заметно начала снижаться. Главная причина заключалась в том, что здесь постепенно начали сокращать промышленное строительство, и некоторая часть мордовских переселенцев мигрировала в иные регионы России. Кроме того, процесс снижения численности был связан с частичной ассимиляцией мордвы, а также при получении паспорта выбором молодыми людьми из национально-смешанных семей русской национальности.

Из этих данных явствует, что представители мордовского народа в Сибири в это время в основном проживали в городской ме-

стности. Это было связано с переездом мордвы из сельской местности в крупные промышленные города, а также на строительство предприятий народного хозяйства и т. д. Продолжающиеся миграции молодых людей из сел – это глобальная проблема современности не только в Западной Сибири. Данная тенденция характерна для всей территории Российской Федерации, что приводит к значительным изменениям в сфере материальной, духовной культуры и социальной жизни этносов.

По данным переписи 2010 г., общая численность мордовского этноса составила 744 237 человек, указавших свою национальность (0,54 % удельного веса). В границах Республики Мордовия проживает 333 112 человек мордовской национальности. Мордвы-мокши было зарегистрировано 4767 человек, мордвы-эрзи – 57 008 человек. Численность мордовского народа в Алтайском крае составила 2976 человек, Иркутской области – 2128 человек, Кемеровской области – 3932 человек, Красноярском крае – 4295 человек, Тюменской области – 7444 человек, Республике Хакасия – 1124 человек.

По итогам переписи 2010 г. зафиксировано, что для большинства национальностей, проживающих в Российской Федерации, за период с 2002 по 2010 г. произошло уменьшение доли населения, владеющего национальным языком. Перепись населения 2010 г. показала, что среди мордовского населения владеют родным языком 392 941 человек, что главным образом связано с уменьшением количества мордовского народа и общей тенденцией к демографическому спаду. Основные причины уменьшения численности: экономические трудности, проблема с жильем, изменение внутрисемейного отношения к семье. Другой причиной снижения численности мордвы является этническая ассимиляция. В XXI в. как у мордовского народа, так и у других этносов наблюдается тенденция к ассимиляции. Главная причина – постепенная урбанизация и рост крупных городов, которые приводят к замене мордовского языка русским, и как следствие – к сокращению официальной численности мордвы. Большим изменениям этнического самосознания, как известно, подвержены дисперсно расселенные группы.

Постсоветский этап истории Сибири как части российской истории характеризуется теми же особенностями, которые в полной мере можно признать универсальными для всей Азиатской России:

- общий отток населения и миграции из села в город;
- тотальное сокращение числа сельских населенных пунктов и их измельчание;

- информационная и культурная глобализация в основном российского еще уровня;
- всеобъемлющая утрата позиций национальных языков с замещением их на русский во всех сферах функционирования.

Итогом стала повсеместная тенденция к смене этнического самосознания, несколько замедленная формально лишь в среде коренных малочисленных народов Севера (благо закон дает некоторые преференции их представителям) либо в субъектах с преобладанием титульного этноса.

Современные тенденции этнического развития мордовцев в Сибири в целом (и Средней Сибири в том числе) отражены в универсальных результатах постсоветских всеобщих переписей населения России 2002 и 2010 гг. Обращает на себя внимание снижение в общей численности доли некоторых этнических групп, ранее выделявшихся удельной величиной (и мордовцев в их числе). При этом, если сокращение численности сибирских немцев обусловлено в том числе и их эмиграцией в Германию, то для всех остальных это сокращение (нередко многократное) – лишь следствие исключения обозначения национальности гражданина в паспорте и смены им официальной этнической самоидентификации.

Образовательная миграция из Таджикистана в Россию как ресурс формирования трансграничного общества

Погодаев Николай Петрович

кандидат исторических наук, доцент философского факультета
Национального исследовательского Томского государственного университета

г. Томск

Институализированные миграционные потоки из Таджикистана в Россию ведут к формированию трансграничного общества¹. Последнее формируется не просто в процессе взаимодействия двух стран, а в процессе «разделения» индивидом себя между *homeland* и *hostland* – страной происхождения и страной проживания. Родина все еще живет во многих культурных стереотипах и ностальгических

¹ То же самое, конечно, можно сказать и по поводу взаимодействия России с Узбекистаном и Киргизией.

воспоминаниях индивида, а принимающая страна требует больших усилий для интеграции в новое общество [1].

Капитал от российской alma mater

Активными агентами трансграничного общества являются студенты из Таджикистана, оканчивающие российские вузы. Alumni («питомцы» по-латыни) университетов претендуют на обладание не только культурным капиталом в виде знаний, но и символическим капиталом в виде дипломов. Понятие «символический капитал», введенное в социологический тезаурус французским социологом Пьером Бурдьё, позволяет выделить внеэкономическую составляющую взаимодействия индивидов и социальных групп. Объяснению этого понятия посвящен одноименный раздел в его работе «Практический смысл» [2, с. 96–104]. Анализируя феномен символического капитала на примере отношений среди крестьян в различных сферах жизнедеятельности – от возделывания земли и покупки скота до заключения браков, Бурдьё показывает, как эта внеэкономическая составляющая не только облегчает процессы социального обмена, но и ведет к приращению материального капитала. «Материальный капитал конвертируется в капитал символический, – пишет он, – а тот, в свою очередь, подлежит конвертации в капитал материальный» [2, с. 101]. Критикуя «экономизм», Бурдьё анализирует общественные отношения с точки зрения «социальной физики», которая, подобно физике как таковой, раскрывает механизмы, лежащие в основе жизни общества. Символический капитал создается немалыми усилиями индивида или социальной группы для того, чтобы в дальнейшем увеличивать уже не символический, а вполне реальный финансовый или экономический ресурс агента. «Зная, что символический капитал – это кредит, но только в самом широком значении слова, то есть своего рода аванс, задаток, ссуда, которые одна лишь вера всей группы может предоставить давшему ей материально-символические гарантии, легко понять, что демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу» [2, с. 102].

Понятие «символического капитала» в качестве аналитического инструмента используется П. Бурдьё и в других его работах. Так, в «Социологии социального пространства» [3] автор пишет, что «логика официальной номинации видна как никогда хорошо на примере звания – дворянского, ученого, профессионального, т. е. символиче-

ского капитала, гарантированного юридически. <...> Профессиональное или ученое звание – это определенного рода юридическое правило социальной перцепции, воспринимаемое бытие, гарантированное как право. Это институционализированный и законный (а не просто легитимный) символический капитал, все более и более неотделимый от ученого звания, поскольку система образования стремится все более и более предоставлять дальнейшие и верные гарантии для всех профессиональных званий. Символический капитал обладает также самооценностью... получая всю возможную символическую прибыль (и блага, которые не продаются за деньги)» [3, с. 30].

Трансграничное общество в процессе своего развития и функционирования также с неизбежностью включает «символический капитал» в круг своих ресурсов. Университетские дипломы, получаемые выходцами из Таджикистана в России, являются одной из его разновидностей.

Полоса препятствий в языковом пространстве и оптика культурной дистанции

По данным Минобрнауки, в 2014 г. в российских вузах учились 8777 студентов из Таджикистана, в 2015-м – 11 731 [4]. В 2016 г., по словам российского посла в Таджикистане Игоря Лякина-Фролова, в российских университетах училось более 20 тысяч выходцев из Таджикистана [5]. Выбор студентов объясняется тем, что в обмен на затрачиваемые ресурсы (материальные, физические, моральные) они хотят получить диплом, который гарантирует им более качественные знания и который обеспечит им более высокие позиции на рынке труда, нежели диплом таджикского университета. Но путь к обретению этого символического ресурса тернист. Об этом свидетельствуют материалы интервью с таджикскими студентами, которые учились и учатся в университетах Томска и других городов Сибири. Материалы интервью цитируются с сохранением лексических и грамматических особенностей речи респондентов. Особенности речи в ряде случаев выделены в тексте жирным шрифтом и подчеркиванием. Это дает возможность показать степень владения русским языком и теми, кто недавно приехал учиться в Россию, и теми, кто уже прожил здесь определенное время. *«Так как у нас преподавателей... на русском языке мало кто преподает сейчас. Так как они уехали. Вот. Приехали в Россию, чтобы тоже зарабатывать, так как там (в Таджикистане. – Н.П.) зарплаты маленькие. Поэтому... можно сказать, что не по профессии они преподают, люди, которые просто, ну знают не-*

множко русский язык, они преподают. Поэтому я плохо училась в школе, но как бы... оценка отличная, но на самом деле я плохо знала русский язык. Я понимала, но... трудно было разговаривать, и сказать свои там... рассказать что-то, если хотела. Вот. А приехала в Россию, и среди русских живу, и начала разговаривать» [6]. «...тут высококвалифицированные преподаватели, очень хорошие. Вот. Вот из-за этого, мне кажется. Специалистов тут много (больше. – Н.П.), чем у нас, у нас там маловато. Ну, по моему мнению» [7]. Не скрывали студенты в интервью и некоторых особенностей организации учебного процесса у себя на родине: «Ну, разница в том, что... там берут взятки! Они требуют прямо! А здесь требуют знания! Вот. Поэтому мне не нравилось там учиться» [6].

Банком символического капитала в виде диплома выступает государство [3, с. 240–241]. Именно ему принадлежит право контроля за качеством обучения. Качество владения иностранцами русским языком в России определяется утвержденными государством тестами [8]. Процесс освоения русского языка как ключевого условия получения выходцами из Центральной Азии образования в России, лежит в лоне систем образования обеих стран: их размежевания в условиях постсоветского развития и поиска путей нового взаимодействия. Представление о трудностях изучения русского языка таджиками дает нарративное интервью с магистрантом, приехавшим из Таджикистана в один из томских университетов для совершенствования владения русским языком [9]. Этот предмет он начал учить в таджикской школе в конце 90-х, когда там уже не было ни одного носителя русского языка. Несмотря на это, окончив школу, молодой человек решил стать преподавателем русского языка и с этой целью поступил на факультет русского языка и литературы в один из провинциальных университетов Таджикистана. Там среди преподавателей тоже не было русских. Только, говорит респондент, «когда мы были в четыре курс... на четвертом курсе, ну была одна, да, русская женщина. Но у нее профессия, ну, можно сказать только училище. Образование у нее... не высшее образование. ...Вела предмет (предмет. – Н.П.) по фразеологизм... еще методика преподавания русского языка. <...> Из-за нехватка кадров, тем более русские... с кафедрой русского языка и литературы может ее принял».

Преподавание в вузе велось в основном на русском языке. Исключение составляли лишь предметы, касавшиеся непосредственно Таджикистана: история страны и родной язык. Из двадцати пяти студентов группы до выпуска дошли восемнадцать. По завершении бака-

лавриата он и его сокурсники не писали выпускную квалификационную работу, а лишь сдавали госэкзамены по педагогике, психологии, русскому языку и русской литературе. По оценке самого респондента, уровень знания русского языка после окончания бакалавриата в таджикском университете был невысок: *«Когда я закончил, я не очень хорошо учил русский язык, да, владел русский язык – то, что я хотел (так, как я бы хотел. – Н.П.). После университета работал учителем: «...работал в школе три года. Обычно я работал там в младших школе сначала, потом в высшим... эээ... старшим. В школе два ставка было у меня: первый – русский язык я преподавал, и второй у меня этот... как можно сказать, заместитель директора по часть обучать... да, завуч».*

Человек, проработавший три года не только учителем, но завучем в провинциальной таджикской школе, конечно же, хорошо знает систему преподавания там русского языка: *«Обычно завуч составляет всю программу в школе. Я могу сказать, русский язык как второй язык в Таджикистане в нэдэли три раза преподается в школе. Со второго класса начинается... по одиннадцатый, как второй государственный язык».* Более того, говорит респондент, преподавание русского языка улучшается: *«Количество часы они допольняют... собираются... допольнить это количество часы, во-первых, во-вторых... они хотят создать... параллельные группы – именно русские группы... Мы создали в том числе «Дэн русского языка»... в этот ден мы польно говорим по-русски – преподаватели, ученики, все».* Работа завучем была связана с организацией учебного процесса на родном языке, что у моего собеседника, по его словам, хорошо получалось. Он очень быстро получил звание учителя первой категории. Но для освоения русского языка решил ехать в Россию: *«... причина в том, что у меня проблема с русским языком. Я хочу узнать и овладеть русский язык и совершенствоваться в его знании. Для меня трудно это, действительно трудно... Но возврат нече (возврата нет. – Н.П.)».* Появилась возможность сравнить содержание подготовки по русскому языку на родине и в России: *«Ну, обычно то, что мы там учили, здесь нет. Те предметы, которые я здесь училь, там не было. Лингвокультурология, ну, риторика. У меня не было никаких информаций об етим. И риторика здесь и культура речи тоже здесь... Никаких из них там я не учил... Там элементарные вещи, можно сказать, в бакалавриате учатся. А здесь, ну, боле сложное. То, что мы учили дополнительно занятий, то есть русский язык для иностранцев... мне нравится это. Программа очень прекрасна, но жаль, что*

эта была мала». То есть больше всего ему понравился курс по русскому языку, как иностранному. Это именно то, говорит, что его интересует: «То, что я хотел в Таджикистана, видел на этом программа было (в программе РКИ. – Н.П.). ...Падежи изучили, рассказ, ну, как можно рассказать – развитие речи, ну, части речи, изучили части речи».

Парадоксальным выглядит его признание по поводу затруднений в освоении разговорной лексики в Томске: *«Потому что мы не разговариваем по-русски – здесь даже. Когда есть занятия, ну только в занятии. Магистерский занятий, ну, мало... в неделю два дня – некоторые три пара, некоторые два». Его огорчает отсутствие возможности совершенствовать язык, живя с его носителями в одной комнате: «В общежитии вместе с таджиками – вместе живем. ...У меня не письменный заявление, но устный заявление было у меня, когда я приехал сюда, заведующей общежития, что нас заселяй, пожалуйста, с русскими, чтобы мы... эээ... мы приехали сюда учить русский язык. Но, к сожалению, я... не знаю, почему нас не заселил с русским – все таджики или, ну, иногда туркмены или узбеки. Я против этого. Я даже в деканате этого сказал, что вы не прав. Мы приехали учить русский язык в русской пространстве. Но обычно вы создавали нас таджикский пространство». Ряд обстоятельств, как говорит, препятствует и тому, чтобы общаться с русскими вне стен кампуса: «У нас нет времени, чтобы с ним говорить или с ним пойти куда-нибудь. Русские обычно всегда гуляют, а у нас нет (времени. – Н.П.). Если мы пойти на прогулку или что типа того, на другие месте или что, или с ним играть в какой-то игры с русским, ну у нас занятия, надо готовиться к занятий – сдать все, экзамен или зачет... Мы пишем свою научную работу, какой-то задание, другие задачи».*

Оптика трансграничного пространства рассматривает обучение в университете не только как систему передачи знаний, но и как коммуникацию между студентами и преподавателями, выделяя особенности педагогических паттернов двух культур. В томском университете, говорит респондент, *«...удивил только отношение преподавателей со студентами, все. ...Их отношение со студентом – не только с иностранцем, но и с родным студентом – очень отличные, можно сказать. Близкие отношения, они пытаются, чтобы действительно выполнять они свои профессии, педагогические задачи. Они тщательно работают со студентом». В отличие от таджикского университета, где «студент не свободно сможет задать свои вопросы преподавателю. ...У них нет близких отношений с преподавателем.*

...Статус преподавателя совсем в другой части, а студента – в другом. (А в Томске. – Н.П.) студен свободный, он то, что хочет сказать и задать вопрос, то, что хочет спросить у преподавателя – свободно сможет спросить». Более жесткая регламентация внутри-университетской жизни таджикских университетов проявляется, говорит, в существовании обязательной формы для юношей: темный костюм с галстуком и белая рубашка. Для девушек форму ввели позже, но теперь есть определенные требования по одежде и для них.

Среди деталей повседневного быта отмечает то, в чем ходят студентки в томском общежитии, чем это отличается от Таджикистана: *«...здесь абсолютно по-другому. Ну, они обычно... ну, как сказать... (долгая пауза) ну, белье... как можно сказать... (снова долгая пауза) об этом мне трудно будет сказать... они ходят в общежитии более неодетые, можно сказать, а у нас одетые». Но это как элемент свободы в целом, которую он не раз отмечал в ходе разговора: «свобода слов, свобода применения одежды, свобода учеба, конечно. В общем, везде можно встретить свободу. Студент или человек может... или имеет право выразить свое мнение». Иную природу отношений в Таджикистане объясняет тем, что «с точки зрения культура нас так воспитывают, во-первых, ...есть такое выражение «Пред взрослыми людьми младших нельзя говорить». Так нас воспитывают. А потом – у нас нет свободный пресс, свободное слово, когда мы говорим, в одну сторону (с одной стороны. – Н.П.). В другой – закон у нас не позволяет, чтоб мы будем свободны. А тот, кто пытается говорить свободно (здесь респондент даже рассмеялся) конечно, ясно что будет – ответит перед законом, ответит перед сотрудником... ну, как можно сказать... касающийся орган, перед касающийся орган (перед карающими органами. – Н.П.)».*

Есть и строгий регламент по поводу использования сотовых телефонов в университете: *«...использование мобильный телефон у нас абсолютно запрещено ...если во время занятия вы используете телефон – разговор... ну, первый раз... объяснение от вас требуют, а второй раз, все, автоматически исключают».*

Темпорально-топологические характеристики символического капитала

Диплом российского университета может иметь разный вес в пространствах отдающего и принимающего обществ. В России выходец из Таджикистана, получивший диплом российского университета, конкурирует на рынке труда с российскими носителями этого

символического капитала. Результаты этой конкуренции неоднозначны: талантливый потомок персов и саманидов вполне может ее и выиграть. Но ему, вероятно, придется приложить больше усилий для доказательства своих профессиональных компетенций, так как на первых порах его background может уступать позициям коренных представителей принимающего общества. Об этом в интервью рассказывал один из руководителей таджикской диаспоры в Красноярске, окончивший российский вуз: «...здесь, вот, в нашем крае вот такая проблема, что иностранные студенты, которые заканчивают, сложно их... эээээээ... по поводу... ээээ... В дальнейшем работать здесь. Потому что не берут таких, не каждого берут, и не каждый может по профессии работать. Это очень большая головной бол для нас тоже, для молодежь, потому что мы сколько лет учились здесь, заканчивали, да, мы не можем здесь по диплому работать уже» [10]. Примерно о тех же проблемах говорит и респондент из Томска: «У меня племянник закончил (называет один из томских университетов. – Н.П.) И в ходе практики он работал на одной предприятии по сборку... э... плат в Академгородке. И там, в принципе, постепенно он стал успешным. Вот... а ему хотелось... не остановиться на достигнутом... Ну, и находит другую работу, там испытательный срок. На испытательном сроке он показывает себя... достаточно хорошо. А... напарник отстает от него... и в результате потом руководитель говорит, что ты не прошел испытательный срока, мы, мол, тебя не берем. А была причина именно в зависти и то, что он нерусский, а хотя он хороший специалист» [11]. Подобную ситуацию подтверждают и представители административных структур принимающего общества: «В ИТР им попасть очень сложно – в категорию ИТР – инженерно-технических работников. Потому что у нас есть свой, что называется, здесь контингент и работодатель, вот опять-таки... ну есть же какие-то там предрассудки, наверное, определенные, традиции уже. Ну, наверное, он предпочтительно возьмет местного – именно из соображений предсказуемости. Не из фашистских каких-то там или шовинистических этих, а вот предсказуемости» [12].

Что касается отдающего общества, то на том поле таджики – выпускники российских университетов конкурируют с обладателями дипломов таджикских вузов: «А на родине российский диплом очень такие авторитетные и везде все берут их на работе» [10]. «В прошлом году я прочитал объявление в мерии в самом Душанбе. Мерия принимает... подала объявление... принимает на работу молодежь...

выпускников российских вузов» [11]. Очевидно, что распространенность подобной точки зрения в общественном мнении Таджикистана и является одним из основных стимулов молодежи из Таджикистана ехать на учебу в Россию.

Символический капитал российского диплома, полученного выходцем из Таджикистана, может рассматриваться с темпорально-топологической точки зрения. С темпоральной (временной) точки зрения речь идет о том, что значение диплома имеет вполне реальный шанс сохраняться на протяжении всей жизни индивида. «Звание само по себе, – пишет Бурдьё, – институция более прочная, чем внутренние характеристики труда. Вознаграждение за звание может сохраняться, несмотря на изменения в труде и его относительной ценности: не относительная ценность труда определяет ценность имени, но институционализированная ценность звания служит средством, позволяющим защитить и сохранить ценность труда» [3, с. 31]. Для таджиков в России пролонгированный характер символического капитала диплома российского университета связан с тем, что номинация «выпускника российского университета» легитимизирует дальнейшее пребывание в России, выход на российский рынок труда и процесс дальнейшей социализации в принимающем обществе. Последнее связано с вхождением в более высокие социально-профессиональные слои «специалистов с высшим образованием» и возможностями последующей карьеры. С топологической точки зрения (с точки зрения места обучения) диплом российского университета означает, в частности, знакомство индивида с условиями того региона России, где он учился, с культурой местного населения, с условиями на местном рынке труда, включенность в местную национальную диаспору и т. п. Важно не просто знание языка, но и тех культурных локаций, где живет и учится человек.

Новые русские азиаты

Закладывая свою относительно зыбкую основу в первом поколении мигрантов, трансграничное общество получит свое реальное воплощение в последующих поколениях «новых русских азиатов» – интегрированных в российское общество выходцев из Центральной Азии. Институализация этого феномена произойдет через соответствующие «стратегии воспроизводства», о которых говорит П. Бурдьё [3, с. 102]. Среди них – стратегия матримониального и репродуктивного поведения, а также образовательные стратегии. К особенностям матримониального поведения можно отнести смешанные браки части

мужчин-таджиков с представительницами иных этносов из состава принимающего общества. Прежде всего, это может касаться тех, кто, окончив российские университеты, решит остаться в России. Выход из-под контроля семьи в Таджикистане, общение в российской молодежной среде усиливает усвоение паттернов принимающего общества, что может привести к межнациональным бракам. А эти последние станут механизмом дальнейшего усвоения паттернов местной культуры. К их числу, возможно, будут относиться занятость женщин не в сфере домашнего хозяйства, а в сфере наемного труда, относительная малодетность семьи, увеличивающиеся вложения в формирование человеческого капитала детей. Именно этим качеством, а не количеством детей будет характеризоваться сила семейной группы. В последующих поколениях воспроизводство трансграничного общества окажется под влиянием детерминант демографического перехода, описанного в работах А.Г. Вишневого [13]. Деликатной проблемой по-прежнему будет религиозная принадлежность членов семьи. Необходимость и возможность принятия ислама женой, принадлежащей ранее к одной из христианских конфессий или просто выросшей в условиях христианской культуры. Потомки нынешних выходцев из Центральной Азии, в рамках механизма межпоколенческой трансмиссии, будут наследовать воспринимаемый от старших поколений вариант культуры общества исхода и отсорбированные ими паттерны принимающего общества. Все это приведет к формированию особого габитуса семей, характерного для трансграничного общества. Образовательные стратегии новых русских азиатов будут направлены, если отталкиваться от методологии Бурдьё, «...на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы, то есть передать их в свою очередь группе» [3, с. 103]. Критерием отбора этих качеств станет эффективность продвижения к обладанию дефицитными ресурсами общества.

Высшее образование как ресурс преобразования

Трансграничное общество с неизбежностью является частью общества исхода и принимающего общества. В континууме взаимодействия двух вышеупомянутых стран одним из направлений его воздействия на Таджикистан может быть преобразование клановых систем в системы, основанные на бюрократической целесообразности. Методологией подобного подхода служит рассуждение П. Бурдьё о периоде перехода в Англии от «династического государства к бюрократическому», когда велась борьба «между теми, кто не желал

знать и признавать ничего, кроме стратегий семейного воспроизводства (братья короля), опиравшихся на кровное родство, и теми, кто прибегал к стратегиям бюрократического воспроизводства (министры короля), основанным на передаче культурного капитала через образовательную систему» [3, с. 107]. Сила клановой системы Таджикистана может постепенно размываться и заменяться более рациональной системой, построенной не на клановой принадлежности, а на профессиональной компетентности. Трансграничное общество, формирующееся в процессе взаимодействия двух культур, может сыграть в этом процессе заметную роль. Транснациональные экономические группировки и профессионалы высокого уровня, окончившие российские и западные университеты, могут стать той бюрократической силой, которая постепенно преодолет господство клановых группировок. Знания, профессиональные компетенции, в отличие от клановой принадлежности, не могут наследоваться непосредственно и потому становятся механизмом ротации агентов профессиональной сферы деятельности. Изменение положения в экономической сфере через опосредующие механизмы будет постепенно проникать и в сферу политики. Те или иные экономические группировки, основанные на бюрократических началах, а не на клановой принадлежности, будут стремиться получить свое представительство и на политическом уровне. Это путь от возникших на постсоветском пространстве нефеодалных отношений к рыночной бюрократической системе. Процесс подобен тому, что происходило в Европе в период перехода от династического правления к бюрократическому: «На историю европейских обществ оказало очень сильное влияние постепенное развитие внутри поля власти способа воспроизводства, основанного на образовании, влияние которого можно наблюдать внутри самого поля власти в виде перехода от династической логики «королевского дома», опиравшейся на семейный способ воспроизводства, к бюрократической логике государственного интереса (*raison d'Etat*), в основе которой лежит образовательная модель воспроизводства» [3, с. 112]. Следуя мысли мэтра французской социологии, можно сказать, что диплом хорошего российского университета является для выходцев из Таджикистана «пропуском» в систему трансграничного общества. «Школа (в форме «*grande école*») и корпус – социальная группа, которую школа производит, казалось бы, *ex nihilo* (но в действительности из характеристик агентов, связанных с семейной принадлежностью), занимают место семьи и родственных отношений. Кооптация однокурсников на основе студенческой солидарности и принадлежности к профессиональ-

ному корпусу играет ту же роль, что и кумовство и клановая солидарность на семейных предприятиях» [3, с. 113].

Условием формирования трансграничного общества является не только «разделение» личности между homeland и hostland, как говорилось в начале данной статьи, но и другое качество данного континуума – консолидация индивидов, попавших в трансграничное пространство, в определенные общественные группы. Создание таких корпусов на основе профессиональной солидарности выпускников российских и западных университетов может постепенно преобразовать общество, основанное на клановой консолидации. Обстоятельством, оказывающим косвенное воздействие на движение в данном направлении, может быть вышеупомянутое распределение учителей из России по всем регионам страны – в районы республиканского подчинения, в Хатлонскую и Согдийскую области, и даже в Горно-Бадахшанскую автономную область на Памире [14]. Это свидетельствует о том, что запрос на хорошее школьное образование есть во всех регионах страны. Работать учителя из России будут прежде всего в «президентских лицеях и школах для одаренных детей». То есть их учениками будут дети таджикской (в том числе и региональной) элиты. Именно они затем смогут учиться в России и формировать трансграничное общество. В традициях прежних трендов взаимодействия России со странами Центральной Азии и в условиях новых трендов глобализации формирование трансграничного общества будет развиваться ровно настолько, насколько оно будет востребовано перманентными вызовами взаимодействия макрорегионов Северной Евразии и Центральной Азии. Перераспределение ресурсов будет вести не только к изменению социально-экономических, но и этнических реалий. В целом это будет лишь продолжением тех глобальных исторических процессов, которые со времен зарождения человеческой цивилизации шли на пространствах евразийского континента.

Таким образом, одним из значимых ресурсов формируемого российско-таджикского трансграничного общества является такой внеэкономический ресурс, как культурный и символический капитал, создаваемый в процессе получения таджикской молодежью высшего образования в России. Процесс реализуется в рамках противоречивых трендов – понижения качества преподавания русского языка и других базовых предметов в Таджикистане, с одной стороны, и повышения требований к уровню знаний таджиков, намеренных жить в России – с другой. Крайне слабое преподавание в Таджикистане русского языка, связанное с фактическим отсутствием там русскоязычного населе-

ния, усугубляется слабой учебно-методической базой обучения таджиков русскому языку в ряде российских университетов. Рост численности таджиков, получивших образование в России, увеличит и число «новых русских азиатов», обосновавшихся в нашей стране, и число людей, способных принести в Таджикистан культуру рационального бюрократического управления, основанного на передаче культурного капитала через образовательную систему, и постепенно преодолевающей клановую культуру. Основная функция формирующегося трансграничного общества – повышение эффективности освоения огромных пространств и ресурсов Северной Азии.

Список источников и литературы

1. Анн де Танги «Размышления о миграции в постсоветских государствах» // Антропологический форум. – № 13. – С. 323–344. Данная статья является отредактированным вариантом доклада, прочитанного на конференции «Национальная идентичность в Евразии II: миграция и диаспора» (Wolfson College, Oxford, 10–12 июля 2009 г.).

2. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001.

3. Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. пер. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

4. Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. – URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2014>; Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. – URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2015>.

5. Россия увеличила количество квот для таджикских студентов // Информационное агентство Регнум 7 февраля 2017 г. – URL: <https://regnum.ru/news/2236010.html>.

6. СТТ-10 – Архив автора.

7. СТТ-6 – Архив автора.

8. Онлайн тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ). – URL: <https://mgu-russian.com/ru/learn/test-online/>.

9. СТТ-16 – Архив автора.

10. ТДКр-1 – Архив автора.

11. ТДТ-6 – Архив автора.

12. ПОВТ-2 – Архив автора.

13. Вишневецкий А.Г. Время демографических перемен: избр. ст. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

14. Лилия Гайсина. Зачем в Таджикистан приехали российские учителя. –URL: <http://www.ca-portal.ru/article:37565>.

Используемые аббревиатуры

ПОВТ – представитель органов власти Томска и Томской области

СТТ – студент таджик из Таджикистана

ТДКр – руководитель или активный член таджикской диаспоры в Красноярске

ТДТ – руководитель или активный член таджикской диаспоры в Томской области

Оценка условий жизнедеятельности на территории Азиатской России в XXI веке при изменении климата по сценариям СМIP5¹

Парфенова Елена Ивановна

научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева ФИЦ КНЦ СО РАН

Чебакова Надежда Михайловна

старший научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева,
ФИЦ КНЦ СО РАН

Швецов Евгений Геннадьевич

научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева, ФИЦ КНЦ СО РАН

г. Красноярск

При прогнозе и анализе последствий изменений климата в регулярных отчетах Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) [1] определенное внимание уделяется проблемам экологической, в частности климатической, миграции. Как правило, тема изменений климата в контексте миграций ассоциируется с представлением об ухудшении условий жизнедеятельности человека – аридизации, ухудшении качества воды и т. д. – Исходом.

Цель нашей работы – рассмотреть изменение условий для жизнедеятельности человека на территории Азиатской России с точки

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 16-05-00496.

зрения показателей экологического потенциала территории и комфортности/суровости климата, которые будут меняться под влиянием прогнозируемого потепления климата к концу века. Эта территория, расположенная восточнее Урала (60 ов. д.), составляет около 77 % площади России, но по численности населения составляет только 27 %, обладая огромными запасами полезных ископаемых, нефти, газа и возобновляемых природных ресурсов.

Объекты и методы

Из множества показателей, используемых для характеристики комфортности климата и условий окружающей среды, мы выбрали степень суровости климата и присутствие вечной мерзлоты [2]. Для оценки экологического потенциала территории мы принимаем показатель экологического потенциала ландшафта (ЭПЛ) в трактовке А.Г. Исаченко (2003), комплексно отражающий тепло- и влагоресурсы территории [3]. Географическое положение границы вечной мерзлоты рассчитывалось на основе климатических индексов тепло- и влагообеспеченности и годового количества осадков. Для определения параметров климата Азиатской России конца текущего века были использованы данные IPCC 2013 (www.ipcc-data.org) – 5-го Доклада Межправительственной группы экспертов по изменению климата. Были обработаны данные температур января и июля и годового количества осадков по 20 моделям общей циркуляции атмосферы и океана (МОЦАО) ведущих мировых климатических центров. Для исследуемой территории мы проанализировали прогнозные изменения аномалий указанных климатических показателей в соответствии с наиболее мягким (гср 2.6) и наиболее жестким (гср 8.5) сценариями изменения климата для 20 МОЦАО к 80-м гг. текущего века с условным временным срезом 2070 г. Красноярск 2099 гг. (www.ipcc-data.org).

Экологический потенциал ландшафта по Исаченко [3] рассчитывался как произведение сумм температур выше 10°C на индекс увлажнения, представляющий отношение годовых осадков к испарению. При этом индекс увлажнения больше 1 (влажный климат) принимался равным 1; а индекс увлажнения меньше 1 (сухой климат) снижал величину ЭПЛ.

Результаты и обсуждение

Были получены карты распределения экологического потенциала ландшафта и суровости условий территории Азиатской России для современного и прогнозного климата текущего века (рис. 1.). Как видно

из анализа распределений градаций суровости климата по территории Азиатской России, современный климат может быть охарактеризован как суровый и неблагоприятный. Зона умеренных условий соответствует зоне лесостепи и лишена неблагоприятного влияния вечной мерзлоты.

Ансамблевые изменения январских и июльских температур и осадков к концу века повысятся по всей территории Азиатской России: зимние – на 3–9 градусов; летние – на 2–6 градусов; годовые осадки – на 60–140 мм, в зависимости от сценария.

Как следует из прогнозных расчетов, климат Азиатской России к 2080-м годам станет мягче, с меньшим распространением вечной мерзлоты.

Рис. 1. Изменение условий жизнедеятельности человека на территории Азиатской России к концу текущего века

Категории суровости современного климата (экстремально суровый, суровый, неблагоприятный) заменятся на большей части террито-

рии на более комфортные (умеренный и относительно благоприятный). Однако вечная мерзлота не будет отступать так быстро, как повышение температуры приземного слоя, вследствие своей инерционности.

В соответствии с найденной А.Г. Исаченко зависимостью плотности населения от величины экологического потенциала ландшафта, можно ожидать, что потенциальная емкость экологической ниши для человека в Азиатской России может увеличиться к концу текущего века от 3 до 10 раз.

Список литературы

1. Изменение климата, 2013. Резюме для политиков. URL: https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/wg1/WG1AR5_SPM_brochure_ru.pdf.

2. Парфенова Е.И., Чебакова Н.М., Швецов Е.Г. Климат в аспекте комфортности для человека при изменении климата в Средней Сибири в XXI веке // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. – Красноярск, 2016. – С. 70–73.

3. Исаченко А.Г. Введение в экологическую географию. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003.

Информационный образ представителей таджикской этнокультурной группы в региональном информационном пространстве (на материале анализа Красноярского края 2014–2017 гг.)

Московских Анастасия Валерьевна

Стручева Елизавета Сергеевна

направление «Культурология» Гуманитарного института
Сибирского федерального университета

Копцева Наталья Петровна

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., численность таджикской этнокультурной группы на территории Красноярского края составляет 6304 человека, что определяет ее на седьмое

место в региональном рейтинге среди представителей стран СНГ [1]. Данный показатель находится в процессе активного роста. По сведениям Красноярскстата, за последние три года в Красноярском крае численность мигрантов из Таджикистана ежегодно увеличивается в среднем на 1359 человек в основном за счет мужчин трудоспособного возраста, отправляющихся на заработки из-за нестабильной социально-экономической обстановки в республике [1; 2].

К 2000 г., в связи со значительным увеличением доли таджиков среди населения края, диаспора стала принимать активное участие в жизни города. В 1999 г. был образован Красноярский таджикский национально-культурный центр «Пайванд» (Воссоединение), прекративший деятельность в 2013 г. С 2012 по 2014 г. существовала Красноярская региональная общественная организация «Национально-культурный центр народов Таджикистана “Саразм”». В 2013 г. была учреждена Красноярская местная общественная организация «Таджикская национально-культурная автономия “Ватан” (Родина)», действующая по сей день. По данным сайта Дома дружбы народов Красноярского края, Таджикская национально-культурная автономия (ТНКА) участвует в религиозных и светских мероприятиях, решает проблемы трудовой миграции, координирует отношения с органами власти.

Несмотря на рост диаспоры, ее представленность в сети Интернет не имеет широкого характера. В течение 18 лет существования ТНКА так и не заявила о себе в виртуальной среде. Исходя из этого, обнаруживается необходимость рассмотрения образа представителя таджикской этнокультурной группы, конструируемого в региональном сетевом информационном пространстве. В исследовании применяется метод контент-анализа, так как данный подход позволяет выделить маркеры, отражающие ценностные ориентации и стереотипы восприятия, связанные с представителями анализируемой этногруппы.

Контент-анализ широко используется в рамках этнокультурных исследований, опирающихся на рассмотрение различных типов информационных каналов. Стоит отметить работы J. Hein, J. Chai-khambung, R. NurMuhammad [3; 4; 5]. В последние годы прослеживается увеличение совмещения контент-анализов социальных сетей, поисковых систем и интернет-СМИ. В отечественных исследованиях данный метод представлен в работах К.В. Резниковой [6] и П. Фадеева, техника которого применяется в данной работе [7].

Далее представлены результаты контент-анализа трех типов информационных каналов: региональных тематических групп и неофи-

циальных новостных сообществ в русскоязычных социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и русскоязычной платформе Facebook, а также официальных информационных порталов Красноярского края. В выборке участвовал контент, опубликованный с января 2014 г. по октябрь 2017 г. Анализ был основан на дифференциации ролей, занимаемых словами-доминантами, и оценке эмоциональной тональности контекста. В качестве слов-доминант были выбраны: «таджик», «таджичка», «таджики», «таджикский», «таджикская», «таджикские», «таджикское», «уроженец Таджикистана», «уроженка Таджикистана», «уроженцы Таджикистана».

Для мониторинга тематических групп в русскоязычных социальных сетях были выделены восемь сообществ, содержание и участники которых непосредственно связаны с представителями таджикской этнокультурной общности города Красноярска, такие как: «Таджики Красноярска поймут» (<https://vk.com/club77457081>), «Таджички и таджики Красноярска» (<https://vk.com/club42558160>), «Таджики и таджички Красноярска» (<https://vk.com/tj.krasnoyarsk>), «МЫ ТАДЖИКИ» (<https://vk.com/club48260699>), «Молодежный Союз таджиков Красноярского края» (https://www.facebook.com/pg/MSTjkK/posts/?ref=page_internal), «Таджики Красноярска» (<https://ok.ru/group/51643357134997>), «Таджики Черема» (<https://vk.com/club132955932>), «Таджики СФУ !!» (<https://vk.com/club120410803>). Общая численность подписчиков оказалась небольшой и составила всего 594 пользователя.

Среднее количество упоминаний слов-доминант (4 единицы на один источник за 46 месяцев) указывает на редкую актуализацию национальной идентичности в публичных сообщениях. Контент-анализ показал, что представители таджикской этногруппы Красноярска презентуют себя в региональном информационном пространстве с помощью маркеров: «патриот», «красноярец», «брат», направленных на самих представителей этноса с целью объединения и формирования таджикской общности в регионе. Конструируется положительный образ человека, готового оказать помощь и поддержать своего земляка вдали от родины.

Для контент-анализа популярных неофициальных новостных сообществ в русскоязычных социальных сетях были отобраны девять групп, основанных на публикации мнений горожан: «Я Люблю Красноярск» (<https://vk.com/ilovekrsk>), «Наш город Красноярск» (https://vk.com/nash_krasnoyarsk), «Я живу [В] Красноярске» (https://vk.com/live_kras), «Узнавай [В] Красноярске» (https://vk.com/uznavai_krsk), «ЧП Красноярск» (https://www.facebook.com/pg/kraschp/posts/?ref=page_internal),

«Нетипичный Красноярск» (<https://vk.com/krasnetip>), «Я умру [В] Красноярске» (https://vk.com/dead_kras), «Подслушано в Красноярске» (<https://vk.com/krskoverhear>), «Подслушано в Красноярске» (https://vk.com/krsk_overhear). Выборка была осуществлена по количеству подписчиков и популярности генерируемого контента. Общая численность подписчиков составила 1 053 416 пользователей.

Таблица 1. Данные контент-анализа тематических сообществ за 2014 – октябрь 2017 г.

Всего	Положительные	Отрицательные	Нейтральные	Главн. роль	Втор. роль
24	17	7	0	22	2

Среднее количество упоминаний слов-доминант составляет 3 единицы на один источник за 46 месяцев. Основной интерес горожан составляет непосредственная деятельность представителей рассматриваемой общности, их участие (негативное и позитивное) в жизни региона. Восприятие таджикского этноса среди жителей города стереотипизировано и несет преимущественно негативный характер, указывающий на неприятие и намеренную отстраненность от представителей рассматриваемого этноса: «чужой», «преступник», «разнорабочий». Демонстрируется и высмеивается инаковость рассматриваемого этнокультурной группы, ограничиваются сферы деятельности, исключается взаимодействие на равных. Формируется образ таджика как маргинала, субъекта, потенциально опасного для общества.

Таблица 2. Данные контент-анализа неофициальных новостных сообществ за 2014 – октябрь 2017 г.

Всего	Положительные	Отрицательные	Нейтральные	Главн. роль	Втор. роль
31	4	16	11	19	12

Для проведения контент-анализа официальных информационных городских интернет-порталов были выделены по рейтингу популярности следующие новостные источники: «Перспект Мира» (<https://prmira.ru/news/>), «Newslab.ru» (<http://newslab.ru/>), «Красноярский краевой медиапортал “Столица 24”» (<http://stolitca24.ru/>), «НГС.

Новости Красноярск» (<http://ngs24.ru/news>), «Красноярский край. Официальный портал» (<http://www.krskstate.ru>), «Городские новости» (<http://gornovosti.ru/>). Среднее значение посещаемости представленных сайтов составляет 42 % от общего числа жителей города Красноярска [8].

Выявлено низкое среднее количество употреблений слов-доминант (14 единиц на один источник за 46 месяцев при общем охвате в среднем 25 новостных постов в день), их преимущественно индифферентный характер, дублирование новостных поводов. Контент-анализ популярных официальных информационных городских интернет-порталов позволил выделить маркеры «равный», «соотечественник», «социально активный субъект», «мигрант», «разнорабочий», «раб», «нелегал», «преступник», обладающие крайней противоречивостью и конструирующие двойственный образ представителей таджикской этнокультурной группы: как людей, готовых соблюдать законы принимающего государства, но не имеющих возможности реализовать свое стремление из-за отсутствия адекватных условий социализации.

Таблица 3. Данные контент-анализа официальных новостных порталов за январь 2014 – октябрь 2017 г.

Всего	Положительные	Отрицательные	Нейтральные	Главн. роль	Втор. роль
82	29	19	34	45	37

Можно сделать вывод, что в региональном информационном пространстве отсутствует определенный образ представителя таджикской этнокультурной группы. Сосуществуют три разных позиции отношения к таджикам: положительная – формирующаяся изнутри, отрицательная – исходящая от городского сообщества, нейтральная – транслируемая официальными интернет-СМИ. Общее количество медиаповодов, зарегистрированных с января 2014 г. по октябрь 2017 г. (137 единиц), указывает на замкнутость, низкую активность представителей таджикского этноса в информационном пространстве Красноярского края, причиной чего может служить как отсутствие адекватных социально-экономических условий, так и незаинтересованность НКА и представителей этногруппы в демонстрации сплоченности диаспоры в виртуальном пространстве, что может привести к разрыву межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]: Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
2. «Красноярскстат» – федеральная служба статистики [Электронный ресурс]: Официальная статистика // Красноярскстат. – Режим доступа: <http://www.krasstat.gks.ru>.
3. Hein J. The urban ethnic community and collective action: Politics, protest, and civic engagement by Hmong Americans in Minneapolis-St. Paul // *City and Community*. – 2014 – № 13 (2). – P. 119–139.
4. Chaikhambung J., Tuamsuk K. Knowledge classification on ethnic groups in Thailand // *Cataloging and Classification Quarterly*. – 2017. – № 55 (2). – P. 89–104.
5. NurMuhammad R. Uyghur transnational identity on Facebook: on the development of a young diaspora / R. NurMuhammad, H.A. Horst, E. Papoutsaki, G. Dodson // *Identities*. – 2016. – № 23 (4). – P. 485–499.
6. Резникова К.В. К вопросу об эпическом культурном наследии коренных малочисленных народов Красноярского края // *Litera*. – 2016. – № 2. – С. 20–34.
7. Fadeev P. The perception of different ethnic groups in the mass media of Saint Petersburg // *Mir Rossii*. – 2017. – № 26 (1). – P. 103–126.
8. Сервисстатистики LiveInternet.ru [Электронный ресурс]: Статистика сайтов // LiveInternet.ru – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/stat/>.

Этническое осознание армян в региональном информационном пространстве Красноярского края

**Севруженко Наталья Сергеевна
Семакова Наталья Александровна**

направление «Культурология» кафедры культурологии Гуманитарного
института Сибирского федерального университета,

Замараева Юлия Сергеевна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного
института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Красноярский край – это межэтническое и межнациональное пространство, в котором на сегодняшний день проживает сто пятьдесят девять этносов. Неудивительным становится факт того, что каждая этническая группа пытается сохранить свою уникальную идентичность. Тема этнической манифестации является актуальной в силу возможного проявления этнического самосознания в коммуникативной среде различных национальных культур. Один из самых активных народов в информационном пространстве Красноярского края – армяне, обладающие самобытной богатой национальной культурой. В связи с этим целью настоящего исследования стала попытка выявления способов этнической манифестации культуры армян Красноярского края.

С середины XX в. армяне начали активно заселять территорию Красноярского края. Это было связано с происходившими в то время событиями. После войны, в период индустриального развития Сибири, армяне заселяли данный регион не только в период сезонных работ, но и приезжали на постоянное место жительства. Согласно переписи 1959 г., в Красноярском крае проживало 1,2 тыс. человек.

На рубеже XX–XXI вв. в связи с политической ситуацией в стране – распад СССР, осложнение политического и социально-экономического положения Северного Кавказа – началась массовая миграция населения из Армении. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., количество армян уже составляло 10 677 человек [3].

В настоящее время не существует точного определения феномену, называемому «этническая манифестация». Самыми близкими по смысловому значению к этому понятию являются определения: манифестации культуры [1] и этническая идентичность [2], из кото-

рых, в свою очередь, формируется ключевая дефиниция данного исследования. Таким образом, этническая манифестация – это процесс трансляции в общество набора ценностно-мировоззренческих принципов и культурных идеалов с целью выразить свою принадлежность к определенной этнической группе.

Первым этапом исследования был анализ группы «Армяне Красноярска» в социальной сети «ВКонтакте». Группа открытого типа, публикующиеся в ней материалы находятся в свободном доступе для каждого человека, вне зависимости от возраста, пола и национальности. Количество участников (на 18.11.2017) 1576 человек. Группа существует с 2008 г. В сообществе 36 тем для обсуждений, наибольшая активность участников в обсуждениях приходилась на 2009–2011 гг. Последнее добавление в альбомы записей в формате видео было в 2012 г. Фотографии разделены на 114 альбомов.

В ходе анализа группы (по большей части «стены» сообщества) было выявлено, что деятельность армян осуществляется в общественных организациях Красноярска: Армянская церковь Святого Саркиса, Дом Дружбы народов Красноярского края, Дворец Труда и Согласия, молодежный центр центрального района «Зеркало», Армянская Воскресная школа, Армянское национальное культурное общество «Ех-пайрутюн».

В сообществе публикуется в основном новостной контент. Главные темы – национальные и всероссийские праздники, деятельность публичных личностей-армян, творческие и спортивные мероприятия, работа общественных организаций. Эти темы призваны информировать о предстоящих и прошедших событиях.

Темы, публикуемые «на стене сообщества», сопровождаются специальными хештегами #армянекрасноярска.

Текст в группе «Армяне Красноярска» излагается на русском языке.

Следующим этапом нашего исследования было проведение фокус-группы с активистами армянского молодежного общества в количестве 8 человек. Возраст участников – 20–28 лет. Цель фокус-группы – в ходе дискуссии выявить особенности этнической манифестации армянской культуры и понять, существует ли она вообще.

Беседа началась с вопроса, считают ли армяне важным демонстрировать свою этническую принадлежность другим людям. Все единогласно сошлись во мнении, что это необходимо. Этнические группы, ярко выражающие свою этническую идентичность, по мнению участников фокус-группы: армяне, чувашаи, азербайджанцы, татары,

осетины. Манифестация этих национальностей проявляется через крупные мероприятия, организованные на высшем уровне, и через широкую информационную поддержку своей национальной культуры.

Вопрос на тему информационного поля армянской национальности вызвал активную реакцию респондентов. Довольно продолжительное время участники высказывались об информационном поле армянской культуры, что они подразумевают под этим понятием и что оно в себя включает. С 2010 г. работает сайт армянской общины «Ехпайрутюн». Ежедневно он собирает около 2,5 тыс. посетителей, и входит в топ армянских интернет-ресурсов по всей России. В 2010–2012 гг. он являлся движущей информационной силой. Позднее появились другие информационные площадки: группа «Армяне Красноярска» в социальной сети «ВКонтакте», страница «ВКонтакте» «Информационный агент сайта армян Красноярска», аккаунт в «Инстаграме», группа в социальной сети «Одноклассники». Аудитория в интернет-сообществах непрерывно увеличивается.

В социальных сетях, чтобы привлечь еще больше людей к мероприятиям, армянская община пользуется такими маркетинговыми инструментами, как таргетинг и смс-рассылка. Главная причина мотивации множественных инициатив армян заключается в следующих словах: «Мы – армяне, и мы хотим, чтобы о нас знали. Мы хотим, чтобы вы знали, кто ваши соседи и какая у нас особенная культура с тысячелетней историей».

Национальные праздники и традиции имеют важное значение для армян. Два крупных общегородских национальных праздника с высоким уровнем подготовки – это День матери, любви и красоты, проходящий 7 апреля, и День армянской культуры, отмечаемый в сентябре. Члены армянского общественного движения проводят лекции с целью информирования о том, кто такие армяне, какова их культура и традиции, а также для формирования объективного мнения об армянах.

Традиции, которым молодое поколение следует в повседневной жизни, в первую очередь касаются взаимоотношений между парнем и девушкой. Эти традиции священно оберегаются и сохраняются.

Творческий потенциал армян в Красноярске реализуется в следующих общественных организациях: Дом Труда и Согласия, Дом Дружбы народов, молодежный центр «Зеркало», Армянская церковь – это площадки для встреч, общения, обсуждения разных тем.

В ходе обсуждения выяснилось, что разговорная речь на армянском языке в общественных местах не используется, только русская.

На родном языке говорят в кругу семьи. Традиционный армянский акцент существует только у старшего поколения. Участниками отмечено, что у армян, живущих в России, присутствует русский акцент в армянской речи. Также респонденты отмечают, что в Красноярском крае армянский язык никак не культивируется. Тем не менее знание армянского языка является важным элементом национальной идентичности. Существует Армянская Воскресная школа, где людей разных возрастов обучают читать, писать, говорить на армянском языке.

Во внешних признаках – в одежде, украшениях, прическах – этническая идентичность армян почти не выражается. Кроме того, армянам сложно отличить представителя своей национальности от другого. Участники беседы часто сталкивались с тем, что их путали с представителями других национальностей – с греками, грузинами, азербайджанцами и другими.

Все респонденты сошлись во мнении, что Красноярский край способствует развитию армянской культуры и поддержанию этнической идентичности.

На материале анализа информационного поля и ответов респондентов фокус-группы можно сделать вывод, что этническая манифестация культуры армян на сегодняшний день существует в следующих формах:

- интернет-сообщества (сообщества «Армяне Красноярска» в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники»; сайт «Ехпайрутюн»; аккаунт в «Инстаграме»);
- общественные мероприятия (День армянской культуры, День матери, любви и красоты; акции, проекты, посвященные историческим событиям; благотворительность; лекции об армянской культуре);
- общественные организации (Дом Дружбы народов Красноярского края, Дом Труда и Согласия, молодежный центр «Зеркало», Армянская церковь Святого Саркиса, Армянская Воскресная школа, Армянское национальное культурное общество «Ехпайрутюн»).

Данные формы находятся в открытом доступе и функционируют с целью распространения армянской культуры и формирования позитивного имиджа армян.

Инструментами для поддержания этнической идентичности в информационном пространстве являются:

- репосты новостного контента с различных сообществ;
- фотовидеоматериалы;

- музыкальное содержание;
- таргетинг;
- рассылка уведомлений;
- хэштеги.

Инструменты для поддержания этнической идентичности, используемые при проведении общественных мероприятий:

- творческая деятельность (хореографический ансамбль «Армения», выступления известных личностей: музыкант Аргишти, певица Моника Назарян и т. д.);
- образовательные программы (лекции в ГУ МВД в рамках акции «Дни национальных культур», лекции по армянской культуре, традициям и обычаям в Воскресной школе; мастер-классы психолога-психотерапевта Лилит Сарибекян «Сценарий жизни»);
- интерактивные программы (интерактивная площадка «Армянская деревня» на Дне армянской культуры, взаимодействие зрителей с экспозициями на Дне армянской культуры – объемные буквы армянского алфавита).

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что данные, полученные при анализе группы «Армяне Красноярска» в социальной сети «ВКонтакте», в целом совпадают со словами участников фокус-группы.

Список литературы

1. Флиер В.Я. Манифестации культуры // Вестник МГУКИ. – № 3. – 2012.
2. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
3. Энциклопедия Красноярского края: Армяне. – Режим доступа: <http://my.krskstate.ru/docs/ethnoses/armyane/>.

Влияние политики нэпа на приток миграции в Красноярский край

Ольхина Дана Владимировна

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Замараева Юлия Сергеевна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного
института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Новая экономическая политика (нэп) – экономическая политика, проводившаяся в 1920-е гг. в Советской России. Она была принята 14 марта 1921 г. X съездом РКП(б), сменив политику военного коммунизма, проводившуюся в ходе Гражданской войны, которая привела Россию к экономическому упадку.

Главными целями данной политики стали: снять социальную напряженность, предотвратить дальнейшее усугубление разрухи, выйти из кризиса и восстановить хозяйство. Кроме того, нэп был нацелен на восстановление нормальных внешнеполитических связей, преодоление международной изоляции.

С начала 20-х гг. наметился процесс усиления контроля и регулирования экономики. Это привело к разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

В 1930-е гг. в результате административной реформы в Сибири вместо старого деления на округа были введены новые структуры: области, края и районы. Сибирский край был разделен на две части: Западно-Сибирскую и Восточно-Сибирскую, а 7 декабря 1934 г. принято постановление Президиума ВЦИК об образовании Красноярского края в составе 52 районов.

Административным центром нового края стал Красноярск. К этому времени население города уже превысило 170 тыс. жителей. Значительные изменения в этот период произошли в социальной структуре населения. Самой быстрорастущей группой были промышленные рабочие. Их численность на 1 января 1933 г. составила 25 090 человек. В 1938 г. на предприятиях города трудилось 52 тыс. рабочих и служащих, что составляло треть населения города.

Енисейская губерния была одной из первых сибирских губерний, открытых для переселения еще в конце XIX в. С этого времени переселение в нее не прекращалось до начала Первой мировой войны,

и к 1914 г. переселенцы уже составляли более половины жителей губернии.

После Октябрьской революции советское правительство планировало организовать переселение в восточные районы с целью решения земельного вопроса. В 1918 г. на переселение в Сибирь было подано около 300 тыс. заявок крестьян из центральных губерний. Начавшаяся Гражданская война вызвала к жизни стихийные миграционные процессы, в результате которых в 1920 г. в Сибири оказалось 500 тыс. не приписанных к земельным обществам лиц. После окончания войны переселение в восточные районы было определено как важнейшая народнохозяйственная задача, обусловленная, во-первых, потребностью быстрее вовлечения в хозяйственный оборот пустующих земель на востоке страны и, во-вторых, необходимостью смягчения аграрного перенаселения в европейской части страны.

Выделяется несколько этапов планового сельскохозяйственного переселения в советское время:

1-й этап: 1920–1924 гг. Плановое переселение в эти годы официально не проводилось (за исключением переселения из голодающих из-за неурожая европейских губерний). Основной задачей переселенческих органов было хозяйственное устройство переселенцев прежних лет в районах дореволюционной колонизации. Самовольное переселение в восточные районы продолжалось, его масштабы возрастали. В 1920–1922 гг. в Сибирь прибыло более 300 тыс. беженцев из голодающих губерний.

2-й этап: 1925–1929 гг. Плановое переселение в стране было открыто 10 апреля 1925 г. Предпосылкой этого процесса стал рост стихийных миграций, вызванных аграрным перенаселением в европейской части страны, наличием плодородных земель за Уралом, стремлением крестьян расширить свое хозяйство за счет увеличения площадей используемых земель.

Особенностью данного этапа было непосредственное участие государства в организации переезда и хозяйственного устройства, большое количество самовольных переселенцев, увеличение масштабов переселения в 1927 г. в связи со снятием всяких ограничений, значительной материальной помощью государства, стремлением избежать *коллективизации*, голодом в северо-западном районе СССР.

Плановые переселенцы:

Год: 1920-е.

Всего: ок. 900 тыс.

Из них: 70 % – из европейской части России,

20 % – с Украины,
10 % – из Белоруссии.

Доля переселенцев в Сибирь от общего числа переселенных по СССР колебалась от 36 % в 1926/27 гг. до 63 % в 1928/29 гг. В Сибирском регионе закрепилось около 80 % перемещенных семей.

Одновременно с плановыми переселенцами в этот период в Сибирь прибывало и большое число стихийных мигрантов, которые приравнивались к плановым переселенцам в случае, если селились на землях колониционного фонда. В конце 1920-х гг. переселение стало проводиться в так называемом гнездовом порядке, т. е. в составе ранее созданных колхозов. В восточных районах в это время на переселенческих участках создавались совхозы. Всего в 1920-е гг. в Сибирь прибыло 1,2 млн плановых переселенцев и учтенных самовольных мигрантов.

Общие выводы исследования исходя из поставленных задач

Образование края явилось мощным толчком для развития экономики Красноярска. За годы пятилетки выпуск промышленной продукции края вырос в 3,4 раза, численность рабочих возросла в 2,5 раза. Промышленность города Красноярска выросла в 6,5 раз. В основном велась техническая реконструкция ранее созданных предприятий, одновременно сооружались новые предприятия.

Промышленное развитие края вызвало необходимость подготовки кадров: была расширена сеть школ, ФЗУ, курсов по ускоренной подготовке специалистов, индивидуальное и бригадное обучение на производстве.

Пополнение колхозов и совхозов Сибири трудовыми ресурсами в 20–30-е гг. способствовало развитию сельского хозяйства региона. Плановое переселение повлияло и на другие сферы жизни сибирского общества – социокультурную, демографическую и пр. Среди переселявшихся 80 % составляли лица в возрасте 25–35 лет, что способствовало омоложению сельского населения принимающих районов. Переселение дало мощный толчок строительству жилья и объектов социально-культурного назначения, созданию сельской инфраструктуры. Новоселы и старожилы оказывали влияние на культуру и быт друг друга. Этнические особенности размещения населения в Сибири способствовали процессам ассимиляции, одной из движущих сил которой стали смешанные (межнациональные) браки.

Несмотря на то, что сейчас экономическая политика государства изменилась, Красноярск остается экономически привлекательным для

мигрантов. Трудовые мигранты всегда входили и, полагаем, будут входить в состав населения края. Красноярск и сегодня переживает экономический подъем. Это обуславливается притоком средств в город в связи с проведением Универсиады в 2019 г. Основываясь на опыте прошлого, можно предположить, что данное событие будет являться новым катализатором миграционных волн на территорию Красноярского края.

Этническая манифестация или ее отсутствие в студенческой среде Сибирского федерального университета

Луцык Даниил Николаевич

направление «Искусства и гуманитарные науки»
Сибирского федерального университета

Замараева Юлия Сергеевна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

В статье представлено культурологическое исследование «Этническая манифестация или ее отсутствие в студенческой среде СФУ». Цель исследования заключается в самой теме – понять, фиксируется ли в сознании современной молодежи этническая манифестация как культурное явление. Для проведения исследования разработана специальная анкета из 10 вопросов преимущественно открытого характера. Анкета содержит вопросы, касающиеся такого культурного феномена, как этническая манифестация, также краткое содержание понятия «этническая манифестация», поскольку данное понятие ново и студенты могли быть с ним незнакомы. Для валидности исследования анкетирование проведено среди ста студентов технических и гуманитарных направлений Сибирского федерального университета.

Поскольку Красноярский край является территорией, общей для 159 этносов, то этническая манифестация может присутствовать в культурном поведении, посредством СМИ. Нам, как исследователям, стало интересно: присутствует ли в повседневной жизни этническая манифестация? Если «да», то какие этносы манифестируют свою культуру?

Исследование проведено поэтапно: разработка анкеты, проведение анкетирования, обработка и анализ полученных результатов, фиксация присутствия или отсутствия исследуемого феномена в процентном соотношении, выводы исследования.

На первый вопрос «Как вы считаете, важно или неважно демонстрировать другим людям свою этническую принадлежность?» Более 50 % респондентов считают, что это делать неважно. В ответах также прослеживается тот факт, что некоторые студенты боятся, что активная демонстрация своей этнической принадлежности может привести к конфликтам.

Второй вопрос – «Каким образом люди проявляют свою этническую принадлежность?» – включал семь подпунктов, где студенты должны были согласиться или не согласиться с определенным тезисом. В первом подпункте – «С помощью одежды» – было подсчитано, сколько дано ответов, и из них высчитывались ответы, в которых проявляется этническая манифестация. В итоге в 91 анкете присутствие этнической манифестации не фиксируется, а из тех 9, что фиксируется, можно зафиксировать перечисленные респондентами народы: шотландцы («ходят в юбках», «носят килт»), украинцы («ходят в вышиванках»), башкиры («носят особый головной убор»), хакасы («ходят в национальной одежде»). Второй подпункт – «С помощью причёски» – позволил определить формы проявления этнической принадлежности: у хакасов («до брака носят много кос, после свадьбы – только две»), евреев, японцев («волосы собирают в пучок», «закрепляют палочками»), узбеков.

В третьем пункте этническая манифестация обнаруживалась «с помощью приверженности к определенной кухне». Конечно, надо быть честным и сказать, что студенты в анкетах писали, что «мусульмане не едят свинину», и таких ответов много, но это не проявление этнической манифестации, а само понятие «мусульмане» – весьма объемно для определения конкретных этнических групп. Этническая манифестация фиксируется лишь в 13 анкетах. Из названных этносов наибольший процент ответов набрали: буряты («не едят соленое», «едят много яиц», «блюда из определенного вида животного, в зависимости от сезона», «позы»), китайцы («любят все острое и ароматное»), японцы («рис», «морепродукты», «овощи»), узбеки («плов»).

В четвертом пункте этническая манифестация проверялась по религиозному принципу («С помощью религии»). В этом подпункте этническая манифестация фиксируется лишь в 15 анкетах. Из этносов: буряты («буддизм»), русские («православные», «христианство»),

азербайджанцы («мусульмане»), евреи («религиозные традиции очень яркие и узнаваемы»).

В пятом пункте – «С помощью приверженности к моноэтническим бракам» – этническая манифестация зафиксирована лишь в 5 случаях. Из названных этносов: евреи («практикуются для чистоты крови», «еврейский брак»), татары («отдают предпочтение моноэтническим бракам»), шорцы («просто назван этнос»).

В шестом пункте – «С помощью украшений» – этническая манифестация фиксируется крайне мало, лишь в 10 анкетах. Из названных этносов: эвенки («носят этнические украшения»), хакасы («этнические украшения – нагрудник»), евреи («звезда Давида») и украинцы («вплетение разноцветных лент»).

Седьмой пункт – «С помощью создания общественных организаций» – респонденты пропускают или отвечают стандартными ответами «да», «нет». Из тех 10 анкет, где фиксируется этническая манифестация, можно особо выделить еврейскую группу («община на территории Красноярского края»), китайцев, немцев («немецкая диаспора в Красноярске»), азербайджанцев («центр культуры азербайджанского народа»).

Что еще может свидетельствовать о принадлежности человека к определенной этнической группе? На выбор было дано четыре варианта ответа: акцент; частое употребление слов и выражений родного языка; политические предпочтения; любимые произведения искусства.

В итоге можно прийти к выводу, что основная часть студентов считает, что акцент и частое употребление слов и выражений родного языка может свидетельствовать о том, что человек принадлежит к определенной этнической группе. Такие цифры указаны потому, что в одной анкете может содержаться сразу по четыре ответа.

«Можете ли вы определить принадлежность других людей к определенной этнической группе»? Оказалось, что студенты в состоянии определить этническую принадлежность («речь», «голос», «акцент»), но назвать какой-то конкретный народ не могут. И, что важно, на этот вопрос у нас очень мало ответов, подавляющая часть студентов его просто пропустила.

Отвечая на вопрос «Какие этнические группы наиболее ярко показывают свою этническую принадлежность?», студенты указывают либо приверженность к определенной религии («мусульмане», «католики», «иудеи»), либо говорят: «люди с гор», «кавказские народы». Из того числа анкет, где этническая манифестация фиксируется на верно, можно выделить следующие этносы: армяне, таджики, азербайджанцы, татары, тувинцы, евреи и ряд других.

Отвечая на вопрос «Какие этнические группы не демонстрируют свою этническую принадлежность?», респонденты отдали предпочтение следующим народам: русские, белорусы, китайцы, украинцы.

Таким образом, в 50 % случаях респонденты не фиксируют этническую манифестацию как культурное явление (особенно на уровне конкретных этносов), что указывает на тот факт, что этот феномен не проявлен в окружающем пространстве города и края. Однако количество зафиксированных ответов явно указывает на то, что студенты понимают этот культурный феномен. Проявление этнической манифестации народов Красноярского края – минимально. Осознание этого факта студентами СФУ (ведущего вуза в Сибири) указывает на благоприятное развитие многонационального общества Красноярского края. В ответах респондентов проявлена стратегия интеграции с представителями крупных национальных групп.

Современные тенденции в научных исследованиях коренных народов Севера

Шиманская Ксения Игоревна

магистрант направления «История искусств» Гуманитарного института
Сибирского федерального университета

г. Красноярск

На сегодняшний день коренные народы Севера представляют серьезный интерес для исследователей – как отечественных, так и зарубежных. Для науки Север – общий: несмотря на принадлежность его территорий различным государствам, все их объединяют одни и те же проблемы, требующие порой незамедлительного решения. Этот интерес объясняется важнейшими изменениями, происходящими на арктических землях и затрагивающими все сферы жизни коренных жителей. Причиной являются не только социально-культурные и экономические процессы (и в первую очередь – глобализация со всеми ее положительными и отрицательными последствиями), но также и изменение климата, которое нельзя оставлять незамеченным. Все это оказывает колоссальное влияние на традиционный уклад жизни людей, с одной стороны, помогая решать накопившиеся проблемы, с другой – создавая новые. Таким образом, перед

современной наукой ставится сразу несколько задач: сохранение уникального прошлого коренных народов, анализ их настоящего, а также прогнозирование развития в будущем.

С целью выявить определенные тенденции в современных научных исследованиях коренных народов Севера в Сибири проведем обзор статей по данной теме за 2017 г.

Так же многообразны, как коренные малочисленные народы Севера: якуты, ненцы, ханты, манси, эвенки, эвены, чукчи, долганы, селькупы, – и научные подходы, используемые исследователями для их изучения. Сегодня коренные народы привлекают внимание не только антропологов и культурологов, но также экологов, экономистов, политологов, юристов и даже генетиков.

Среди проанализированных нами научных публикаций на первом месте по количеству оказались статьи, посвященные проблеме поддержания идентичности коренных малочисленных народов Севера за счет сохранения их уникальной культуры.

Целый ряд рассмотренных статей объединило представление о том, что «одним из ведущих средств сохранения культурного ядра народов Севера» [1] является декоративно-прикладное искусство. Так, в статье А.В. Кистовой и Н.Н. Пименовой «Современное состояние декоративно-прикладного искусства коренных народов, проживающих на территории Эвенкийского и Таймырского автономных округов (экономические и социокультурные практики)», актуальные формы существования декоративно-прикладного искусства коренных народов края рассматриваются с точки зрения возможности их сохранения. Как было установлено, «среди существующих экономических и социально-культурных практик сохранения культурного наследия коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае преобладают формы академического подхода – музеефикация, консервация, научное исследование и реконструкция» [1].

Статья К.В. Резниковой, Н.Н. Середкиной и Ю.С. Замараевой «Перспективные форматы развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края» делает следующий шаг, ставя цель «выявления перспективных форматов развития данной практики культуры» [2]. В результате исследования были выделены основные тенденции современного декоративно-прикладного искусства коренных народов края, «связанные, с одной стороны, с частичным сохранением традиционных видов деятельности (пошив одежды, обуви, вышивка бисером), появлением новых практик декоративно-прикладного искусства (выделка щучьих голов),

а с другой стороны, с утратой знаний, мастерства, традиции передачи умений по изготовлению изделий декоративно-прикладного искусства от поколения к поколению» [2]. Исследователи также выявили ряд перспективных форматов развития декоративно-прикладного искусства, среди которых организация учебных занятий для детей и мастер-классов для людей старшего возраста, обмен опытом между мастерами, сочетание традиций и современных технологий, создание новых направлений, не противоречащих традиционной культуре, организация частных производств, проведение этнических праздников и конкурсов, открытие этнопарков и др.

Язык – важная часть культуры любого народа, также играющая не последнюю роль в формировании его идентичности. Статья Л. Сидоровой, Дж. Фергюсон и Л. Валликиви «Признаки непризнания: колонизированные лингвистические ландшафты и коренные народы в Черском (Северо-Восточная Сибирь)» ставит цель проанализировать наличие (а скорее, наоборот, отсутствие) местных языков в визуальной среде Черского – небольшого поселка, расположенного на крайнем северо-востоке Якутии (Нижнеколымский район). Как отмечают исследователи, лингвистический ландшафт, т. е. элементы языка, присутствующие в публичном пространстве, «можно рассматривать как отражение устойчивости языка и, как следствие, культурной идентичности группы» [3]. Однако оценка лингвистического ландшафта Черского приводит к неутешительным выводам: несмотря на то, что в регионе проживают носители русского, якутского, эвенского, чукотского и юкагирского языков, не все они присутствуют в местном ландшафте. Коренные эвенский, чукотский и юкагирский языки исключаются из языкового ландшафта в пользу русского, якутского и даже английского языков. Как полагают исследователи, дело в том, что эти местные языки «включены в дискурс, подчеркивающий принадлежность региона не только Республике Саха (Якутия), но и Российской Федерации в целом» [3].

Мифологии коренных народов Севера как опять же одному из основополагающих культурных компонентов посвящена статья «Огонь в мифологии народов Сибири: общие черты и особенности». Используя сравнительно-сопоставительный метод исследования мифологии тюрко-монгольских (якуты, алтайцы, хакасы, тувинцы, буряты) и тунгусо-маньчжурских народов Сибири (эвенки, эвены), Л.С. Ефимова и Н.В. Афанасьев смогли определить, чем схожи и чем различны их представления об огненной стихии. Так, авторы пришли к выводу, что «мифология всех упомянутых народов характеризуется

схожими представлениями о трех мирах, что объясняет идентичные представления об огне двух основных видов: огонь небесный, связанный с верхним миром, и огонь нижнего (или подземного) мира» [4]. Что же касается особенностей, то они связаны с образом Духа Огня. В мифологии алтайцев, тувинцев, хакасов, большинства бурят, эвенков и эвенков характерно женское изображение Духа Огня, и только для якутов и западных бурят для него характерен мужской образ.

Культура немыслима без ландшафта, в котором она существует, который является для нее одновременно средой, сферой и ценностью [5]. Именно ландшафт в статье Т.М. Херрманн и Л. Хейнамаки «Изучение и сохранение Священной Арктики: священные природные объекты, культурные ландшафты и права коренных народов» рассматривается как один из важнейших составляющих идентичности народов Севера. «Пейзаж – это прежде всего культура, а уже потом природа; конструкции воображения, проецируемого на лес, воду и скалы» [6], – как заметил С. Шама. Констатируя тот факт, что родная земля считается священной в традиционном мировоззрении многих коренных народов, исследователи выделяют среди «живых ландшафтов» Арктики священные природные объекты, «связанные с сильными духовными или культурными нематериальными ценностями» [5]. Они «находятся на границе между природой и культурой, материальными и нематериальными ценностями и выражают взаимосвязь коренных народов с естественной и духовной средой» [5], а их сохранение было и есть чрезвычайно важно для поддержания их идентичности и средств к существованию.

От вопроса идентичности интересно перейти к вопросу самоидентификации коренных народов Севера, которому посвящена статья Н.П. Копцевой и В.И. Кирко «Этническая самоидентификация долган и кумандинцев: коренные народы Восточной Сибири». Как сообщают исследователи, «ассимиляция в русскоязычной среде и угроза исчезновения их родных языков» [7] оказывают различное влияние на этническую самоидентификацию тех или иных коренных народов Сибири. Авторы подтверждают это анализом современного положения долган и кумандинцев. Так, этническая самоидентификация долган увеличивается, в то время как этническая самоидентификация кумандинцев уменьшается. Как заключают исследователи, «на эти процессы влияют политический менеджмент, экономические и правовые механизмы, а также субъективная ценность этнического проявления различных культурных групп Восточной Сибири» [7].

Особое внимание исследователей коренных народов Севера привлекает также тема экономики ресурсов и тех сложных взаимоотно-

ношений, которые возникли между коренными народами и добывающей промышленностью различных стран. В этой связи интересным представляется исследование А.М. Лернера «Смягчение рисков извлечения ресурсов для промышленных субъектов и коренных малочисленных народов Севера». Как отмечает автор, урегулирование отношений между коренными народами и промышленными корпорациями имеет жизненно важное значение как для США, так и для РФ. Он задается вопросом: почему они «не могут сотрудничать в добывающих проектах, даже если надежные соглашения выгодны обеим сторонам?» [8]. Объяснение видится исследователю в том, что, во-первых, коренные народы не обладают обоснованными правами на землю, которые могли бы дать им контроль над ресурсами и сохранением собственной культуры; а во-вторых, нейтральный и объективный посредник – будь то государство или международный орган – часто хранит молчание в процессе переговоров. Налаживание же отношений в этой сфере может помочь обеспечить не только стабильность добывающих проектов, но и защиту коренных народов от «потенциальных экзистенциальных угроз, связанных с территориальными потерями» [8].

Еще одна важная тема, отмеченная большим количеством посвященных ей статей, – это климатические изменения, оказывающие влияние на традиционное хозяйство коренных народов. Как пишет В. Игнатьева, для многих коренных народов Сибири «изменение климата не является отдаленной перспективой, а непосредственно пережитой реальностью, к которой они в настоящее время пытаются адаптироваться» [9]. В статье Ю.Н. Авдеевой «Влияние климатических условий на традиционную экономику малочисленных коренных народов Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района (Красноярский край)» делается важный вывод о необходимости государственной поддержки в сохранении традиционной экономической деятельности коренных малочисленных народов, потому как она в значительной степени «определяет сложный процесс сохранения традиционной культуры как неотъемлемой части мирового культурного наследия» [10].

Можно сделать вывод, что наиболее важной тенденцией в научных исследованиях коренных народов Севера выступает интерес к вопросу идентичности [11], который неразрывно связан с решением проблем культурологического, экономического, экологического и правового характера.

Список литературы

1. Kistova A.V., Pimenova N.N. Current Condition of Decorative and Applied Art of the Indigenous Peoples Resident in the Territory of the Evenki and Taymyr Municipal Districts (Economic and Sociocultural Practices) // *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal* [Siberian anthropological journal]. – 2017. – № 10. – С. 1485–1506.
2. Reznikova K.V., Seredkina N.N., Zamaraeva Y.S. Perspective Formats for the Development of Decorative and Applied Art of the Indigenous Peoples of the Krasnoyarsk Territory // *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal* [Siberian anthropological journal]. – 2017. – № 10. – С. 1453–1473.
3. Sidorova L., Ferguson J., Vallikivi L. Signs of Non-recognition: Colonized Linguistic Landscapes and Indigenous Peoples in Chersky, North-eastern Siberia // *Northern Sustainabilities: Understanding and Addressing Change in the Circumpolar World*. – Springer, Cham, 2017. – С. 135–149.
4. Efimova L.S., Afanasev N.V. The Elements of Fire in Mythology of the People of Siberia: General And Special // *Наука и общество*. – 2017. – № 2. – С. 120–128.
5. Качанский В.Л. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре // *Наука о культуре: итоги и перспективы. Информационно-аналитический сборник*. – М., 1995.
6. Herrmann T.M., Heinämäki L. Experiencing and Safeguarding the Sacred in the Arctic: Sacred Natural Sites, Cultural Landscapes and Indigenous Peoples' Rights // *Experiencing and Protecting Sacred Natural Sites of Sámi and other Indigenous Peoples*. – Springer, Cham, 2017. – С. 1–8.
7. Schama S., שמעון שחמה. Landscape and memory. – 1995.
8. Koptseva N.P., Kirko V.I. Ethnic Self-Identification of the Dolgans and the Kumandins: Indigenous Peoples of Eastern Siberia // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts*. – 2017. – № 6–2. – С. 693–700.
9. Lerner A.M. et al. Mitigating the Risks of Resource Extraction for Industrial Actors and Northern Indigenous Peoples // *Arctic Review*. – 2017. – Т. 8.
10. Ignat'eva V. Sakha Republic (Yakutia): Local Projections of Climate Changes and Adaptation Problems of Indigenous Peoples // *Global Warming and Human-Nature Dimension in Northern Eurasia*. – Springer, Singapore, 2018. – С. 11–28.
11. Avdeeva Y.N. et al. Influence of Climatic Conditions on the Traditional Economy of Small-Numbered Indigenous Peoples of Taymyr

Dolgano-Nenets Municipal District (the Krasnoyarsk Territory) // *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal* [Siberian anthropological journal]. – 2017. – № 10. – С. 1282–1293.

12. Zamaraeva Y.S., Reznikova K.V., Pimenova N.N. History of anthropological studies on the indigenous peoples of Siberia // *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal* [Siberian anthropological journal]. – 2017. – Т. 6. – № 1. – С. 6–21.

Опыт кыргызских диаспор как пример процессов консолидации этнических сообществ России

Абдуманатов Рустам Абдубаитович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета

г. Томск

Современные тенденции мировой глобализации, увеличение мобильности населения, неравномерность экономического развития отдельных регионов и стран – все это привело к усилению общемировых миграционных процессов. На постсоветском пространстве эти процессы обладают своей спецификой, сформированной в годы жизни в рамках единой советской культурной общности. Развал Советского Союза и образование суверенной Кыргызской Республики привели к появлению кыргызских этнических диаспор на территории практически всех регионов России, сформированных в большинстве из числа выпускников российских вузов и рабочей молодежи. Именно эти диаспоры создали в регионах первые общественные объединения, часто в форме национально-культурных автономий. Примечательно, что кыргызские сообщества в России представляют собою пример так называемых современных диаспор, они соответствуют их основным признакам – пребывают за пределами своей исторической родины, обладают основными характеристиками культурной самобытности своего народа, формируют землячества и общественные организации, осуществляют социальную защиту конкретных людей [1].

В начале 2000-х гг. в Россию из Кыргызской Республики хлынул поток трудовых мигрантов, со временем и они активно включились

в деятельность кыргызских диаспоральных сообществ и общественных организаций. Эти процессы в корне изменили вектор развития кыргызских диаспоральных сообществ. К традиционным для всех диаспор задачам по сохранению своей национальной самобытности, языка и развитию культуры добавились цели по защите прав и интересов трудовых мигрантов. В то же время актуальными для диаспор стали и моменты экономического развития, в том числе актуализировались процессы вовлечения прибывающих трудовых мигрантов в общие экономические проекты. Тем самым стирается грань между существующим в диаспорах разделением на условно «трудовых мигрантов» и «старожилов», как правило, представителей местных НКО.

В то же время кыргызские диаспоры являются своеобразными посредниками в процессах интеграции прибывающих из Кыргызской Республики трудовых мигрантов в российское общество. Меняется степень вовлечения трудовых мигрантов в мероприятия местных диаспоральных сообществ, если раньше для трудового мигранта самой главной задачей было формирование лишь материального благополучия, то сейчас ему добавляются и факторы включения в местный социум. Важными для трудовых мигрантов становятся моменты экономической консолидации через создание успешных предприятий.

Со временем этап формирования кыргызских диаспоральных сообществ постепенно перешел в этап их централизации, так как созрело понимание необходимости установления горизонтальных связей между организациями, понимание необходимости объединения, в том числе и в рамках федерального уровня. Тем самым происходит углубление функций диаспоры, она превращается из традиционного субъекта культуры в субъект права и политики. Диаспора начинает использовать новые организационные структуры и формы – съезды, конгрессы, форумы, союзы внутрироссийского и международного значения [2].

Первой попыткой объединения кыргызских общественных организаций стало проведение в столице России в декабре 2006 г. Первого всероссийского кыргызского конгресса, в котором приняли участие представители кыргызских общественных организаций большинства регионов страны. Съезд был организован по инициативе Чрезвычайного и полномочного посла Кыргызской Республики в России Апаса Джумагулова, а также Московского представительства Министерства по делам миграции Кыргызской Республики в РФ в лице его руководителя Тажимамата Шаболотова. Резолюцией конгресса было определено создание общероссийской общественной организации кыргызов России. Однако в дальнейшем такая организация не была создана.

В последующие годы в кыргызских диаспоральных сообществах России росло осознание необходимости объединения, и только 12 декабря 2012 г. в Москве был проведен новый Общероссийский кыргызский конгресс, поставивший перед собой задачу создания единой общероссийской организации кыргызских диаспор. На этот раз инициатором конгресса выступил бывший торгпред Кыргызской Республики в РФ, председатель Объединения предпринимателей Кыргызстана в России Кубанычбек Кожоев. Именно благодаря его напору и целеустремленности в феврале 2017 г. официально зарегистрирована Общероссийская общественная организация содействия изучению культурно-исторического наследия «Диалог цивилизаций «Кыргызский конгресс», объединившая порядка 50 общественных организаций страны. В этом же году организация стала полноправным членом Ассамблеи народов России и вошла в состав учредителей Ассамблеи народов Евразии, чей учредительный съезд прошел в Москве в мае 2017 г. В приоритетах конгресса значится решение актуальных проблем по адаптации и интеграции трудовых мигрантов в России, реализации совместных деловых и образовательных программ, осуществлению трудоустройства и правовой поддержки, проведению спортивных и культурных мероприятий, формированию «социальных лифтов» для перспективной кыргызской молодежи.

Стоит отметить, что процессы консолидации кыргызских диаспоральных сообществ затронули и регионы страны. Летом 2011 г. в г. Шира (Республика Хакасия) было проведено собрание, на котором было принято решение о создании новой организации – Межрегионального объединения кыргызских диаспор «Мекендештер». В ее состав вошли общественные организации нескольких сибирских регионов – Красноярского края, Омской, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, Республик Хакасия, Тыва и Бурятия. Официальная регистрация Межрегиональной общественной организации «Конгресс кыргызстанцев “Соотечественники-Мекендештер”» прошла в 2015 г. в г. Иркутске. Первым председателем организации стал представитель Иркутской области Тынчтык Абдылдаев.

Таким образом, процессы интеграции и централизации кыргызских диаспоральных сообществ в России отражают очередную степень их развития. Следующим шагом их генезиса станет создание транснациональных сообществ, в настоящее время уже ведутся переговоры о налаживании тесных коммуникаций с кыргызскими диаспорами Европы и Америки.

Вместе с тем кыргызская диаспора России подвержена явлениям аккультурации – эти процессы характерны для представителей второго поколения мигрантов. Для них характерна потеря родного языка и, как следствие, постепенная утрата культурной самобытности. Происходит ломка механизмов воспроизводства культурной самобытности в последующих поколениях, наблюдается и утеря традиционных связей между представителями общины.

Дальнейшее будущее кыргызской диаспоры России будет полностью зависеть от степени ее самоорганизации, при этом спектр возможных вариантов развития достаточно широк – от формирования субэтнуса до полной ассимиляции.

Список литературы

1. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 16–24.

2. Осепян А.К. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде // Вестник ОГУ. – 2013. – № 7 (156). – С. 68–76.

Модель мультикультурализма в ЕС: идея, реальность и перспективы

Дзись Юлия Викторовна

кандидат политических наук, доцент кафедры международного права
Юридического института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Культура того или иного сообщества в обычных условиях воспринимается им как данность, но по мере вторжения в его жизнь инородных элементов местная культура все больше начинает восприниматься как основа идентификации человека. Таким образом, культура народа влияет на самоидентификацию нации только в динамике, которая, в свою очередь, зависит от общественно-политической и экономической ситуации.

В последние годы резко вырос поток мигрантов из бывших колониальных государств в капиталистический центр, а значит, возникает проблема диаспор.

Британский историк, социолог и культуролог Арнольд Тойнби рассматривал вопросы диаспоры как неизбежный продукт различий в уровнях развития цивилизаций, когда происходит так называемый ввоз представителей более отсталых сообществ для выполнения функций, которые развитый социум уже не может или не хочет выполнять (турецкие рабочие в современной ФРГ). Тойнби предлагает три возможных варианта дальнейшего развития событий:

- диаспора, после того как необходимость в ней отпадает, бывает уничтожена или изгнана;
- диаспора становится господствующим чужеродным меньшинством, которое управляет большинством коренных жителей;
- диаспора ассимилируется [1, с. 365].

Говоря в этой связи о политике Европейского союза в области культуры, необходимо отметить, что европейцы выбрали третий вариант построения отношений с представителями тех или иных диаспор – их культурную ассимиляцию, что нашло свое отражение в политике мультикультурализма, в формировании общеевропейской идеи, единой для представителей всех культур и религий, постоянно проживающих на территории ЕС.

Таким образом, мы выяснили, в чем заключается основная идея политики мультикультурализма. Теперь постараемся понять, насколько успешной в настоящее время является эта политика.

Массовый приток иммигрантов в ЕС в настоящее время намного превзошел масштабы традиционных диаспор. Большинство иммигрантов приезжает в ЕС из стран третьего мира, таких как Афганистан, Индия, Пакистан, Бангладеш, Камбоджа и т. д., население которых отличается от местных жителей и религиозной принадлежностью, и цветом кожи. Отношение европейцев к этой проблеме ясно выражено в одной из статей газеты «Монд»: «Именно тогда, когда нам необходимо сильное чувство национальности, для того чтобы помочь интегрировать и абсорбировать новое поколение иммигрантов, принадлежащих к разным расам и религиям, французов просят перенести свою лояльность на какую-то неясную европейскую идею. Это противоречие вызывает кризис идентичности и подрывает доверие к нашему политическому руководству» [2, с. 87]. Таким образом, очевидно, что приток беженцев и иммигрантов вызывает со стороны местных жителей протесты, которые в большинстве своем имеют ярко выраженный националистический подтекст.

Каковы же причины провала политики мультикультурализма на современном этапе?

Одной из причин, бесспорно, считается экономика. По статистике уровень жизни большей части иммигрантов заметно ниже, чем местного населения. Это обусловлено как более низким заработком, так и высокой рождаемостью в семьях иммигрантов. В свою очередь, низкие доходы влияют на условия проживания. Многие семьи иммигрантов вынуждены жить в крайне стесненных условиях. Этот феномен специалисты называют «новой бедностью», которая подобна бедности, свойственной многим европейцам сразу же после окончания Второй мировой войны. Низкий уровень жизни мигрантов приводит к социальному расслоению в обществе, и, как следствие, речь об интеграции в национальные сообщества государств уже не идет.

Это одна из причин неэффективности политики мультикультурализма, но не единственная. Главной причиной является причина цивилизационная. Для того чтобы лучше ее понять, необходимо ответить на вопрос: какой культурный тип представляет собой Европа и с каким культурным типом ей приходится взаимодействовать? И здесь возникает проблема «Запад – Восток». В своей книге «Ориентализм» известный палестинско-американский философ и литературовед, профессор Колумбийского университета Эдвард Саид замечает: «Восток – это... один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого» [3]. В своей работе Э. Саид последовательно критикует всю западную культуру за отказ от признания за Востоком права на существование в качестве самостоятельного субъекта.

Таким образом, в цивилизационном плане основная причина провала политики мультикультурализма состоит в том, что приезжающие в страны Европы (Евросоюза) представители исламской цивилизации не воспринимают либерализм с его культом индивидуализма и личного успеха. Как следствие, складывается тенденция взаимного отчуждения и непонимания, которая несет в себе большой конфликтный потенциал.

Это уже привело к реальным конфликтам в европейских странах, а в перспективе может привести к увеличению числа таких конфликтов. В качестве примера можно привести события 2011 г., когда Андерс Беринг Брейвик на острове Утойя расстрелял 77 «мультикультуралистов».

Еще одной проблемой является террористический потенциал и среди иммигрантов. Сегодня спецслужбы многих европейских стран констатируют существование сложившейся сети радикальных исламистских группировок. В одной только ФРГ власти насчитали более 3800 радикальных исламистов [4, с. 4]. Причем важно заметить,

что речь идет только об активистах, попавших в поле зрения спецслужб. Если учесть сплоченность и замкнутость диаспор выходцев из мусульманских стран, то реальное количество радикалов может оказаться значительно большим.

Еще одной важной проблемой в перспективе, которую хотелось бы отметить, является взаимное отчуждение между коренным населением и иммигрантами на бытовом уровне. Эта проблема тесно связана с предыдущей – с радикализацией мусульманской общины. Эксперты говорят о том, что в настоящее время складывается так называемый феномен параллельных обществ, суть которого в том, что представители Западного и Восточного мира терпят друг друга, но одновременно с этим друг другу не доверяют [5, с. 163].

Феномен диаспоры заключается в том, что среди ее представителей сильнее ощущается чувство родства с земляками. Это чувство заставляет представителей одного этноса держаться вместе, помогать друг другу. Такое существование параллельного мира, замкнутого, живущего по своим законам, не может не вызывать тревогу у коренных жителей, склонных видеть в каждом мусульманине террориста.

В заключение хотелось бы процитировать бывшего федерального канцлера ФРГ Гельмута Шмидта, который осознал всю серьезность проблемы еще в 1992 г. В своем интервью газете «Франкфуртер Рундschau» он выступил с резкими заявлениями по вопросу иммиграции и заявил: «Я полагаю, что было ошибкой, что мы во времена Людвиг Эрхарда с усердием и с помощью всевозможных инструментов привлекали иностранных рабочих в ФРГ... Ни из ФРГ, ни из Франции, ни из Великобритании нельзя делать страны-реципиенты миграции. Наши общества этого не вынесут. Тогда общество деградирует... Все имеет границы. Представление о мультикультурном обществе, возможно, этически обосновано, но на практике оно в условиях демократии, в которой каждый гражданин может делать и позволять делать все, что он хочет, вряд ли осуществимо» [6, с. 16].

Таким образом, мы выяснили, что в настоящее время модель мультикультурализма сталкивается с серьезными проблемами, решение которых не терпит отлагательства; и от того, насколько успешно Европа справится с этими вызовами, в конечном итоге зависит ее будущее.

Список литературы

1. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.-СПб., 1995.

2. Мнацаканян М.О. Нации: психология, самосознание, национализм (интегральная теория). – М., 1999.
3. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., 2006.
4. Salafistische Bestrebungen in Deutschland. Bundesamt für Verfassungsschutz. – 2012.
5. См.: Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы: монография / Н.П. Шмелев и [др.]; под общ. ред. Ал.А. Громько и В.П. Федорова; Федеральное гос. бюджет. учреждение науки «Ин-т Европы Российской акад. наук». – М., 2014.
6. Цит. по: Antrag der National-demokratischen Partei Deutschland auf Vorlage des Verbotsantrages beim Europäischen Gerichtshof. Stellungnahme der NPD zum Verbotantrag der Bundesregierung. Teil 1. Eigendruck im Selbstverlag. – 2003.

Современные подходы к международно-правовому регулированию проблем вынужденной миграции

Пайтян Роза Хачатуровна

старший преподаватель кафедры международного права
Юридического института Сибирского федерального университета
г. Красноярск

В условиях глобализации, интеграции и стирания национальных границ происходит возрастание миграционных процессов. Реалии современного мира показывают, что необходимо принимать меры, направленные на регулирование такого явления. Мировая практика свидетельствует о том, что международному сообществу и отдельным государствам не удалось наладить достаточное правовое обеспечение миграционной деятельности. Это сложный процесс, который затрагивает права и свободы человека, именно из-за этого необходимо наиболее тщательное регулирование миграционной политики государств.

Масштабы и сложности современной миграции диктуют необходимость научного осмысления миграции, которая охватила многие государства и национальные общества. Миграцию невозможно оценить однозначно. С одной стороны, она влияет на рынок труда, в какой-то степени осуществляет его стабилизацию, изменяет экономиче-

скую составляющую населения, но, с другой стороны, происходит неблагоприятное влияние на социальную сферу, рост преступности, безработицы.

Для более детального регулирования вопросов миграции необходимо улучшать как национальные правовые акты, так и международные. Правовое регулирование миграционных процессов в России осуществляется Конституцией, федеральными законами, такими как: ФЗ «О беженцах», ФЗ «О вынужденных переселенцах», ФЗ «О правовом положении иностранных граждан», ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ». Миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации является одной из форм государственного регулирования миграционных процессов и направлен на обеспечение и исполнение установленных Конституцией Российской Федерации гарантий соблюдения права каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации и других прав и свобод личности, а также на реализацию национальных интересов Российской Федерации в сфере миграции [1].

Генеральная Ассамблея ООН на первой сессии, проходившей в 1945 г., сформулировала принципиальные подходы к разрешению проблемы вынужденной миграции. А именно, что проблема беженцев является международной по своему охвату и характеру, ни один беженец или перемещенное лицо, окончательно или абсолютно добровольно выразившее веские причины своего нежелания возвращаться на родину, не должны принуждаться к этому. Будущее таких беженцев и перемещенных лиц должно стать объектом деятельности международного органа, который необходимо создать. Поэтому основной задачей в рамках международного сообщества становится поощрение и содействие всеми возможными путями скорейшему возвращению беженцев в покинутые ими по тем или иным причинам страны [2].

Международная практика выработала многочисленные документы в области правового статуса беженцев, вынужденных переселенцев, нелегальных мигрантов. К таким относятся, например, Конвенция о статусе беженцев 1951 г., Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и их семей 1990 г., Конвенция против транснациональной организованной преступности 2004 г., Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенция

о приграничном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств 2010 г. и другие. Однако, как показывают современные реалии, такое регулирование является недостаточным. Необходимо устранять правовые пробелы, которые стоят на пути установления оптимального уровня регулирования миграционных проблем.

Одной из основных проблем в области международного регулирования миграционных потоков является отсутствие унифицированного определения понятия «мигрант». Кроме того, проявляется несовершенство определения понятия «беженец», закрепленного в Конвенции 1951 г. Представляется верным дополнить указанием на ситуации массовых нарушений прав человека и вооруженных конфликтов в стране исхода [3]. В качестве примера можно использовать Соглашение стран СНГ 1993 г. «О помощи беженцам и вынужденным переселенцам» [4]. В данном региональном международно-правовом акте дается расширительное определение, в нем содержится указание на язык как одно из оснований преследования и требуется установление наличия связи между совершением насилия или преследования или существованием реальной опасности подвергнуться преследованию и вооруженными и межнациональными конфликтами.

Представляется верным ввести институт ответственности в отношении тех государств, по вине которых происходят оттоки населения из своих обычных мест проживания в поисках стабильной жизни. Это зачастую является следствием вооруженных конфликтов, внутренних беспорядков, гражданских войн, которые начались по вине вмешательства во внутренние дела государств. Международным правом, в частности Уставом ООН, закреплен данный принцип. Никакое государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства [5]. В международно-правовые акты, которые относятся к защите прав мигрантов, необходимо ввести такую норму. Современные реалии показывают, что именно из-за такого вмешательства и создания беспорядков происходили оттоки лиц, ищущих убежище, из Ливии, Сирии и других стран.

Кроме этого, является целесообразным осуществлять временную защиту лиц, которые еще не получили статус беженца. Зачастую временные промежутки рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища затягиваются, и неясно, каким статусом обладают такие лица. Введение нормы о правовом положении такой категории лиц позволит, с одной стороны, наделять их правами, с другой стороны, они

уже будут обладать определенными обязательствами перед государством, которое рассматривает возможность предоставления убежища.

Еще одним важным моментом является необходимость принятия универсальной конвенции о территориальном убежище. В 1967 г. Организация Объединенных Наций приняла Декларацию о территориальном убежище [6]. Важной является норма, в соответствии с которой ни к какому лицу, которое ищет убежище, не должны применяться такие меры, как отказ от разрешения перехода границы или, если оно уже вступило на территорию, на которой ищет убежище, высылка или принудительное возвращение в какую-либо страну, где это лицо может подвергнуться преследованию. Однако декларация носит лишь рекомендательный характер. Конвенцию выработать так и не удалось. В этой области прогрессивными являются положения Каркасской конвенции ОАГ 1954 г. и Конвенции ОАЕ 1969 г. Принятие универсальной конвенции явилось бы прогрессивным шагом в области защиты прав беженцев.

Кроме осуществления защиты прав мигрантов, необходимо проводить политику по воспитанию правовой культуры лиц, которые в силу преследований на территории собственного государства пересекают границы и ищут хорошие условия жизни. Миграционный кризис в Европе показал всю опасность, которой может подвергнуться местное общество, столкнувшееся с чрезмерным притоком мигрантов. Сами мигранты должны уважать законы государства, в которое прибыли.

Проблема мигрантов продолжает оставаться вызовом международному сообществу. Необходимо переосмыслить всю существующую международно-правовую базу, регулиующую правовой статус таких лиц и их защиту. Современный миграционный кризис, вызванный гражданскими войнами в странах Ближнего Востока, показал необходимость пересмотра способов разрешения такой ситуации. Ее невозможно разрешить на внутригосударственном или региональном уровне, необходимо предпринимать более глобальные меры.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 19.07.2017) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Иванов Е.В. Вынужденная миграция в международных правовых документах // Власть. – 2010. – № 3. – С. 82–83.

3. Ястребова А.Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации // ВАКО. – 2014. – С. 116–118.

4. Международные акты. Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам [принято 24 сентября 1951 г.] // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 5. – С. 20–23.

5. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета от 21 декабря 1965 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru>.

5. Декларация о территориальном убежище от 14 декабря 1967 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru>.

Культурная апроприация как форма взаимодействия культур

Худоногова Анастасия Евгеньевна

магистрант направления «История искусств» кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Лобакова Наталья Михайловна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

В связи с тем, что человечество живет в эпоху Интернета, глобализации и поп-культуры, все чаще встают вопросы о культурной идентичности и обоснованности практики культурной апроприации, то есть заимствования атрибутов культуры других народов. Возникают вопросы о том, где лежит та грань между уважением к чужой культуре, бережным заимствованием и откровенным воровством? Как именно взаимодействуют культуры и возможна ли в контексте этого культурная апроприация в принципе?

Понятие «культурная апроприация» распространилось в течение последних 20 лет. Термин появился как часть профессионального лексикона постколониальной критики западного экспансионизма [2].

В отношении культурной апроприации участники действия делятся на «инсайдеров» и «аутсайдеров» [3]. «Инсайдеры» – участники культуры, «аутсайдеры» – те, кто совершает акт культурной апро-

приации. Культурная апроприация весьма неоднородна и можно предложить следующую типизацию.

1. Предметная апроприация – аутсайдер делает культуру или жизнь инсайдеров предметом картины, истории, фильма или другого произведения искусства; то есть, если русский напишет книгу от лица эвенкийской культуры, это культурная апроприация.

2. Контентная апроприация – художник использует культурные продукты инсайдеров в производстве своего собственного искусства. Данный вид апроприации довольно разнообразен. Например, музыканты, которые исполняют музыку не своей собственной культуры, занимаются контентной апроприацией. Писатель, который пересказывает легенды, произведенные членами другой культуры, также занимается присвоением контента. Иногда присваиваемое содержание – не целое произведение искусства, а стиль или мотив. Белые музыканты, которые выступают в стиле джаза или блюза, разработанных афроамериканцами, участвуют в контентной апроприации.

3. Объектная апроприация – владение материальным объектом (например, скульптурой). Может быть передано от членов культуры, которые произвели его, во владение посторонних. Один из самых известных случаев присвоения объекта – перенос фриз из Парфенона в Британский музей.

В данный момент не наблюдается единой точки зрения по вопросу культурной апроприации. Какая-то часть относится отрицательно, а другая – положительно, критикуя сторонников негативного отношения к культурной апроприации.

Под культурной апроприацией с негативной стороны чаще всего понимается форма угнетения доминирующей культуры над культурой меньшинств, например, когда белые американцы заимствуют атрибуты индейской культуры [1]. Например, когда белые, да и вообще неиндейцы, носят индейский головной убор. При этом происходит утрата символического культурного контекста. Он носит некая фестивальная, тусовочная фишка, хотя вообще-то это элемент военной и статусной регалии, применяющейся в обрядах и танцах. То есть без всякого на то спроса человек берет важный элемент чужой культуры и делает с ним что хочет. Вообще, для коренных американцев культура настолько важна для выживания, что ученые и активисты все чаще выступают против присвоения индейской культуры. Большинство коренных американцев были почти уничтожены из-за плохого обращения Америки с ними. В конце концов, настоящие коренные американцы вымрут, и только их культура станет последней памятью неко-

гда великих народов. Если воспоминания об этих народах будут принадлежать только спортивным командам американского футбола да стереотипным образам из вестернов, то сотни лет их истории и богатой традиции не будут значить абсолютно ничего. То же самое происходит и на Хэллоуин, когда в качестве нарядов берут национальные костюмы или религиозные образы различных народностей, хотя они явно предназначены не для этого.

Тем не менее у культурной апроприации есть одна проблема, заключающаяся в том, что не всегда можно четко обозначить культуру с точки зрения необходимых и достаточных условий [4]. Культуры переплетаются и пересекаются. Чтобы ответить на вопрос, оскорбительна ли культурная апроприация, необходимы исследования, которые бы могли нам сказать о том, насколько сильно члены меньшинств оскорбляются определенным апроприрующим актом. Только тогда можно будет утверждать, какой акт культурной апроприации является неприемлемым. Кроме того, необходимо определить социальную ценность искусства. Например, в некоторых своих пьесах Шекспир обращается к культурам других народов, что с точки зрения культурной апроприации для некоторых может показаться оскорбительным. Но ценность его пьес, ценность его культурного наследия превышает значимость оскорбления определенной группы людей. В современном мире некоторые из самых интересных работ в области искусства являются результатом культурного присвоения. Например, почти вся современная популярная музыка основана на музыке африканцев. Композитор Стивен Райх, один из самых важных музыкантов современной Америки, присвоил своему творчеству элементы музыкальной культуры народов Ганы. Благодаря апроприации японской философии мы имеем поэзию битников.

Одним из основных аргументов против негативной концепции культурной апроприации является свобода самовыражения. Создание произведения искусства является привилегированной формой самовыражения. Создание художественного произведения существенно для самореализации личности. Художники часто используют свои работы для исследования вопросов, которые, по их мнению, являются значимыми. Тем не менее при использовании элементов другой культуры должно проявляться как можно больше уважения. Этот императив особенно силен, когда художники заимствуют у культуры угнетенного меньшинства. И пока они относятся с уважением к культуре, нет никаких оснований для того, чтобы считать культурную апроприацию оскорбительной.

Человеческое общество имеет долгую историю включения культурных элементов из других культур в свои, но никогда этого не происходило чаще, чем сегодня. На протяжении веков, если не тысячелетий, художники и писатели, архитекторы и модельеры, публицисты и рекламодатели свободно одалживали материальное и нематериальное наследие. Существует множество свидетельств того, как человеческие достижения зависят от передачи знаний между культурами. Примером могут служить технологии, которые формируют наш мир. В условиях все более быстрого и глобального распространения традиционно-ориентированных изображений, идей и материальной культуры принято предположение о том, что объекты и образы являются элементами общего наследия человечества. В этом духе растущий контингент ученых и активистов настойчиво защищает свободный поток идей, образов и знаний – внутри и между обществами, древними и современными – на том основании, что это необходимо для инноваций и творчества. Часто сторонники открытого доступа обращают внимание на выгоды, которые приносят потоки исходным сообществам и культурам (или их потомкам), а также получателям, которые черпают вдохновение из культурного наследия других. Открытый обмен традиционными предметами, практиками, идеями и знаниями может играть роль послон, способствуя межкультурному взаимопониманию и почтению. Главное – всегда помнить об уважении, когда заимствуешь культурные элементы.

Список литературы

1. Joshua R. Cumberland County College Cultural Appropriation & White Privilege. – Режим доступа: <https://www.academia.edu>.
2. Rogers R. From Cultural Exchange to Transculturation: A Review and Reconceptualization of Cultural Appropriation // *Communication Theory*. – 2006. – Vol. 16. – P. 474–503.
3. Young J.O. *Cultural Appropriation and the Arts* // John Wiley & Sons. – 2010. – 168 p.
4. Young J.O. Profound Offense and Cultural Appropriation // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. – 2005. – Vol. 63. – P. 135–146.

Часть 2

**Профессиональный стандарт деятельности
специалиста по вопросам межнациональных
и межконфессиональных отношений
как база для реализации государственной
национальной политики
Российской Федерации**

**О проблеме обеспечения прав мигранта
на достоинство**

Зобнин Василий Сергеевич

направление «Юриспруденция» Юридического института
Сибирского федерального университета

Протопопова Татьяна Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства
и права Юридического института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Все чаще в России и Европе звучат откровенно экстремистские лозунги из-за усиливающихся миграционных процессов [1]. Экстремизм как социальное явление тесно связан с унижением человеческого достоинства на почве языковых, религиозных, национальных различий. Эта взаимосвязь имеет различные аспекты.

Во-первых, унижение человеческого достоинства может выступать целью экстремистской деятельности. В частности, в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») в качестве возможных целей такой дея-

тельности названы возбуждение унижения национального достоинства, пропаганда неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности [2]. Броским примером этого можно назвать пропаганду антисемитизма, проводившуюся в нацистской Германии [3, с. 40].

Во-вторых, унижение человеческого достоинства может выступать средством экстремистской деятельности. Например, в этой связи интересен приказ генерал-губернатора Казахстана от 1903 г.: «В знак преклонения туземного населения перед русской властью предложить всем туземцам всюду почтительно приветствовать офицеров и чиновников всех ведомств вставанием и поклоном» [4, с. 9]. Государство своей политикой пыталось сформировать пренебрежительное отношение к лицам нерусской национальности. Уже сами по себе меры можно рассматривать как унижительные.

В-третьих, унижение человеческого достоинства может выступать фактором, порождающим экстремистскую деятельность. С одной стороны, формирование представлений о своем превосходстве одних социальных групп над другими может послужить поводом для притеснений в отношении «неполноценных» социальных сообществ. С другой стороны, оскорбления по национально-религиозным критериям порождают негативное отношение оскорбленной стороны. Поскольку оскорбления носят национально-религиозную окраску, критерий, лежащий в их основе, усваивает и оскорбленная сторона при формировании своей реакции: диаметрально-противоположное негативное отношение имеет в основе критерий, закладываемый самими обидчиками.

К примеру, по утверждениям советской историографии, жесткая царская политика в отношении «иностранцев» была направлена на разъединение русского пролетариата и представителей других народностей. В результате формирования стереотипов о превосходстве русского населения над нерусским частым явлением социальной жизни Российской империи были национальные погромы. Акты насилия со стороны русского населения порождали ответное негативное отношение со стороны других народов Российской империи [4, с. 8–12].

В качестве другого примера можно назвать ситуацию, которая сегодня сложилась в Германии. Согласно данным МВД Германии за 2016 г. число преступлений на почве межнациональной вражды выросло на 14,3 % [5]. В то же время существенно увеличился и уровень преступности среди мигрантов [6].

Отметим, что в приведенных исторических примерах отчетливо просматривается связь между экстремизмом, а значит унижением человеческого достоинства, и этническим составом населения. Направляется вывод, что изменения этнического состава имеют огромное влияние на экстремизм как социальное явление. Очевидно, что одним из важнейших путей изменения этнического состава населения являются миграционные процессы.

Это обуславливает существование проблемы обеспечения права на достоинство мигрантов. В частности, Международная организация труда в своей деятельности обращает внимание на необходимость обеспечения «условий свободы, равенства, безопасности и уважения человеческого достоинства» для работников-мигрантов [7, с. 2]. Меняя место своего жительства (временно или окончательно), человек попадает в позицию слабой стороны.

Во-первых, попадая в новую социальную среду, мигрант оказывается окружен чужими социальными нормами. Иными словами, мигрант не может без перестройки своих социальных установок поменять свои модели поведения. Человек может нарушить нормы социального сообщества в силу хотя бы того, что он с ними незнаком или они чужды ему в силу его социальных установок.

Во-вторых, мигрант чаще всего разительно отличается по ряду признаков от представителей коренного населения. Это обстоятельство не позволяет ни самому мигранту считать себя частью общности, ни окружающим представителям коренного населения рассматривать его в качестве такого. В силу подавляющего численного перевеса мигрант не имеет потенциальной возможности самостоятельно защитить себя от социальной агрессии.

Безусловно, проблема обеспечения прав мигранта на достоинство крайне актуальна. Неоспоримо и то, что государство не должно игнорировать эту тему, так как она имеет огромное значение для «защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности РФ» [2]. Однако неправильные меры могут еще более усугубить ситуацию.

Как было показано, государство может ввести политику ограничений. В частности, высказываются предложения за использование экономических рычагов для снижения потока трудовых мигрантов [8]. Снизится частота взаимодействий между представителями местного населения и мигрантами. Градус общественных трений несколько остынет. Очевидно, что уменьшение количества мигрантов также снизит количество преступлений, совершаемых ими.

Однако корень проблемы – культурно-религиозные отличия – нельзя устранить подобным образом. Оставшиеся мигранты будут испытывать еще большее негативное воздействие со стороны общества. Более того, государство, оценивая миграцию как негативное явление, а мигрантов как угрозу, укрепляет в сознании своих граждан негативное отношение к ним. Уже принятие подобных мер носит дискриминационный характер, а потому несовместимо с обеспечением права на человеческое достоинство.

Позитивные меры со стороны государства также сложно назвать адекватными для обеспечения прав мигранта на человеческое достоинство. Предпринятые положительные меры могут вызвать резкое недовольство со стороны местного населения. Коренное население может возмутиться относительно того, что государство проявляет большую степень заботы о приезжих, нежели о своих гражданах. В частности, «некоторые восточные немцы считают, что государство о них забыло, но при этом финансирует беженцев. Именно это приводит к всплескам ненависти и преступлениям в отношении мигрантов» [5]. Предоставление дополнительных политико-правовых гарантий мигрантам может служить средством обеспечения прав на достоинство лишь в исключительно формальном смысле. На деле приведет к еще большему всплеску экстремистских настроений. Указанные меры могут привести к снижению доверия населения и авторитета государственной власти.

Введение ограничительных или поощрительных мер не способствовало бы устранению обстоятельств, лежащих в корне национально-религиозных противоречий. Подобные меры лишь устраняют «симптомы», усугубляя саму проблему. Таким образом, проблема достоинства мигранта не может быть разрешена с помощью создания дополнительного правового массива, непосредственно ориентированного на разрешение проблем миграции.

Национально-религиозные отличия невозможно устранить без применения жестких чаще всего дискриминационных механизмов. Поэтому представляется возможным и необходимым проведение политики формирования межнациональной толерантности, то есть «принятие другой этнической группы с ее особенностями» [9, с. 8104]. Взаимная неприязнь может порождаться из-за незнания чужой культуры, быта, религиозных убеждений и возникающих на такой почве страхах перед чем-то чуждым. Для преодоления этого целесообразно создать систему взаимного культурного, учебно-научного обмена, экономического и социального сотрудничества

в рамках общих интересов, обучения приезжих основным правовым и морально-этическим нормам принимающей страны. Одним из удачных примеров такой политики можно назвать Германскую службу академических обменов (DAAD). В частности, важнейшими направлениями деятельности данной организации являются «интернационализация немецких вузов, укрепление германистики и статуса немецкого языка за рубежом» [10].

Таким образом, введение поощрительного или ограничительного режима для обеспечения права мигрантов на достоинство нецелесообразно. Государственная политика в данной сфере должна быть направлена на устранение социальных первопричин. Формирование межнациональной толерантности может быть достигнуто за счет построения всестороннего диалога между нациями.

Список литературы

1. Киселев Е. Неонацисты устроили акции по всей Европе // «ТВ Центр» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/122242>.

2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=189271&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9341830051626114#0>

3. Жуков Д.А., Ковтун И.И. Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях РСФСР, 1941–1944 гг.: монография. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015.

4. Мегружан Ф. Религия и национальная рознь. – М.: ГАИЗ, 1939.

5. Бухарова М. По следам мигрантов: в Германии выросло число преступлений на национальной почве // RT на русском [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/391915-nacionalizm-prestupleniya-natsizm-germaniya-migranty>.

6. Уровень преступности среди мигрантов в Германии бьет рекорды // Mignews [Электронный ресурс]. – URL: http://mignews.com/news/disasters/260417_201908_09038.html.

7. В поисках достойной работы – права работников-мигрантов: руководство для членов профсоюза. – М.: МОТ, 2010.

8. «Хотим, чтоб мигрантов не было»: Собянин высказался за удорожание трудовых патентов // Труд: общественно-политическая газета [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.trud.ru/article/25-10->

2017/1355768_xotim_chtob_migrantov_ne_bylo_sobjanin_vyskazalsja_za_udorozhanie_trudovyx_patentov.html.

9. Бухарова М. По следам мигрантов: в Германии выросло число преступлений на национальной почве // RT на русском [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/391915-nacionalizm-prestupleniya-natsizm-germaniya-migranty>.

10. Ананьина В.Т. Межэтническая толерантность и особенности ее исследования в межнациональных семьях // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. – М.: РОС, 2012.

11. О DAAD / DAAD Россия [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.daad.ru/ru/o-nas/o-daad>.

**Практики развития
межэтнического взаимодействия
в поликультурной среде
Сибирского федерального университета**

Попова Юлия Владимировна

ассистент кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии
Сибирского федерального университета,

Смолянинова Ольга Георгиевна

доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, профессор кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования
Института педагогики, психологии и социологии
Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Целью Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [1] является гармонизация межнациональных и межэтнических отношений, укрепление общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации). Среди наиболее важных вопросов государственной национальной политики, требующих особого внимания, в контексте наших исследований можно выделить развитие гражданской и этнической идентично-

сти, налаживание социального партнерства и профилактика экстремизма. Проблемы профилактики экстремизма на национальной и религиозной почве представлены в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014–2020). Согласно п. 21, пп. Е, Государственной национальной политики Российской Федерации задачи в сфере образования «...заключаются в формировании у детей и молодежи общероссийского гражданского самосознания... в воспитании культуры межнационального общения, основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей народов России на всех этапах образовательного процесса» [2].

В настоящее время проблема гармонизации межнациональных отношений в молодежной среде приобретает особую актуальность. На смену проблеме сепаратизма пришла новая угроза – рост ксенофобии и связанных с нею экстремистских идеологий. Очевидно, что необходимо обстоятельное изучение причин возникновения данных явлений и мобилизация совместных усилий власти, науки, бизнеса, образовательной и социальной сферы по снятию напряженности и предотвращению конфликтов. Факторы межэтнической напряженности представлены на рис. 1.

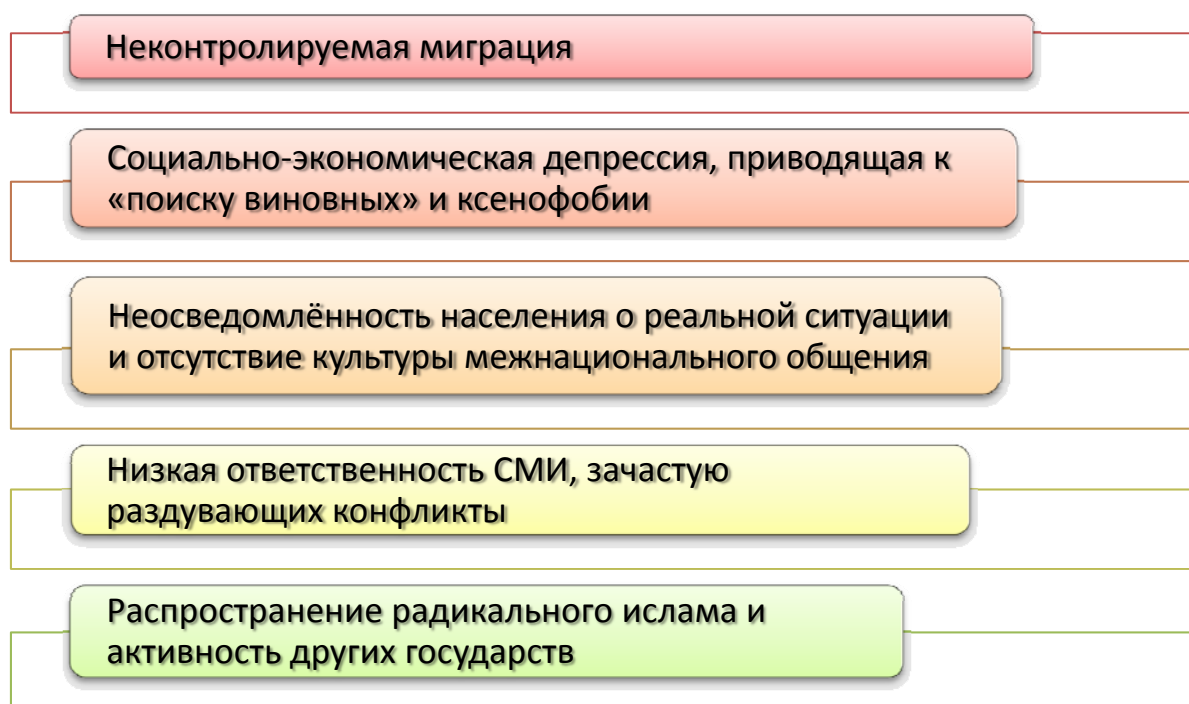

Рис. 1. Факторы межэтнической напряженности

В теории и практике межэтнических конфликтов мы опираемся на работы Э. Паина, которые приводят их классификацию по характеру действий конфликтующих сторон.

Конфликт стереотипов

Этнические группы четко не осознают причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ «нежелательного соседа». Как пример приводится армяно-азербайджанский конфликт. Взаимная неприязнь возникла задолго до активной стадии конфликта.

Конфликт идей

Выдвижение тех или иных притязаний. Обоснование «исторического права» на государственность, на территорию (Эстония, Литва, Татарстан, в свое время идея Уральской республики). Разрабатываются основные идеологемы, политическая мобилизация вокруг которых есть уже проявление конфликта.

Конфликт действий

Митинги, демонстрации, пикеты, принятие институциональных решений, открытые столкновения. Эта классификация скорее отражает стадии и формы межэтнических конфликтов, однако многие конфликты так и остаются «конфликтами идей».

Усилия образовательных институтов, власти и общества направлены на формирование и развитие толерантности. Это понятие в последнее время подвергается жесточайшей критике, его полемизируют политики, ученые и простые граждане.

Проблема толерантности в современном мире приобретает особое значение для понимания перспектив развития российской государственности. Толерантность – это сложный и многогранный феномен, который включает в себя различные аспекты социальной жизни: этнический, межкультурный, религиозный, политический, социальный. В разное время в разных социальных условиях какой-либо из этих аспектов приобретает наибольшую актуальность для того или иного общества. В странах, где демократия существует на протяжении нескольких веков, вопрос о политической толерантности является одним из важнейших, так как уровень толерантности в обществе является индикатором его демократизации.

По мнению авторов, в современных условиях особые усилия образовательных институтов следует акцентировать на формировании и развитии толерантности в молодежной среде, несмотря на весьма

неоднозначное отношение к данной проблематике в обществе. Толерантность к представителям иных культур является составным компонентом поликультурной компетентности, формируемой в процессе образования и воспитания в течение всей жизни. Параллельно с семейным воспитанием функции по формированию и развитию качеств личности, таких как этническая толерантность, социокультурная идентичность и готовность к межкультурному взаимодействию, принимают образовательные учреждения и социальные институты и общественные молодежные организации.

На развитие вышеуказанных компонентов поликультурной компетентности направлена активная деятельность как профессорско-преподавательского состава, так и многочисленных административных структур, молодежных клубов, творческих объединений в Сибирском федеральном университете (СФУ). Университет предоставляет широкие возможности участия в научных событиях и исследованиях, в международных проектах. Сотрудничество с российскими и международными фондами позволяет молодым специалистам и студентам осуществлять академическую и профессиональную мобильность в ведущие вузы мира. В условиях глобализации и расширения академической мобильности принятие обучающимся СФУ базовых национальных ценностей, национальных и этнических духовных традиций разворачивается в основном во внеучебной деятельности. Различные виды творческой активности – танцевальные, вокальные, художественные, промысловые и пр. – помогают осознать принадлежность к национальной группе и развивают этническую идентичность (участие в таких коллективах, как вокально-танцевальная этническая студия «Айхал», ансамбль кыргызского народного танца «Ак куулар», ансамбль славянской музыки «Поверье» и мн. др.). С позиций педагогической науки при обучении студентов в Сибирском федеральном университете в духе межэтнического взаимодействия используются культуросообразные методы (обучающие, мотивирующие, развивающие).

В рамках университетского образования применяются различные подходы и практики развития поликультурной компетентности обучающихся. Обобщая разнообразие поликультурных мероприятий и событий, можно выделить следующие поликультурные практики в СФУ:

- включение студентов в практические действия по широкому кругу межкультурных аспектов;
- организация поликультурных образовательных и культурных событий во внеучебной деятельности;

- академическая международная мобильность;
- расширение теоретических знаний, информированности, в том числе с помощью образовательных курсов, электронных ресурсов и социальных сервисов;
- международная проектная и научно-исследовательская деятельность;
- разработка и внедрение электронных образовательных поликультурных образовательных платформ.

Для подтверждения актуальности вопросов межнациональных отношений в образовательной среде была проведена экспертная оценка представителей научного сообщества г. Красноярска. Опрос был выполнен в марте 2017 г. в рамках курсов повышения квалификации педагогов СФУ по программе формирования гражданской идентичности «Я – россиянин». Согласно результатам опроса, 90 % опрошенных профессиональных педагогических работников (учителей, преподавателей, методистов учебных заведений), считают, что обучающиеся обладают таким качеством личности, как этническая толерантность.

Педагоги – эксперты различных образовательных учреждений Красноярского края, отвечая на вопросы анкеты, отметили, что обучающиеся обладают следующим уровнем сформированности поликультурной компетенции: чуть более половины опрошенных (54 %) указывают, что уровень сформированности поликультурной компетенции – средний, 42 % – что уровень можно считать высоким, и лишь 4 % респондентов выразили мнение, что уровень сформированности поликультурной компетенции у обучающихся низкий (рис. 2).

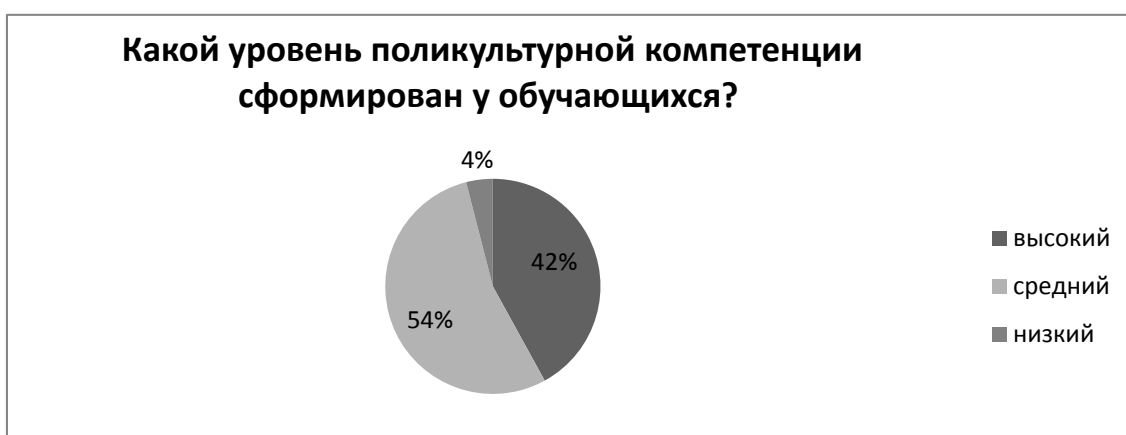

Рис. 2. Экспертная оценка уровня поликультурной компетенции научным сообществом г. Красноярска

Проведенное опытно-экспериментальное исследование, а также экспертная оценка представителей научного педагогического сообщества г. Красноярска подтверждают гипотезу о том, что практики развития поликультурной компетентности для профилактики экстремизма эффективно реализуются в образовательной среде Сибирского федерального университета.

Список литературы

1. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70284810/>.

2. Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 1532 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fادن.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/454/original/Государственная_программа.pdf?1484236417.

3. Паин Э.А. О роли формальных и неформальных институтов в эскалации экстремизма и терроризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/003/680/1219/010.PAIN.pdf>.

4. Паин Э.А. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. – 2014. – Т. 62. – № 1–2. – С. 34–53.

Проблема исследования сообщества мигрантов-мусульман в контексте дискурса «радикализации» (пример г. Томска)

Сметанин Федор Анатольевич

магистрант направления «Антропология и этнология» исторического факультета
Томского государственного университета

г. Томск

Мигранты, которые переселяются в различные регионы России, представляют собой неоднородные в этническом отношении группы. Одни являются «этнически» и религиозно близкими к «русской» этнической группе. Другие же несут в себе элементы иной культуры, в том числе исламской. В результате этих различий возникают проблемы взаимодействия местного (коренного) населения с мигрантами,

межнациональные конфликты, имеющие немаловажный религиозный оттенок. В связи с этим с начала 90-х гг. происходят акты террористического характера, нацеленные на дискредитацию как мигрантов в целом, так и той культуры и религии, которую они представляют.

Для начала нужно определиться в терминах, которые позволят нам выделить из всей группы мигрантов тех, кто исповедует ислам. Многие, кто проживает на территории Центральной Азии или Кавказа, не считают себя мусульманами или не исполняют предписанных обязательных обрядов, таких как пятикратный намаз или уплата обязательного налога – закята. Большая часть мигрантов-мусульман ходит в мечеть только по священным праздникам (Курбан-Байрам, Ураза-Байрам). Принадлежность к мусульманам для них считается скорее маркером социальной идентичности в противоположность к принимающему сообществу или характеристикой социального поведения [1, с. 147].

В процессе интеграции на территории Российской Федерации мигранты со стороны религиозного поля сталкиваются с различными акторами. Это имамы, представляющие мусульманское духовенство, каждый из которых относится к разному духовному управлению мусульман. Специфика г. Томска состоит в том, что, несмотря на передачу местных мечетей так называемым коренным мусульманам, с течением определенных процессов в сфере перераспределения должностных полномочий в лице имамов и руководителей ДУМов вместо татарских имамов на должность религиозных деятелей были назначены выходцы из среды мигрантов [2, с. 104; 3]. Звание главного муллы, или имама, было неформальным, и его носитель определялся в силу какого-то, не всегда единогласного, консенсуса активных верующих в отношении уровня знаний и авторитета конкретного претендента на эту должность. В исламе собственно священнослужителей, строго говоря, не существует. Нигде формально не прописана необходимость такого сословия и условия его формирования. Каждый мусульманин, который получил достаточное образование и пользуется авторитетом у окружающих, может выполнять функции руководителя коллективными молитвами, судьи, учителя и т. д., то есть имеет право называться муллой. Однако в реальности всегда имела и имеет место явная тенденция к превращению группы «образованных и авторитетных мусульман» в нечто похожее на сословие «приватизировавших» исламское знание священнослужителей, с наделением их определенными дополнительными привилегиями, знаками отличия, титулами, которые передаются иногда по наследству независимо от заслуг

и достоинств конкретных людей. К этому надо добавить, что в советское время, когда власть пыталась жестко контролировать ислам, наряду с неофициальными имамами существовала крайне немногочисленная когорта официальных (зарегистрированных государством) имамов, которые напоминали христианских священнослужителей (православных) и были, по сути, проводниками государственного влияния на верующих [4, с. 263–264].

Следующим фактором является власть, представляемая местными и районными депутатами, администрацией, различными проверяющими органами, которые в силу своей некомпетентности или шаблонности заданного дискурса в средствах массовой информации маркируют ислам и мусульман на две противоположных стороны. Одну сторону мы задаем как «традиционный, патриотичный, толерантный», а значит, хороший ислам. Другой вид обозначается как плохой – «подрывающий устои государства, привнесенный из-за рубежа», одним словом, «нетрадиционный». Однако в этом кроется методологическая ошибка, поскольку данная дихотомия предполагает определенные заданные рамки, или категории, для мусульман, входящих в нее. Большое количество верующих уже давно отошли от некогда традиционных, «ортопраксически» заданных категорий и начинают сами заниматься трактовкой религиозных исламских обрядов с точки зрения национального или территориального разделения. Примеры такого феномена можно найти в соотношении понимания обрядов местных мусульман и мусульман, которые приехали из других регионов России. Вот что об этом говорит одна из прихожанок в мечети: «Я всегда говорила: вы не забывайте, что вы не в Средней Азии находитесь, а у нас в Сибири. У нас за один стол садились мужчины и женщины. Хотя вообще-то положены разные столы. Мы сделали так: половину стола женщинам отводили, полстола для мужчин – ну, чтобы в тесном контакте не находиться. <...> Вы знаете, когда праздники, столько много молящихся, и вот, местные некоторые жители, они возмущены, вот, черные заполонили; говорю: да, конечно, но только они содержат наши мечети, и ту, и другую. Когда говорят, что нет местных мусульман, я говорю, они не привыкли, у нас все это было запрещено, даже разговор на татарском был запрещен» [5].

Несмотря на то что идет противостояние между мигрантами и «местными» с постоянным увеличением доли мигрантов в мечетях и молельных домах, начинает происходить русификация исламского религиозного дискурса [6, с. 18–19]. Многие мигранты приезжают с целью найти работу или открыть собственный бизнес, также при-

сутствует миграция с возможностью получения качественного образования или для создания условий для того, чтобы образование получили их дети либо родственники. Приезжая в Томск, они сталкиваются с «коренным» мусульманским меньшинством, которое в основном представлено татарами Томска и Томского района. Как итог, идет активизация молодежи в религиозном пространстве, поскольку она начинает разбирать религиозные тексты с точки зрения «научного подхода».

Проблема здесь не только в изменении принципов познания или изменения существующих традиций. Она сосредоточена в плоскости употребления тех источников, которые мусульмане используют в качестве основных для правильного исповедования религиозных обрядов. Из информации в биографических полуструктурированных интервью классификация источников была разделена на две категории: 1) основные (Коран или Сунна); 2) вспомогательные (сайты или порталы, которые представляют какие-либо разъяснения по бытовым, экономическим, политическим проблемам с точки зрения религии). Данное разделение объясняется фактором использования религиозного языка. В богословской исламской традиции вплоть до недавнего времени Коран был непереводаемым, ибо истинна Аллаха была доступна через арабский язык. В результате этого «реальность постижима через одну-единственную, привилегированную систему репрезентации – язык как истина» [7, с. 59]. Вследствие этого имеет место долгое неприятие переводов Корана на русский и другие языки. Этим могут пользоваться недобросовестные богословы или религиозные деятели, идеи которых мусульмане начинают распространять вокруг себя.

Во вторую категорию также могут войти комментарии имамов как официальных, так и национальных, которых вызывают из своих «родных» регионов. В исламе существуют разные направления, поэтому духовенство призывается для того, чтобы обучать своему направлению или толкованию, чтобы не интегрироваться и не допускать изменений в религиозной традиции. В качестве примера может служить интервью с одним из «национальных» имамов: «Для чтения проповедей меня позвали из Дагестана, из Духовного управления мусульман Дагестана. Это нужно для того, чтобы я разъяснял свой масхаб (шафиитский. – *Прим. авт.*) и правильно совершал обряды, учил детей арабскому языку и проводил Худжру. Здесь меня содержат, присылают деньги на питание, содержание, чтобы я не занимался другими делами» [8].

В связи с различными течениями ислама у мигрантов-мусульман возникают различные противоречия и конфликты. Важность понимания разных течений в исламе исходит из того, что современные выходцы из стран Центральной Азии испытывают потребность в сохранении своих привнесенных традиций и особенностей исполнения ритуалов, но и следят за недопущением различных радикальных форм, которые очень трудно распознать среди множества направлений. Одним из последствий радикализма является его распространение. Сейчас эта форма переросла в миграцию радикально настроенных мусульман на Ближний Восток – в Сирию. В частности, в Томске уже есть несколько случаев. Об этом хорошо известно в национальных общинах: «Потому что, как бы сказать, в России есть много разных течений, кто есть кто – неизвестно. В России пока что нет таких ученых, которые показали бы прозрачность ислама, его разные течения. Один Дагестан возьмите. Там есть национальности, которые верят в разные течения, исповедуют что-то свое, и некоторые студенты были завербованы с Северного Кавказа. Есть такой регион, Югра называется, очень много там ваххабитов. Как раз таки выходцы из Средней Азии. Может быть, и представители Дагестана там есть. Там вообще беспредел. Работающих институтов там вообще нет. Увы. И поэтому никто не знает, что с этим делать. Все боятся. Самая уязвимая точка для России – это национальный вопрос» [9].

Таким образом, исходя из проведенного исследования, мы можем предположить, что мусульманское сообщество мигрантов-мусульман начинает складываться в особое межнациональное религиозное пространство. Негативными факторами, влияющими на этот процесс, является радикализация пространства религиозного поля, а также использование исламского духовенства как административных чиновников. Проблема усугубляется незнанием местной администрацией религиозной специфики сообщества, а также начальной стадии формирования религиозного образования в целом.

Список литературы

1. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015.
2. Томская область: народы, культуры, конфессии: энциклопедия / отв. ред. О.М. Рындина. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007.
3. Нам И.В. Конфликт в мусульманской общине // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филлиповой. – М., 1998. – № 18. – С. 44–45.

4. Абашин С.Н. Практическая логика ислама // Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 256–281.

5. Полевые материалы автора (ПМА). ВХ, ж. 56 л. 09.03.2016.

6. Ислам по-русски: анализ современной исламской литературы в России: учебное пособие / А. К. Бустанов, М. Кемпер. – СПб.: СПбГУ: Президентская библиотека, 2016.

7. Интервью с А.А. М., 28 л. 14.09.2016.

8. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева под ред. С.П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016.

9. ПМА. А. Г. М. 24 г. 20.02.2017

Социокультурная адаптация и интеграция иностраннных студентов в федеральном университете средствами электронного обучения и технологии е-портфолио

Безызвестных Екатерина Анатольевна

старший преподаватель кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета

Смолянинова Ольга Георгиевна

профессор кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-16-24005 «Развитие научно-образовательного комплекса Красноярского края средствами электронной платформы непрерывного образования (PL2S)».

Одной из характерных черт современного общества является усиление масштабности и сложности миграционных процессов, их

значимости и влияния на экономическую, политическую и социокультурную жизнь страны.

Более половины мигрантов, согласно российской статистике, рассчитывают на долгосрочное пребывание в стране, и треть из них рассматривает перспективу постоянного местожительства и натурализации. В этой связи формирование и развитие таких личностных черт, как открытость по отношению к межкультурным различиям, умение жить среди людей других культур, языков и религий, готовность к диалогу, становятся особенно актуальными.

Одной из актуальных проблем в российском образовании становится исследование социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в образовательных учреждениях различных уровней. В этих условиях чрезвычайно актуальна проблема адаптации иностранных студентов из семей этнических мигрантов средствами образования, поскольку именно эта система является ключевым институтом социокультурной адаптации.

Для педагогов, обучающихся и других участников образовательного процесса до сих пор остается актуальной задача поиска оптимальных путей для взаимной адаптации, с одной стороны, принимающего сообщества, с другой – обучающихся мигрантов из семей этнических мигрантов с целью создания благоприятной образовательной среды для тех и других.

Существуют различные подходы в зарубежных и российских исследованиях по проблемам адаптации иностранных студентов. За рубежом адаптация рассматривается в контексте индивидуального «вхождения» представителя иной страны в новую для него культуру. Приоритетными задачами изучения зарубежных исследователей являются общие (определение своего места в жизни, реализация своего потенциала и т. д.) и специфические проблемы иностранных студентов (использование накопленного опыта по возвращении на родину и др.). В отечественной литературе адаптация иностранных студентов рассматривается в контексте трудностей их включения в учебный процесс на разных стадиях обучения, возможностей оптимизации психолого-педагогической и дидактической адаптации на основе системного изучения контингента иностранных студентов с помощью целого ряда методик [1].

Непрерывное образование является целостной системой и мировым трендом в современном обществе. Особую значимость в контексте рассмотрения условий успешной интеграции и адаптации мигрантов выступает поликультурное образовательное пространство в он-

лайн- или офлайн-режимах. В данных условиях образовательное учреждение (школа или вуз) рассматривается как главный агент культурной социализации, причем не только для первого поколения мигрантов, – практически все адаптационные программы здесь рассчитаны также и на второе, и даже третье поколение мигрантов [2].

С 2016 г. в Институте педагогики, психологии и социологии (ИППС) Сибирского федерального университета (СФУ) осуществляются фундаментальные исследования при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-16-24005 «Развитие научно-образовательного комплекса Красноярского края средствами электронной платформы непрерывного образования (PL2S)» [3].

В рамках его реализации проектной командой ИППС СФУ впервые была спроектирована и внедрена электронная платформа непрерывного образования [3] для реализации задач модернизации педагогического образования и развития научно-образовательного комплекса Красноярского края. Главная идея платформы непрерывного образования заключается в создании организационно-методических условий для каждого участника образовательного процесса для личностного и профессионального развития и получения возможности совершенствования и самореализации в течение всей жизни.

Одним из подходов, реализуемых в рамках проекта, к организации непрерывного обучения, в том числе мигрантов в поликультурной среде Сибирского региона, является разработка и использование ресурсов электронной образовательной платформы.

В 2017 г. в рамках реализации проекта РФФИ было проведено исследование на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» с использованием автоматизированного опросника «Социальная адаптация иностранных студентов СФУ», размещенном в разделе «Тестирование» электронной платформы непрерывного образования. В опросе приняли участие 103 иностранных студента. Исследование показало, что, несмотря на высокий уровень подготовки преподавательского состава и качественную организацию учебного процесса, мигранты испытывают трудности в процессе обучения. Проблемы социальной адаптации проявляются прежде всего в сфере коммуникации и усвоения новых знаний, норм, ценностей принимающего сообщества. Была выявлена зависимость эффективности учебной деятельности обучающихся мигрантов

от многих психолого-педагогических и социальных факторов, в том числе от их адаптационного потенциала [4].

В последнее время все более эффективными для создания и непрерывной поддержки благоприятных условий обучения, адаптации и межкультурной коммуникации мигрантов становятся технологии электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, ресурсы электронных платформ непрерывного обучения и электронного портфолио.

В Институте педагогики, психологии и социологии СФУ для социокультурной адаптации и интеграции мигрантов используются следующие ресурсы:

- электронные обучающие курсы по дисциплинам, созданные средствами LMS Moodle и опубликованные в системе электронного обучения (<https://e.sfu-kras.ru>);
- уровневая система электронных портфолио обучающихся [5] (бакалавров, магистров, аспирантов) и специалистов по социокультурной интеграции и адаптации мигрантов [6];
- электронная платформа непрерывного образования Сибири [3].

Далее рассмотрим пример е-портфолио иностранного студента ИППС СФУ направления подготовки «Психолого-педагогическое образование». Для обучающихся-мигрантов значимым является представление себя в новом информационно-образовательном пространстве университета. Раздел «Автобиография» позволяет иностранным студентам отразить важные моменты проживания в родной стране. Как правило, в данном разделе указана страна и город рождения, школа, увлечения до момента переезда и поступления в университет (рис. 1).

Приветствие Резюме Достижения Рефлексия Личное Контакты

Автобиография

Зовите меня по ИМЕНИ!
Меня зовут Тимошенко Дмитрий. Однако я не очень привык к этому имени. Я привык что бы меня звали Митя. Дима я только по паспорту. А так как Дима и Митя это одно и то же имя получается что я не менял себе имени. Я это пишу потому что все при знакомстве спрашивают меня, а некоторые еще и спорят на счет того что я сам не знаю как меня зовут. Это конечно же раздражает.

Я и родители
Я родился в Казахстане, в селе Каменка, в 1997 году 11 Февраля. Жил в поселке Акжар до 18 лет в частном доме. Моя мама родилась в Алма-ате, училась в КазГУ и в итоге стала бухгалтером. Отец учился в железнодорожном техникуме. Он был не глупым тогда но потом он признался, что зря пошел в железнодорожный техникум, что мог получить высшее образование но повелся на поводу у друзей которые уговорили его идти учиться с ними в ЖД техникум.

Счастливые школьные годы
Я всегда учился в гимназиях. В первый класс пошел в гимназию№5 в г.Алматы. Отучился там 5 классов, в 6 перешел в гимназию№27 и доучился все 11 классов. Однако самыми запоминающимися были только последние 2 года в школе. Мне повезло: я попал в дружный класс с нормальными людьми, мне попался лучший классный руководитель нашей школы - Степанцов Василий Борисович. он очень грамотно вел классное руководство и ни разу нас не подводил, как и мы его. В 2015 году поступил в СФУ ИППС на психолого-педагогическое направление.

© Институт педагогики, психологии и социологии СФУ Адрес: г. Красноярск, пр. Свободный, 79 Телефон: +7 (391) 246-99-34

Рис. 1. Раздел «Автобиография» е-портфолио иностранного студента ИППС СФУ направления подготовки «Психолого-педагогическое образование»

Таким образом, средства электронного обучения и технология е-портфолио являются не только ресурсами социальной адаптации и интеграции иностранных студентов в поликультурную среду федерального университета, но и конкурентным преимуществом привлечения иностранных абитуриентов для обучения в СФУ. Развитие информационно-образовательной среды вуза средствами электронного обучения и технологии е-портфолио может стать ориентиром для оптимизации работы специализированных служб СФУ и успешности сопровождения процессов адаптации иностранных студентов.

Список литературы

1. Троцук И.В., Витковская М.И. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2004. – № 1 (6). – С. 169–181.
2. Макаров А.Я. Социокультурная адаптация детей мигрантов в сфере образования: европейский опыт и Россия // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2010. – № 3 (46).
3. Электронная платформа непрерывного образования Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <http://rgnf-pl2ls.ipps.sfu-kras.ru>.
4. Социально-гуманитарные составляющие процессов сопровождения интеграции и социальной адаптации мигрантов средствами образования: учеб.-метод. пособие / М.В. Ростовцева, О.Г. Смолянинова, В.В. Коршунова [и др.]. – Красноярск: Гротеск, 2017.
5. Электронные портфолио обучающихся, опубликованные на сайте ИППС СФУ [Электронный ресурс]. – URL: <http://ipps.sfu-kras.ru/students>.
6. Электронные портфолио специалистов в области социокультурной адаптации и интеграции мигрантов [Электронный ресурс]. – URL: <http://rgnf-pl2ls.ipps.sfu-kras.ru/index.php/portfolio>.

Социальная адаптация иностранных студентов посредством внедрения в работу общественных организаций и объединений

**Лыткина Анастасия Юрьевна
Пастухова Кристина Игоревна**

направление «Экономическая безопасность» Института экономики,
управления и природопользования Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Иностранные студенты являются неотъемлемой частью образовательного процесса во всем мире. Введение системы двойных дипломов (бакалавриат и магистратура), сетевое обучение, многочисленные грантовые программы, направленные на обучение за рубежом, усиливают академическую мобильность, в результате доля иностранных студентов в вузах всего мира постоянно растет.

Приток студентов, несмотря на относительно небольшую долю в общих миграционных потоках, играет огромную роль в развитии науки и инновационного потенциала, росте высокотехнологичных отраслей и «знаниеемких» секторов сферы услуг, таких как образование, здравоохранение, связь и др., и экономики в целом [1]. В обучении своих граждан за рубежом и приеме иностранных студентов заинтересованы как посылающие, так и принимающие страны, берущие на себя часть издержек по обучению. Однако в первую очередь в получении образования за границей заинтересованы сами студенты, которым оно необходимо для последующего трудоустройства и профессионального роста, о чем свидетельствует увеличение численности иностранных слушателей, обучающихся за собственный счет.

Согласно официальной статистике, основными странами, предпочитаемыми вузы Красноярского края в качестве учебных заведений для получения высшего образования, являются Киргизия, КНР, Казахстан, Таджикистан. Однако в настоящий момент на долю иностранных студентов приходится всего 2 % от общего числа обучающихся в университетах Красноярского края [2].

Социальная адаптация иностранных студентов – интеграция человека в новый социально-культурный образ жизни, а также это сложный, многогранный процесс, связанный с большим количеством трудностей как для принимающей стороны, так и для иностранца. Проблему социальной адаптации возможно решить путем прохождения соответствующих стадий адаптации:

- деятельность;
- общение;
- самосознание.

Представляется возможным преодоление стадии общения за счет непосредственного включения иностранного студента в общественную деятельность на базе вуза, молодежных центров и объединений, а также других общественных организаций. Для этого необходима эффективная государственная молодежная политика в части стимулирования общественных организаций и объединений на включение иностранных граждан в работу данных сообществ, например, в качестве волонтеров. Данный аспект является очень важным в контексте повышения квалификации актива сообщества в преддверии XXIX Всемирной зимней Универсиады – 2019.

К основным этапам организации волонтерской деятельности совместно с иностранными студентами можно отнести:

- предварительный этап (подготовительный);
- первоначальный этап (этап отбора);
- образовательный этап (включение в работу);
- основной этап (проведение мероприятия);
- заключительный этап (поощрительный).

Предварительный этап создания волонтерской группы заключается прежде всего в определении вида волонтерства, целей, содержания и направленности добровольческой деятельности. Основные вопросы, на которые необходимо ответить на данном этапе:

- Какое количество волонтеров необходимо для достижения цели и какие психологические типы волонтеров нужны?
- Какие компетенции, навыки, знания и умения необходимы для соответствующего вида работы?
- На какое время необходимы волонтеры?

На предварительном этапе также необходимо составить анкету волонтера на нескольких языках (преимущественно – английский и китайский), где будут обозначены самые важные вопросы. Нужно помнить о том, что волонтерская работа неоплачиваемая. В анкете рекомендуется обозначать вопрос: «Какой вид нематериальной мотивации вы ждете от данного опыта волонтерской деятельности?» При этом следует указать, что от данного проекта получит волонтер:

- знакомство с культурой страны;
- возможность побывать в отдаленных местностях;
- взаимодействие со СМИ;

- взаимодействие со знаменитыми личностями: представителями законодательной, исполнительной власти, сферы бизнеса или другими медийными личностями города, страны или мира;
- возможность личностного развития: тренинги, семинары, обучение русскому языку;
- приобретение новых навыков и компетенций;
- расширение круга знакомств;
- получение опыта работы в определенной сфере;
- другие нематериальные мотивации, которые характерны для проекта.

Это необходимо для того, чтобы замотивировать человека на качественное выполнение поставленных задач.

Первоначальный этап включает в себя отбор волонтеров. Для начала рекомендуется оценить заполненные анкеты потенциальных волонтеров, затем позвать на собеседование тех, кто соответствует заявленным требованиям. Также необходимо подбирать волонтеров под конкретные цели и задачи для более качественного проведения мероприятия.

Образовательный этап – это подготовка волонтера к определенной либо универсальной работе. Необходимо помнить, что данный этап является очень важным, так как от того, как объяснят суть задания, зависит качество дальнейшей работы волонтера. За образовательный этап должен отвечать человек, знающий соответствующий иностранный язык. На данном этапе можно провести инструктаж: тренинги или семинары. Прошедшие отбор волонтеры также могут пройти дистанционное обучение (например, вебинары по соответствующим темам), в финале которого проводится тестирование (срез знаний), если такое имеется. Цель образовательного этапа заключается в том, чтобы научить волонтера работать в команде, разделять цели и ценности организаторов, уметь работать по правилам и выполнять конкретную работу. При осуществлении данного этапа необходимо уделить отдельное внимание дифференциации полномочий всех волонтеров, а также посредством внутреннего тестирования определить тех молодых людей, которые владеют навыками лидерства и ответственности. Данный этап является очень важным для иностранного гражданина, так как включает в себя деятельность и общение с национальными молодежными лидерами и гражданами с активной жизненной позицией.

Основной этап является ключевым в организации деятельности иностранного волонтера. Здесь мы можем оценить качество предла-

гаемых услуг волонтером, работу лиц, предлагающих услуги по повышению навыков, умений, компетенций в рамках образовательных форматов для волонтеров. Однако необходимо распределить задания между волонтерами в соответствии с их интересами, данный аспект является стратегически важным в контексте дальнейшей работы с молодыми людьми. С позиции организаторов необходимо обеспечить координацию деятельности волонтеров во время выполнения их задач, контроль за правильностью выполнения своих функций, мониторинг качества и выделение лучших волонтеров.

Заключительный этап также немаловажен в организации неоплачиваемых работ. Итог мероприятия должен быть знаменательным событием как для самих организаторов, так и для волонтеров. Рекомендуется по окончании события проводить заключительный сбор всех задействованных в данном событии людей для рефлексии и для внутреннего награждения.

Таким образом, нематериальное стимулирование волонтеров классическими и современными способами, их возможность самореализации, являются эффективным способом организации волонтерской деятельности среди молодежи.

Важно отметить, что данный подход позволит сформировать группу иностранных волонтеров, готовых на реализацию социально значимых мероприятий, дальнейшее их участие сократит издержки на реализацию образовательного этапа, а также качество предоставляемых ими услуг существенно повысится. При этом постоянное взаимодействие между различными народностями поможет быстрее адаптироваться каждому мигранту в условиях глобализации.

Список литературы

1. Цапенко И.П. Международная миграция ученых и студентов: возможности государственной политики // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2007. – Вып. 2–3. – С. 37–58.

2. Выхованец О.Д. Образовательная миграция как часть миграционной политики России. Доклад на заседании Научного Совета ФМС России № 387 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0387/analit01.php>.

Гендерные аспекты адаптации детей мигрантов в образовательной среде (по материалам исследования в школах г. Новосибирска)

Монастырская Татьяна Игоревна

доцент кафедры социологии, политологии и психологии

Микиденко Наталья Леонидовна

доцент кафедры социологии, политологии и психологии

Сторожева Светлана Петровна

доцент кафедры социологии, политологии и психологии,
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики

г. Новосибирск

Введение

Помимо вопросов экономической эффективности трудовой миграции, в центре внимания оказываются вопросы адаптации не только взрослых мигрантов, но и прибывающих вместе с ними детей с учетом специфики детского возраста. Исходя из этого, представляет научный и практический интерес рассмотреть особенности адаптации и интеграции детей трудовых мигрантов, социализирующихся в новых социокультурных условиях крупного города [1]. Несмотря на то что российские города, и в первую очередь крупнейшие, являются миграционно привлекательными, решение вопросов адаптации детей мигрантов в таких поселениях имеет определенные особенности и требует дальнейшего рассмотрения и поиска организационных решений.

Российский и зарубежный опыт исследования гендерных аспектов социокультурной адаптации детей мигрантов

В отечественной науке проблемам адаптации и интеграции детей мигрантов в последние десятилетия уделяется значимое внимание. Следует отметить исследования Д.А. Александрова, В.А. Иванюшиной, В.В. Костенко, С.С. Савельевой, К.А. Тенишевой «Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге» [2] и В.П. Засыпкина, Г.Е. Зборовского, Е.А. Шуклиной «Проблемы обучения и адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах» [3] как отличающиеся проработанным понятийным аппаратом, широтой исследуемых проблем, качественным инструментарием. В исследовании «Положение

детей мигрантов в Санкт-Петербурге» авторы акцентируют внимание на том, что гендер является одним из важных параметров, определяющих успешность учебы ребенка, в том числе и из семей мигрантов. Так, по наблюдениям авторов, в среднем мальчики учатся хуже, чем девочки.

Процесс адаптации детей мигрантов имеет сложную структуру. Е.А. Лавринец в своем исследовании выделяет значительное количество факторов, влияющих на адаптацию детей мигрантов, включающих не только региональный аспект, социальное положение, возраст и индивидуальные адаптационные возможности личности, но и гендерные особенности [4].

На успешность адаптации детей мигрантов влияют характеристики школьной среды. Исследование Т.И. Монастырской, Е.В. Кузиной, А.А. Ковалевой отражает вопросы социокультурной адаптации учащихся мигрантов на базе школы, с преобладанием численности учащихся мигрантов над численностью учащихся принимающего сообщества [5]. В данном случае гендерному воспитанию со стороны педагогического коллектива должно быть уделено особое внимание.

В зарубежной литературе гендерная тематика в аспекте обучения детей мигрантов широко представлена в работах, в первую очередь, американских и европейских авторов. На важность гендерной принадлежности в процессе освоения ребенка мигрантов в новой среде указывается в публикации Совета по делам детей и семьи [6, с. 84]. Исследователь Б.Д. Цинь из Мичиганского государственного университета указывает, что в условиях США, где сосуществуют представители самых разных этнических групп, в более выгодном положении с точки зрения образования оказываются именно девочки. Этому, по мнению исследователя, способствуют такие факторы, как высокий уровень ожиданий со стороны родителей, социализация в домашней среде, отношения в школе и культурная ассимиляция и адаптация [7, с. 37–66].

Б. Братсберг, О. Рааум и К. Ред рассмотрели гендерную проблематику на материале Норвегии, которая известна благодаря активному содействию включению мигрантов в принимающее сообщество. По данным исследователей, девочки из семей мигрантов опережают мальчиков в плане академической успеваемости примерно до 16 лет, начиная с этого возраста тренд меняется [8, с. 233].

Французские эксперты Я. Бренбаум и А. Киффер приводят статистику, согласно которой дети мигрантов сильно отстают в обучении от своих сверстников, родившихся во Франции. При этом показатель

отстающих на год среди мальчиков-иммигрантов составляет 35,3 % (у местных 15,1 %), у девочек данный показатель ниже и составляет 25,5 % (11,7 % для родившихся во Франции) [9].

В книге «Влияние иммиграции на развитие детей» под редакцией Г. Колл указывается, что исследования, проведенные в Италии, обнаружили меньшую эмоциональную стабильность у учащихся-мальчиков по сравнению с девочками [10, с. 45]. Преимущественно речь идет о детях, переехавших в страну из Албании и Сербии. Также ученики мужского пола оказались более склонными к проявлению агрессии и менее социально адаптивными. Данные выводы основаны на опросе как самих детей, так и учителей.

Таким образом, исследователи из разных стран приходят к выводу о гендерных отличиях в учебной и социокультурной адаптации детей мигрантов в принимающем сообществе, отмечая, что эти отличия не следует игнорировать.

Методология и методы исследования

В качестве стратегии исследования авторами использован вторичный анализ данных, так как изучение гендерного аспекта не было предусмотрено планом основного исследования социокультурной адаптации детей международных этнических мигрантов. Вторичный анализ данных для выявления гендерных различий проводился по всем основным блокам индикаторов и показателей основного исследования: характеристика отношения к образованию, характеристика включенности в жизнь школы, коммуникации в образовательной среде и стратегии адаптации. Особое внимание было уделено учебной и внеучебной деятельности учащихся, а также проблемам, возникающим при изучении русского языка. Для выявления связи признаков гендера с показателями адаптации детей мигрантов были построены таблицы сопряженности.

Анализ результатов

Анализ гендерных аспектов адаптации детей международных мигрантов в образовательной среде проводился с октября по ноябрь 2017 г. Основное социологическое исследование было проведено на базе средних школ г. Новосибирска при поддержке Главного управления образования мэрии г. Новосибирска.

В исследовании приняли участие 393 учащихся из семей международных мигрантов из 27 школ г. Новосибирска, среди них 61,1 % мальчиков и 38,9 % девочек. На момент проведения исследования

респонденты обучались с 1 по 11 класс общеобразовательных школ. Основная масса опрошенных обучалась в 5-м (23,7 %), 8-м (18,9 %), 6-м и 7-м (по 14,3 %), 9-м (12 %) классах. Большинство учащихся – мальчики, прибывшие из Таджикистана, Туркменистана, Кыргызстана и Казахстана. При анализе массива данных по ряду вопросов были выделены различия в ответах мальчиков и девочек.

Согласно полученным результатам переменная «пол» имеет значимые корреляции с такими переменными, как «какие отметки ты получаешь чаще всего», «кто помогает тебе в выполнении классных/домашних заданий» и «чем еще ты занимаешься в школе помимо учебы».

Гендерные особенности проявляются в субъективной оценке школьной успеваемости детей. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какие оценки ты получаешь в школе?». Первоначально ответ не был стандартизирован, и школьники формулировали его так, как хотели. При обработке ответы были объединены в группы «5», «5 и 4», «4», «4 и 3», «3», «3 и 2», «5 и 3», «4 и 2». Для выявления связи признаков «пол» и «оценка успеваемости» группы были укрупнены («5» и «4 и 5», «3 и 2» и «3»). Довольно большая группа детей (3,8 %, N=15) определила свою успеваемость на «5 и 3», или «4 и 2». В связи с неопределенностью такой оценки эта группа была исключена из расчетов. Распределение девочек и мальчиков в этой группе почти равное (8 и 7). Различия субъективной оценки школьной успеваемости мальчиков (N=235) и девочек (N=148) приведено в табл. 1.

Приведенные результаты свидетельствуют о том, что мальчики склонны оценивать свою успеваемость по школьным предметам ниже, чем девочки. Однако для того, чтобы рассматривать это явление как особенности адаптации, требуется сравнение результатов с субъективными оценками успеваемости школьников в целом, без учета фактора миграции.

На вопрос «Ты посещаешь в школе предметные кружки, факультативы?» распределение ответов показало, что мальчики и девочки посещают какие-либо дополнительные занятия. Распределение по выборке в целом и в группах респондентов (39 % – посещают, 61 % – не посещают) одинаковое среди мальчиков и девочек. Однако выбор дополнительных кружков, секций, занятий, названных респондентами, демонстрирует особенности выбора мальчиков и девочек. Мальчики предпочитают занятия в спортивных секциях (названы занятия в секциях по различным видам борьбы – каратэ, самбо, тхэквондо, айкидо, игровые виды спорта – футбол,

волейбол, баскетбол, а также бокс, легкая атлетика, шахматы) и занятия военно-патриотической тематики (Следопыт, Военная школа и др.). В увлечениях девочек преобладает выбор занятий музыкой, вокалом, танцами, театральные занятия, а также занятия по изобразительному и декоративно-прикладному искусству (бисероплетение, шитье, тестопластика и др.).

Таблица 1. Гендерные особенности в распределении ответов на вопрос: «Какие оценки ты получаешь?»

Субъективная оценка успеваемости в школе	Мальчики	Девочки	Итого
«4 и 5» (N человек)	54	57	106
«4 и 5» (%)	24,0%	40,4%	30,3%
Скоррект. остаток	-3,3	3,3	
«4» (N человек)	30	18	48
«4» (%)	13,3%	12,8%	13,1%
Скоррект. остаток	0,2	-0,2	
«4 и 3» (N человек)	99	50	149
«4» (%)	44,0%	35,5%	40,7%
Скоррект. остаток	1,6	-1,6	
«3» (N человек)	42	16	58
«3» (%)	18,7	11,3	15,8
Скоррект. остаток	1,9	-1,9	
Итого (N человек)	225	141	366
Итого (%)	100%	100%	100%

Важную роль в социокультурной адаптации играет уровень владения русским языком. Ученикам-мигрантам приходится дополнительно заниматься изучением русского языка, так как школьных уроков для быстрой адаптации в другой языковой среде недостаточно. Для мальчиков наиболее значима такая стратегия дополнительного изучения русского языка, как занятия с родителями (43 %), для девочек – чтение книг, просмотр фильмов на русском языке (49 %). Уровень самостоятельности девочек в выполнении домашних заданий также выше, чем у мальчиков. Так, 74,4 % девочек справляются сами с домашними заданиями, не прибегая к чьей-то помощи. Респонденты мальчики, самостоятельно выполняющие домашние задания, составили 67,7 %.

Для выявления гендерных особенностей адаптации представляет интерес организация свободного времени и включенность детей в праздничную культуру (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Участвуешь ли ты в школьных праздниках?» (N=386)

Участие в школьных праздниках	Мальчики	Девочки	Итого
«Да, участвую» (N человек)	142	112	254
«Да, участвую» (%)	60,4%	74,2%	65,8%
Скоррект. остаток	-2,8	2,8	
«Нет, не участвую» (N человек)	93	39	132
«Нет, не участвую» (%)	36,6%	25,8%	34,2%
Скоррект. остаток	2,8	-2,8	
Итого (N человек)	235	151	386
Итого (%)	100%	100%	100%

Данные, приведенные в таблице, демонстрируют, что девочки проявляют более высокую активность при участии в школьных праздниках (скоррект. остаток $Z = |2,8|$, что $\geq |1,99|$ и, значит, свидетельствуют о связанности признаков (в 0 (0%) ячейках ожидаемая частота меньше 5). Девочки более активно участвуют в школьных праздниках (участвуют 74,2 % девочек, 60,4 % мальчиков). Выявлены также различия в праздниках, которые респонденты считают значимыми и в которых принимают участие. Так, в ответах девочек одним из наиболее популярных праздников был назван День матери. Таким образом, усвоение культурных норм, традиций принимающего сообщества у девочек и мальчиков мигрантов может иметь разные каналы воздействия. Также может быть различно и взаимодействие с агентами социокультурной адаптации.

Выводы

Зарубежные этнические мигранты сохраняют высокий уровень доверия к российской школе как социальному институту. Проведенное исследование показало, что такая оценка вполне справедлива, и школьное образовательное пространство играет важную роль в социокультурной адаптации детей международных этнических мигрантов. Однако для более успешной адаптации таких учащихся следует выстраивать учебную и внеучебную деятельность мигрантов, а также, в целом, адаптационные стратегии с учетом гендерных аспектов.

Благодарности

Авторы исследования выражают благодарность Главному управлению образования мэрии г. Новосибирска, непосредственно начальнику Департамента образования мэрии г. Новосибирска Рамилю Миргазьяновичу Ахметгарееву за поддержку социологического исследования.

Список литературы

1. Копцева Н.П., Бахова Н.А., Замараева Ю.С. и др. Проблема социокультурных исследований в современной гуманитарной науке // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. – С. 323–330. – URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=626847.
2. Александров Д.А., Иванюшина В.А., Костенко В.В. и др. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. – СПб.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2011.
3. Проблемы обучения и адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах: монография / В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина. – Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры», 2012.
4. Лавринец Е.А. Особенности социально-психологической адаптации детей из семей мигрантов // Novaum. – № 10. 30.11.2017, Психологические науки. URL: <http://novaum.ru/public/p409>.
5. Монастырская Т.И., Кузина Е.В., Ковалева А.А. Адаптация детей мигрантов в образовательной среде: проблемы и возможности средней школы // Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы», Красноярск, 28–30 ноября 2016 г. – Красноярск, 2016. – С. 169–175.
6. Immigrant Children and Their Families: Issues for Research and Policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.princeton.edu/futureofchildren/publications/docs/05_02_06.pdf. – Загл. с экрана.
7. Qin B.D. The Role of Gender in Immigrant Children's Educational Adaptation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ847390.pdf>. – Загл. с экрана.
8. Bratsberg B., Raam O. and Røed K. Educating children of immigrants: Closing the gap in Norwegian schools [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.frisch.uio.no/publikasjoner/pdf/EducatingChildrenOfImmigrants.pdf>. – Загл. с экрана.
9. Kieffer A., Brinbaum Y. Les scolarités des enfants d'immigrés de la sixième au baccalauréat: différenciation et polarisation des parcours [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-population-2009-3-page-561.htm>. – Загл. с экрана.
10. The Impact of Immigration on Children's Development / Contributions to Human Development. Vol. 24. Ed. By C.T. Garcia Coll. Basel: S. Karger AG, 2012. – С. 45.

Процессы этнической миграции в контексте угрозы этнокультурной безопасности России

Вейлерт Наталья Владимировна

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Грязнухина Татьяна Владимировна

доцент кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Российская Федерация является многонациональным государством, на территории которого проживают более 150 национальностей [1]. Статус многонационального государства подтверждается Конституцией Российской Федерации, которая гарантирует равенство граждан вне зависимости от их национальности. Но, к сожалению, обеспечение формальной, юридической безопасности для этноса зачастую не дает субъективного ощущения защищенности, уверенности в сохранении этнической культуры.

Миграционные процессы, как правило, обусловлены экономическими факторами: стремлением к улучшению уровня жизни, заработку, получению образования более высокого качества. Этническая миграция – это миграция, в основе которой лежат факторы, связанные с самосохранением этноса или его части как целостного и самостоятельного организма. Принимая во внимание «молодость» Российской Федерации, можно предположить, что высокая потребность в этнокультурной безопасности на данной территории обусловлена незавершенностью процессов формирования нации и становления гражданского общества [2]. Отсутствие этнокультурной безопасности ощущают не только народы, находящиеся в меньшинстве, но и автохтонные народы тех или иных территорий. Угроза этнокультурной идентичности на объективном уровне проявляется в наличии открытых или скрытых угроз как физического уничтожения населения, так и социального принижения представителей этноса. Следует отметить, что этническая миграция не всегда связана с негативными причинами, она может быть добровольной, связанной с расширением границ безопасности, в том числе с обеспечением безопасности этнической идентичности. В условиях этнокультурной безопасности каждая культура может стабильно функцио-

нирывать и воспроизводиться во всей своей целостности, не будучи изолированной от других культур.

Специфика миграционных процессов в Российской Федерации обусловлена историческим прошлым территории, на которой в XX в. развернулись активные миграционные перемещения, связанные с войнами, индустриализацией, спецификой политического управления. В ходе этих процессов многие автохтонные народы утратили численное большинство в своих этнических ареалах, что привело к утрате многими национальностями своей национально-культурной идентичности. Важно отметить, что миграционные процессы для России всегда имели большое значение, поскольку обеспечивали тот уровень населения, который не мог обеспечить естественный прирост. Многие исследователи не видят для России возможности сохранить численность населения без привлечения мигрантов, но большое количество мигрантов несет опасность для этнокультурной безопасности принимающей территории. Этнические мигранты склонны к созданию объединений, диаспор, и, таким образом, несмотря на нахождение на иной территории, они не включены в культуру этой территории и действуют в рамках закрытого национального сообщества. Такое стремление к изоляции особенно характерно для китайских общин, находящихся на сибирской территории. Их закрытый образ жизни вызывает недоверие со стороны автохтонного населения, поскольку представляется неизвестной угрозой в глазах местного населения; в то же время не проводится (или проводится очень мало) мероприятий, способствующих включению мигрантов в культурную жизнь территории. Таким образом, внутри культурной территории существует замкнутая национальная диаспора, не стремящаяся к интеграции в российское общество и живущая по собственным традициям и обычаями [3]. Увеличение закрытых национальных сообществ ведет к росту ксенофобии и противозаконных действий в отношении мигрантов.

В 1990–2000-х гг. большое количество мигрантов стали представлять беженцы и вынужденные переселенцы, а также трудовые и транзитные мигранты. В этих миграционных потоках присутствуют как перемещения между регионами России, так и перемещения из стран бывшего СССР, дальнего зарубежья. Указанные выше группы зачастую переселяются в близкую этнически среду, но тем не менее это не нивелирует проблемы, связанные с миграционными процессами. Так, трудовые мигранты, нуждающиеся в обустройстве на новой территории, могут не только усиливать конкуренцию

на рынке труда и тем самым порождать конфликтные ситуации, но также и маргинализироваться, что способствует формированию негативного образа мигрантов в глазах автохтонного населения и увеличению конфликтогенного фона территории.

Миграционная политика, призванная разрешать данные конфликты, к сожалению, не может контролировать сферу этнической миграции, хотя шаги к такому контролю сделаны. Созданы специальные курсы, призванные помочь мигрантам включиться в автохтонную культуру, выучить язык. Проводятся мероприятия, связанные как с включением мигрантов в местную культуру, так и с диалогом культур, когда переселенцы имеют возможность представить элементы своего национально-культурного наследия.

Для создания условий этнокультурной безопасности необходимо проводить мероприятия не только в среде мигрантов, но и в среде автохтонного населения. Если мигрантов необходимо «включать» в культуру, проводить мероприятия, способствующие сближению и диалогу культур, то для автохтонного населения необходимо донести адекватное представление о причинах появления мигрантов, об их составе, целях и проч. [4].

Большой проблемой является стигматизация мигрантов в обществе, понимаемая в социальном смысле как «вид отношений между постыдным общественным качеством и стереотипом – ожидаемым отношением к нему, задающий неспособность к полноценной общественной жизни из-за лишения права на общественное признание» [5]. Наиболее распространенной формой стигматизации является межнациональная стигматизация (основанная на различиях культуры и устоявшихся стереотипах о той или иной национальности), характеризующаяся категоричностью и ярко выраженной отрицательной оценкой. Такая стигматизация ведет к дискриминации и реальным враждебным действиям по отношению к миграционной группе. Следует отметить также существование не только культурной, то есть укоренившейся в культурной жизни общества, но и личной стигматизации. Личная стигматизация выражается в негативном отношении к себе на основе причастности к какой-либо группе [6]. Личная стигматизация может использоваться и самим мигрантом для оправдания своих неудач и таким образом ухудшать его вовлечение в автохтонные культуру и общество. Отсутствие стигматизации мигрантов приведет к более лояльному отношению местного населения и утрате чувства угрозы собственной этнокультурной идентичности.

Список литературы

1. Данные Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]: Национальный состав населения // Всероссийская перепись населения 2010. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf.
2. Чмыхало А.Ю. Этнические миграции как угроза этнокультурной безопасности России // Социальная безопасность: учеб. пособие. – Томск: Издательство ТПУ, 2007. – С. 83–96.
3. Смирнова Т.Б. Будет ли российское могущество прирастать с Сибирью? // Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 579–594.
4. Петров В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 48–57.
5. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. – N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. – 168 p.
6. Социальная стигматизация [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B3%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.

Современная миграция и вопросы гуманитарного реагирования

Лисаускайте Валентина Владо

доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения
Юридического института Иркутского государственного университета

г. Иркутск

Мигранты – категория населения, наименее защищенная в чрезвычайных ситуациях. Это лица, которые, исходя из своего статуса, чаще всего изначально являются уязвимой группой относительно негативных событий на территории их размещения. В.И. Лойтман отмечает: «проблема беженцев является одной из самых острых гумани-

тарных проблем современности. Особенно остро она встала в 2015 г., который наверняка войдет в историю как период беспрецедентного миграционного кризиса на южных и юго-восточных границах Европы» [1, с. 25].

Этот аспект приобретает особое значение, когда мы говорим о мигрантах – беженцах, покинувших территорию своего государства – гражданства в связи с вооруженным конфликтом или иным негативным событием. Данная категория лиц изначально нуждается в гуманитарной помощи, и особенно в случае бедствия.

Как отмечают специалисты, стихийное бедствие – еще один фактор, который приводит к перемещениям населения в поисках убежища в других странах. Однако ни в одном международном документе в области прав беженцев бедственное положение таких людей конкретно не оговаривается. Поэтому в последнее время в рамках мирового сообщества под эгидой ООН проводятся встречи по обсуждению данной проблемы и определению возможностей ее решения.

Одно из подобных мероприятий состоялось в мае 2016 г. в Стамбуле (Турция) по инициативе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна – Всемирный саммит по гуманитарным вопросам, где обсуждались различные проблемы в этой сфере. В рамках мероприятия были приняты 5 ключевых направлений в сфере гуманитарной деятельности:

- предотвращение и пресечение конфликтов;
- соблюдение правил ведения военных действий;
- никто не должен быть забыт;
- изменение методов работы для устранения нужды;
- инвестирование в защиту интересов человечества [2].

Один из вопросов, обсуждавшихся в рамках саммита, это пересмотр механизма оказания гуманитарной помощи: необходимо, чтобы этот процесс имел наиболее эффективные результаты и был своевременным.

Другое мероприятие, посвященное более узким вопросам, состоялось в сентябре 2016 г. – Генеральная Ассамблея ООН организовала встречу высокого уровня для мобилизации усилий всех стран на решение проблемы беженцев и мигрантов [3]. Итогом данной встречи стало принятие Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах [4]. Конечно, этот документ носит политический характер и не накладывает на государства какие-либо обязательства, однако свидетельствует о признании со стороны стран мирового сообщества наличия проблемы и необходимости ее решения. Участники встречи

подчеркивают в документе важность Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. и изложенные в ней рекомендации в отношении мер по уменьшению рисков, связанных с бедствиями. Тем самым подчеркивается существующая связь между происходящими бедствиями и страдающими от них лицами, приобретающими статус беженцев и мигрантов.

Следует отметить еще один пункт Декларации, согласно которому государства берут на себя политическое обязательство помогать – беспристрастно и исходя из потребностей – мигрантам в странах, переживающих конфликты или стихийные бедствия, работая в соответствующих случаях во взаимодействии с надлежащими национальными органами. В этой связи мы отмечаем инициативу «Мигранты в странах, переживающих кризис» и Программу защиты трансгранично-перемещенных лиц в контексте бедствий и изменения климата [4].

Состоявшиеся в прошлом году мероприятия подтверждают существование проблемы и определяют основные направления ее решения. Подчеркивается важность равного отношения к гражданам государства, пострадавшим от бедствия, и мигрантам или беженцам, также ставшим уязвимыми от этого негативного события. Все группы нуждаются в равной помощи и равном гуманитарном реагировании со стороны самого государства либо мирового сообщества.

Список литературы

1. Лойтман В.И. Разграничение понятий «беженец» и «мигрант» в международном праве // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. – 2016. – № 5. – С. 25–29.
2. Всемирный саммит по гуманитарным вопросам. – URL: <http://www.un.org/ru/conf/whs/>.
3. Сайт ООН. – URL: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/refugees/>.
4. Резолюция ГА ООН от 19 сентября 2016 г. «Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах» A/RES/71/1. – URL: http://www.iom.int/sites/default/files/our_work/ODG/GCM/NY_Declaration_RUS.pdf.

Посткризисная миграционная политика ЕС: соотношение интеграционных и национальных интересов

Павельева Эвелина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Юридического института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Европа в XX столетии столкнулась с масштабными миграционными кризисами. После окончания Второй мировой войны 60 миллионов, а после падения «железного занавеса» около 70 тысяч человек являлись мигрантами и перемещались по европейским государствам в поисках наиболее благоприятных условий жизнедеятельности. XXI век Европа встретила с новыми потоками мигрантов и беженцев. С начала нового тысячелетия в европейские государства хлынули потоки беженцев из государств Ближнего Востока и Северной Африки. Причин тому несколько: события «арабской весны», военные конфликты в Сирии и Ливии, нестабильная обстановка в таких государствах, как Нигер, Афганистан, Эритрея, Сомали, Ирак [1; 2].

Новый миграционный кризис вызвал проблемы, которые можно разделить на две группы:

- несогласованность позиций государств – членов ЕС по вопросам предоставления убежища и интеграционной политики;
- отсутствие выработанной позиции с третьими государствами.

Причины внутренней несогласованности между государствами-членами вызваны необходимостью принимать стихийно прибывающих мигрантов, экономически и социально их поддерживать. Недовольства государств провоцировались и недовольством местного населения, нежеланием принимать чуждую им культуру и мириться с неудобствами, являющимися следствием масштабных потоков. Очевидно, что опасение европейцев вызвано и страхами, связанными с террористическими угрозами, следующими за миграционными потоками из Северной Африки и Ближнего Востока.

Европейские государства разделились на два лагеря: радеющие за прием иностранцев и не желающие их принимать. В частности, к первому можно отнести такие государства, как Германия и Швеция, ко второй – Греция, Хорватия, Чехия и другие. Например, Венгрия выбрала протекционистский подход, направленный на максимальное ограничение количества посетителей, просителей убежища. В 2016 г.

в этом государстве был проведен референдум об отклонении квот мигрантов, определенных на интеграционном уровне.

В Чехии были выявлены системные нарушения прав мигрантов, при этом было определено, что они согласовывались с официальной политикой правительства, направленной на сдерживание потока лиц, ищущих убежище. К таким нарушениям отнесены:

- задержание прибывших иностранцев от 40 до 90 дней, содержание их в условиях, унижающих достоинство, непредоставление им информации о бесплатной правовой помощи;
- ограничение доступа общественных организаций в места содержания иностранцев;
- обыски и конфискация денежных средств и имущества у прибывших лиц с целью оплаты их пребывания в государстве из расчета 10 долларов в сутки;
- разлучение с детьми.

Данные факты говорят о том, что государства выработали позицию непринятия миграционных потоков, нежелания их содержать на своей территории.

По последним данным Международной организации миграции, количество заявок незначительно уменьшилось. Так, в 2016 г. в одно из государств – членов ЕС поступило 220 тысяч человек за международной защитой, а в 2017 г. – около 30 тысяч человек было зарегистрировано как прибывших по морю. Сведения международных организаций и непрекращающиеся конфликты в Африке позволяют сделать вывод, что потоки мигрантов в ближайшее время не прекратятся. В связи с этим Европейский союз стоит перед необходимостью решения миграционных проблем.

В первую очередь стоит обратить внимание на демографические проблемы, а именно меняющуюся демографическую ситуацию в странах Европы, Восточной Азии и Африки. В Европе происходит старение населения. По данным Евростат, к 2020 г. численность трудоспособного населения уменьшится на 7,2 млн и произойдет сокращение численности возрастной категории от 15 до 64 лет [3]. В то же время в Азии и Африке (как основных регионов – поставщиков мигрантов) происходит значительное сокращение детской смертности, что усиливает миграционный потенциал. Исходя из этих данных, демографические проблемы должны стать решающими при определении интеграционной политике ЕС в целом и государств-членов.

Вторым важным аспектом миграционной политики ЕС, требующим существенной переработки, является вопрос о распределе-

нии квот мигрантов. Необходимость исправления ошибок в данном направлении связана с разногласиями, возникшими по плану распределения 120 тысяч беженцев, прибывших в ЕС в сентябре 2015 г. Поскольку государства всячески противились даже в пределах определенных им квот предоставлять убежище на своей территории, Европейской комиссией в апреле/мае 2016 г. было принято решение о введении штрафов для государств, не принимающих беженцев (250 тыс. евро за одного непринятого иностранца), что не могло не вызвать недовольства среди государств. Система распределения квот в Европейском союзе оказалась неработоспособной и слишком упрощенной. Основные принципы распределения квот заключаются в соотношении количества населения и ВВП. Такая основа миграционной политики уже не отвечает современным реалиям, и государства все больше выступают за свободное принятие решения, которое будет зависеть от их национального интереса и интеграции мигрантов в их национальные системы.

В качестве еще одной проблемы можно выделить экономическую. Она неразрывно связана с необходимостью возврата к регулированию вопросов нелегальной миграции. Очевидно, что мигрант, прибывающий на территорию ЕС легально и получивший статус мигранта, экономически выгоден и для государства – члена ЕС, и для государства-партнера (из которого прибыл мигрант). Как правило, иностранец переезжает в другое государство с целью улучшения своих жизненных условий или для того чтобы найти работу и оказать помощь своей семье. Такая ситуация, в частности, возникла в Польше с мигрантами из Украины. Решение проблемы видится в легализации трудовой миграции, а значит, и в создании льготных условий и договоренностей с государствами-партнерами в связи с тем, что легальный мигрант будет налогоплательщиком в государстве, где осуществляет трудовую деятельность, имея в то же время возможность пересылать средства в государство своего гражданства.

Исходя из анализа позиций государств и Европейского союза, можно сделать вывод, что необходимость решения миграционной проблемы стоит достаточно остро. Решения возможно достичь путем консолидации интеграционных позиций и национальных интересов государств-членов.

Список литературы

1. Нгуэн Д.К., Зуммерматтер Ш. Миграция и беженцы в Европе: цифры и факты. – URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics>.

2. Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках. – URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160219_migrant_crisis_charts.

3. Migration and migrant population statistics. – URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics.

Содействие социально-культурному взаимодействию мигрантов в полиэтническом пространстве современной библиотеки

Жуковская Людмила Николаевна

доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Формирование идей межнационального согласия, развитие активной гражданской позиции у молодого поколения, а также поддержка межкультурного диалога – в числе основных задач государственной национальной политики России. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии провозглашает самобытность, разнообразие культур, терпимость, диалог и сотрудничество в обстановке доверия и взаимопонимания народов мира и определяет культурное разнообразие как общее достояние человечества [1].

Среди разнообразных культурологических концепций, рассматривающих понятие «культура», наиболее убедительным, по нашему мнению, является синтетическая теория идеального Д.В. Пивоварова, где термин «культура» определен как «идеалообразующая сторона человеческой жизни и деятельности» [2]. Культура «культивирует» идеалы, а идеалы являются фундаментом культуры. Долговечность культуры обусловлена способностью фундаментальных идеалов реализовывать свою «поддерживающую» миссию. Идеалообразование – это основной признак культуры, процесс сохранения и изменения образцов воспроизводства специфической общественной жизни во всех ее измерениях, почитаемых за идеалы, а также это процесс отказа от идеалов, перестающих животворно влиять на прирост культуры. Идеалы производятся не только обществами и цивилизациями,

но также социальными группами и индивидами. Поэтому можно утверждать, что, кроме культуры общества, существует уникальная культура индивидуально человека. Отношение человека, носителя культуры, с любой сферой бытия позволительно назвать идеальным, поскольку оно случается благодаря идеалу, выступающему в качестве репрезентанта, посредника, медиатора [3].

Среди моделей базовых идеалов культуры российские ученые В.И. Жуковский и Д.В. Пивоваров выделяют «модель индивидуальной эволюции», которая определяет способность каждого человека быть развитым и независимым в выборе культурных идеалов путем постепенной эволюции, возможность дорасти до уровня творца собственных идеалов. Таким образом, культура возделывает, возвращает идеалы, призванные поддерживать комфортное существование каждого человека с собой, другими людьми, предметами первой и второй природы, с мирозданием в целом [4].

Методологические положения концепта идеального определили условия для утверждения индивидуально-эволюционного идеала, для исследования процессов идеалообразования в культурном разнообразии. Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО утверждается тезис о неповторимости культурного разнообразия, которое является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений.

Ведущая роль в процессе продвижения идеи культурного разнообразия принадлежит библиотекам как наиболее доступным социальным институтам. Современные российские библиотеки, являясь центрами взаимодействия культур, стремятся активно участвовать в формировании поликультурной личности, способной адекватно реагировать на вызовы современного мира, успешно преодолевать барьеры непонимания и культурные стереотипы. Библиотеки способны по-новому организовать свое пространство, создавать и поддерживать сосуществование различных культурных смыслов, погружать своих пользователей в атмосферу гостеприимства и доброжелательства, содействовать развитию и укреплению межкультурного диалога [5].

Красноярский край, как и многие регионы Российской Федерации, отличается большой степенью культурного и языкового разнообразия народов, его населяющих. В многонациональном Красноярском крае с особой остротой возникают вопросы о национальной специфике образования. По данным УФМС Красноярского края, в образовательных учреждениях края наряду с детьми и молодежью коренных жителей учатся все увеличивающееся число детей и моло-

дежи из семей стран ближнего зарубежья; в крае сохраняется актуальность общероссийских негативных тенденций, связанных с проявлениями межэтнической нетерпимости; особую тревогу вызывает низкий уровень толерантности молодежи. Учитывая, что в обозримой перспективе можно прогнозировать дальнейшее развитие миграционных процессов, возникает необходимость содействия интеграции подростков и молодежи из семей мигрантов в красноярскую социокультурную среду через организацию мероприятий межнационального характера, поликультурное образование.

Поликультурное образование позволяет молодежи из ближнего зарубежья успешнее пройти социальную адаптацию: привыкнуть к условиям обучения, научиться выстраивать межличностные отношения, познакомиться с правилами проведения досуга. Недостаток педагогических, психологических рекомендаций для реализации поликультурного образования и социальной адаптации молодых мигрантов свидетельствует о том, что современное поликультурное образование нуждается в методическом и информационно-библиографическом сопровождении.

Библиотеки школ, лицеев, техникумов в настоящее время не готовы качественно обеспечить библиотечными документами и информацией современный образовательный процесс учащихся в связи с недостаточно высокой материально-технической базой, не позволяющей создать комфортную среду для таких пользователей. Специалисты, работающие с этими учащимися в образовательных учреждениях, не могут в полной мере воспользоваться накопленным информационным потенциалом в силу ограниченности доступа к разнообразным информационным источникам, аккумулирующим профессиональный и педагогический опыт.

Государственная универсальная научная библиотека (ГУНБ) Красноярского края, имея значительный объем информационных продуктов и услуг, многолетний опыт обеспечения навигацией пользователей Красноярского края, способна организовать комфортный доступ к информации учителям, психологам и социальным педагогам, которые обеспечивают учебный и педагогический процесс подростков и молодежи; помочь в адаптации молодых людей из семей мигрантов, оказать информационно-консультационную поддержку родителям учащихся-мигрантов.

Реализация социокультурного проекта «Енисей объединяет: разные и равные. Информационно-библиографическое сопровождение поликультурного образования в Красноярском крае», поддер-

жанного Фондом М. Прохорова, способствовала объединению усилий центральной библиотеки края и образовательных учреждений по организации социокультурной адаптации молодежи из семей мигрантов в Красноярском крае [6]. Библиотека организовала дифференцированное информирование специалистов образовательных учреждений – участников проекта по темам: «Поликультурное образование как педагогическое направление», «Психолого-педагогические основы межэтнических отношений», «Этическое содержание поликультурного образования». Важную информацию содержат подготовленные для пользователей электронные дайджесты по темам «Межкультурная коммуникация и взаимовлияние культур», «Проблемы этнической толерантности и религиозной терпимости», «Социокультурная адаптация детей и подростков из семей мигрантов». Дни информации, приуроченные к методическим мероприятиям образовательных учреждений, сочетают в себе различные формы деятельности: выставки, обзоры, консультации. ГУНБ Красноярского края совместно библиотеками – партнерами проекта проводит массовое библиографическое информирование для всех групп целевой аудитории проекта по социально значимым темам, используя возможности электронных средств связи; в муниципальные библиотеки и образовательные учреждения систематически рассылается аннотированный библиографический указатель литературы «Культура», эффективным инструментом массового информирования является сайт библиотеки.

Деятельность библиотек по сопровождению поликультурного образования неразрывно связана с краеведческим направлением. В содержание библиотечного краеведения входит поиск, обработка и продвижение архивных материалов и документов, по крупицам собранных библиотекарями-краеведами. Организовано справочное обслуживание как на консультационном пункте, так и виртуально. В последнее время увеличилось количество сложных справок с обязательным текстовым обеспечением; виртуальная справочная служба «Скорая помощь библиографа-краеведа» позволяет систематически вести диалог с пользователями. Из наиболее интересных запросов, выполненных службой, можно выделить следующие: «О миграционных процессах в Красноярском крае», «Диагностика межнациональной толерантности», «Формирование готовности будущих учителей к осуществлению воспитания толерантности», «Структура и институты этнокультурного пространства малого города». Библиотека ежегодно издает календарь знаменательных и памятных дат «Край наш

Красноярский», в котором публикуются материалы о многонациональном населении края, представлены биографии лучших его представителей.

ГУНБ Красноярского края организует поддержку учреждениям системы общего и профессионального образования, где обучаются подростки и молодежь из семей мигрантов, в проведении культурно-досуговых мероприятий. В партнерстве с центрами национальных культур, творческими союзами и Домом искусств библиотека организует мероприятия с выступлениями представителей национальной интеллигенции края, проводит читательские диспуты, конкурсы, книжно-литературные акции, циклы выставок «Красноярск многонациональный», экскурсии. Библиотека принимает участие в семейных клубах, проведении родительских лекториев и обеспечивает специалистов образовательных учреждений методическими и библиографическими материалами в помощь организации внеучебных мероприятий [6].

Библиотека стремится отслеживать инновационные идеи, поддерживать их и оказывать библиографическую методическую и организационную поддержку участникам клубных формирований, работающих в библиотеке. Благодаря своим информационным ресурсам и просветительскому опыту центральная библиотека края стала платформой для развития досуговых интересов различных слоев населения края. Воспитанию поликультурной личности способствует и деятельность популярного лингвострановедческого библиотечного клуба «Эйкумена», каждая встреча которого несет информацию о какой-либо стране, ее социокультурной жизни, особенностях менталитета.

ГУНБ Красноярского края активно участвует в работе региональных, всероссийских и международных научно-практических конференций, где делится опытом работы по информационно-библиографическому обеспечению поликультурного образования в крае, по организации социокультурной поддержки мигрантской молодежи [7].

Проектная деятельность – одно из инновационных направлений развития ГУНБ Красноярского края, которое позволяет организовать информационную поддержку поликультурного образования молодежи Красноярского края, предоставлять пользователям объективную информацию о межкультурном сотрудничестве, способствовать развитию взаимопонимания между представителями разных националь-

ностей и вероисповеданий, формировать идеи толерантности, международного согласия.

Список литературы

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml.

2. Пивоваров Д.В. Проблема синтеза основных дефиниций культуры // Вестник Российского философского общества. – 2009. – № 1. – С. 157–161.

3. Жуковский В.И. Произведение искусства в эпицентре художественной культуры // Философия и культура. – 2013. – № 11. – С. 1613–1620. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.11.9845.

4. Жуковский В.И., Пивоваров Д.В. Зримая сущность. – Свердловск, УрГУ, 1991.

5. Манифест ИФЛА о поликультурной библиотеке // Научная электронная библиотека ГПНТБ России. – URL: <http://ellib.gpntb.ru/subscribe/index.php?art=1&journal=ntb&num=7&year=2008>.

6. Жуковская Л.Н. Информационное сопровождение поликультурного образования: библиотечный проект // Сибирский вестник специального образования. – 2015. – № 1 (14). – С. 32–35.

7. Жуковская Л.Н., Жуковский В.И. Идеалообразующий потенциал клубных формирований современной библиотеки // Румянцевские чтения-2014. Ч. 1: материалы междунар. науч. конф. – М.: Пашков дом, 2014. – С. 240–245.

Часть 3

**Социокультурная адаптация и интеграция
мигрантов как фактор современной
этнической мобильности**

**Риторика ходьбы: «этнические» рынки г. Иркутска
в пешеходных практиках горожан**

Брызгина Диана Евгеньевна

магистрант Национального исследовательского
Томского государственного университета

г. Томск

Возникновение и развитие оптово-розничных рынков, наблюдаемое с 1990-х гг., стало новой, но уже неотъемлемой чертой многих российских городов. Вследствие интенсификации миграционных потоков произошло расширение присутствия трансграничных мигрантов во многих городах Сибири и Дальнего Востока и усиление их роли в повседневной жизни горожан. Рынки являются важными узлами, в которых формировались и развивались новые формы социального взаимодействия. Вокруг них складывались обширные экономические сети и новые транспортные потоки, в результате чего они быстро стали ключевым элементом социальной и экономической жизни города. В тяжелых экономических условиях они превратились в один из основных источников снабжения населения, удовлетворения его потребностей. Все это определяло их значимость в жизни городского сообщества и развитии городского пространства.

«Этнические» рынки стали неотъемлемой частью города и процессов его преобразования. На основе взаимодействия горожан с рынками происходит выработка, усвоение и осознание отношения к мигрантам на обыденном уровне [1], складываются меха-

низмы взаимодействия и адаптации принимающего сообщества и мигрантов. В то же время рынки выступают важнейшим элементом городского пространства, определяющим не только особенности взаимодействия с «Другим», но и характер регулярных практик и социальных контактов, составляющих основу жизнедеятельности городских сообществ.

В этом отношении «этнические» рынки формируют особые условия взаимодействий горожан как с мигрантами, так и с пространством города в целом. Функционирование «этнических» рынков как экономических объектов напрямую зависит от привлечения покупателей, возможности осуществления встреч «лицом к лицу» [2] и непосредственной личной коммуникации между покупателями и работниками рынка. Это способствует интенсификации социальных взаимодействий и структурированию многообразных социальных связей, складывающихся в особую систему отношений. В связи с этим практики пользования рынком не ограничиваются только его посещением и совершением операций экономического обмена. Этот процесс всегда сопряжен с пространственной мобильностью: движение с целью посещения рынка, прогулка с попутным посещением, перемещение по его территории и др. Перемещения людей, товаров, денежных потоков не только обеспечивают функционирование рынков, но также связывают эти объекты с различными городскими районами и пространствами, определяя характер, способы и интенсивность их взаимодействия друг с другом и тем самым формируя систему (структуру), которая и является городом [3].

С этой точки зрения «этнические» рынки представляются важными узлами коммуникации человека с пространством города, осуществляемой, прежде всего, через пешеходные практики. Рассмотрение кейса «этнических» рынков г. Иркутска в данном контексте позволит показать, какое влияние рынки оказывают на способы взаимодействия людей с пространством города, в чем проявляется связь пешеходной мобильности и «этнических» рынков, каким образом реализуются взаимодействия людей с рынками (и на рынках) посредством пешеходных практик, различные варианты такого взаимодействия, а также причины и факторы, определяющие выбор в пользу тех или иных стратегий мобильности и способов взаимодействия с пространством «этнических» рынков.

Рассматривая «этнические» рынки как элемент городской организации, создающий набор условий и возможностей, реализуемых в процессе выстраивания пешеходных маршрутов, необходимо сфо-

кусироваться на факторах мобильности, которые формируют «этнические» рынки в городе.

Во-первых, это мотивы и цели движения, определяющие место рынка в маршруте. В зависимости от того, какую позицию занимает рынок в пешеходных тактиках горожан по отношению к основным мотивам, побуждающим людей к движению, можно рассматривать рынок как непосредственную цель, «межпространство» [2], а также как рефлекслируемую либо нерефлекслируемую часть пути. Самый простой вариант – рынок как цель, который подразумевает, что в основе мобильности человека лежит необходимость его посещения, совершения каких-либо покупок. Пешеходная мобильность в этом случае замыкается на рынок, посещение которого является запланированным осознанным действием. Основное содержание подобного рода мобильности тесно сопряжено с экономической составляющей рыночной деятельности и представляет собой самый распространенный способ взаимодействия с рынком.

Планируя свой маршрут, люди имеют возможность включить в него посещение рынка. С одной стороны, это может увеличить время пути, но с другой позволит продуктивно распорядиться этим временем. В результате, являясь частью пути, «этнический» рынок превращается в то, что Дж. Урри называет «межпространством», которое характеризуется трансформацией времени пути во время дела [Там же]. В этом случае посещение рынка также является запланированным и осознанным, но участие во взаимодействии с его пространством представляется как второстепенная практика с точки зрения пешехода. В результате многие элементы в процессе освоения рынка «выносятся за скобки», некоторые детали не воспринимаются как значимые, а сам рынок выступает как удобный вариант выстраивания особых жизненных стратегий, позволяющих решить несколько задач в рамках одного маршрута («проживание на ходу») [Там же].

Другой случай интеграции «этнических» рынков в мобильность горожан не является универсальным и свойственен самой крупной и значимой торговой площади Иркутска – «Шанхайке», чем другим рынкам. Это связано, прежде всего, с ее местоположением относительно различных районов и ключевых инфраструктур и систем города. Поскольку этот рынок является фактически несущей конструкцией города [4] и замыкает на себя системы и сети взаимодействий различного характера и уровня, он становится частью жизни всех иркутян, жизнедеятельность которых сосредоточена или каким-то образом связана с центром города. В этом случае «этнический» рынок являет-

ся неотъемлемым элементом в том числе и пешеходных маршрутов, отражающих особенности эксплуатации и взаимодействия людей с пространством города. При этом рефлексия неизбежного столкновения с рынком не является обязательным условием: человек необязательно фиксирует в своем сознании взаимодействие с рынком, для него проход через рынок может являться привычным, ежедневным актом, не имеющим какого-либо особого содержания. Сами рынки в этом случае становятся «пустым пространством», ничем не примечательным фрагментом городской структуры, что еще раз подчеркивает их интеграцию в жизнь города.

В иных случаях рефлексия неизбежного включения «этнических» рынков в маршрут способствует усилению их влияния с точки зрения наполнения мобильности дополнительными целями и практиками, связанными с независимым от желания горожанина посещением рынка. В результате мобильность дополняется «попутными» практиками использования рынка с целью удовлетворения каких-либо нужд. Наиболее распространенным примером в данном случае являются локальные рынки, расположенные вблизи остановок общественного транспорта: иркутяне по пути на остановку (или с нее) могут зайти на рынок, сделать все необходимые покупки и, что примечательно, зная это, могут отложить поход в магазин или торговый центр в течение определенного времени.

Во-вторых, это наличие или отсутствие опыта взаимодействия с пространством «этнических» рынков и характер представлений об их функционировании. Поскольку пешеходная мобильность подразумевает непосредственную коммуникацию людей с пространством рынков, данный фактор является определяющим в формировании особенностей этих взаимодействий. При отсутствии опыта освоения пространства рыночных локальностей посещение рынков становится для человека погружением в особую среду, отличную от других городских инфраструктур. Взаимодействие с новым, иноэтническим, нефиксированным, динамичным пространством требует от посетителей рынка дополнительных времени и усилий для привыкания, узнавания нового, определения и понимания механизмов функционирования рынка, его внутренней организации. Практики адаптации и привыкания при этом зависят, во-первых, от перемещений, так как освоение пространства происходит в процессе прогулки по территории рынка, и, во-вторых, от степени открытости к социальным контактам с другими акторами рынка. Вследствие этого стратегии «обживания» пространства могут основываться на индивидуальных практиках пере-

мещения «вслепую» [5], поскольку посетитель не знает, как организована торговля на рынке, либо на обращении к опыту других посетителей или торговцев, которые уже имеют представление о функционировании и организации рынка. В последнем случае производство пешеходных практик отдельного человека является коллективным продуктом [6] и становится возможным при наличии определенной степени доверия к незнакомым людям.

Повторные практики посещения «этнических» рынков основаны на приобретенном опыте взаимодействия с ними. Характер полученных в ходе этих взаимодействий сведений и знаний определяет возможность их повторения, а также регулярность, формы и способы взаимодействия. Особой формой коммуникации с рынком с этой точки зрения являются практики, выражающиеся в различных вариантах избегания взаимодействия с рынком: некоторые горожане принципиально не пользуются услугами рынков, всячески избегают их посещения, стараются обходить их стороной. Подобного рода практики могут представлять собой реакцию на негативный опыт взаимодействия с «этническими» рынками, формирующими стремление избежать повторных контактов или ситуаций, связанных с их посещением.

Однако в большинстве случаев практики избегания основаны в большей степени на массовых представлениях и упрощенных стереотипах, бытующих в описаниях и образах исследуемых локальностей. Наиболее эффективным механизмом конструирования этих представлений являются медиа, в рамках которых рынки чаще всего упоминаются в негативном ключе. Несмотря на то что в физическом отношении такие практики характеризуются отсутствием взаимодействия с рынками, тем не менее они становятся активными акторами формирования их позиционирования в символическом пространстве города, выделяя его из городской структуры.

Что касается физических взаимодействий с этнически маркируемыми локальностями, перемещения покупателей внутри освоенного пространства рынков имеют заданные потребностью в том или ином товаре направления, маршруты, проложенные через рынок, соединяют определенные прилавки и павильоны, на которых фокусируется покупатель. В результате мобильность пешеходов, посетивших рынок, формирует множественную сеть, в которой их маршруты и траектории движения конституируют внутреннее пространство рынков, что в случае крупного «этнического» комплекса, расположенного в центре Иркутска, становится ключевым механизмом «сборки» пространства относительно небольших торговых площадей в единую систему, имеющую

собирает название «Большой Шанхай», основанную прежде всего на неформальных связях между рынками.

В-третьих, это внятность пространственной организации «этнических» рынков для посетителей и степень отчетливости их структуры. Зачастую у сторонних наблюдателей либо обычных посетителей, не задействованных в работе рынков в качестве субъектов, осуществляющих его деятельность, складывается впечатление об отсутствии какой-либо внутренней четкой структуры и планировки. Подобные представления имеют под собой реальные основания, поскольку процесс развития рынков, особенно на начальных этапах, протекает преимущественно стихийно, не подвергаясь какому-либо жесткому регулированию. В связи с этим внутренняя структура рынков обусловлена процессами самоорганизации, которые имеют определенную, не всегда очевидную, логику развития. С этой точки зрения характерна для рынка системность практически не зависит от внешних воздействий, основанных на передвижении покупателей по рынку в поисках нужного товара. Подобная организация не может быть «прочитана» и осознана горожанами, и в связи с этим возникающее непонимание способствует усилению представлений местного сообщества о «чуждости» таких локальностей, выстраиванию границ в символическом пространстве, выделению и даже исключению их из жизни города в качестве привычной, устоявшейся инфраструктуры.

Таким образом, пешеходная мобильность горожан, сопряженная с коммуникацией с городским пространством посредством социальных контактов и интеракций в рамках «этнических» рынков, лежит в сфере не только процессов пространственной организации города, но и формирования системы социальных отношений и связей Иркутска. «Этнические» рынки, будучи ключевой инфраструктурой города, выполняют определяющую роль не только в конструировании маршрутов, выборе направлений и темпа движения в пространстве, но и задают особый контекст, обуславливающий содержание и смысл перемещений, формирующий повседневный уклад жизни. Рынки предоставляют дополнительные возможности в планировании дел, которые становятся возможным совершать «по ходу дела», фактически формируя стратегии «проживания на ходу» и трансформацию мобильностей в стратегии и способы проживания пространства.

Более того, «на ходу» осуществляются и различного рода социальные интеракции и практики, экономические операции и освоение пространства города. Последнее имеет особый характер и специфику, поскольку в процессе прямой коммуникации с пространством рын-

ков, реализуемой лишь посредством пешеходных практик, пространству города (и в частности рынков) приписываются особые смыслы и значения, определяющие представления людей о рынках и городе, формируется отношение к этнически маркированным рынкам и опыт взаимодействия с ними, закладывающие фундамент для дальнейших практик пользования пространством.

Список литературы

1. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Полития. – 2010. – № 3–4 (58–59). – С. 121–149.
2. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарев. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.
3. Фень Е.П. Город в движении: к вопросу о повседневности мобильности // Антропологический форум. – 2011. – № 15. – С. 145–156.
4. Григоричев К.В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – С. 86–104.
5. де Серто М. Изобретение повседневности. – СПб.: Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2013. – 329 с.
6. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. – 2002. – № 3–4. – С. 1–25.

«Вичат» как образ жизни: инструмент социальных связей китайских мигрантов в России

Корешкова Юлия Олеговна

преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций
Иркутского государственного университета

г. Иркутск

«Китай – это страна общения. Именно общению здесь подчинено все устройство социальной жизни» [1, с. 165]. Данную мысль подтверждает общественный резонанс, случившийся в среде китайского населения Иркутской области в мае 2017 г., который был вызван запретом Роскомнадзора на использование крупнейшего китайского мессенджера

на территории РФ [2]. После оглашения запрета, на протяжении последующих нескольких дней, пользователи, отправляя сообщения «друзьям» (подразумевается список контактов в приложении), проверяли наличие доступа к социальной сети. В групповых и индивидуальных чатах можно было встретить сообщения следующего характера: «Ты на связи?», «Ответь, ты получил от меня сообщение?» или даже такие как: «Ничего, нас здесь больше миллиона, владельцы «Вичата» обязательно придумают, как обойти систему. Они не могут потерять такое большое количество пользователей». Сообщения такого рода сопровождались ссылками на новостные сайты, где фигурировала информация о блокировке [2]. Как мы можем наблюдать, систему обойти удалось, и китайскоговорящая общественность, проживающая в Иркутской области и других регионах России, по-прежнему активно использует приложение. Паника и недовольства поутихли, а у исследователей появилась пища для размышлений: «Что же именно вызвало такой резонанс? Какова реальная роль мессенджера в жизни китайских пользователей? Какие социальные механизмы скрываются за ежедневным общением в мессенджере?» Таким образом, главной целью нашей статьи стала попытка выяснить, какие способы взаимодействия и практики скрываются за использованием данного приложения и какое влияние это имеет на жизнь зарубежных китайцев. Корпусом эмпирических данных послужили интервью с китайцами, работающими и проживающими на территории Иркутской области.

Если вы подойдете к человеку на улице и спросите его: «Что такое социальные сети?», наверное, даже ребенок сможет ответить на этот вопрос. В представлении современного человека сразу возникает образ интерактивного многопользовательского контента, участником которого он, вероятнее всего, является. Однако понятие социальных сетей, родоначальником изучения которого считают Г. Зиммеля, в научном сообществе появилось задолго до использования интернета. Многие западные ученые, такие как М. Вебер, Т. Парсонс, Дж. Мид, Г. Блумер, Дж. Хоманс и другие, посвятили свои исследования социальным связям и отношениям. Их работы и исследования проводились в рамках западного сообщества, которые, однако, нельзя напрямую экстраполировать на китайские социальные сети, поскольку существуют культурологические, языковые и этнические особенности народов Азии, которые отличаются от народов Европы и Америки. При изучении социальных отношений в Китае необходимо руководствоваться азиатской традицией, в которой на передний план выходят неформальные отношения или такой

феномен китайского общества как «гуаньси». «В широком смысле слова термин “гуаньси” означает межличностные связи и продолжительный обмен любезностями. Это больше, чем дружба или простые отношения, так как, состоя в “гуаньси”, индивид не может отказать в помощи другому человеку из своей сети контактов. “Гуаньси” помогают решить различные вопросы и конфликты, не прибегая к официальным институтам власти. Одной из отличительных особенностей “гуаньси” является то, что они в большей степени строятся на основе общих институтов – родство, место рождения, место учебы или работы и т. д. Они являются одной из особенностей китайской социокультурной традиции, которая формировалась веками и в наше время не утратила своего значения» [4].

Как отмечает В.В. Малявин, китайский социум в целом включает в себя три уровня, или сферы, отношений: ядро, представленное семьей; средняя сфера, которая образует связи профессионального, делового и даже личного характера; третья сфера – это круг незнакомых и посторонних людей. Ядро, или внутренняя сфера, представляет собой естественный жизненный коллектив, в первую очередь семью. Здесь каждый дает столько, сколько может, и тогда, когда может, не рассчитывая на вознаграждение. Зато каждый из дающих знает, что всегда может рассчитывать на помощь и поддержку семейного коллектива. Среднюю сферу образуют устойчивые связи делового или дружественного характера, где отношения строятся на основе обоюдной выгоды. В китайском обществе надежность связей и доверие ценятся особенно высоко. Китайцы видят в друзьях, коллегах, партнерах и знакомых свой собственный путь: свои приобретения, лишения, устойчивость во внешнем мире. Наконец, третья, внешняя сфера – это круг незнакомых и посторонних людей. По отношению к этим людям у нас нет никаких личных обязательств, вытекающих из кровного родства или взаимности отношений, а значит, с ними и не может быть никаких отношений, на них необязательно распространять и то «человеческое чувство» (жэнь цин), которое составляет подлинный стержень китайской социальности. Речь идет отнюдь не о сентиментальном сочувствии или даже обыкновенном радушии, а об обязательствах перед партнерами по установленным «связям», довольно бесстрастно рассчитываемых на основании предоставленных друг другу услуг [5].

Стоит отметить, что у китайских мигрантов очень сильно развито чувство Родины, принадлежности народу и культуре своей страны. Феномен чайнатауна, как «может быть результат естественного

стремления жить в привычной среде» [6], демонстрирует, насколько важно в жизни китайских эмигрантов сохранять привычные формы общения при проживании за рубежом. С массовым использованием интернета стало намного проще поддерживать общение и сохранять его формы, инструментами для этого стали мессенджеры, социальные сети и различного рода контенты. В среде китайских мигрантов самым популярным является мессенджер WeChat, известный на китайском языке как 微信 (вейсинь), что в переводе означает «микробиписьмо». Опираясь на три сферы общения, предложенные В.В. Малявиным, мы можем увидеть влияние данного мессенджера на создание новых и поддержание старых социальных контактов в среде китайских мигрантов.

Если подходить к вопросу использования мессенджера территориально, то можно выделить три направления. Китайские мигранты создают новые и поддерживают старые связи:

- с жителями Китая;
- с жителями региона, в котором они проживают в настоящее время (Иркутская область);
- с жителями других стран и регионов.

В нашем исследовании были рассмотрены первые два направления.

При переезде жителя Китая в другую страну сферы общения условно раздваиваются: остаются связи и контакты в самом Китае, и приходится создавать новые на месте проживания. До появления мессенджеров устоявшиеся связи с жителями родины постепенно ослабевают (рис. 1), с помощью писем и звонков удавалось поддерживать контакты с близкими и родными, однако вторая и третья сферы общения могли исчезнуть совсем. По словам одного из наших респондентов, «когда-то китайцы везли спутниковые антенны с настроенными китайскими каналами для телевизоров из Китая, для того чтобы сохранять связь с домом в другой стране».

Однако с появлением возможности использовать мессенджер ситуация изменилась. Общение в данном контенте сформировало новую, виртуальную, реальность, в которой удается сохранять крепкие связи в Китае и в регионе проживания (рис. 2). Попробуем проиллюстрировать данную мысль применимо к каждой сфере общения.

На первом уровне инструментами являются групповые чаты, личные контакты, обмен текстовыми и фотосообщениями, видеочат. «Следует отметить, что групповые чаты набирают все большую популярность среди пользователей социальных сетей» [8]. Неудиви-

тельно, ведь китайцы в умах западных людей всегда представляются шумными группами или компаниями, «они всегда любят быть с людьми и не терпят одиночества» [9, с. 304]. В семейных чатах они делятся новостями, обсуждают ежедневные дела, шутят – это дает им возможность оставаться в привычной для них среде; если речь идет о китайцах, проживающих за рубежом, дает ощущение сплоченности с семьей, не дает оторваться от привычного образа жизни.

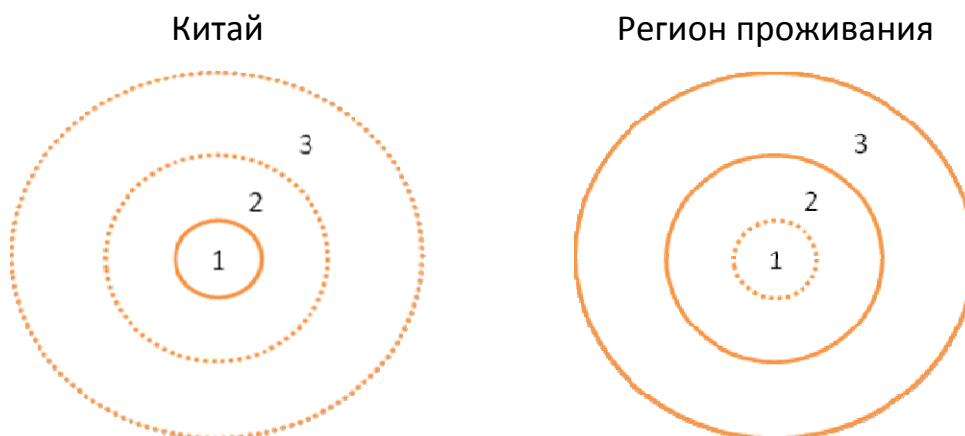

Рис. 1. Сферы общения китайских мигрантов до использования WeChat

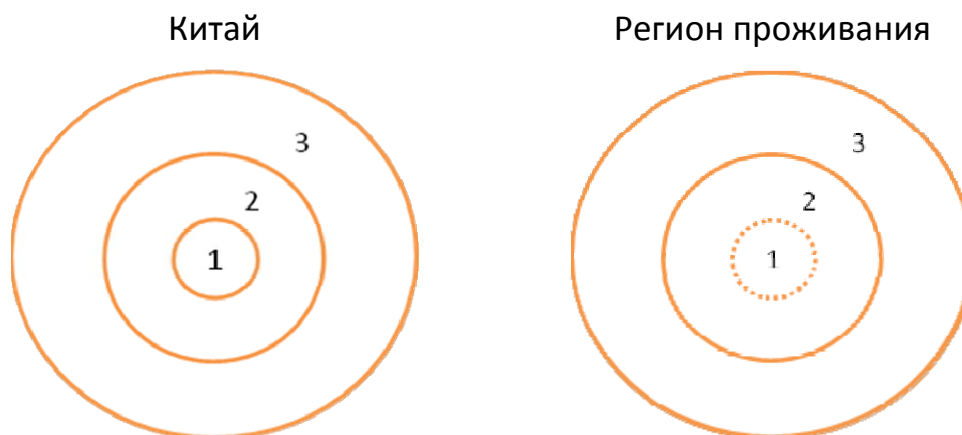

Рис. 2 Сферы общения китайских мигрантов при использовании WeChat

При проведении интервью с женщиной, которой пришлось оставить своего сына родителям в Китае, а самой ехать работать в Иркутск, выяснилось, что для нее «Вичат» – это вся жизнь. Они вместе с сыном делают уроки с помощью видеочата, обедают и ужинают вместе с семьей, обсуждают новости дня, и это помогает ей оставаться включенной в жизнь ее сына и ее семьи. При вопросе, не мешает ли ей это адаптироваться к местной жизни, она ответила, что нет, да-

же наоборот, это морально поддерживает ее, и она уже не может представить себе жизни без телефона и, в частности, данного приложения. Как мы видим, первую сферу общения практически невозможно сформировать на месте проживания, так как большая часть семьи, как правило, остается в Китае. Для китайцев «семья – это наше сердце, те люди, боль которых чувствую внутри себя даже если мы далеко друг от друга» [10]. «Вичат» виртуально позволяет сохранять тесные ежедневные контакты с семьей.

На втором уровне общения при использовании «Вичата» также удастся сохранять и поддерживать связи с коллегами и знакомыми в Китае и регионе проживания (Иркутская область). Популярными функциями в этой сфере являются групповые чаты и «Моменты» (в китайском переводе «круги друзей»). При проведении интервью среди китайских пользователей «Вичата» в Иркутске были обнаружены групповые чаты студентов, проживающих и обучающихся в Иркутске, а также групп, в которых состоят люди, занимающиеся торговлей. К сожалению, стать участником данных групп нам не удалось, так как это чаты закрытого типа, в которых требуется приглашение уже состоящих в ней людей. Однако удалось выяснить предметы обсуждения этих групп. В чатах, связанных с торговлей, это, как правило, транспортировка товара из Китая и в Китай, а также его перепродажа. Участниками рассмотренных нами групп являются китайцы, причем проживающие как на территории Иркутской области, так и в КНР. Кроме того, уже упоминалась новостная лента «Моменты», которая позволяет следить за жизнью своих друзей, публиковать информацию о событиях своей жизни, а также использовать ресурс в качестве рекламы, чем активно и пользуются китайские мигранты. В ленте можно встретить посты от рекламы сумок, при единичной перепродаже товаров американского производства, до оптовых продаж чая, электронных изделий и многого другого. Слова одного из опрашиваемых нами китайцев: «Я выкладываю информацию о товарах в «Моменты», здесь же в личных сообщениях получаю заказ. Заказы есть и из Китая, и из России, очень удобно. В последнее время оплачивать тоже можно в «Вичате»». Все это подтверждает мысль о влиянии «Вичата» на формирование и сохранение отношений, так как до его появления основным инструментом поддержания «гуаньси» была личная встреча, как правило, приглашение на обед или ужин, что невозможно осуществить, проживая в другой стране. Совместная трапеза по-прежнему является главным атрибутом налаживания контактов среди китайцев,

однако многие предпочитают решать вопросы в виртуальном пространстве, в частности используя «Вичат», что дает возможность зарубежным китайцам вести дела с жителями Китая.

На третьем уровне общения «Вичат» помогает не только сохранить уже имеющиеся связи, но и сформировать новые. «Встряска», «Пользователи по соседству», «Плавающая бутылка» – функции, позволяющие добавить себе в контакты новых незнакомых пользователей. Самым популярным среди китайских пользователей в Иркутской области является «Пользователи по соседству». На экране высвечивается список людей, которые находятся поблизости. Китайцы, которые приехали совсем недавно в Иркутск, часто задают вопросы тем, кто здесь уже давно. Вопросы, связанные с бытовой жизнью: они просят подсказать, где есть хорошие магазины, где можно обратиться к врачу, как можно провести время в выходные, какое лучше заказать такси и т. д. Все вопросы находят отклик у тех, кто здесь живет продолжительно, но третий круг, как правило, не переходит во второй, общение либо остается виртуальным, либо прекращается совсем.

Таким образом, нам удалось обнаружить, что при использовании данного мессенджера китайцам за рубежом удастся сохранять связи с жителями Поднебесной, а также с жителями их региона проживания во всех трех сферах, выделенных В.В. Малявиным, что казалось немислимым несколько десятилетий назад. После проведения данного исследования возникло немало новых вопросов и поводов для дискуссий. На ум приходит труд Говарда Рейнгольда «Виртуальное сообщество». К какой новой реальности приведут социальные сети? «Вичат» – виртуальный чайнатаун? Является ли он альтернативой реальному чайнатауну?

Список литературы

1. Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. – М.: РИПОЛ классик, 2010.

2. РБК, 2017 – Роскомнадзор заблокировал сайт мессенджера WeChat // РБК, Технологии и медиа. 5 мая 2017 г. – URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/05/05/2017/590c3e579a7947510ce825c1

3. Колозариди П.В., Ильин А.В. Мессенджеры в городской среде: гибридные формы и новые практики // Шаги-Steps. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 127–138.

4. Веселова Л.С. Институт «гуаньси» в социальной и культурной истории КНР: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. – Казань, 2016. – 192 с.

5. Малявин В.В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. – М.: Европа, 2007.
6. Дятлов В.И. Чайнатауны в современной России. Несколько предварительных замечаний редактора-составителя // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 4. – С. 3–5.
7. Che Hui Lien, Yang Cao. Examining WeChat users' motivations, trust, attitudes, and positive word-of-mouth: Evidence from China. – Computers in Human Behavior 41. – 2014. – P. 104–111.
8. J. Qiu. The Lifecycle and Cascade of WeChat Social Messaging Groups // Jiezhong Qiuy, Yixuan Li, Jie Tangy, Zheng Luz, Hao Yez, Bo Chenz, Qiang Yang and John E. Hopcroft. Department of Computer Science and Technology, Tsinghua University, 2016. – URL: <http://dx.doi.org/10.1145/2872427.2882979>.
9. Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. – СПб.: КАРО, 2011.
10. Тихомирова Е.Е., Чжао Ц. Культурные универсалии и концепт «дом-семья» // Вестник НГПУ. – 2012. – № 2 (6). – С. 73–79. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-universalii-i-kontsept-dom-semya>
11. Вичат. – URL: <http://weixin.qq.com/>.

Особенности восприятия визуального образа Красноярска жителями и гостями города: метод декодирования

Филько Антонина Игоревна

аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Создание уникального символического пространства города начинает играть важную роль в современном процессе трансформации визуального образа тех городов, что совершают переход из индустриальной стадии в постиндустриальную. Восприятие визуального образа города жителями и гостями в данном случае играет важную роль, поскольку представляет собой процесс субъективного декодирования значимых для субъекта знаков, выраженных в предметах, опираясь на которые человек строит свое впечат-

ление о городе. Город Красноярск выбран в качестве предмета исследования, поскольку он находится в процессе трансформации образа города, вызванной сменой его роли индустриального центра Сибири на роль ключевого узла делового и культурного взаимодействия с Азией, а также в связи с проведением XXIX Всемирной зимней Универсиады – 2019.

Городское пространство города Красноярска разнообразно и содержит в себе как типовые, так и уникальные строения, которые можно разделить на три типа: дореволюционные, советские и современные. Главной особенностью города является его взаимодействие с окружающей природой и вписанность в ландшафт. Также особенностью пространства Красноярска является его изменчивость [1; 2].

Наиболее интересным и перспективным междисциплинарным подходом к исследованию символического пространства города была определена городская символическая экология. В рамках данного подхода символическое пространство города понимается как некий код, или текст, наделенный особыми символами, создаваемый горожанами в процессе социального исторически и культурно обусловленного взаимодействия их с материальной средой города [3].

Метод декодирования города актуален для постиндустриальных городов и позволяет определить впечатление города путем раскрытия воспринимаемых общественностью ключевых элементов города в виде его знаков и выявления тех объектов городской действительности, посредством которых люди различных групп составляют свой визуальный образ города. Суть метода состоит в сборе данных путем опроса с использованием фотоанкеты. Анализ полученных данных производится путем объединения ключевых элементов в категории и аспекты, подсчета опознавательного и представительного коэффициента, а также Р-значения. Кроме того, метод декодирования позволяет проводить анализ элементов с учетом принадлежности опрашиваемых к различным группам [4].

Исторический центр города Красноярска был выбран в качестве репрезентанта визуального образа, поскольку в сознании жителей образ города прежде всего представлен через его центр. Это ядро города, устойчивое в сознании горожан. Кроме того, он является одной из наиболее посещаемых частей города и, предположительно, наиболее известен среди жителей и гостей.

Для исследования было сделано 236 снимков трех центральных улиц Красноярска (пр. Мира, ул. Карла Маркса и ул. Ленина) и пересекающих их, а также виды на реки Енисей и Кача. Из этих фотогра-

фий для составления анкеты было отобрано 43 фото. Фотографии были отобраны в соответствии с требованиями методологии.

Для проведения опроса была составлена анкета, содержащая вопросы для сбора данных об опрашиваемых и вопросы, связанные с распознаванием фотографий. Кроме того, в анкете был вопрос, предлагающий кратко описать впечатления о Красноярске.

В процессе исследования было опрошено 187 человек. Основными площадками для опроса послужили Красноярский экономический форум, Красноярский косплей конвент «AVector», Сибирский федеральный университет, Красноярская ярмарка книжной культуры. Были опрошены жители других городов, которые иногда посещают Красноярск, и пассажиры поездов, прибывшие в город. Также был запущен онлайн-опросник. Выбор данных площадок обусловлен не только большим количеством людей, но и высокой вероятностью взаимодействия с гостями города.

В ходе исследования было выявлено, что при определении места в городе Красноярске люди чаще всего обращают внимание на примечательные здания. При повседневном взаимодействии с материальной средой города эти элементы оставляют наиболее яркие впечатления. Так же часто обращают свое внимание на элементы городского пространства, связанные с деятельностью и бизнесом. Таким образом, можно говорить о том, что при создании символического пространства Красноярска горожане и гости достаточно часто обращаются к архитектуре, что подчеркивает важность ее изучения в рамках городского символизма.

Важно отметить, что, несмотря на частое обращение к архитектурным символам, они все же не играют большой роли в формировании символического пространства города. Происходит это ввиду того, что символический аспект произведений архитектуры в реалиях современного города оказывается вне контекста своей актуализации, вследствие чего не может с достаточной силой оказывать воздействие на жителей и гостей города. Жители и гости города Красноярска в повседневной жизни чаще обращаются не к символическому, а к утилитарно-функциональному аспекту произведений архитектуры.

Символическое пространство города строится и на функциональной составляющей центра города. Красноярск предстает как место, в котором постоянно происходят события и взаимодействия. Возможно, именно поэтому город был выбран в качестве площадки делового и культурного сотрудничества России с азиатским регионом, а также местом проведения XXIX Всемирной зимней Универсиады – 2019.

При анализе данных было определено, что наиболее яркий вклад в символическое пространство центра Красноярска делают природные объекты. В исследовании таким объектом выступает река Енисей и такие элементы города, как набережная и мост. Центр Красноярска имеет очень четкий визуальный образ, носителями которого являются реки, мосты и набережные. Данный образ широко тиражируется открытками и фотографиями, а также банкнотами и воспринимается не только жителями, но и гостями города.

Кроме того, был проведен анализ упоминаемости категорий различными группами граждан для выявления различия в восприятии визуального образа города и построения впечатления разными людьми. В ходе анализа ответы были распределены по следующим признакам: пол, возраст и длительность пребывания в городе. В качестве контрольного значения был взят опознавательный коэффициент. Полученные данные призваны показать, какие категории оказывают наибольшее влияние на различные группы граждан.

Если говорить о различиях восприятия образа жителями и гостями, то можно выделить пять групп опрошенных в зависимости от продолжительности пребывания в городе. К жителям города относятся люди, проживающие в городе от 5 лет и более, то есть от 5 до 10 лет (6 %) и более 10 лет (47 %) (рис. 1). В сумме жители составляют половину от всех опрошенных. Остальные группы можно отнести к гостям города.

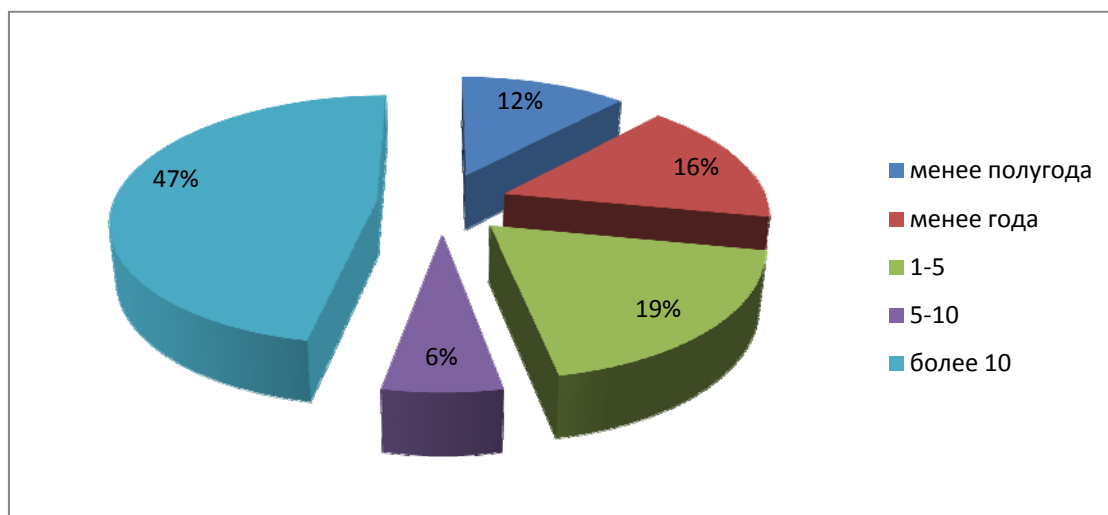

Рис. 1. Соотношение групп по длительности пребывания

Почти все группы ключевыми выделяют все пять элементов «Здание-достопримечательность», «Бизнес и знаки», «Дорога», «Деятельность» и «Вода» (рис. 2).

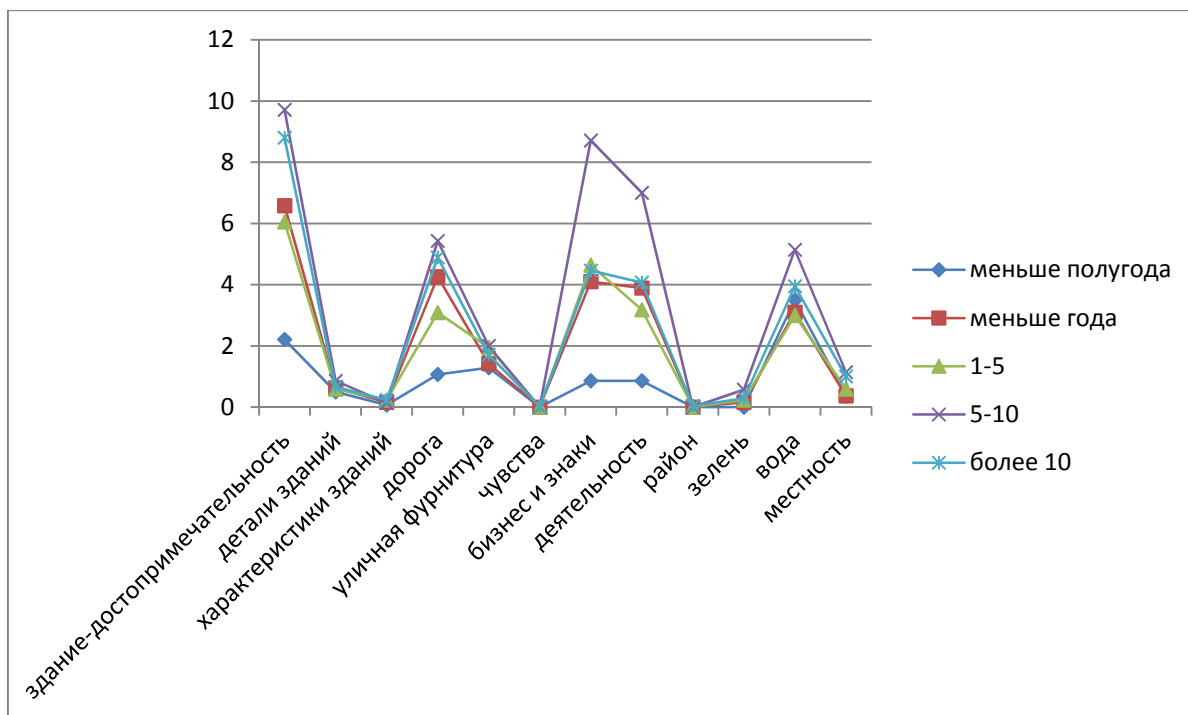

Рис. 2. Сравнение опознавательного коэффициента категорий относительно продолжительности пребывания в городе

Из всех групп сильно выделяются люди, пребывающие в городе менее полугода и действительно являющиеся гостями города. Для них наиболее запоминаемой и считываемой категорией является «Вода», а «Здание-достопримечательность» находится на втором месте. Объяснением может служить то, что Красноярск имеет очень четкий визуальный образ, связанный с Коммунальным мостом, рекой Енисей и набережной. Поскольку данный образ закреплен на банкноте, он тиражируется по всей стране и даже за ее пределами. И несмотря на то что многие города России расположены по берегам рек, и мосты подобной конструкции можно встретить в других городах, данный визуальный образ закреплен именно за Красноярском. Кроме того, наравне с остальными часто упоминаемыми категориями, данная группа выделяется высоким показателем ОК для уличной фурнитуры. Это можно расценивать как большее внимание к деталям основных магистралей города.

Также стоит отметить людей, живущих в Красноярске 5–10 лет. Они больше остальных чувствительны к деталям города и называют большее количество элементов. Можно сказать, что они уже достаточно знакомы с городом, чтобы хорошо здесь ориентироваться, но он им еще не надоел, и они внимательно относятся к окружающему пространству.

Данное исследование показало возможности метода декодирования города для определения различий в построении образа города жителями и приезжими в зависимости от времени их пребывания. Данную методологию можно расширить, добавив в первую часть анкеты новые вопросы для расширения возможностей деления опрошенных на различные группы, например по этническому признаку, – для выявления особенностей восприятия образа города различными этническими и культурными группами.

Список литературы

1. Тарасова М.В., Григорьева Т.Ю. Архитектура города Красноярска как пространство социальной идентификации. Соотношение космоцентрических и социоцентрических идеалов // Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения: монография / под общ. ред. О.А. Карловой, Н.П. Копцевой. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – С. 401–416.

2. Сертакова Е.А., Копцева Н.П. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа города Красноярска): монография. – Красноярск, 2015.

3. Cities Full of Symbols: A Theory of Urban Space and Culture / edited by P.J.M. Nas – Leiden University Press. – 2011.

4. Weina Ch. Decode the City: A Methodological Study Responding to the New Trend of City “Re-image” Montreal as a Case. – School of Urban Planning. McGill University. Montreal. – 2009.

Роль исламских культовых сооружений Красноярского края в адаптации и интеграции мигрантов

Юсупов Абдулазиз Мадаминжанович
Антипина Алена Владимировна
Недбайло Дарья Олеговна

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Резникова Ксения Вячеславовна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Согласно демографическим прогнозам, начиная с 2024–2025 гг. прирост численности населения сменится его сокращением, нарастающим с каждым годом. Согласно последнему прогнозу Росстата, хотя численность населения в 2016–2030 гг. все-таки возрастет на 0,9 млн человек, население в трудоспособном возрасте сократится на 5 млн человек. Миграция становится как важнейшим ресурсом сдерживания депопуляции России, поддержания потенциала экономического развития и геополитической стабильности отдельных регионов, так и основным источником компенсации сокращения трудовых ресурсов на ближайшие десятилетия. В то же время приток иноэтничных мигрантов – ввиду сокращения миграционного потенциала российских соотечественников – станет глобальным вызовом, если не обеспечить адаптацию и интеграцию мигрантов. Исследователи отмечают, что религиозные организации помогают иммигрантам получить все необходимое для включения в новое общество. Роль культовых сооружений в адаптации мигрантов еще недостаточно изучена и требует более глубокого рассмотрения.

Говоря о роли культовых сооружений, стоит в первую очередь рассмотреть роль религии как таковой в процессе адаптации и интеграции мигрантов. Для религиозно активных групп более важно сохранение своей этноконфессиональной идентичности, образа жизни. Религия, выполняя смыслообразующую, компенсаторную, регулятивную и другие социальные функции, может способствовать более успешной адаптации мигрантов к новым условиям бытия. Мигранты являются наиболее незащищенной социальной группой, испытывают большой дискомфорт, связанный с переездом, порождающий у них

стремление к консолидации не только по этническим, но и конфессиональным признакам. Выход за рамки обыденного заставляет искать способы возвращения в повседневную жизнь. В первую очередь это относится к религиозным и культурным аспектам повседневности, поэтому при смене места жительства люди пытаются воссоздать ту среду существования, в которой они находились до переезда [1]. Большую роль в религиозности занимают религиозные практики. На современном этапе в рассмотрении религиозных практик как удерживающих границы этноса важную роль играет понятие «габитус» французского социолога П. Бурдьё. Габитус определяется как системы структур, способных функционировать в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления. Габитус порождается объективными социальными структурами и воспроизводит эти структуры, производит индивидуальные и коллективные практики. Этнический габитус включает в себя практику предшествующих и ныне живущего поколения, при этом одной из наиболее востребованных ныне живущим народом этнических практик прошлых поколений выступают практики религиозные. Проведению религиозных практик на институциональном уровне служат культовые сооружения. Таким образом, культовые сооружения на религиозном и социальном уровне способствуют более комфортному адаптированию мигрантов в новой среде.

Для выяснения роли культовых сооружений в адаптации и интеграции мигрантов важно рассмотреть процесс межкультурной коммуникации. В процессе межкультурной коммуникации человек попадает в другой мир, испытывая при этом самые разные переживания чужого окружения. Это переживание чужого сопровождается также переживанием «своего» как контрастно противоположного «чужому». По мнению А.П. Садохина [2], в межкультурной коммуникации понятие «чужой» имеет ключевое значение, поскольку при восприятии различных инокультурных явлений действуют когнитивные фильтры, позволяющие индивиду выделить себя из среды «других» и «чужих». А.П. Садохин выделяет в процессе коммуникации невербальную коммуникацию, средствами которой служат не только мимика, жесты, позы, но и различные элементы окружающей среды. Важную роль при рассмотрении роли культовых сооружений играет окружающее пространство, в которое попадает человек и в котором все чуждо. Если рассматривать город как особый тип социального пространства, то основным признаком будет то, что его составляющими являются социальные субъекты, люди, которые взаимодействуют между собой.

Здесь также важно учитывать мнение Т. Парсонса, который подчеркивал, что социальные взаимодействия имеют и физический аспект. Город как система – это и физическое пространство, наполненное материально-вещностными предметами, и социальное пространство, состоящее из взаимодействий людей, которые представляют собой различные уровни рассмотрения пространства вообще и которые вступают во взаимодействие и влияют друг на друга. В современных трактовках социального пространства выделяют два отличных друг от друга подхода к пониманию социального пространства, где так или иначе социальное пространство постигается через физическое, сравнивается с ним [3]. Бурдые отмечает качественную отличность социального пространства от физического (геометрического), но указывает на их взаимосвязь: социальное пространство стремится найти выражение в пространстве физическом. То физическое пространство, в котором живет современный человек, не является «самостоятельным»: оно оказывается социально сконструированным и обусловленным, а люди как социальные агенты умеют «прочитывать» и следуют тем порядкам и правилам, которые задаются структурой пространства. Таким образом, говоря о роли культовых сооружений, можно сделать вывод, что их наличие и распределение показывает включенность социальных групп в общее социальное пространство и их репрезентативность. Для мигрантов, которые являются «чужими» для принимающей стороны, наличие в социальном пространстве атрибутов их религии позволяют осознать себя частью общего социального пространства.

Первые упоминания о мусульманах Красноярского края датированы XIII в., речь идет о татарах и киргиз-кайсаках, которые упоминаются как мусульмане. Во время первой переписи населения Российской империи (1897 г.) на территории Енисейской губернии проживало 0,8 % мусульманского населения. Со временем число мусульман в Красноярском крае росло, и к первой четверти двадцатого века сформировалось 42 мусульманских населенных пункта. Катализатором массовой миграции стала Столыпинская реформа. Мечеть старались построить в первый год или два. Мечеть являлась очень важным местом, здесь проводились совместные праздники, обряды и молитвы.

29 февраля 1892 г. Енисейское губернское правление постановило разрешить магометанскому обществу г. Енисейска постройку соборной мечети по представленному проекту, разработанному в Строительном отделении. Изменения в проект были внесены губернатором Теляковским и губернским инженером Павловым. По-

видимому, сама постройка была осуществлена несколько позднее, так как на плане Енисейска 1896 г. мечеть еще не показана. Здание мечети было выстроено магометанским обществом г. Енисейска в 1905 г.; вместимость мечети – 200 человек. Появление подобной культовой мусульманской постройки на рубеже XIX–XX вв. в северо-восточной Азии можно оценить как уникальное явление.

В настоящее время мечеть является центром ислама в Енисейске, Енисейском районе и близлежащих районах. Под ее сводами на «Джума» (пятничную молитву) собираются все мусульмане – представители разных народов России, Кавказа, Средней Азии, дальнего зарубежья, граждане СНГ, волей судеб оказавшиеся в Енисейске и Енисейском районе. Мечети имеются в разных территориях края: в Минусинске (деревянная мечеть, 1898 г.), в пос. Казанка, мечеть Норильска самая северная в мире, в нескольких сельских населенных пунктах имеются мечети дореволюционной постройки. Построены мечети в с. Коврига Пировского р-на, с. Казачинское, д. Елга, с. Пировское, открыты молельные комнаты в Боготоле и Ачинске.

С 1984 г. начинается деятельность (при участии Аухадеева Вильдана Аухадеевича, позже руководителя мусульман Красноярска) по официальной регистрации объединения мусульман города Красноярска. В 1985 г. объединение мусульман Красноярска получило официальную регистрацию. В поселке Покровка на собранные общиной деньги была построена мечеть, которая просуществовала до 2010 г. В 2001 г. в Советском районе Красноярска была построена Соборная мечеть.

Количество мусульман в России и, в частности, в Красноярском крае растет с каждым годом, повышая актуальность рассматриваемой проблемы. В настоящий момент строятся мечети в Ачинске и Канске, планируется строительство мечети в Большой Мурте и в Шарыпове. Поиск подходящей земли для строительства второй мечети ведется и в Красноярске.

На еженедельную обязательную для всех мужчин-мусульман молитву в Красноярскую соборную мечеть приходит до 2000 человек. Здание соборной мечети согласно проектной документации рассчитано на 400 человек, и вполне естественно, что много людей вынуждены совершать намаз (молитву) на улице, на территории мечети прямо на асфальте, а если людей очень много, то и на тротуарах, и на газонах.

При взаимодействии с Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний по Красноярскому краю в 26 исправи-

тельных учреждениях открыты молельные комнаты для мусульман, построена мечеть в ОИК-42 п. Октябрьский Богучанского района, выделены средства на строительство еще двух мечетей в исправительных колониях. Среди находящихся в местах принудительного содержания присутствуют и представители мигрантов-мусульман, желающие осуществлять свое право на вероисповедание. Представители муфтията посещают эти учреждения, проводят проповеди, разъяснительные беседы и иные мероприятия. В соборной мечети проводятся курсы лекций, посвященных проблемам мусульманской идеологии, радикальных течений и пр. Управление мусульман использует свои ресурсы для донесения до населения некоторых важных моментов миграционного законодательства, помогает в меру возможностей решать возникающие вопросы.

В ходе работы была определена роль культовых сооружений в адаптации и интеграции мигрантов, проведен анализ ситуации в строительстве культовых исламских сооружений на территории Красноярского края. Культовые исламские сооружения, являясь местом проведения религиозных практик, способствуют комфортному вхождению мигрантов в незнакомую среду, демонстрируют принятие религиозных верований адаптирующихся. Воспринимая город как социальное пространство, культовые сооружения отражают включение мигрантов в социальное пространство. Анализируя ситуацию в Красноярском крае, можно сделать вывод, что строительство мечетей ведется как при содействии местных мусульман, так и при помощи политических деятелей и государственных организаций. Мечети являются пространством для решения актуальных вопросов: на еженедельных пятничных молитвах часто затрагивает актуальные темы миграции, исламофобии, миграционного законодательства, норм и правил поведения в обществе. Именно мечеть становится таким местом, где мигранты собираются в большом количестве и где можно донести до них важные новости, правила и нормы поведения в виде проповедей, чем активно пользуются духовные лица, выступая в этом случае в симбиозе с властью. В Соборной мечети Красноярска существует офис муфтия, куда мигранты часто обращаются за помощью или за консультациями по вопросам миграционного законодательства. В мечетях также имеются женские молельные комнаты. Как известно, мигранты довольно религиозны; их жены, дочери и сестры большую часть времени проводят дома. Женские молельни, куда они могут приезжать по пятницам, являются своеобразной отдушиной, и женщины тоже оказываются включены в пространство города. Таким об-

разом, мечеть является важным элементом как городского, так и социального пространства, выполняя религиозную и воспитательную функцию, являясь площадкой для дискуссий, способствует адаптации и интеграции мигрантов в российское общество.

Список литературы

1. Десять лет работы Красноярского муфтията. Итоги / под. ред. Л.Б. Арифудиной: ПРО Ислам. – № 01 (029). – Январь 2013. – С. 1–8.
2. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004.
3. Социальное пространство современного города / под. ред. Г.Б. Кораблевой, А.В. Меренкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.
4. Королева Э.В. Социальная роль религии в миграционных процессах современной России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2008. – С. 42–44.

Модерн и национальные отношения в России: татарский и славянский этносы в суперэтносе России

Арпентьева Мариам Равильевна

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития
и образования Института психологии Калужского государственного
университета им. К.Э. Циолковского

г. Калуга

Введение в проблему исследования. Национальные идеи в России всегда колебались между двумя полюсами, названия которых менялись, а суть оставалась одной и той же. Эти колебания отражали два основных варианта решения проблемы «своего» и «чужого», ставших осевыми именно во времена модерна, но, конечно же, существовавших и до него. На пути решения проблем «своего» и «чужого» человечество выработало несколько революционных по своей сути моделей, пытавшихся раз и навсегда изменить понимание происходящего между разными культурами и найти идеальный способ гармонизации отношений народов и культур, в том числе национализм и универсализм.

Концептологические основания исследования. Процветавший в России национализм в модерне тесно перемешался с универсализ-

мом. Как писал А. Тойнби, в любом отсталом обществе (а Россию с ее собственным хронотопом развития часто считают отсталой), которому нужно противостоять более сильному противнику, возникает иродианство – ратующее за копирование иностранных общественных институтов, и зелотизм – призывающее к изоляции ради сохранения традиционного уклада. Ни одно из них – ни патриотизм, ни коллаборационизм – само по себе не приводит к успеху: оба лишены творческого начала [13]. В XIX в. в России противостояние сторонников «собственного» (национал-патриотизм, традиционализм и зелотизм) и сторонников «чужого» (универсализм, иродианство, инновационизм) вылилось в движения славянофилов и западников, а также активные искания интеллигенции «восточных путей» развития и их нового, творческого синтеза. Славянофильство и западничество как направления возникли в первой половине XIX в., формировались в контексте глобальных законов социально-исторического развития, в поиске переоценки рабовладения и феодализма (крепостничество), а также решения проблем государственной власти. При этом ратующее за «свое» и его защиту и насаждение славянофильство и стремящееся к универсализации западничество существенно различались в понимании исторического процесса, его целей, конкретных путей.

Славянофилы стояли на почве религиозной философии, доктрин православия, а западники перенимали идеологические схемы западноевропейской рационалистической традиции. Западники (представителями которых были А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, Н.В. Станкевич, Н.П. Огарев, П.В. Анненков, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев и др.) говорили о важности для России европейской модели развития в контексте развития общечеловеческой цивилизации, передовым рубежом которой является Западная Европа, где развернуто и успешно реализуются принципы и технологии прогресса и свободы [3; 9; 14; 16]. При этом капитализм выступает как центральный путь для человечества. Российская история, соглашались они с Западной моделью, есть история отсталости от европейского Запада, история и попыток ее преодоления. Задача России – в отказе от патриархальщины, «азиатчины», в частности общинности. Таким образом, «своим» не считалась значительная часть идентичности российского народа. Также подчеркивалась роль «внешней правды»: справедливых и легитимных законов, должных устранить негативные последствия рабства и крепостничества, ввести демократию как свободу.

Славянофилы (такие представители славянофильства, как Л.С. Хомяков, братья И.В. и П.В. Киреевские, братья К.С. и И.С. Ак-

саковы, Ю.Ф. Самарин) идеализировали традиционный патриархат и стремились вернуть времена, предшествовавшие открытию «окна в Европу», ратуя за возврат к патриархальному состоянию [8; 9; 15]. Они отрицали важность общечеловеческого развития и признавали самобытность жизни каждого народа или со-обществ близких народов, полагая, что модернизации разрушают самобытность народов и культур. По сути, ими также отрицалась часть национальной идентичности россиян: ее «европейская» составляющая. У России, согласно иллюзиям славянофилов, есть свой собственный путь развития, не требующий интеграции в европейскую и мировую (западную) систему. Уникальность жизни и развития России связана с коллективистским, а не индивидуалистским началом россиян как народа, идеалами соборности и «внутренней правды» (нравственности), общинным характером жизни, идеалами православия, которое выработали и сохранили россияне [10; 12]. Неприятие Европы естественным образом вылилось в привычный России национализм и аналогичный европейскому мессианский подход: Россия якобы должна «оздоровить» и обогатить ущербную Европу идеалами православия и общинности, идеалами царской власти, помочь ей в разрешении внутренних и внешних политических проблем в соответствии с христианскими/общинными принципами и «правде внутренней». Славянофилы отрицали продуктивность и эффективность «правды внешней», юридической. Поэтому В.С. Соловьев, отрицавший славянофильский национализм, изоляционизм, мессианство из философских и нравственно-религиозных убеждений, сформулировал глобалистский подход к анализу «русской идеи» в контексте трех «мировых идей», которые выделил еще Ф. Достоевский: «католицизма», «протестантизма» и «православия» [4; 6; 11].

Оба этих течения были позднее соединены в «большевизм»: западничество, славянофильство и православная религиозная традиция, которая помогла соединить вместе, казалось бы, несоединимое, и, более того, в новое движение [7]. В начале XX века в Европе в среде русских эмигрантов возникло евразийство: «исход к Востоку», центральной идеей которого было лидерство России в антиевропейском движении (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, Г.В. Флоровский, Н.Н. Алексеев, Н.С. Арсеньев, Л.П. Карсавин, В.Э. Сеземан, С.Л. Франк, В.Н. Ильин, и др.) [4; 8; 14]. Россия, занимающая срединное пространство между Азией и Европой, живущая на стыке двух миров – восточного и западного, объединяет эти начала: Россия-Евразия это самодостаточный мир. Его принципы описаны

концепцией месторазвития П.Н. Савицкого, близкой органицистской школе Ф. Ратцеля, модели центральной части Европы как «Хартленда» (heartland – «сердцевинная земля» как «географическая ось» истории, «geographical pivot of history») Х.Дж. Маккиндера [19; 20; 21; 22; 24]. По мнению Х.Дж. Маккиндера, сердце цивилизации до XX в. – центральная часть Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа – Аравия – Индокитай) и периферийная дуга (Америка – Африка – Океания). Тот, кто «командует» хартлендом, по его мнению, тот командует миром. Центром хартленда является Россия, в XX в. противостоящая новообразовавшейся центральной точке теперь уже двуполярного мира – США, претендующей на власть миром или его значительной частью. Она осуществляет синтез двух начал Старого Света – Востока и Запада, европейского и азиатского начал, который Л.Н. Гумилев назвал скифско-сибирским «степным» стилем [2].

Россия стала «плавильным котлом» для славяно-тюркских народов, сформировавших в результате органический сплав российского суперэтнуса: «Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы... а русские» [4, с. 33]. Н.С. Трубецкой писал, что православие является стержнем евразийской культуры [14]. Русскую культуру отличает соборность или народность, ее цель – сохранить и множить духовные основы человечества. Евразийцы отрицали панславизм и европоцентризм, славянское и европейское превосходство, а также связанный с ними отказ от национальных культур и стремление исключить или перескочить через некоторые ступени собственного развития. Они критиковали либеральное государство и парламентскую демократию, рассматривая ее как олигархию: евразийское государство должно иметь форму идеократии (например, «государства-церкви», или теократии, «народной монархии», национал-диктатуры, партийного государства и т. д.), быть механизмом реализации духовного импульса – от «духовных вождей» к остальным. В начале XX в. С.М. Широкогоровым был введен термин «этнос» в качестве собирательного термина для обозначения этнических общностей [1; 17; 18].

Постановка проблемы. Однако и суперэтнос не может избежать проблем, связанных с «национальным вопросом». Даже более того, в рамках суперэтнуса происходят собственные не всегда осознаваемые, но очень значимые изменения. Так, на территории Сибири и азиатской части России уже несколько веков идет противоречивый, неоднозначный и все более глубокий и разносторонний, порой достигающий состояния военных конфликтов, диалог славянского и тюрк-

ского «рукавов» российского суперэтнуса. Этот диалог важен не только для них, но и для окружающих народов, всего мира. В последнее время, в частности, привел к нарастанию тенденции сокращения китайской и монгольской диаспор Сибири: рост активности татарской «диаспоры», ее самосознания привел к активизации проблематики соотношения нравственных и правовых нормативов, которые на фоне прогрессирующей разрухи и обеднения Сибири вызывали к жизни мощные силы возрождения, не близкие монгольскому и китайскому самосознанию. В регион хлынули представители тюркских народов, в том числе из соседних стран: помимо возможности заработка, их, очевидным образом, привлекает наличие большей гармонии отношений жителей региона с собой и миром. Напротив, в европейской части России наблюдаются тенденции дисгармонизации: нарастает стремление государства подавить инициативы и самосознание (самостоятельность) не менее древнего и культурно богатого, чем славяне, татарского этноса, нивелировать его культуру, сведя ее к существующим в рамках «общей» славянской культуры «частностям». Происходит прогрессирующая нивелировка нравственных ценностей, ударяющая по всем жителям этого региона, продолжается углубление и расширение разрывов между социально-экономическими и политическими группировками, растет уровень культурного и экономического расслоения, парциального обогащения и развития одних слоев за счет обеднения и деградации других. Попытки подавить малейшее сопротивление крымских и поволжско-уральских татар, в том числе лишить самостоятельности Татарстан, поволжских татар, не желающих следовать ущербной экономической и политической стратегии «центра», выливаются в нарастающее неприятие и пока еще скрытые конфликты. Государственный монолит России продолжает проводить линию, начатую еще во времена завоевания русскими Сибири: подавление «иностранцев», их эксплуатация, стравливание «собственного» народа с другими. На примере деятельности такой высококоррупцированной и антинародной по своим проявлениям организации, как «ФМС», усилий многих других сообществ и советов «соотечественников», усилий СМИ, действующих на территории страны, можно увидеть всю сущность этнокультурной политики Российского государства, предсказать ее последствия для русского, татарского и иных этносов российского суперэтнуса. Эти последствия, к сожалению, непродуктивны. Россия все еще живет мифами: черным мифом «монголо-татарского ига» и белым мифом «благословенной Москвы». На деле же, кроме вымыслов историков и политиков Запада и Китая о вражде славян и татар, и кроме вымыслов политиков и историков

Центральной России, защищающих свое «предназначение» творить беззаконие под маской «избранности», татары и тюрки, русские и славяне живут как единый организм, всей историей своих отношений утверждая жизнеспособность концепции транскультурализма, жизнеспособность российского суперэтноса как трансэтнической структуры.

Обсуждение. Социализм, век XX, предложил понятие интернационализма, обращенного к идеалам равенства, братства и свободы, основанных на нравственной основе «внутренней правды», а также «внешней правде» законов и отношений в социалистическом государстве. Кроме того, социализм обратился к равенству народов. В то же время капитализм XIX–XX вв. сначала продолжал линию национального отчуждения, расизма, свойственную феодализму, но позднее, в связи транснационализацией (глобализацией) корпораций, сформулировал в течение XX – начала XXI в. – понятие и технологии мультикультурализма, современность и посткапитализм XXI в. ввели в «игру» понятие транскультурализма [4; 5; 12; 23]. Это попытки смягчить революционные перевороты и сдвиги, убрав из них одно из ведущих «жал» социальных различий – этническое.

Интернационализм был предложен в качестве антитезы национализма и иных видов социальной несправедливости как части феодально-рабовладельческой идеологии, поддерживаемой наследницей феодального и рабовладельческого сообщества – компрадорской буржуазией. Интернационализм – это идеология, пропагандирующая дружбу и сотрудничество между нациями, в том числе солидарность людей в борьбе против капитализма. Интернационализм существует как альтернатива глобализации с ее «мультикультурностью» как «буржуазным космополитизмом», понимаемым как отрицание всякой национальной культуры, как альтернатива «буржуазному национализму», понимаемому как идеология национальной исключительности и шовинизма. Проблема интернационализма, таким образом, кроется в том, что он выступает как «прикладной» феномен, духовно-нравственные основы которого не были осмыслены и потому создавали теоретические и практические проблемы: не желавшие дружить и сражаться вместе против капитализма «отсекались» от сотрудничества. Кроме того, интернационализм предполагал большую или меньшую унификацию повседневной жизни людей: не опираясь на законы нравственные, он предложил, как и капитализм, законы юридические, заменив частную собственность государственной, вместо того чтобы сделать ее собственностью народа. Юридические же законы оказались с легкостью «обходимыми», «нарушаемыми»

и трансформируемыми, как и любые иные законы права – наследия кастовых миров рабовладельческого, феодального, буржуазного. Социализм повел народы по пути, на котором сегрегация и сепаратизм стали неизбежностью: вся мощь недовольства правовым (арбитражным) произволом вылилась в еще больший произвол – тотально нелегитимное уничтожение стран «социалистического лагеря», сопровождавшееся расколом этих стран и населяющих их народов по всем линиям накопившихся в странах противоречий. Идентичность и жизнь человека и группы становится все более противоречивой, внутренние и внешние противоречия смешиваются в единый «запутанный клубок», узел. Люди и сообщества живут «связанные одной цепью». В итоге наступает стадия «разрубания узлов». Сначала социализм «обходился» поиском внешних и внутренних врагов, попытками создания мирового социализма и внутренними «чистками», включая массовые переселения народов, уничтожение интеллигенции и священничества, концлагеря и «ударные стройки». Однако со временем врагов находить стало труднее: внутренние и внешние проблемы стали более «тонкими», социализм столкнулся с последствиями собственных ошибок, включая вольное и невольное подавление людей и наций, ставившего «буквы закона» выше «букв» достоинства (чести) и жизни. Таким образом, интернационализму как практике и концепции «не хватило» опоры на духовно-нравственные ценности: он развивал способность любить «ближнего» и самого себя меньше, чем способность сражаться с ближним – и с самим собой.

Россияне, разбитые на «западников» и «славянофилов», скорее сопротивлялись проникновению и распространению идей, положивших начало мультикультурализму: интеллигенция конца XIX в. пыталась обнаружить глубинные, народные и религиозные основания национализма: происходила переоценка западных ценностей и ориентиров, кристаллизация собственных принципов, утверждалось новое прочтение сути российской государственности. Национализм стал одним из ведущих факторов переориентации экономической активности и ее беспрецедентного перемещения в центр эпохи модерна (modern society, modernity, contemporary society). Национализм и формирование «капиталистических наций» рассматривается как ключевой момент в становлении капитализма: начало всему положили, национальные интересы буржуазных наций как государств, вступавших в политическое и экономическое соперничество, а также обладающих общей судьбой и выбирающих – определяющих эту судьбу путем плебисцита. Государство и национализм как политика государства

во многом способствовали формированию наций в индустриальных государствах XIX в. На этапе становления капитализма было необходимо «превратить» общества в нации, используя национализм. При капитализме происходит трансформация этнически и культурно разнообразных кластеров сообщества, территориально объединенных в единое государство, в целостность нового типа, которая получает новое название – «общество органической солидарности», «нация», «капиталистическое общество»: социальная, культурная и политическая стороны жизни этносов «сплавляются» с экономической стороной. Таким образом, сначала этнические и территориально-культурные общности достигают достаточно высокой интеграции, позволяющей сформировать социально-психологическое и экономико-политическое единство, формируются и развиваются национальные рынки. Затем национальные рынки расширяются и начинают изменять общество. С появлением крупных национальных корпораций, для которых границы местных, национальных рынков уже тесны, возникает другой запрос: для развития капитализма, в том числе к посткапитализму, понадобились «транснационалистические» нации, мультикультурализм и глобализм (универсализм) как еще более плотные сплавы на пути к мондиализму, тотальной власти рынка в жизни человечества [1; 6; 17; 19].

Мультикультурализм был создан для удовлетворения растущих потребностей «буржуазного космополитизма» в установлении контроля над всем населением – стран, регионов, континентов, всей земли: транснациональные корпорации не могли не столкнуться с проблемами различий групп и людей разных наций, сословий, поколений, вероисповеданий, то есть разных культур и субкультур, а также с необходимостью решить проблемы взаимодействия людей с помощью идеологии и концепции, позволяющей более или менее унифицировать взаимодействие, превратив человека в часть «физического капитала». Как бы ни были различны современные мультикультурные подходы, а также предшествовавшие и следовавшие им концепции: ассимиляции, «плавильного котла», «салатницы» и т. д., – все они связаны с решением задач унификации и оптимизации производства: оптимизации служения населения буржуазным правительствам и транснациональным корпорациям и, в перспективе, мировому правительству, внедряющему унифицированные идеологию и ценности, представления и понимания мира и самих себя людьми, деиндивидуализированные нормативы и ритуалы поведения. На этом пути мультикультурализм столкнулся с жестким ответом в виде сепаратистских

«несогласий». Будучи обращенными на защиту собственных прав и отделение от других национальных, религиозных и т. п. групп и подгрупп, культур и субкультур, сепаратизм продемонстрировал более важное стремление людей «быть хозяевами своей жизни»: иметь свое понимание себя и мира (свое «мнение»), свои ценности и идеологию, отличные от идеологии глобализации и универсализации, свои ритуалы и нормы. Свобода как самостоятельность и достоинство, как совокупность прав и обязанностей – основное, «непредусмотренное» мультикультурализмом явление. Мультикультурализм вырождается в системы преференций и самоизоляции культур и субкультур, ведя к росту фашистских настроений (потребности и желания «квалифицированных потребителей» становятся все «квалифицированнее»). Мультикультурализм воспитывает рентные, паразитические установки, формируя и развивая отношения зависимости и рабства жаждущих «хлеба и зрелищ», заботящихся лишь об удовлетворении инстинктивных программ – благополучия и размножения – вне зависимости от «программ» духовно-нравственных. Рабы становятся все более похожими на «хозяев», общество сегментируется и становится высоко иерархичным, границы между кастами – все более непроницаемыми. Таким образом, мультикультурализм обречен на создание «электронных» и иных концлагерей, изолятов, колоний и резерваций, наряду и благодаря институтам «всеобщей прозрачности» – всеобщего и тотального контроля государства и созданной им тюрьмы-паноптикума, в которой каждый контролирует каждого. Идентичность и жизнь человека и группы все более фрагментируется, становится лоскутной и в итоге погибает. К этому и ведет его мальтузианская модель «ножниц», внушающая необходимость коммодификации жизни, а также беспрепятственного, безответственного, комфортного и сакрализирующего потребителя потребления. Мультикультурализм этатичен и служит интересам буржуазного государства, но не общества. Его цель – стереть «иное» с повестки дня, пусть и ценой временного, парциального ущемления «своего».

Транскультурализм, феномен пост-буржуазного, пост-капиталистического мира, частично унаследовал идеи интернационализма. Он пытается решить эти проблемы, не отворачиваясь ни от чего. Транскультурализм расцветает «на границах», в зонах «несостыковки», зонах, отношения в которых не могут регулироваться одной системой прав и одной идеологией [6; 10; 13; 22]. Столкновение, взаимодействие, взаимный обмен и диалог этих идеологий и ценностей, пониманий себя и мира (переживаний и представлений), норм

и ритуалов приводит к возникновению новой, «гибридной» идентичности. «Гибрид» сознает противоречивость, но относится к ней и к противоречащим тенденциям с принятием и смирением. Отношения людей и групп строятся ацефалично, кланово: государство все более перерастает в государство-церковь, живущее не по законам человеческим, но по законам духовно-нравственным. Отношения строятся как отношения значимого и ответственного дарообмена, как попытка заслужить собеседника – уважительное отношение к себе и к нему, понимание взаимодействия людей и групп как праздника, как повода для развития, открытия неведомого и постижение неведомого в себе и в другом.

Выводы. Именно последний вариант может стать ориентиром для формирования и сохранения принципов экологии культуры: поиск пограничных, интегративных моделей построения внутренних и внешних отношений, которые будут способствовать профилактике и разрешению межкультурных конфликтов. Сама ситуация подталкивает исследователей и практиков, людей и сообщества к осознанию и проживанию «пограничных» форм существования, при которых вынужденно или добровольно противоречия сохраняются, переходя в новое качество отношений: удовлетворенность «пограничностью» при этом может способствовать более продуктивному и эффективно-му проживанию этапа «непризнанности», пониманию важности внутренней гармонии по сравнению с внешней, внутренней ответственности – по сравнению с внешней, общества – по сравнению с государством, нравственности – по сравнению с правом. Такое состояние достигается во многих «новейших», непризнанных государствах, в современных посткапиталистических странах, в странах, активно пытающихся разрешить социально-политические и культурно-религиозные противоречия, – там, где человеческое достоинство и нравственность ставятся выше страха и защищающего от страха права, где стратегическое выживание-развитие важнее тактического – выживания-«благополучия».

Список литературы

1. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 240 с. – С. 115–128.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 496 с.

3. Евразийство. Опыт систематического изложения. – Париж: Евразийское книгоиздательство, 1926. – 80 с. – С. 33.
4. Евразийство: философия, история, политика / редкол. О.Т. Кирсанова – ред. и др. – Ростов-на-Дону: РИНХ, 2006. – 86 с.
5. Ле Коадик Р. Мультикультурализм // Диалоги об идентичности и мультикультурализме / под ред. Е.И. Филипповой, Р. Ле Коадика. – М.: ИАЭ РАН, Наука, 2005. – С. 78–104.
6. Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллектив. идентичности. – М.: РОССПЭН, 2009. – 190 с.
7. Пастухов В.Б. «Третье пришествие большевизма» // Русская служба Би-би-си. – 2014. – 27.10. URL: http://www.bbc.com/russian/blogs/2014/10/141027_blog_pastoukhov_bolshevism_third_round.
8. Савицкий П.Н. Россия – особый географический мир. – Прага: Русская традиция, 2005. – 187 с.
9. Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма: 1840–1876. – М.: Река времен, 1997. – 259 с.
10. Сильнова Е.И. Идея соборности и проблема социальной интеграции в учении славянофилов // Философия и общество. – 2006. – № 4. – С. 112–124.
11. Соловьев В.С. Западники, западничество / В.С. Соловьев. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 12. – СПб., 1894. – 480 с.
12. Тлостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации. – М.: РУДН, 2008. – 251 с. – С. 126, 143.
13. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: Прогресс; Культура, 1995. – 489 с.
14. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. – София: Рос.-Болг. книгоизд-во, 1920. – 82 с.
15. Хоружий С.С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопр. философии. – 1994. – № 11. – С. 52–62.
16. Хюбнер К. Нация. От забвения к возрождению. – М.: Канон+, 2001. – 396 с. – С. 9.
17. Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. – М.: МГУ, 1986. – 440 с.
18. Олейников Д.И. Классическое российское западничество. – М.: Механик, 1996. – 68 с.
19. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. – С. 13–121.
20. Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 596 p.

21. Greenfeld L. The Spirit of Capitalism. Nationalism and Economic Growth. – Cambridge, MA: Harvard university press, 2003. 560 p. – P. 125.

22. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23 (№ 4). – P. 421–437.

23. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. – New York: Holt, 1919. – Washington, DC: National Defence University Press, 1996. – 282 p.

24. Ortiz F. Cuban Counterpoint. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1995, Durham, N.C.: Knopf, 2012. – 408 p.

25. Ratzel Fr. Erdenmacht und Völkerschicksal. Eine Auswahl aus seinen Werken.Hg. & Einl. Karl Haushofer. – Kröner, Stuttgart 1940. – S. 240.

26. Gellner, E. (2004) Usloviya svobody. [The conditions of freedom]. Grazhdanskoye obshchestvo i yego istoricheskiye soperniki. – M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, Usloviya svobody. Grazhdanskoye obshchestvo i yego istoricheskiye soperniki. [Civil society and its historical rivals]. Moscow: Moscow School of Political Studies. – 240 p.

27. Gumilev L.N. (1989) Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. – Leningrad: Leningrad Publishing House. University. – 496 p.

28. Yevraziystvo.Opyt sistematicheskogo izlozheniya [Eurasianism.Experience of systematic presentation] (1926) – Paris: Eurasian book publishing. – 80 p.

29. Yevraziystvo: filosofiya, istoriya, politika [Eurasianism: Philosophy, History, Politics] (2006) / Editor: O.T. Kirsanov - ed. and others - Rostov-on-Don: RINH, 86 p.

30. Le Coadic R. (2004) Mul'tikul'turalizm [Multiculturalism] In: E.I. Filippova, R. Le Coadic ed. Dialogi ob identichnosti i mul'tikul'turalizme [Dialogues about identity and multiculturalism]. – Moscow: IAE RAN, Science, 2005: 78–104.

31. Malinova O.Yu. (2009) Rossiya i «Zapad» v XX veke: transformatsiya diskursa o kollektiv. identichnosti. [Russia and the "West" in the twentieth century: the transformation of discourse about the collective Identity]. – Moscow: ROSSPEN, 190 p.

32. Pastukhov VB (2014) Tret'ye prishestviye bol'shevizma» [The Third Coming of Bolshevism] Russkaya sluzhba Bi-bi-si. [Russian Service BBC]. – URL: http://www.bbc.com/english/blogs/2014/10/141027_blog_pastoukhov_bolshevism_third_round (accessed May 10, 2017).

33. Savitsky P.N. (2005) Rossiya – osobyy geograficheskiy mir. [Russia is a special geographical world]. – Prague: Russian Tradition, 187 p.
34. Samarin Yu. F. (1997) Stat'i.Vospominaniya. Pis'ma: 1840–1876. [Articles.Memories. Letters: 1840-1876]. – Moscow: The river of times, 259 p.
35. Sil'nova, EI (2006) Ideya sobornosti i problema sotsial'noy integratsii v uchenii slavyanofilov [The Idea of “Sobornost” and the Problem of Social Integration in the Teaching of the Slavophiles]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 4: 112–124.
36. Soloviev V.S. (1894) Zapadniki, zapadnichestvo [Westerners, Westernism]. In: V.S. Soloviev, *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. – St. Petersburg, 12: 480.
37. Tlostanova M.V. (2008) Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii [From the philosophy of multiculturalism to the philosophy of transculturation]. – Moscow: RUDN. – 251 p.
38. Toynbee A. (1995) Civilization before the court of history. – Moscow: Progress; Culture, 489 p.
39. Trubetskoy N.N. (1920) Yevropa i chelovechestvo [Europe and humanity]. – Sofia: Russian. – Bulgar book publishing. – 82 p.
40. Khoruzhy S.S. (1994) Transformatsiya slavyanofil'skoy idei v XX veke [Transformation of the Slavophil idea in the twentieth century]. *Voprosy filosofii* [Vopr. Philosophy]. 11: 52–62.
41. Hübner K. (2001) Natsiya.Ot zabveniya k vozrozhdeniyu [The Nation. From oblivion to rebirth]. – Moscow: Canon +, 396 p.
42. Tsimbaev N.I. (1986) Slavyanofil'stvo: Iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX v. [Slavophilism: From the history of n social and political thought of the XIX century]. – Moscow: MSU, 440 p.
43. Oleinikov D.I. (1996) Klassicheskoye rossiyskoye zapadnichestv [Classical Russian Westernism]. – M.: Mechanic, 68 p.
44. Shirokogorov S.M. (2010) Etnos. Issledovaniye osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavleniy. [Ethnos. Study of the basic principles of changing ethnic and ethnographic phenomena]. – Moscow: Moscow State University Lomonosov Moscow State University: 13–121.
45. Greenfeld L. (1992) Nationalism: Five Roads to Modernity. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 596 p.

46. Greenfeld L. (2003) *The Spirit of Capitalism. Nationalism and Economic Growth.* – Cambridge, MA: Harvard university press, 560 p.

47. Mackinder H.J. (1904) *The Geographical Pivot of History.* – *Geographical Journal*; 23 (№ 4). – P. 421–437.

48. Mackinder H.J. (1999, 1996) *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction.* – New York: Holt; Washington, DC: National Defence University Press, 282 p.

49. Ortiz F. (2012) *Cuban Counterpoint.* Durham, N.C.: Duke University Press, 1995, Durham, N.C.: Knopf, 408 p.

50. Ratzel Fr. (1940) *Erdenmacht und Völkerschicksal. Eine Auswahl aus seinen Werken.* Hg. & Einl. Karl Haushofer. – Kröner, Stuttgart, 240 s.

Жилищные условия как фактор миграции

Гуляева Наталья Павловна

кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления бизнес-процессами Института управления бизнес-процессами и экономики Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Население Красноярского края, расположенного в центре России, удаленного от государственных границ, характеризуется высокой миграционной подвижностью. Причем если вследствие обмена с другими субъектами Российской Федерации наблюдается отток жителей, то международная миграция увеличивает численность населения (табл. 1).

Таблица 1. Миграционный прирост населения Красноярского края за счет международной миграции (по данным Росстат)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2015	2016
Азербайджан	-29	-10	573	929	1 054	920	637	694
Армения	37	188	764	905	949	521	516	570
Казахстан	774	512	542	608	628	477	713	673
Киргизия	375	507	1 482	1 558	1 377	1 111	537	946
Таджикистан	36	125	761	935	1 449	1 290	1 172	1 652
Узбекистан	212	254	481	392	461	404	248	217
Украина	-45	-22	621	350	476	359	2 610	1 303

Основной приток происходит из стран ближнего зарубежья – бывших республик Советского Союза. Что же заставляет людей менять место жительства? В качестве одного из факторов, определяющих выбор мигрантов, рассмотрим жилищные условия Красноярского края и сопредельных территорий, с одной стороны, и стран-доноров – с другой стороны.

Для анализа использованы открытые данные официальной статистики рассматриваемых государств [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

В первую очередь, остановимся на таком показателе, как общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (табл. 2).

Таблица 2. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (кв. м, по данным национальной статистики)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	21,8	22,2	22,6	23	23,4	23,4	23,7	24,4	24,9
Сибирский ФО	20,8	21,1	21,4	21,7	22,1	22,2	22,6	23	23,5
Красноярский край	22	22,1	22,5	22,7	22,9	23	23,3	23,9	24,3
Республика Тыва	12,6	12,9	13	13,1	13,2	12,9	13,1	13,5	13,8
Республика Хакасия	20,5	20,8	21	21,3	21,6	21,9	22,3	22,7	23
Азербайджан	11,5	11,8	11,8	11,8	11,9	11,9	12,0	12,0	12,0
Армения	27,6	28,3	29,2	30,6	30,9	31,4	31,6		31,4
Киргизия	13,4	14,2	15,7	14,5	14,8	12,8	12,5	13,0	13,1
Таджикистан	8,5	8,5	8,7	8,8	10,7	10,8	10,9		
Украина	22,8	23,0	23,3	23,5	23,7	23,8	22,6	22,9	23,1

Приведенные цифры демонстрируют увеличение жилой площади на одного жителя по всем рассматриваемым государствам (за исключением Киргизии). Однако на 2016 г. только для Армении данный показатель выше, чем в Красноярском крае; сопоставима обеспеченность жилой площадью с Украиной, но при этом темп прироста на территории края выше. Остальные страны проигрывают не только Красноярскому краю, но и другим территориям Приенисейской Сибири, даже такому депрессивному региону, как Республика Тыва.

В то же время значение имеет не только размер жилой площади, но и благоустройство жилья. Рассмотрим такие характеристики, как

обеспеченность холодной и горячей водой, канализацией и кухонными плитами.

В табл. 3 приведены данные по доле жилого фонда оборудованного водопроводом. Красноярский край и Россия в целом несколько уступают только Азербайджану. Однако если для России (исключая Тыву) этот показатель возрастает, то для Азербайджана – снижается. Снижается он и для Киргизии, а на Украине растет очень медленно.

Таблица 3. Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованного водопроводом, в общей площади всего жилищного фонда (% , по данным национальной статистики)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	76,91	77,34	77,73	78,13	78,46	79,5	77,12	81,43	81,91
Сибирский ФО	70,87	71,33	71,95	72,55	72,77	74,47	75,2	75,61	75,93
Красноярский край	73,04	73,23	74,59	74,97	75,21	78,23	79,95	79,83	80,25
Республика Тыва	37,25	39,11	37,05	36,81	36,49	35,6	34,34	35,05	35,61
Республика Хакасия	66,47	66,63	66,78	67,36	69,11	69,4	69,64	70,78	71,79
Азербайджан	89,8	86,6	86,8	87,2	87,3	87,3	87,1	86,8	87,4
Армения	сопоставимые данные отсутствуют								
Казахстан	57,1	57,6	65,2	64,8	66,4	66,5	68,2	67,3	69,8
Киргизия	27,8	22,8	23,6	22,9	23,4	25,6	26,3	24,5	24,3
Украина	57,8	58,7	59,6	60,3	61,1	61,5	60,3	60,8	61,2

Обеспеченность жителей горячей водой (см. табл. 4) демонстрирует огромный разрыв: по всем наблюдаемым территориям России она достигает 60–70 % (исключение Тыва – 34,4 %), тогда как у стран-доноров максимальные значения 41 % и 47 % (Казахстан и Украина соответственно). В Киргизии – менее одной десятой, а в Азербайджане чуть более одной двадцатой жилых площадей имеют горячее водоснабжение.

Обеспеченность канализацией (см. табл. 5) показывает картину, во многом близкую к обеспеченности холодной водой. Выше чем в России данный показатель только в Азербайджане, где на протяжении исследуемого периода он имеет слабовыраженную тенденцию к падению, тогда как в нашей стране наблюдается устойчивый прирост (кроме Тывы).

Интересна ситуация с возможностями установки кухонных плит. Газовые плиты преобладают в государствах Закавказья и на Украине: ими оборудовано 80–90 % жилых площадей. Для России этот показатель существенно ниже – 66 %, для Сибирского федерального округа еще ниже – 28,9 %, для Красноярского края – менее 15 % (см. табл. 6). Однако такие цифры объясняются распространением напольных электроплит, в особенности в Сибирском ФО – 51,4 % и крае – 68,3 %. В бывших республиках Советского Союза использование стационарной электроплиты встречается крайне редко (например, в Армении в 2016 г. – 2,6 %, на Украине – 3,9 % и в Казахстане – 15,1 % в 2013 г.), и данный показатель зачастую отсутствует в национальной статистике или учитывается нерегулярно.

Таблица 4. Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованного горячим водоснабжением, в общей площади всего жилищного фонда (% , по данным национальной статистики)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	64,18	64,56	64,89	65,32	65,54	66,18	63,9	68,13	68,7
Сибирский ФО	55,6	56,02	56,47	57,61	57,7	58,43	58,92	59,45	59,93
Красноярский край	64,81	65,63	66,5	66,71	67	68,03	69,53	69,19	69,38
Республика Тыва	36,05	38,63	36,48	36,13	35,95	35,41	33,98	34,17	34,41
Республика Хакасия	60,72	61,76	60,41	60,47	61,05	61,18	61,02	61,43	62,63
Азербайджан	11,7	8,4	7,2	4,7	5,2	5,2	8,8	6,7	6,7
Армения	сопоставимые данные отсутствуют								
Казахстан	37,5	37,3	43,0	41,5	41,3	41,1	40,6	41,9	41,5
Киргизия	9,9	9,1	10,4	7,4	8,0	9,3	9,5	9,2	9,4
Украина	41,3	42,3	43,1	43,9	44,6	45,2	46,8	47,0	47,0

К сожалению, данные по благоустройству жилья в Республике Таджикистан обнаружены автором только по материалам переписи 2010 г. Кроме того, большая часть показателей приводится не к площади жилых помещений, а к доле населения, имеющей доступ к соответствующим услугам. Тем не менее цифры демонстрируют критический разрыв с Россией в общем и Центральной Сибирью в частности. Только 22,2 % населения Таджикистана могут пользоваться водопроводом, 15,4 % – канализацией, 0,8 % обеспечены подачей горячей во-

ды, 2,3 % – централизованно снабжаются газом, 2,5 % – имеют напольные электроплиты [8].

Таблица 5. Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованного водоотведением (канализацией), в общей площади всего жилищного фонда (% , по данным национальной статистики)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	72,77	73,31	73,73	74,08	74,4	74,93	72,43	76,77	77,14
Сибирский ФО	64,83	65,46	65,98	66,46	66,7	67,55	68,13	68,49	68,79
Красноярский край	68,1	69,03	70,19	70,75	71,03	72,14	73,84	73,64	73,86
Республика Тыва	37,25	39,11	36,9	36,67	36,33	35,47	33,95	34,31	34,6
Республика Хакасия	64,25	64,55	64,79	65,11	66,46	66,63	66,81	67,9	68,27
Азербайджан	85,6	84,2	84,3	84,6	84,9	84,9	85,1	85,0	85,2
Армения	сопоставимые данные отсутствуют								69,3
Казахстан	52,2	51,6	60,3	59,6	59,5	60,8	62,7	57,1	57,8
Киргизия	20,2	17,4	18,8	16,6	16,5	18,6	19,7	17,9	17,9
Украина	55,6	56,6	57,5	58,2	59,0	59,4	57,2	58,8	59,2

Таблица 6. Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованного газом, в общей площади всего жилищного фонда (% , по данным национальной статистики)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	69,36	69,2	69	68,65	68,31	67,55	65,29	66,72	66,34
Сибирский ФО	33,38	33,08	32,89	32,45	32,16	30,71	29,88	29,29	28,86
Красноярский край	21,25	20,76	20,43	19,69	19,21	15,35	14,21	13,67	13,46
Республика Тыва	16,8	16,42	14,62	14,35	12,16	13,32	12,94	12,47	9,02
Республика Хакасия	34,17	33,48	33,02	32,56	31,68	31,06	30,28	29,02	29,33
Азербайджан	87,4	86,3	86,1	85,0	85,9	85,9	92,1	91,9	91,9
Армения	сопоставимые данные отсутствуют								83,9
Казахстан	38,2	37,8	40,3	41,9	41,9	43,0	43,4	44,2	45,9
Киргизия	25,6	21,1	21,5	18,2	16,9	18,8	18,5	16,9	16,8
Украина	83,1	83,0	83,2	83,1	83,2	83,0	83,3	83,3	83,1

Таким образом, мы видим, что наиболее интенсивный отток происходит с территорий, для которых характерно существенное расхождение в благоустройстве жилья по сравнению с Красноярским краем. Это позволяет предполагать, что показатели, связанные с оценкой благоустроенности жилья, могут применяться как при изучении причин миграции, так и при оценке миграционного потенциала.

Список источников

1. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – URL: <http://www.gks.ru>.
2. Национальная статистическая служба Республики Армения. – URL: <http://www.armstat.am>.
3. Государственный комитет статистики Азербайджана. – URL: <http://www.stat.gov.az>.
4. Агентство Республики Казахстан по статистике. – URL: <http://www.stat.gov.kz>.
5. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: <http://www.stat.kg>.
6. Агентство по статистике при президенте Республики Таджикистан. – URL: <http://www.stat.tj>.
7. Государственная служба статистики Украины. – URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/>.
8. Перепись населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2010 г. Жилищный фонд и жилищные условия населения Республики Таджикистан. Т. VIII. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2013.

Сибирский проект советской индустриализации: города, миграции и сценарии развития в контексте 1950–1970-х годов

Резванов Ринат Искандярович

директор центра компетенций проектного управления
Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Уже к началу 1960-х гг. сибирские города столкнулись с проблемой, варианты решения которой советским плановикам и градо-

строителям еще только предстояло определить. Бурный рост городского населения, ранее воспринимавшийся не иначе как однозначное благо для размещаемого производства, теперь таил в себе многочисленные риски.

Проблема не возникла одновременно, причины восходили к 1940-м гг. Тогда военная эвакуация оказала столь мощное воздействие на города, что в последующем их облик скорее корректировался, нежели подвергался существенному переустройству. Вслед за заводами на восток перебрасывались крайне востребованные там, на месте, рабочие руки. К рабочему и инженерно-техническому персоналу добавлялись члены их семей и эвакуированные из оккупированных и прифронтовых областей. Омск, Новосибирск и Красноярск – первая тройка городов за Уралом, куда первоочередными адресатами спешно направлялись эшелоны с людьми и техникой.

Трудовая миграция: из Сибири в Сибирь

Надо сказать, что еще с 1930-х гг. в Красноярске, как и в ряде других сибирских городов, стало разворачиваться большое промышленное строительство. В 1934 г. в Красноярске заложили машиностроительный завод (Красмаш), летом 1935-го – судостроительный, а через год стали возводить опоры будущего целлюлозно-бумажного комбината. Вплоть до 1941 г. Красноярск ежегодно прирастал на 2 тыс. человек. Только за короткий отрезок с 1940 по 1943 г. краевой центр дополнительно принял почти 100 тыс. человек [6, с. 437].

Окончание войны мало изменило общую картину – значительная часть эвакуированного производства оставалась в Сибири. По мнению советского руководства, такой шаг должен был только усилить военно-мобилизационные возможности страны. Частичное перераспределение в «глубокий тыл» военных заводов значительно снижало риск потери всего территориально-сконцентрированного производства, что почти и произошло в самом начале войны.

С середины 1950-х гг., после старта новой кампании по индустриализации востока, население сибирских городов стало резко возрастать – туда добровольно, по комсомольской путевке либо оргнабору стала прибывать рабочая сила.

Откуда приезжали эти люди? Расчеты, проведенные новосибирским Институтом экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП СО АН), выявили любопытную деталь. Оказалось, что до 45 % поступивших на промпредприятия Сибири в период

с 1946 по 1960 г. ранее работали в тех же местах, где и локализовались предприятия. «Если учесть, что почти столько же составляли впервые включившиеся в производство, то на долю ранее работавших в других районах придется около 10 %. Почти наполовину это выходцы из европейских районов страны, остальные прибыли с Урала, Дальнего Востока и из других районов» [4, с. 130].

За резюмирующей строчкой «и из других районов» скрываются в том числе Западная и Восточная Сибирь. Прибавление их долей дадут нам дополнительные 4 % к общему знаменателю. И выйдет, что только каждый десятый рабочий в Сибири оказывался выходцем из других регионов Советского Союза.

Конечно, можно посетовать на территориальную обезличенность данных по внутри- и межрайонной миграции, они учитывают лишь приток местных/неместных кадров в целом по Сибири. Быть может, если мы взглянем ближе на конкретные регионы, то выявим принципиальные различия, вполне возможные в масштабах Сибири, растянувшейся по широте на 4 тыс. километров.

В качестве примера возьмем данные по одному западносибирскому – (Алтайский край) и одному восточносибирскому региону (Иркутская область). Их административные центры Барнаул и Иркутск разделяет расстояние в пол-Сибири, но различия этим не исчерпываются – у них и совершенно разный климат. Более мягкий переходный на Алтае и резко континентальный в Приангарье. Соответственно различны и хозяйственные особенности: Алтай расположен в полосе благоприятного агропользования, чего не скажешь об Иркутской области – это зона рискованного земледелия.

Оказывается, за тот же период – с 1946 по 1960 г. – местные жители обеспечили свыше половины городского прироста в обоих регионах (больше – на Алтае (79,6 %), меньше – в Иркутской области (54,4 %)).

Именно местное население и стало источником роста сибирских городов. Что касается прибывших из других территорий, то «приживаемость выходцев из районов европейской части СССР, Средней Азии, Казахстана и Дальнего Востока была относительно низкой, вследствие чего эти регионы не играли существенной роли в индустриальном заселении Сибири» [4, с. 262].

Последующие годы не принесли серьезных изменений. Так, в 1969 г. доля внутрирайонной миграции в Западной Сибири составляла 134,4 %, в то время как межрайонная, наоборот, фиксировала отток населения (–4,8 %). В Восточной Сибири к тому времени потенциал внутренней миграции стал заметно ослабевать, сохраняя, впро-

чем, столь же высокие пропорции: 101,7 к 14,4 %. Объединяла оба региона потеря собственного населения, выезжающего за пределы РСФСР. Но здесь речь скорее шла о миграционной текучести – уезжали не закрепившиеся на месте кадры союзных республик [12, с. 33].

Внешний миграционный приток на восток РСФСР оказывался вторичным, пропуская вперед жителей сибирских сел, малых и средних городов, устремлявшихся в возникавшие в их регионах новые индустриальные центры. Дальше зависело от потенциала территории – более заселенный юг Западной Сибири позволил появиться двум городам-миллионникам. Но чем дальше на восток, тем меньшим оказывался миграционный поток, сужались возможности роста населения городов.

Город с видом на миллион

В 1964 г. Новосибирск обрел статус первого сибирского города-миллионника. Через пятнадцать лет, по итогам всесоюзной переписи 1979 г., миллионную отметку преодолел и Омск. Ожидалось, что следующим станет Красноярск. Краевое руководство в 1984 г. на юбилейных торжествах, посвященных образованию Красноярского края, рассчитывало уже в начале 1990-х преодолеть желанную отметку [16]. И действительно, Красноярск все же стал третьим сибирским миллионником, но гораздо позже – к 2013 г.

Сибирь стремительно урбанизовалась. Сверхбыстрый рост 1940–1960-х гг. стал предтечей особого в советской градостроительной практике новосибирского феномена. Даже по сибирским меркам, где города уступали в возрасте находящимся в европейской России, Новосибирск оказывался совсем уж молодым – возник он в самом конце XIX в. на линии строящейся Транссибирской магистрали, сравнительно быстро получив в 1903 г. статус города.

Первый тревожный звонок дал о себе знать в 1959-м, когда численность Новосибирска достигла 887 тыс. человек, – отметка, на которую плановики выводили город только к 1970 г. (850 тыс. человек). Стало ясно, что с такими темпами роста город далеко выйдет за отведенные рамки, что, кстати, и произошло: всесоюзная перепись 1970 г. насчитала в Новосибирске 1,16 млн жителей [1].

Меньше 70 лет потребовалось Новосибирску, чтобы стать миллионником, – ни один советский город ни до, ни после не мог похвастать таким рекордом. Достижение, вскоре ставшее городской легендой, предметом местной гордости – ведь Чикаго, с которым честолюбиво сравнивался молодой город, потребовалось для этого 85 лет.

Советская индустрия на востоке страны за рабочими руками шла именно в крупные города. Становясь островками экономического развития, города, в свою очередь, и сами притягивали к себе пришлое население. Крупным городам оставалось только быстро набирать вес – в том же Красноярском крае к началу 1960-х гг. удельный вес занятых в производственной сфере стремительно развивавшегося Ачинско-Назаровского промышленного узла оказывался на 10 % меньше Красноярска [18, с. 60].

Очевидным становилось совпадение территорий промышленного освоения с районами сложившихся крупных региональных центров. В ходе проводившихся в начале 1960-х гг. исследований ИЭи-ОПП прямо отмечалась высокая концентрация промышленности в областных (краевых) центрах при очень слабом ее развитии в прилегающих районах [Там же]. По словам Владимира Ламина, директора Института истории СО АН СССР: «...особенно быстро продолжала расти абсолютная и относительная величина городского населения Сибири и в первую очередь ее крупных городов – областных и краевых центров: Омска, Новосибирска, Кемерово, Томска, Красноярска, Иркутска.

Процесс перераспределения населения в пользу крупных городов в ущерб сельской местности, особенно после паспортизации ее жителей, был настолько контрастным, что пришлось ограждать города дополнительными, еще более жесткими, чем прежде, административными запретами, ограничениями и другими средствами селекции притока сельских жителей в города» [8].

Проблема гипертрофированного роста столичных городов не была новой. К тому времени в Венгрии и на Кубе стали предприниматься попытки по разгрузке административных центров – там эволюционный рост оказался подстегнут политикой форсированной индустриализации.

В начале 1970-х гг. СССР, Болгария, Румыния и Монголия приступают к разработке собственных стратегий по замедлению роста крупных городов. Решение виделось в создании новых либо развитии уже сложившихся небольших субрегиональных центров [14, с. 47–48]. Сибири предстояло апробировать эффективность новой городской политики.

Венгерский случай

Беспокойство мог вызывать риск развития сибирских городов по венгерскому сценарию, совпадения с которым обнаруживались

вполне отчетливо. События октября 1956 г. в Будапеште, расцененные Москвой как антисоветский мятеж, заставили советских исследователей внимательно присмотреться к социально-экономическому положению Венгрии. Уникальность ситуации определялась исключительным положением Будапешта в жизни страны. Венгерские экономгеографы даже рассматривали столицу как отдельный экономический регион наряду с макрорегионами Дунантулом, Северной Венгрией и Альфельдом. В начале 1960 г. в будапештской агломерации проживал почти каждый четвертый житель страны (23 %), больше чем во всем регионе Северной Венгрии.

Будапешт стал особенно бурно расти сразу после окончания Первой мировой войны. Тогда город оказался пристанищем для тысяч мигрантов из сельской округи, перебивавшихся в столицу в поисках работы. Скорость, с какой росла столица, впечатляла – если в начале XX в. Будапешт насчитывал 860 тыс. жителей, то к 1930 г. в нем проживало уже полтора миллиона человек. Казалось, если в Венгрии где и растёт население, то это столица и только она [10, с. 91–94].

В результате к 1960 г. Будапешт концентрировал до 45 % от всех промышленных рабочих в стране. Город безраздельно доминировал над своей округой – столичным медье Пешт. По ключевому для социалистических экономик показателю удельного веса рабочих в общем населении, Будапешт в 3,6 раза перекрывал статистику столичного медье [13, с. 305].

Пришедшее к власти в конце 1950-х гг. новое венгерское правительство попыталось исправить ситуацию. Ставка делалась на создание сети опорных городов – метод, в последующем примененный Советским Союзом в его восточной индустриальной политике. Второй пятилетний план (1961–1965 гг.) отвечал новым веяниям: 4/5 от всех капиталовложений предусматривалось на развитие промышленности вне пределов Будапешта.

Ускоренное развитие получили новые промышленные центры, прежде всего города Айка (электроэнергетика, стекольная и алюминиевая промышленность), Казинцбарцика (электроэнергетическая и химическая промышленность), Дунауйварош (черная металлургия) [7, с. 487].

Ассигнования в первую очередь шли в города с населением свыше 50 тыс. человек – как правило, ими оказывались административные центры медье, где ускоренными темпами создавалась новая промышленная и социальная инфраструктура, в отличие от более мелких поселений (до 2 тысяч человек), продолжавших интенсивно терять собственное население [17, с. 97].

Параллели с венгерской практикой обнаруживали себя сразу, особенно в дисбалансе пропорций с собственной округой. В том же Новосибирске на момент всесоюзной переписи 1959 г. проживало 63,7 % от всего числа жителей области [19].

Вскоре схожая с венгерской модель создания опорной сети малых и средних городов стала претворяться и в Сибири. В радиусе 100 километров предполагалось вынести филиалы и новые мощности новосибирских предприятий. Помимо демографической разгрузки мегаполиса, такой индустриальный экспорт позволял замедлить разрастание заводских площадей внутри города. Определился круг новых опорных центров: Бердск, Мошково, Искитим, Черепаново, Ташара, Колывань [5].

Удачно зарекомендовавший себя градостроительный эксперимент с созданием обособленного научного Академгородка решено было продолжить. В конце 1960-х гг. недалеко от него стал выстраиваться сельскохозяйственный научный центр Сибирского отделения ВАСХНИЛ. К середине 1980-х по южной кромке Новосибирска было возведено семь научно-исследовательских институтов и первая очередь жилого микрорайона со своим центром обслуживания, в котором проживало около 6 тысяч человек (в основном семьи сотрудников научного городка). Краснообск (такое название получил городок ВАСХНИЛ), получил статус поселка городского типа, а также норматив на дальнейшее развитие до 25 тыс. человек. Так и случилось, в наши дни численность Краснообска находится в пределах когда-то отведенного ему лимита.

Сценарий для Красноярска

В отличие от Новосибирска, Красноярск не находился в окружении городов, которые вслед за новосибирской практикой можно было бы рассматривать в качестве опорных. Во многом определяющей оказывалась география. С правого берега город прижимали к Енисею отроги Восточно-Саянских гор, к тому же там еще с 1930–40-х гг. стала разрастаться многокилометровая промышленная зона. На левом – перспективный северо-восток оказывался запертым корпусами алюминиевого и металлургического заводов, требующих вокруг себя достаточно большую санитарную зону.

Более резонным и интересным для города представлялся вариант с форсированным развитием локальных субрегиональных центров – именно они должны были стать основой формируемых территориальных комплексов.

Таковые долго искать не пришлось – к тому времени правительство значительные средства выделяло на развитие энергетики и добывающих производств на западном крыле Канско-Ачинского бурогольного бассейна (будущий Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс, он же КАТЭК). Здесь в ближайшие 15–20 лет планировалось создать крупный промышленный узел, эксплуатирующий богатые залежи местных дешевых углей. Бывшим до этого сельскохозяйственным районам Ачинско-Назаровской группы предстояло стать промышленными.

Согласно семилетнему плану (1959–1965 гг.) в Ачинске возводился глиноземный комплекс для нужд строящегося в Красноярске алюминиевого завода. Переработка нефелиновой руды позволяла наладить сопутствующее цементное и строительное производство. В Назарово строилась мощная тепловая электростанция.

В самом Красноярске, несмотря на строительство в 1950–60-х гг. энергоемких объектов химической промышленности, темп роста населения постепенно замедлялся (рис. 1). На это красноречиво указывают данные четырех послевоенных всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.

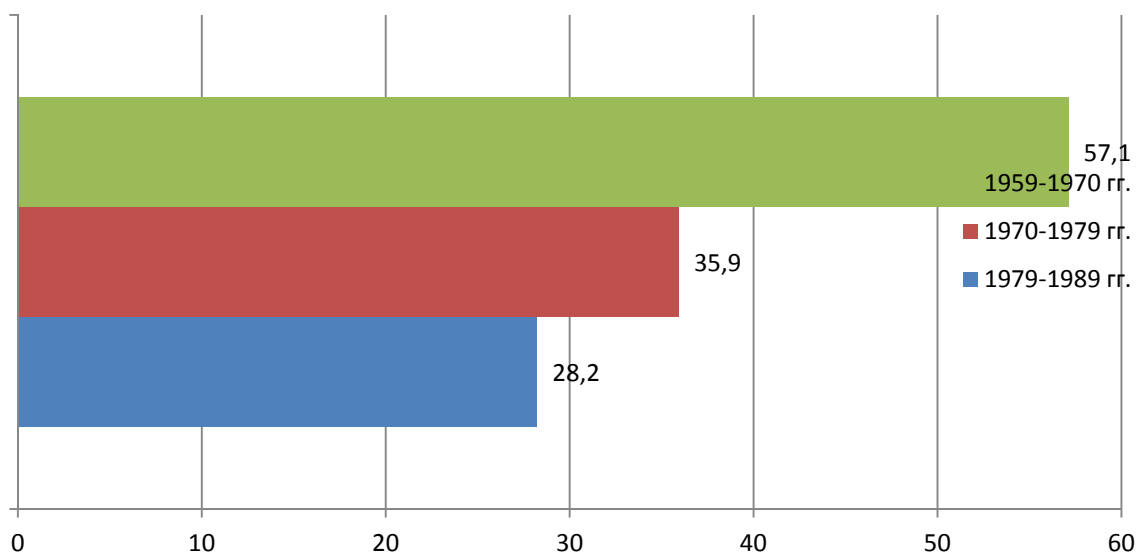

Рис. 1. Изменение динамики прироста населения Красноярска в межпереписные периоды 1959–1970–1979–1989 гг. (по данным ЦСУ и Госкомстата СССР)

Замедление роста краевого центра происходило на фоне интенсивного роста городов Заполярья и юга Красноярского края. На Крайнем Севере в 1970-х гг. в 3,6–3,8 раза увеличилось население городов Талнах и Кайеркан (Норильский промрайон). На треть вырос и сам

Норильск, средняя температура января (-28°C) которого делала его экстремальным для жизни почти 190-тысячного населения – показатель, к которому город подошел уже к 1979 г.

На юге продолжался рост городов Абакано-Минусинского промышленного узла. Эту динамику можно отчетливо проследить по трем наиболее крупным местным городам: Абакану, Черногорску и Минусинску (рис. 2, 3, 4).

Изменение численности населения г. Абакан (1959- 1989 гг.)

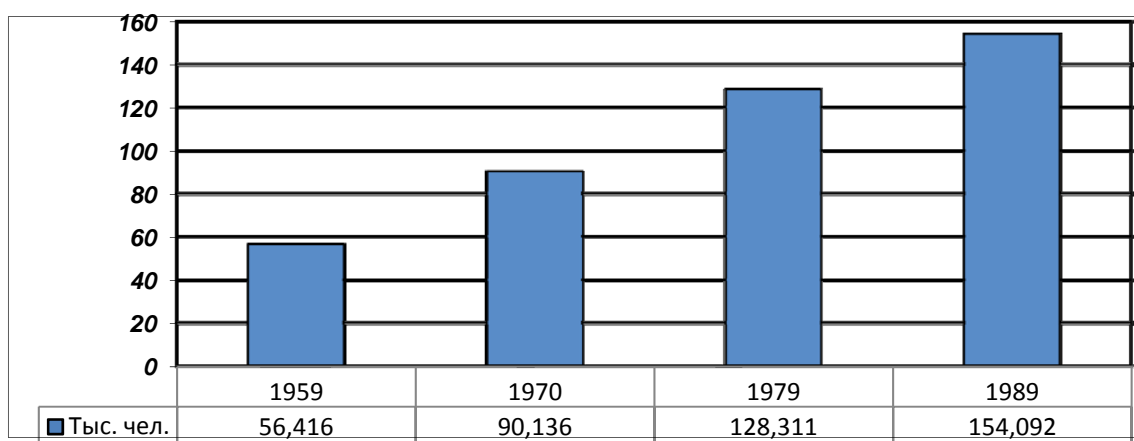

Рис 2. Изменение численности населения Абакана (1959–1989 гг.).
По данным ЦСУ и Госкомстата СССР

Изменение численности населения г. Черногорск (1959 - 1989 гг.)

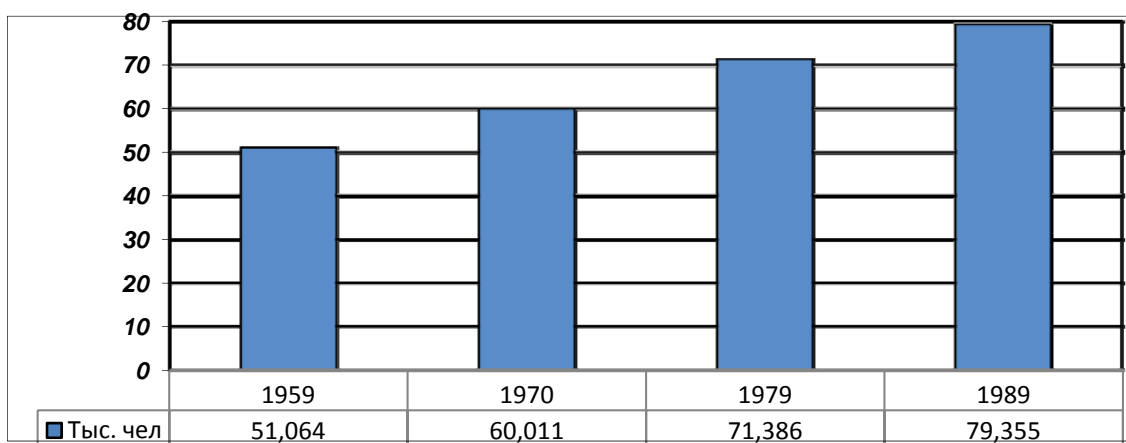

Рис 3. Изменение численности населения Черногорска (1959–1989 гг.).
По данным ЦСУ и Госкомстата СССР

Надо признать, не каждому городу на востоке выпадал шанс стать индустриальным центром. Определяющей становилась возмож-

ность доступа к сети грузового транспорта, где приоритет отдавался железной дороге. Все крупные города соединялись железнодорожной сетью, будь то Омск, чья промышленная перспектива связывалась с нефтехимией (благодаря нефтепроводу Туймазы – Иркутск) или Новосибирский промузел, позиционировавшийся в качестве центра развития машиностроения, не говоря уже об угольно-металлургических городских агломерациях Кузбасса.

Изменение численности населения г. Минусинск (1959 - 1989 гг.)

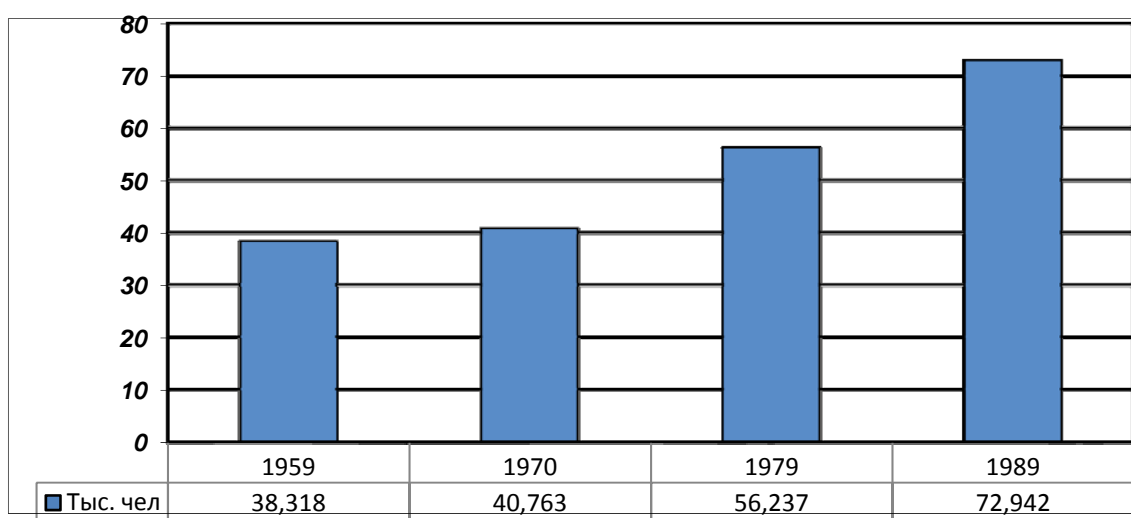

Рис. 4. Изменение численности населения Минусинска (1959–1989 гг.). По данным ЦСУ и Госкомстата СССР

В Восточной Сибири основными регионами размещения производительных сил стали Иркутская область и Красноярский край. В начале 1970-х гг., проанализировав данные о развитии региона за 1950–60-е гг., советский экономист Станислав Савин в своем исследовании территориально-производственных комплексов Восточной Сибири подчеркивал: «в пределах Красноярского края и Иркутской области сосредоточены наиболее благоприятные условия в Восточной Сибири для развития ряда важнейших производств» [15, с. 67].

Справедливости ради надо сказать, что на долю обоих регионов приходилось 4/5 территории и населения Восточной Сибири, с учетом Хакасии в составе Красноярского края (на правах автономной области). Три других региона – автономные национальные республики Тува и Бурятия, а также Читинская область – значительно им уступали

не только по ресурсам, но и по темпам урбанизации. Доля городского населения по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.:¹

- Иркутская область – 77,4 %;
- Красноярский край – 69,37 %;
- Читинская область – 62,8 %;
- Бурятская АССР – 56,78 %;
- Тувинская АССР – 42 %.

Заключение

В целом, история советской урбанизации Сибири дает нам возможность рассмотреть факторы, в конечном счете определившие развитие городов, более того, задавшие вектор их движения надолго вперед.

Во-первых, война оказала очень сильное демографическое и индустриальное воздействие на сибирские города. Влияние, оказавшееся относительно точечным для Сибири: эвакуация промышленности шла в самые крупные города: Омск, Новосибирск и Красноярск. Война, фронты которой пролегли за тысячи километров, удивительным образом определила облик этих городов, их планировку и специфику – «оборонка» до сих пор если не главенствует, то в числе важных отраслей местной экономики.

Чтобы представить масштабы сжатой по времени форсированной сверхиндустриализации, достаточно сказать, что уже в июле 1942 г. бюро Новосибирского обкома ВКП(б) приняло постановление о создании на левобережье областной столицы самостоятельного города. Отпочковавшаяся часть Новосибирска, где развернулось большинство эвакуированных заводов, должна была получить название Андреевска и на правах отдельного города – отдельную администрацию из 42 «ответственных» и 22 «технических» работников [9].

Следующей крупной фазой роста оказалась объявленная во второй половине 1950-х гг. новая программа индустриализации востока страны. Рост населения шел, в первую очередь, благодаря внутренней миграции, именно Сибирь и предоставила своим же городам необходимые людские ресурсы. Несмотря на значительный внешний миграционный приток, необходимо признать и обратную сторону – он давал и столь же значительный отток кадров.

И, в-третьих, сибирские города не развивались автономно, в отрыве от общемировых процессов, пусть даже и с поправкой на «со-

¹ Всесоюзная перепись населения 1979 года. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ.

циалистическую» специфику. Самым наглядным примером является поиск решения проблемы сверхбыстрого роста столичных городов (для Сибири – административных региональных центров). Вопрос, невольно объединивший в 1950–1960-х столь непохожие Париж, Гавану, Будапешт, Новосибирск и другие. В Новосибирске была апробирована модель создания города-центра, в ближайшем радиусе которого получала развитие сеть малых и средних городов. В Красноярском крае и Иркутской области появились субрегиональные промышленные центры, рассредоточенные на большом пространстве от заповальной 69-й широты (Норильск, Талнах, Кайеркан) до 52-53-й «самарской» широты (Шелехов и Абакан) на юге.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1945–1985 гг. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1986.
2. Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири / под общ. ред. Г.А. Пруденского. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961.
3. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ.
4. Индустриальное освоение Сибири: Опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. / В.В. Алексеев, С.С. Букин, А.А. Долголюк [и др.]. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.
5. Колпакова М.Р., Туманик Г.Н. Новосибирск: город к 2000 году. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989.
6. Красноярский материк. Времена. Люди. Документы. – Красноярск: Гротеск, 1997.
7. Краткая история Венгрии. – М.: Наука, 1991.
8. Ламин В.А. Императивы демографического развития Сибири // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Вып. 1. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2003.
9. Левый берег Новосибирска мог стать отдельным городом во время войны, 20.10.2015 / Информационное агентство «Тайга.инфо» (Taiga.info). – URL: <http://taiga.info/123902>.
10. Леттрих Э. Тенденции урбанизации в Венгрии // Урбанизация и расселение / под ред. Ю.Л. Пивоварова. – М.: Статистика, 1975.
11. Могилевкин И.М. Глобальная инфраструктура: механизм движения в будущее / ИМЭМО РАН. – М.: Магистр, 2010.
12. Миграция населения РСФСР / ЦНИЛ ТР; отв. ред. А.З. Майков. – М.: Статистика, 1973.

13. Памлени Э. Венгрия // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. – М., 1963.
14. Расселение населения и размещение производства / отв. ред. М.Б. Мазанова. – М.: Наука, 1982.
15. Савин С.И. Формирование ТПК Восточной Сибири. – М.: Наука, 1972.
16. Славина Л.Н.. Динамика численности населения Красноярского края в советский период // Люди и судьбы. XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Красноярск, 30 октября 2003 г. – Красноярск, 2003.
17. Тенденции урбанизации. – М., 1975.
18. Цимдина З.Р., Сергиевская И.А. Опыт изучения использования трудовых ресурсов Ачинско-Назаровской группы районов // Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири / под общ. ред. Г.А. Пруденского. – Новосибирск, 1961.
19. Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.). – М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960.

**Проблемы межэтнических отношений
и толерантности в молодежной среде
Забайкальского края:
опыт регионального исследования**

Кошелев Михаил Сергеевич

магистрант Забайкальского государственного университета,
руководитель научной лаборатории «Центр социально-культурной адаптации
мигрантов» Читинского института
Байкальского государственного университета

г. Чита

Современные мировые процессы интеграции и глобализации приводят к росту интенсивности соприкосновения различных государств и культур. В данных условиях одним из важнейших аспектов построения позитивных отношений с представителями других национальностей является взаимодействие на основе толерантности [1].

Забайкальский край относится к числу многонациональных регионов с ярко выраженной полиэтнической картиной. Ввиду активных миграционных процессов в крае вопрос толерантного отношения к мигрантам, прибывающим на территорию Забайкалья, вызывает особый интерес.

За последние годы межэтническая нетерпимость и конфликтность возросли в большей степени в молодежной среде. Кроме социальных факторов, на формирование межэтнических отношений и толерантности влияют и особые характеристики самой молодежи. Помимо широкого кругозора, высокого интеллекта и мобильности, современную молодежь характеризует излишняя самоуверенность, стремление к утверждению своей точки зрения, проявление агрессии и раздражительности к представителям другой культуры.

Сегодня проблемы в восприятии или невосприятии молодежью других национальностей, толерантное отношение к различиям между людьми, к уважению этих различий зависят от многих факторов, таких как ценности личности и общества, воспитание и ближайшее окружение. Еще на восприятие других может влиять менталитет страны, в которой человек вырос [2].

В Концепции развития молодежной политики в России проблеме толерантности уделяется особое внимание. Так, среди основных направлений деятельности Федерального агентства по делам молодежи (ФАДМ), имеется направление «Формирование российской идентичности, единства российской нации, содействие межкультурному и межконфессиональному диалогу» [3].

Основными задачами ФАДМ в этом направлении выступают:

- содействие сохранению, укреплению и развитию национальных культур, языков, традиционного жизненного уклада, промыслов и ремесел народов России;
- популяризация в молодежной среде национальных традиций, литературного русского языка и истории России;
- создание межрегиональных молодежных площадок по изучению истории и традиций народов России, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты общего Отечества;
- системное проведение молодежных мероприятий по формированию активной гражданской позиции, национально-государственной идентичности, воспитанию уважения к представителям различных этносов, укреплению нравственных ценностей,

профилактике экстремизма, взаимодействию с молодежными субкультурами и неформальными движениями;

- вовлечение молодежи в процесс реализации программ по сохранению традиционной культуры и ремесел народов России.

Все это еще раз демонстрирует внимание государства к проблемам толерантности в молодежной среде.

В феврале – марте 2017 г. научная лаборатория «Центр социально-культурной адаптации мигрантов» Читинского института ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» провела исследование об отношении принимающего населения к мигрантам. Целью исследования было выявление того, как жители города Читы, в особенности молодежь, воспринимают и оценивают современные миграционные процессы, как относятся к прибывающим в Забайкальский край мигрантам.

Возрастная группа: 114 опрошенных – в возрасте до 25 лет (78,6 %), 17 – от 25 до 40 лет (11,7 %), 14 – более 40 лет (9,7 %). Таким образом, большая часть опрошенных – представители молодого поколения.

На вопрос «Как вы можете обозначить число мигрантов в вашем городе?» 72 человека (49,7 %) из числа опрошенных отметили заметное количество мигрантов в городе Чите, ответ «мало» дали 9 человек (6,2 %). Таким образом, большая часть опрошенных из числа молодежи отмечают заметное количество мигрантов в городе Чита. Это свидетельствует о напряженности местного населения в отношении прибывающих на территорию города мигрантов.

На вопрос «Можно ли считать, что в вашем городе существует проблема иммиграции?» 37 человек отметили наличие угрозы для местного населения в виде ухудшения криминогенной ситуации (25,5 %), и 43 анкетированных (29,7 %) не видят в прибывающих мигрантах проблемы. Ответ «Определенно да» дали 22 человека (15,2 %). Анализ ответов на этот вопрос также подтверждает гипотезу о том, что местное население в целом враждебно относится к мигрантам и видит в них проблему, например влияние на ухудшение криминогенной ситуации в городе.

На вопрос «Как бы вы в целом оценили отношение местного населения к мигрантам?» большая часть опрошенных отмечают равнодушное отношение к мигрантам – 58 человек (40 %), также лидером оказался ответ «скорее отрицательное, чем положительное» – 52 человека (35,9 %). Скорее положительное, чем отрицательное, и дружелюбное отношение в совокупности отметили только 19 человек (13 %).

На вопрос «Как, вы полагаете, должны вести себя приезжие из-за рубежа?» 65 анкетированных (44,9 %) ответили: «Соблюдать законы и говорить на местном языке достаточно свободно». Это говорит о правильной политике России в части обязательных экзаменов (на знание русского языка, истории России и основ законодательства РФ) для мигрантов, а также дополнительной языковой подготовке.

На вопрос «Какую политику в отношении иммигрантов вы бы поддержали?» значительная часть опрошенных (64 человека (44,1 %)) заявили о политике ужесточения контроля за миграционными потоками.

На вопрос «Были ли вы когда-нибудь участником или свидетелем конфликтов местного населения и мигрантов?» большая часть анкетированных 56 человек (39 %) ответили положительно, причем отметили противоправные действия мигрантов. Безусловно, данные результаты сложно проверить, однако их можно соотнести с данными статистики Информационного центра УМВД России по Забайкальскому краю.

На вопрос «Руководство полиции заявило, что намерено создать спецподразделение по борьбе с этнической преступностью. Как вы считаете, следует ли создать подобную структуру в вашем городе?» – большая часть ответов (82 ответа (57 %)) положительные.

Таким образом, результаты опроса молодежи города Читы демонстрируют достаточную обеспокоенность местного населения присутствием мигрантов в Чите и Забайкальском крае в целом.

Большая часть опрошенных считают, что присутствие мигрантов может спровоцировать ухудшение криминогенной ситуации, анкетированные отмечают наличие конфликтов местного населения и мигрантов и говорят о необходимости создания спецподразделения полиции по борьбе с этнической преступностью. Безусловно, данные анкетирования позволяют также выразить мнение о необходимости создания программы адаптации мигрантов, включающей мероприятия по пропаганде толерантности в молодежной среде, в том числе с целью минимизации рисков проявления признаков экстремизма среди молодежи.

Список литературы

1. Киселева Е.Е. Уровень толерантности в молодежной среде: опыт регионального исследования // Молодой ученый. – 2015. – № 13. – С. 726–728.

2. Федорова А.А., Кузьмина В.М. Проблемы толерантности у молодежи в современном обществе // Проблемы толерантности в молодежной среде: Материалы Всероссийской онлайн-конференции студентов, магистрантов и аспирантов, 12 декабря 2014 г., Курск / отв. ред. Е.А. Никитина. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т. – С. 129–132.

3. По материалам сайта <https://fadm.gov.ru/activity/scope/8>.

Научные подходы к исследованию миграционных процессов

Федотова Татьяна Александровна

кандидат экономических наук, доцент Днепропетровского национального
университета им. О. Гончара

г. Днепропетровск

Характерной чертой современного этапа развития общества является интенсификация процессов глобализации, в качестве неотъемлемой части которых выступает миграция. Эволюция социально-экономических отношений в конце XX – начале XXI в. предопределяет существенную активизацию миграционных процессов во всем мире.

Одна из глобальных проблем современности есть миграция. Масштабность миграционных процессов и значимость тех социальных, экономических, демографических и других изменений, которые они вносят в жизнь стран и народов, требует усиленного внимания к всестороннему исследованию этого феномена.

Следует отметить, что современные исследования проблем миграции носят междисциплинарный характер. Чаще всего они касаются вопросов определения функций и полномочий государства в сфере миграции, диагностики миграционных рисков общественного развития и оценки позитивов миграции, имплантации миграционного фактора в стратегию развития национальной экономики, стимулирования реэмиграции соотечественников и использования их опыта в хозяйственной деятельности.

Согласно расчетам, на одного экономически активного взрослого приходится один иждивенец. Исходя из этого, 90 % мигрантов относятся или к экономически активным, или к зависимым от них иждивенцам [1, с. 1].

Однако эти данные представляются неполными, так как статистика не учитывает миллионы временных мигрантов, которые выезжают из своих стран на непродолжительный срок, сезонных работников, а также работников, занятых за рубежом без изменения страны постоянного местожительства.

В современной науке существуют разные миграционные теории и научные подходы: неоклассические макро- и микроуровень теории; теории «новой экономической миграции» и «двойной трудовой рыночной»; теория «мировых систем»; сетевая теория; теория «совокупной причинной обусловленности» и др.

В настоящее время существуют многочисленные научные подходы и методы исследования в разных сферах науки. Для изучения масштабов миграции, миграционной политики и их эффектов научная мысль предлагает использовать разные научные и научно-методические подходы. Среди последних отметим: исторический, процессуальный, институциональный, структурный, функциональный. Приемлемыми для исследования миграционной политики являются также антропологический, социально-психологический и социально-экономический подходы.

Аналитический инструментарий дает возможность исследовать данное явление с использованием методов формальной логики, индукции и дедукции, а также формализации, прагматического, структурно-логического. Если индуктивный метод регламентирует перенесение знаний с известных объектов на неизвестные, а дедуктивный определяет правила научного объяснения на основе анализа отношения между теорией и фактами, то прагматический метод направлен на анализ соответствий между объектами, с одной стороны, и понятиями и ценностями – с другой. Прагматический метод нужен там, где наука имеет дело с человеческими ценностями. Следовательно, во время исследования миграционной политики и ее эффективности в этой практике учитывают потребности, вкусы и запросы людей, их предпочтения, интересы и намерения.

В то же время недостаточное научное осмысление влияния миграционных процессов в долговременном периоде, а также изъяны в административном и социально-экономическом управлении ими наряду с другими обстоятельствами обуславливают ряд неблагоприятных последствий.

Во-первых, наблюдается низкий уровень предсказуемости и прогнозируемости процессов миграции и ее последствий для принимающих сторон.

Во-вторых, слабо используется потенциал внешней и внутренней миграции населения с целью улучшения социально-экономической и культурно-духовной ситуации.

В-третьих, чаще всего стихийный (нерегулированный) характер миграции, в которой до настоящего времени достаточно большую часть представляют нелегальные мигранты, очевидно, будет приводить к ухудшению межэтнических и межконфессиональных отношений, будет способствовать росту национальной и социальной напряженности, обострению криминальной обстановки в регионах их расселения.

В-четвертых, пробелы в системе административно-правового и социального регулирования миграционных процессов будут обуславливать распространение неформальных (чаще всего негативных) практик в действиях региональных органов государственной власти и муниципального управления, а также в действиях работодателей.

В этой связи существует острая потребность развития государственной миграционной статистики, осуществления инвентаризации и упорядочения системы статистических показателей механического движения населения, обеспечения ее перехода на единую методологию создания баз данных общегосударственного и территориального уровня, организации проведения мониторинга механического движения населения с выделением при этом половозрастных, трудовых, образовательных и других факторов и т. п.

Таким образом, масштабность современных миграционных процессов и значимость тех социальных, экономических, демографических и других изменений, какие они вносят в жизнь стран и народов, требует всестороннего исследования этого феномена.

Список литературы

1. МОТ. Международная трудовая миграция: подход, основанный на правах. Международное бюро труда. – Женева, 2010. – С. 1.

Этническое и социальное развитие ессейских якутов Красноярского края Эвенкийского муниципального района: проблемы, успехи, современное положение

Кузнецова Екатерина Михайловна

аспирант Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра, сектора этнографии, этнологии и антропологии

п. Тура

Большой интерес вызывает повседневный мир изолированной этнолокальной группы ессейских якутов, проживающих на севере Красноярского края за Полярным кругом у озера Ессей вдали от основной массы саха-якутов. Этническая группа саха – ессейские якуты исторически в силу административно-территориальных и политико-ведомственных причин сложилась как субэтнос, и потому развивалась как самостоятельная этническая общность. В статье характеризуется современное положение ессейских якутов, выявление основных как негативных, так и положительных тенденций. Настоящее положение современного этнокультурного состояния ессейских якутов дает основание говорить о негативных тенденциях: разобщенность с основным этносом препятствует этническому сплочению народа, способствует усилению ассимилятивных процессов, которые выражаются в сокращении темпов прироста доли людей, владеющих родным языком.

В начале 90-х гг. XX в. в стране наступил совершенно новый этап, связанный, прежде всего, с экономической модернизацией и переходом на рыночную экономику, что, безусловно, вызвало негативные последствия и коренные изменения в сложившейся системе жизнедеятельности и укладе жизни многонационального народа бывшего Советского Союза.

Социально-экономические и культурные процессы привели к разрушению культурного генофонда и традиционных форм хозяйствования у коренных народов Севера. В этом контексте большой интерес вызывает повседневный мир изолированной этнолокальной группы ессейских якутов.

Ессейские якуты проживали и проживают на территории Красноярского края в Эвенкийском муниципальном районе (бывший самостоятельный субъект Российской Федерации в начале 90-х гг. XX

в., а затем, с 2007 г. XXI в. – в составе Красноярского края, наделенный особыми правами и статусом). Очевидно, что регион подвергся рыночным изменениям со всеми вытекающими отсюда этносоциальными последствиями; на фоне этих трансформаций сформировалась современная модель жизнедеятельности и новая система ценностей проживающих здесь коренных малочисленных народов, в том числе и этнолокальной группы есеевских якутов.

В силу исторических и политических обстоятельств на начальном этапе национально-территориального районирования, проводившегося у коренных народов Севера в конце 1920-х гг. XX в., советские государственные органы отнесли исторические территории проживания есеевских якутов к вновь созданному Эвенкийскому национальному округу, отделив есеевских якутов от основной массы якутского этноса. Безусловно, такое положение не могло способствовать процессам развития субэтноса в изоляции от основной массы якутов и создавало некоторые сложности для консолидации с основным этносом, на протяжении 80 лет ситуация остается без изменений.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на то что есеевские якуты находились почти в полной изоляции от основного этноса якутов, это не привело к размыванию их этнической идентичности и полной ассимиляции или проявлению признаков депопуляции. Видимо, это связано с факторами, обусловленными процессами этнической консолидации. В условиях советского проекта, когда шло нивелирование «национального» и формировалась новая общность «советский народ», адаптивная стратегия есеевских якутов была нацелена на процессы их этнического сплочения.

Проживание в другом национально региональном субъекте не привело есеевских якутов к утере самобытности, а, наоборот, объединило субэтнос, такая сплоченность и объединение на территориальном уровне (жизнь у озера), проявлявшиеся как в этнокультурном, так и в социально-экономическом пространстве, скрепляли есеевцев в единый организм. Ощущение есеевскими якутами своей этнической самоидентификации как части якутского этноса выражается следующими маркерами: 1) осознание на субэтническом уровне своего национального единства; 2) общность с основным этносом якутов, проживающих в сопредельном регионе; 3) единство и сходство этнокультурных интересов, общность одной исторической судьбы.

В то же время как этнодиалектная группа есеевские якуты имеют свои особенности в развитии культуры, отличающие их от соседних народов.

Таким образом, эсеейские якуты смогли не только сохранить этнодемографическое воспроизводство, но и условия для сохранения своего национального приоритета – традиционного способа и вида хозяйствования, самобытного образа жизни, якутского языка и культурных традиций. Сохранение такого базиса-основы для существования любых этносов, вопреки многим негативным последствиям современной жизни, позволяет эсеейским якутам осознавать и ощущать свою этническую целостность и создает основу для национального самоутверждения и самосознания. Эсеейские якуты гордятся своим положением и своей культурой, их этническое самосознание имеет очень высокую степень проявления, а в мироощущении нет каких-либо признаков приниженности или сознания ущербности. Хотя некоторые молодые семьи практически не занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности, для эсеейских якутов все еще остается важной этническая самоидентификация. Для воссоздания целостной картины жизненного мира эсеейских якутов обратимся к историческому опыту советского прошлого.

Советский период развития. Следует обратить внимание на то, что наиболее мощный культурный и экономический скачок в развитии субэтноса происходил именно в эти годы. В 1990 г. в шести совхозах Эвенкийского автономного округа было около 12 тыс. голов домашнего северного оленя, из них 2 тыс. голов принадлежало совхозу «Котуй» в якутском поселке Эсеей; в настоящее время домашнее оленеводство практически утратило свое значение.

При плановой экономике охотничий промысел всегда играл весомую роль в деятельности эвенкийских колхозов и совхозов, принося им, наряду с оленеводством, наибольшую часть доходов. В конце 1980-х гг., накануне рыночных преобразований, удельный вес промысловой отрасли в товарной продукции совхозов округа составлял 37 %. При этом свыше трех четвертей общей стоимости продукции охотничьего промысла составляла пушнина, в которой на шкурки соболя приходилось почти 90 %. В среднем по всей Эвенкии, включая и охотников-любителей, которые составляли в 1990 г. около 70 % всех промысловиков, ежегодно добывалось от 25 тыс. до 32 тыс. соболей. Добыча копытных животных, в основном дикого северного оленя, исчислялась в среднем 10–13 тыс. голов [1].

В настоящее время охота и охотничий промысел хотя и не утратили своей актуальности, но лишились поддержки государственных органов и носят несистематический характер собирательно-присваивающего образа жизни.

В 1947 г. была проложена воздушная линия Тура – Ессей. До середины 90-х гг. воздушным транспортом поддерживалась прямая связь с Красноярском. На грузовых самолетах АН-12, АН-24 с середины января до середины мая перевозили грузы для населения. Большие самолеты производили посадку на озере Ессей. Таким образом, внешние связи населения были установлены с Красноярском, снабжавшим поселок необходимыми промышленными и продовольственными товарами.

В 80-х гг. XX в. наиболее рентабельной отраслью совхоза являлись пушной промысел и звероводство [6]. В Есее появляется новая отрасль хозяйства – клеточное звероводство, являвшаяся важным дополнительным источником получения пушнины, этого ценного «мягкого золота». Развитие звероводства не требовало постоянных передвижений, наоборот, способствовало оседанию населения. Несмотря на новизну звероводство в п. Ессей развивалось в быстром темпе и за короткое время стало одной из главных отраслей хозяйства.

В середине XX в. в п. Ессей осваивается совершенно новая отрасль хозяйства – разведение крупного рогатого скота и лошадей. Правда, поголовье было незначительным. В связи с нехваткой сена, животных подкармливали комбикормом и зерном. Берега озера выкашивались полностью, а дальше от берега были непригодные земли. Препятствием для быстрого развития крупного рогатого скота являлось крайне неудобное размещение сенокосных угодий, разбросанных мелкими участками вдоль берега озера. Несмотря на суровые условия, работники фермы из местного населения приобрели навыки по уходу за скотом и лошадьми, которых содержали в приспособленном помещении вдали от поселка. Животноводство было предназначено для обеспечения молоком в основном образовательного и медицинского учреждений.

До конца XX в. функционировало швейное производство – меховой цех по выделке оленьих шкур и камусов по традиционной технологии и по пошиву меховой зимней одежды: унты, бакари (этэрбэс), ноговицы (нотуруо), парка (мэхсэ), шапки (бэргэһэ), подошвы для коротких унтов, сшитых из нескольких оленьих щеток (ала) для высокой прочности. Следует отметить, что у ессейских якутов сохраняются все виды национальной одежды, что связано с суровым климатом. В настоящее время молодежь п. Ессей обычно одевается в современную европейскую одежду, не имеющую национального колорита. Жизнь в поселке потребовала применения новых форм одежды, обуви, то есть стала широко использоваться покупная одежда. Тради-

ционная меховая одежда используется на промысле, в пути, иногда частично зимой в поселке.

Образование. О росте культурного уровня населения в советский период свидетельствуют многие факты.

Для решения проблемы ликвидации безграмотности и приобщения к культуре изменившегося времени было решено открыть подготовительную школу. Основателями школы и первыми учителями в Есее были супруги Донские Илья Николаевич и Евгения Федоровна, направленные из Иркутска в Эвенкию. В июне 1933 г. была открыта первая якутская школа в Есее, вначале в ней занимались 9 детей. Вместе со школой в стойбище был открыт «красный чум», цель которого была культурно-просветительная работа с местным населением. Главными задачами «красного чума» являлись пропаганда нового советского образа жизни, ликвидация безграмотности.

Из воспоминаний Евгении Федоровны: «Выехав из Иркутска в конце января 1933 г., в Туру приехали в конце марта, где получили свое назначение и опять тронулись в путь на оленях до постоянного места работы. Нас с мужем направили в Есеей. В Есеей прибыли в середине апреля, усталые, промокшие от распутицы. Нас встретили председатель кочевого Совета Федор Соломонов и его заместитель Христофор Чорду. Нас поселили в бывшей церкви, где мы прожили до зимы. В поселке было только 10 домов... Учебников и тетрадей не было, имелась только простая толстая бумага, карандаши и грифельные доски. Мы с мужем писали на бумаге буквы и цифры. Я вывешивала готовую азбуку на стену и учила детей произносить звуки и названия букв. Каждый вечер сшивали из бумаги тетради, линовали их и писали образцы элементов букв. Дети учились писать, рисовать, петь, разучивали интересные игры. В начале сентября пришло указание организовать каникулы. В октябре занятия возобновились. У нас появились буквари и задачки...» [16]. В поселке построили здание общеобразовательной школы и двухэтажный интернат для детей оленеводов. Школы в советское время были смешанными по национальному составу.

В настоящее время принято негативно отзываться о советском прошлом и методах социалистического пути развития, но в сравнении с реалиями настоящего времени в том историческом периоде развития больше плюсов, чем минусов.

Постсоветский период. Кризисные явления стали накапливаться с начала 1990-х гг. Они явились следствием общего экономического кризиса, поразившего всю страну. Однако в Эвенкии, где прожи-

вают ессейские якуты, эти процессы протекали намного сложнее и болезненнее, чем в целом по стране, из-за особых экономически-социальных и природно-климатических условий Красноярского Севера. Игнорирование региональной специфики в ходе радикальных реформ резко обострило ситуацию; так к середине 1990-х гг. негативные тенденции проявились настолько, что это характеризовалось уже как состояние углубляющегося социально-экономического кризиса. Жители севера Красноярского края оказались наиболее незащищенными при переходе к рыночным отношениям, такое явление, конечно, не исключение для всех северных регионов России, что обусловлено меньшей подготовленностью народов Севера для адаптационных процессов к рыночным реалиям. Субэтнос ессейских якутов не был исключением, в середине 90-х гг. XX в. большинство населения п. Ессей жило без денег, выручала охота на дикого северного оленя и рыбалка, наиболее трудоспособные и образованные ессейцы не имели постоянного места работы.

И все же доказательством адаптивной стратегии этнической группы-изолята стало актуализация культурного наследия народа саха в постперестроечное время. Так, с 2013 г. в центре Эвенкийского района п. Тура ежегодно в конце июня стал проводиться якутский национальный праздник «Ысыах»; в поселке Ессей проводится такой же праздник. Манифестация якутской этничности проявилась в создании в 2014 г. якутского вокального ансамбля «Сандал» («Лучезарный»). В формировании пакета официальных и нормативных документов, направленных на сохранение и поддержание этнокультурного развития региона. Так, Правительство Красноярского края вынесло Постановление от 18 января 2011 г. № 14-П (с изменениями на 25 июля 2014 г.) «Об утверждении Порядков и нормативов предоставления в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края мер социальной поддержки лицам из числа коренных малочисленных народов Севера и лицам, относящимся к этнической общности ессейских якутов» [14]. Таким образом, ессейских якутов включили в перечень коренных малочисленных народов Севера Красноярского края.

Рассмотрим один из важных проектов в реализации этнокультурной составляющей повседневной жизни ессейских якутов.

Для ессейцев, как и для целого ряда народов Севера, дикий северный олень является промысловым видом, благодаря которому они существуют в суровом климате, имеют источник заработка и, как следствие, рост благосостояния. Инновационный Проект «Эвенкийский олень», инициированный при поддержке нефтяников из дочер-

него предприятия «Роснефти» – «Восточно-Сибирской нефтегазовой компании», имеет прикладное значение для территорий севера Эвенкии. До недавнего времени охотники проезжали сотни километров в поисках дикого северного оленя, что отнимало много времени, средств, здоровья и сил. В настоящее время происходит отслеживание численности популяции, в п. Ессей приезжали с этой целью ученые-биологи. В рамках социальной деятельности компания уделяет большое внимание поддержке быта, культуры и традиций коренных малочисленных народов [13].

Краеведение как воспитательный ресурс патриотизма и уважения к истории и культуре своей малой родины. Важным условием развития и изучения родного края в первую очередь являются историческое прошлое, народные обычаи и традиции, вопросы регионального развития и возрождения своей самобытности. Академик Д.С. Лихачев, говоря о краеведении, справедливо отмечал: «Это самый массовый вид науки: в сборе материалов могут принять участие и большие ученые, и школьники». Сегодня, когда Интернет становится главным источником информации для учащихся, живое общение с историей и культурой своего народа оказывается реальной необходимостью. Необходимо применять все методы краеведческого исследования, например полевые наблюдения, визуальные (непосредственное наблюдение изучаемых явлений и предметов), анкетные и личные беседы (местного населения с краеведами, старожилами), что помогает установлению исторических и бытовых фактов, уточнению уже известных сведений.

Изучение краеведения в школах Эвенкии введено в качестве учебного предмета с 2006 г. как средство патриотического воспитания и изучения памятников истории и культуры. В разработку содержания учебных программ и преподавание краеведения внесен значительный вклад учителями п. Тура, районного центра Эвенкии.

Опросы учителей Ессейской школы показывают, что учащиеся придают важное значение сбору материалов, отражающих жизнь наших современников, например, труд оленеводов, рыбаков, охотников, учителей села. Так ребята, изучая историю отдельного человека, познают историю своей малой Родины. Поэтому в ессейской школе в рамках предмета «Краеведение» предполагается исследовательская деятельность, в которой участвуют, как правило, школьники с 7-го по 9-й класс. Проводится внеклассная работа – вечера, олимпиады, викторины, конференции, встречи с ветеранами труда и др.

С.О. Шмидт прекрасно сформулировал это встречное движение, сказав: «Краеведение – это школа воспитания культурой; оно облегчает выработку форм творческого общения людей разных поколений, разного уровня образования и специальной подготовки (научной или художественной, в области ремесла)» [11].

Воспитанная в этой школе молодежь будет знать и развивать собственную культуру и, сможет отнестись с заинтересованным уважением к представителю другой культуры и никогда не уничтожит чужие культурные памятники. Действительно, краеведение воспитывает детей, их гражданскую позицию, патриотизм, в котором формируется душа молодого поколения в новых реалиях постоянно меняющегося и развивающегося общества.

Таким образом, воспитанное в этой школе молодое поколение будет знать и развивать собственную культуру, будет уважать культуру других народов.

Как отмечалось выше, этническая группа саха – ессейские якуты исторически в силу административно-территориальных и политико-ведомственных причин сложилась как субэтнос и развивалась как самостоятельная этническая общность.

Ессейские якуты создали свою самобытную культуру, близкую к культуре оленекских якутов, имеющую много параллелей с культурой долган и северных эвенков. Это объясняется сравнительно изолированным ходом формирования культуры ессейцев в условиях иноэтнического влияния.

В XX в. произошла трансформация культуры ессейских якутов, приведшая к глубоким изменениям. В постсоветское время ессейцы вынужденно возвращаются к своей исконной культуре. В адаптивной стратегии ессейцев к современным условиям значим ценностный подход к их культурному наследию, выявление наиболее важных и жизнеспособных элементов их культуры.

В настоящее время субэтнос ессейских якутов представляет важное звено в составе основного этноса саха-якутов, обеспечивает его целостность и устойчивость, служит основанием для композиционного усложнения этноса.

Список литературы

1. Бойко В.И. Эвенки бассейна Енисея. – Новосибирск: ВО «Наука», 1992.

2. Васильев В.Н. Краткий очерк инородцев Севера Туруханского края // Ежегодник Русского антропологического общества. – СПб., 1891.

3. Введение // Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Серия «Народы и культуры»: «Якуты-Саха». Т. 20. – М.: Наука, 2012. – 599 с. (совм. с ИАЭ РАН)
4. Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1984.
5. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. – М.: Наука, 1977.
6. Данные об Есее за 1973 г. приводятся по материалам Есеевско-Мирнинско-Ленской диалектологической экспедиции 1973 г., хранящимся в архиве ЯФ СО РАН по указанному шифру 49.
7. Ксенофонтов Г.В. Ураанхай – сахалар: очерки древней истории якутов. Том 1, книга 1. – Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992.
8. Саввинов А.И. Фольклор есеевских якутов. – Якутск, 2000.
9. Увачан В.Н. Путь народов Севера к социализму: Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере (Исторический очерк) / предисл. акад. А.П.Окладникова. – М.: Мысль, 1971.
10. Шакирзянова-Удыгир Г.В. Тунгуска – река памяти. – Красноярск: ООО «Версия», 2015.
11. Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. – Тверь, 1992.
12. <http://www.rusfolk.ru/ru/root117/root117419/root117419514/root117419514521>.
13. <http://www.yakutskhistory.net/фрагменты-истории/есеевские-якуты./stati/jakutija/sputnikovye-oleni-yevenkii.html>.
14. <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW123;n=60908;dst=100189>.
15. www.humus.livejournal.com: Фотографии Автора: Балуюев И.И. Из фонда стеклянных негативов Красноярского краевого краеведческого музея.
16. <http://shkola99.narod.ru/simple.html>.

Современные способы этнической самоидентификации на материале анализа эвенкийской этнокультурной группы

Ермаков Тихон Константинович

направление «Культурология» кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Сергеева Наталья Анатольевна

старший преподаватель кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Копцева Наталья Петровна

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

В современном обществе весьма актуальной остается проблема самоидентификации человека и тех механизмов, с помощью которых он определяет себя как представителя той или иной социальной группы. В рамках данной проблематики можно особо выделить вопрос этнической идентификации представителей коренных малочисленных народов Севера, ведь в настоящее время мы наблюдаем актуализацию данного вида идентичности среди этих этносов. В нашем исследовании внимание сосредоточено на способах этнической самоидентификации, проявляющихся в эвенкийской этнокультурной группе.

Объектом исследования стали аудио- и видеозаписи полевых исследований на территории Эвенкийского муниципального района, которые были проведены в августе 2017 г. Исполнителями проекта выступили ученые и сотрудники кафедры культурологи Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Для того чтобы определить способы этнической самоидентификации, проявленные во взятых экспертных интервью, был выбран метод контент-анализа. Для исследования определен ряд понятий, наиболее часто встречающихся в речи респондента, и проанализирован контекст их употребления. На основе этого анализа сделаны выводы о важности или неважности данного понятия в контексте этнической самоидентификации. Всего было опрошено 12 респондентов. Они являются представителями разных профессиональных групп: методисты этнокультурного центра, мастера в области декоративно-прикладного искусства, оленеводы.

Единицами анализа были выбраны следующие понятия: «олень», «род», «Эвенкия», «охота», «язык».

Наиболее часто встречающимся было понятие «олень». Как правило, оно связано со специфическими видами деятельности (это выражается в том, что в 80 % случаев слово выступает в качестве дополнения к сказуемому), олень выступает как существо, обеспечивающее существование; отношение к нему сугубо положительное.

Возникает и связь с заботой об олене и помощью родителям, что опять же подчеркивает важность видов деятельности, связанных с данным животным, как способов передачи культуры эвенкийского народа, отражает понимание умения обращения с оленем как специфическую деятельность, отличающую эвенка от неэвенка.

В одном случае респондент указал на близкое понятие («оленоводство») как на своеобразный воспитательный институт. Подобное отношение прослеживается и в упомянутых выше связях ухода за оленем с детством отдельных респондентов и подтверждает важность этого комплекса умений как того, что отличает эвенка, позволяет ему идентифицировать себя с данной этнокультурной группой.

Помимо этого, прилагательное «оленьи» встречается в описании материалов, используемых для изготовления орудий труда и предметов декоративно-прикладного искусства. В описании деятельности, связанной с этими материалами, всегда подчеркнута наследственность этой традиции, ее передача из поколения в поколение как некоего исключительно эвенкийского культурного кода.

Далее рассмотрим понятие «род». Оно всегда связано с описанием происхождения родителей респондента. Интересно, что собственную принадлежность к роду не указал ни один из респондентов. Это говорит о том, что данная категория, скорее всего, имеет значение для идентификации своих предков, но неактуальна как средство самоидентификации в современном обществе.

Понятие «Эвенкия» встречается в выступлениях двух респондентов, но, на наш взгляд, важно проследить, какую роль оно играет в их интервью. В 60 % случаев с понятием «Эвенкия» употребляются притяжательные местоимения, при этом Эвенкия описывается как обширная территория, на которой проживают самые разные народы. Вероятно, что в данном случае речь идет о самоидентификации не столько своей принадлежности к эвенкийской этнокультурной группе, сколько к коренным малочисленным народам Севера вообще.

«Охота» – понятие, связанное со специфической деятельностью, которое возникает реже, чем понятие «оленоводство», но играет схо-

жую роль. Помимо этого, охота имеет весьма яркую гендерную привязку – с этим видом деятельности связаны исключительно мужчины, в то время как оленеводство и деятельность, связанная с оленем, распространяется на всех эвенков независимо от их пола и даже возраста.

Понятие «язык» встречается относительно нечасто, но при этом окружающие его понятия отражают проблемную ситуацию, связанную с данным средством манифестации. Когда речь идет о языке вообще, то он описывается респондентами как важная и неотъемлемая часть их культуры. Он тесно связан с оленеводством и специфическими видами деятельности. Подобное отношение говорит об огромной важности языка в жизни эвенка вообще, и о его важности как средства идентификации в частности.

Но современное состояние языка чаще всего описывается негативными характеристиками. Возникают понятия «разваливания», «гибели», «потери» языка. Тот факт, что языком владеет только старшее поколение и не владеет молодежь, осмысливается как трагедия. В связи с этим можно заключить, что язык является важным средством этнической самоидентификации, и утрата языка осмысливается народом как глубокий кризис, связанный не только с утратой одной из важнейших составляющих частей их культурного наследия, но и как потеря одно из способов самоидентификации и манифестации своей этнической идентичности.

В результате проведенного исследования можно заключить, что основными способами этнической самоидентификации на данный момент являются язык и деятельность (как владение специфическими навыками, характерными для данной этнокультурной группы). Все еще остается актуальным, хотя и теряет свою значимость происхождение как способ легитимации своей идентичности и ее манифестации собеседнику.

Список литературы

1. Булгакова Т.Д. Становление этнической идентичности в Сибири: роль традиций и современных институтов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 8. – С. 227–236.

2. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов Красноярского края: современное состояние, перспективы развития. Полевые исследования: монография / Н.П. Копцева [и др.]. – [б. м.] : [б. и.], 2017. – 130 с.

3. Иванов В.В. Искусство как средство выражения этнической идентичности: дис. ... канд. филос. наук (09.00.13). – Ставрополь, 2006. – 170 с.

4. Копцева Н.П., Неволько Н.Н. К проблеме сохранения этнической идентичности в современной поликультурной системе // Забайкальские Рождественские образовательные чтения «Традиционные ценности и современный мир»: сборник материалов Чтений. – Чита: ЗабГУ, 2013. – С. 114–117.

5. Копцева Н.П., Неволько Н.Н. Национальное изобразительное искусство в процессе формирования и сохранения этнической идентичности коренных малочисленных народов (на примере хакасского изобразительного искусства) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 5. – № 8. – С. 1179.

6. Неволько Н.Н. Визуализация этнической темы в живописных и графических произведениях искусства хакасских мастеров // Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций: коллективная монография / отв. ред. Н.П. Копцева. – СПб.: Эйдос, 2011. – С. 157–171.

7. Копцева Н.П., Середкина Н.Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: монография. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – 183 с.

8. Образ оленя в эвенкийских сказаниях [Электронный ресурс] / Н.Н. Николаева // Языки и фольклор народов Сибири. – 2010. – № 1. – Режим доступа: http://www.sivir.ru/image_of_a_reindeer_in_evenki_epos/.

9. Полевые исследования в Эвенкийском муниципальном районе: Отчет / Н.П. Копцева. – Издательские решения, 2017. – 200 с.

Миграция этнических белорусов в Сибирь: евразийский вектор

Лойко Александр Иванович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских
учений Белорусского национального технического университета

г. Минск

Вопросы исторической близости белорусского и российского народов имеют основу в виде евразийского вектора взаимоотношений. Этот вектор сформировался в историко-культурных условиях

Древней Руси, пассионарии которой начали движение этого государства на Восток. Первоначально новым местом стал Центральный регион современной России. Здесь за короткое время была создана уникальная инфраструктура городов, которая была интегрирована в единый оборонительный комплекс с центром в Москве. В 1612 г. российский народ в виде народного ополчения, представлявшего Поволжье, сделал выбор в пользу евразийского статуса государства. Начался территориальный прирост России в восточном направлении, основанный на механизмах неконфликтных комплиментарных практик [1]. Именно эти механизмы обусловили быстрое освоение Сибири и северных территорий Дальнего Востока.

Евразийский вектор миграции этнических белорусов сформировался под влиянием Контрреформации. На территории Беларуси стала доминировать политика притеснения православного населения, как-вым в основной массе являлись этнические белорусы. Показательным стало XVII столетие, когда белорусы, представлявшие различные слои общества, стали массово мигрировать в пределы Московского государства [2]. Среди них были ремесленники и такие выдающиеся представители белорусско-русской культуры, как С. Полоцкий. В это время мигрировала в Московское государство семья Достоевских. В отрядах казаков, осваивавших Сибирь, были этнические белорусы. Большинство из них осталось в регионе. Они внесли значительный вклад в строительство городов, обеспечение их безопасности.

Вторая волна переселения белорусов, в первую очередь католического вероисповедания, в Сибирь была обусловлена вхождением территории Беларуси в состав Российской империи. С этим обстоятельством не было согласно население, придерживавшееся демократических ценностей и активно поддерживаемая революционно-демократическими силами России, частности Герценом. В результате в Сибири в статусе ссыльных оказались высокообразованные представители демократической интеллигенции и дворянского сословия. Они внесли огромный вклад в развитие российской науки, поскольку время ссылки использовали для проведения разнообразных научных исследований, связанных с географией, геологией, биологией, археологией региона [3]. Среди этих ученых были И. Черский [4], А. Чекановский, Н. Витковский [5], К. Богданович. Через Сибирь на Дальний Восток пролегал путь духовных миссий в Китай. В одной из таких миссий был известный исследователь китайского и японского языков И. Гошкевич. Он сыграл важную роль в установлении дипломатических отношений Российской империи с Японией. Тем са-

мым были окончательно определены границы Евразии на Дальнем Востоке. Россия стала в полном смысле евразийским государством.

Сибирь, как внутренний регион страны, приобрела статус стабильности. Ее территории требовали значительного прироста населения. На уровне государственной политики была выработана стратегия привлечения в регион населения из западной части империи. На эту политику отозвались белорусские малоземельные крестьяне. В Восточную Сибирь переселилось более трехсот тысяч этнических белорусов из Витебской и Могилевской губерний, представлявших православное население. Они внесли значительный вклад в развитие сельского хозяйства в Сибири, в первую очередь в практике возделывания льна [6].

Первая мировая война, фронты которой сместились на территорию Беларуси, создала феномен массовой миграции белорусского населения из зон боевых действий. Более полутора миллионов человек покинули родные места. В основном это было население западных и центральных областей Беларуси. Судьба этих людей с учетом последовавшей революции 1917 г. и Гражданской войны сложилась по-разному. Часть белорусского населения осталась в Сибири. Некоторые семьи, боясь новой коммунистической идеологии, продолжили движение с отступавшей белой армией на Восток. Они обосновались в Харбине и внесли значительный вклад в формирование оригинальной русской культуры в Маньчжурии. В 30-е гг. XX столетия многие семьи воспользовались международной программой переселения и мигрировали в европейские государства.

В советский период истории Сибирь стала одним из важных мест, где формировались евразийские контуры российской национальной экономики. Основой стали природные ресурсы в виде нефти и газа, алмазов, золота, углей, водных ресурсов. Арктическое побережье Сибири стало одним из ключевых элементов Северного морского пути. Огромный вклад в изучение этого региона внес уроженец белорусского города Могилева О.Ю. Шмидт. На основе инфраструктуры Северного морского пути был создан Норильский промышленный кластер. Мотивация ударных комсомольскихстроек сочеталась в период индустриализации с использованием на стройках Сибири трудовых ресурсов ГУЛАГа. Эти два механизма обусловили прибытие в Сибирь значительной части белорусского населения.

Великая Отечественная война стала периодом трагической гибели от немецких оккупантов миллионов людей. Часть населения и промышленных предприятий Беларуси была эвакуирована на Вос-

ток, в частности в Сибирь. Часть этих людей осталась в регионе, где активно участвовала в освоении природных ресурсов региона, строительстве промышленных предприятий, объектов энергетики [7].

В результате многовековых миграционных потоков Беларусь и Россия сформировали евразийский вектор мобильности населения. Этот вектор сохраняет свое значение, поскольку ему способствует евразийский экономический союз. Беларусь и российские регионы заинтересованы в создании совместных производств, реализации совместных проектов.

Список литературы

1. Лойко А.И. Мультикультурный синтез положительных комплиментарных практик в структуре идентичности // Культура и глобализация: традиция, память, идентичность: материалы Международной научной конференции 20–21 ноября 2014 г. / отв. ред. Н.В. Медведев, Н.М. Аверин, А.Н. Алленов; М-во обр. и науки РФ [и др.]. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 41–45.

2. Абецедарский Л.С. Белорусы в Москве XVII в. Из истории русско-белорусских связей. – Минск: Издательство БГУ, 1957. – 62 с.

3. Ермоленко В.А. Открыватели мира. Уроженцы Беларуси в географических открытиях. – Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2015. – 72 с.

4. Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники: статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. – Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1956. – 370 с.

5. Makarov N.P. The Ancient Stages of the Culture Genesis of the Krasnoyarsk Northern Indigenous Peoples // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 6 (2013 6). – P. 816–841.

6. Лобачевская О.А. Белорусский народный текстиль: традиции и художественные новации в XX веке: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – Минск: БГУКиИ, 2014 – 33 с.

7. Титовец А., Фурсова Е., Тенкова Т. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. – Минск: Беларуская навука, 2013. – 579 с.

Китайские мигранты в строительном бизнесе Иркутской области: формальная и неформальная организация трудовой деятельности

Волошин Андрей Александрович

магистрант направления «Международные отношения» исторического
факультета Иркутского государственного университета

г. Иркутск

Основная задача данного доклада – на отдельных примерах (кейсах) показать, каким образом происходит рекрутирование китайских рабочих на стройки Иркутска, кто и по каким мотивам приезжает, как организован порядок их пребывания и работы. Специально выбраны две разные конфигурации – от большой строительной организации, имеющей огромный опыт применения иностранной рабочей силы и старающейся работать в правовом поле, до ситуации неформальной, а фактически нелегальной организации труда. Материалом для исследования послужила серия авторских интервью и личных наблюдений.

В качестве первого объекта исследования нами была выбрана одна из крупнейших строительных фирм Иркутска. Динамично развивающееся предприятие, которое имеет огромный опыт работы по привлечению иностранной рабочей силы. Методом исследования на данном объекте послужило экспертное фокусированное интервью с главным специалистом компании по работе с иностранной рабочей силой (ИРС) с целью сбора материала о китайских мигрантах. Вторым способом сбора материала является включенное наблюдение. Данный метод использовался для получения информации о повседневном пребывании китайцев на строительной площадке. Это позволило более подробно рассмотреть изнутри объект исследования. Непосредственно с рабочими из КНР компания сотрудничает с 2004 г. На данный момент 90 % от общего числа рабочих – это китайцы. Можно выделить три основные причины, вследствие которых один из лидеров строительной отрасли Иркутской области отдает предпочтение работникам из Китая. Во-первых, это качество работы. По словам нанимателей, бригады из КНР выполняют объем работ значительно быстрее и эффективнее, нежели наши соотечественники. Вторую причину глава отдела ИРС видит в проблеме системы подготовки кадров: «Система профессионального образования практически раз-

рушена, оттого и нехватка квалифицированных кадров в строительстве. Особенно по таким специальностям, где требуется физический труд – каменщик, бетонщик...». Третья причина – это высокая заинтересованность и мотивация китайцев, их желание приехать в Россию с целью заработать деньги, чтобы прокормить семью. Китайские строители очень дисциплинированно относятся к труду, чего нельзя сказать о русских. Здесь следует упомянуть о пресловутом уровне ответственности русских работников. Очень часто они работают до ближайшего аванса или получки, после чего могут случаться нарушения трудовой дисциплины. В 2015 г. фирма заключала трудовые договоры с группой русских строителей из Иркутской области в количестве 400 чел., в итоге работать осталось около 10 % – «люди отучились и не хотят работать при зарплате в 25–30 тыс. Китайцы едут сюда за деньгами...».

Механизм найма работников на стройплощадку производится следующим образом: во-первых, все затраты на оформление документации по каждому работнику фирма берет на себя. Поскольку фирма работает в легальном поле, то возможность так называемого «кидка» в данном случае исключена. Процедура оформления бригады рабочих на стройку занимает до 6 месяцев. Система поиска рабочих на строительное предприятие достаточно прозрачна. Компания сотрудничает с бригадиром из Китая – это опытный рабочий, который не первый год работает в России и владеет русским языком на разговорном уровне. Бригадир показывает всю проектно-сметную документацию строительного объекта (чертежи, расчеты и т. д.). Он занимается поиском граждан в Китае с учетом сложности производства, но, как правило, стандартная бригада включает в себя следующие специальности: плотник, бетонщик, каменщик, штукатур-маляр, арматурщик. Главное требование к рабочим – профессионализм. Этот же специалист, находясь в России, осуществляет сбор документов на всю группу рабочих. Бригадир – это посредник между работодателем и всей бригадой. Часто это может быть человек с высшим образованием. Зачастую функции бригадира не связаны со строительством, он не является мастером, выполняющим какие-либо работы, а лишь координатором и организатором. В отличие от иностранной бригады строителей с русским руководителем, группа рабочих с национальным бригадиром более устойчива, вероятность конфликтных ситуаций здесь ниже. Бригадир той же национальности, что и рабочие, он лучше заботится о соотечественниках; обычно бригадой строителей такого ти-

па управлять проще, исключая проблемные ситуации внутри коллектива.

Вторым объектом исследования было выбрано частное домохозяйство, находящееся в одном из городов-спутников Иркутска. Задача данного примера (кейса) показать, насколько разнятся подходы при выборе способов рекрутирования рабочих. Практически все члены бригады на неплохом уровне владеют смежными специальностями, набором необходимых навыков, которые позволяют безболезненно проводить взаимозаменяемость работников в случае производственной необходимости. Руководит коллективом квалифицированный бригадир, он же по совместительству и прораб, владеющий относительно неплохо разговорным русским языком. Также бригадир выступает в качестве посредника, менеджера и бухгалтера. Вся ответственность за произведенную работу ложится на него. Остальные члены бригады либо говорят, но мало и зачастую непонятно, либо же совсем не знают русского языка.

В первом случае мы видим, что фирма заинтересована в том, чтобы ее сотрудники были трудоустроены в соответствии со всеми требованиями и имели разрешения на работу. Второй пример выглядит диаметрально противоположным, и здесь стоит сказать о рисках. Так называемое трудоустройство в данном случае производится по обходным схемам и выглядит следующим образом. Как нам пояснил бригадир, группа китайских граждан приезжает в Россию под видом туристического визита. Срок туристической визы – 30 дней, на момент исследования у всей бригады визы были просрочены. Во-первых, получить ее проще всего, достаточно предоставить данные турагентства, которое приглашает китайцев сюда. А во-вторых, такая виза не имеет регламентированного внешнего вида и может отличаться. Сам же бригадир с небольшими перерывами в течение семь лет живет и работает в России. Процедура найма китайцев на данном объекте производится следующим образом: бригадир, непрерывно находящийся в России, едет в Китай, где предлагает заинтересованным поработать в России. Постоянной бригады рабочих у него нет, но знакомых, которые имеют хоть какой-нибудь опыт ведения работ в строительстве, много. Работодатель выдает деньги на трансферт и еду. Документов, которые регламентируют трудовые отношения, нет. Также отсутствует пакет социальных гарантий. Все перечисленное фактически обозначает, что китайцы имеют полное юридическое бесправие. Что еще это значит? Заработная плата не регламентируется, все зависит от объема и качества работ. Деньги перечисляются

бригадиру, который делит зарплату на всю бригаду. В разы увеличиваются риски невыдачи (полной или неполной) заработной платы. Кроме устной договоренности между бригадой и работодателем, ничего нет. Работодатель не несет никакой ответственности за рабочих. Самую большую роль здесь играет честность и порядочность работодателя и бригадира.

Таким образом, нам удалось изучить и рассмотреть изнутри два кейса, которые представлены в виде строительных объектов, где трудятся китайские мастера. По результатам данного исследования выявлены принципиально разные способы найма китайцев на работу. Сравнительный подход использовался для того, чтобы показать, насколько отличны друг от друга механизмы трудоустройства. Очевидно, что в настоящий момент существуют и другие практики рекрутирования мигрантов на строительные площадки.

Особенности социокультурной адаптации иностранного студента в Сибири (на примере жизни студента Сибирского федерального университета)

Антипенко Елена Дмитриевна

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Замараева Юлия Сергеевна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного
института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Целью настоящего исследования стала попытка изучить особенности социокультурной адаптации иностранного студента, приехавшего из далекой страны в Сибирь по причине учебной миграции. Данная история, с одной стороны, весьма традиционна, поскольку в Красноярский край ежегодно приезжают учиться десятки иностранных студентов из разных стран, особенно из Восточной Азии. С другой стороны, история, положенная в основу исследования, уникальна, поскольку три года назад в Сибирь из Колумбии приехала самостоятельно учиться Анжела. Не зная русского языка, традиций, правил и норм общения, Анжела за два года обучения в студенческой группе

из русскоговорящих гуманитариев стала одной из сильных студентов и доказала, что можно без особых привилегий стать полноправным участником жизни принимающего общества. На наш взгляд, такой быстрой адаптации способствовала социальная среда, исторически сложившаяся в Красноярском крае как дружелюбная, настроенная на коммуникацию и помощь в адаптации приезжающим людям. Красноярский край издавна формировался из разных этнических групп, прибывающих сюда по разным миграционным причинам: покорение Сибири и освоение земель с конца XVI в.; в начале XX в. – расширение населения в связи с событиями Столыпинской аграрной реформы, строительством Транссибирской железнодорожной магистрали; становление г. Красноярска в послевоенные годы в качестве крупнейшего промышленного центра Сибири; в начале XXI в. этнический состав населения края расширяется за счет новых этнических групп, таких как чулымцы, езиды, талыши, нагайбаки, русины, бесермяны, юги, кереки, кумандинцы, телеуты.

Ключевым для исследования явился метод неструктурированного интервью, для которого составлен примерный список из восьми вопросов, стимулирующих на развернутый ответ к каждому со стороны интервьюируемого. Концептуальным основанием для исследования стала теория межкультурных стратегий Джона Берри [4]. Согласно этой теории, задачей адаптационного процесса является выживание человека путем его приспособления и выбора определенной стратегии поведения в окружающей его социальной и культурной среде. Адаптация предполагает формирование нового социального статуса, освоение новых социальных ролей, приобретение новых ценностных ориентиров и осмысление собственной значимости. Результатом ее является возникновение целого механизма культурной адаптации, посредством которой возможно обнаружить стратегии поведения как доминирующей среды, так и приезжего мигранта. При столкновении контактирующих групп рождаются новые культурные ценности и установки. Таким образом, согласно теории Д. Берри, специфика сущности миграции раскрывается в непосредственном отношении мигранта с принимающей средой. Вариативность построения путей отношений есть не что иное, как определение тенденции: аккультурации или локальности.

Джон Берри подробно рассматривает проблему аккультурации и психологической адаптации. Адаптация – «это термин, обозначающий стратегии приспособления индивида в процессе аккультурации и ее последствия. Предполагается, что существуют разные стратегии

приспособления, которые приводят к разным типам адаптации (как и к разным последствиям)» [4]. Согласно Д. Берри, понятие «адаптация» включено в процесс аккультурации. Адаптация является следующим после аккультурации этапом: проявляется при постоянном контакте двух различных культурных групп, дает возможность выбора одной из возможных стратегий: «приспособление» (мигранта или группы мигрантов), «реакция» и «отказ». Адаптационная стратегия «приспособление» есть сведение к минимуму возможности возникновения конфликтов между принимающим обществом и индивидом; «реакция» – мотивируется желанием удовлетворить свои культурные потребности и повлиять на перемены в принимающем обществе; «отказ» – прекращение контактов со средой, ведет либо к обратной миграции, либо к появлению локальных этнических групп.

Аккультурация – понятие, включающее в себя стратегии успешной адаптации, реализует цель перехода одной культуры в другую, но в качестве последствий приводит к разным типам адаптации. Так, Д. Берри говорит о четырех стратегиях аккультурации: ассимиляция, интеграция, сегрегация/сепарация и маргинализация. Полярными из них являются стратегии ассимиляции (отказ от культурной идентичности и принятие ценностей среды для создания нового общества) и сепарации (сохранение независимого существования). Неконфликтными стратегиями являются ассимиляция и интеграция (как принятие и сотрудничество; «сохранение некой культурной целостности» и вхождение в состав доминирующего общества), при их развитии происходит значительное познание новой культуры и выборочное принятие моделей поведения. Конфликтными стратегиями считаются сепарация и маргинализация (потеря контакта, стресс аккультурации, отказ от прежних и новых культурных ценностей). Мигрант может выбрать любую стратегию как возможный сценарий развития событий: стратегию адаптации как путь принятия или отказа от культурных ценностей и традиций или стратегию аккультурации как путь построения отношения с принимающей средой. В связи с этим понятия «адаптация» и «аккультурация» взаимозависимы в аспекте отношения формы и содержания. Адаптация ставит вопросы о сохранении традиционной культурной идентификации в качестве ценностей и о принятии ценностей принимающего этнического общества. В зависимости от ответа мигранта определится доминанта адаптации и мера его аккультурации в принимающем обществе.

Респондентом для проведения исследования выступила Монтойя Кирога Анжела Лилиана, приехавшая в город Красноярск в 2014 г.

и поступившая на направление «Искусства и гуманитарные науки» Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Анжела почти не знала русский язык, однако по прошествии трех лет прекрасно говорит и понимает русскую речь, проживает в общежитии среди русскоговорящих студентов, успешно учится и сдает сессии без специальных условий для иностранных студентов.

№	Вопрос интервьюера	Ответ интервьюируемого (тезисы)
1.	Почему вы решили получить высшее образование в Сибири?	Выигрыш гранта на обучение в Красноярске.
2.	Сталкивались ли вы с какими-либо трудностями по приезде в Красноярск? Если да, то с какими?	Языковой барьер; двухстороннее непонимание особенностей поведения: Анжела «чужой» ↔ одноклассники «свой».
3.	Как вы преодолевали трудности, возникшие в общении и поведении нового окружения?	Общение с людьми как возможность познать другую культуру.
4.	Поддерживаете ли вы связь со своими родными?	Да, но семья привыкла к тому, что они не живут вместе (как поддержание связи с культурными корнями).
5.	Планируете ли вы остаться в Сибири на постоянное место жительства?	Нет, окончив СФУ, уеду в Азию.
6.	Какие различия вы заметили в поведении людей, живущих в городе Красноярске, и вашего родного города?	Уважение к самовыражению.
7.	В чем, по вашему мнению, различие культур Колумбии и Сибири?	«Холодный» характер – сибиряки; менталитет молодежи (ранние браки).
8.	Как вы считаете, получилось ли у вас полностью адаптироваться к новой для вас культуре Сибири?	Чувствую здесь себя как дома.

На первый вопрос «Почему ваш выбор остановился на сибирском городе?» Анжела ответила, что приезд в Россию – это осознанный выбор. Связано это с получением высшего образования, которому способствовал выигранный индивидуальный грант на обучение в России. Но при этом, Анжела не предполагала, что ее обучение будет проходить в сибирском городе Красноярске. Более того, она и не знала о существовании такого города.

По приезду в Красноярск Анжела столкнулась с коммуникативным препятствием: языковым барьером. Он проявлялся незнанием русского языка со стороны Анжелы и незнанием испанского или английского языка со стороны местных жителей. Вторым существенным препятствием стало незнание особенностей сибирского климата и, как следствие, – покупки теплых вещей, всего того, что является обычным для любого сибиряка. Связано это с тем, что в Колумбии нет смены сезонов года, то есть там всегда лето. В-третьих, первым сигналом недопонимания со стороны одногруппников стало незнание установок и правил культур друг друга. Трудности респондентка преодолевала путем знакомства с местными жителями, общения с одногруппниками и нахождения с ними общего языка.

Анжела поддерживает связь со своей семьей, но они привыкли, что уже не живут вместе. Поэтому созваниваются два раза в неделю. Здесь же она подчеркивает важность семьи в культуре Колумбии, объясняя это следующим: «Мы постоянно чем-то заняты, поэтому для нас, например, очень важен прием пищи в кругу семьи, когда можно разговаривать обо всем, делиться эмоциями и впечатлениями». Сравнить ценность семьи в культуре Сибири Анжела не может, так как у нее не было опыта жизни в сибирской семье.

Остаться в Сибири на постоянное место жительства респондент не планирует, так как имеет желание путешествовать по миру и знакомиться с ценностями, особенностями и установками разных культур.

По мнению колумбийки, ее культура различается с культурой Сибири и связано это с климатическими условиями. Респондент отмечает, что сибиряки «холодные» по характеру, тогда как колумбийцы «теплые», объясняя это тем, что в Колумбии круглый год тепло и солнце, а в Сибири постоянная смена сезонов года и мало солнца. В колумбийской культуре более развиты паттерны семейного поведения. Сибиряки, по мнению Анжелы, наоборот, подчеркивают свою индивидуальность, личные качества и самостоятельность. С другой стороны, Анжела увидела культурные различия в поведении молодежи: в Колумбии стремление сначала стать самостоятельным и независимым и обрести свою семью в среднем возрасте (от 30 лет). В России этот возраст в настоящее время от 23 лет. Также респондентка заметила, что поведение людей ее родного города и поведение жителей города Красноярск различается: здесь люди более уважительнее относятся к самовыражению друг друга.

На вопрос «Как вы считаете, получилось ли у вас полностью адаптироваться к новой для вас культуре Сибири?» респондент ответил так: «Я уже чувствую себя русской. Например, когда я приезжаю домой, меня иногда не понимают и спрашивают: «Почему ты так делаешь, говоришь?», или я кого-либо не понимаю. Когда возвращаюсь обратно в Россию, то чувствую себя здесь как дома, что очень странно, ведь мой дом не здесь, а в Колумбии».

Таким образом, можно сделать вывод, что доминирует в ответах Анжелы стратегия временной ассимиляции (полное растворение в другой культуре, погружение в особенности), потому что в период временной миграции стратегия ассимиляции является предпочтительной, она дает возможность получить максимум информации об иной культуре, минимизируя манифест о своей культуре. По теории Шона Беррна эта стратегия также является социокультурной адаптацией.

Список литературы

1. Koptseva, Natalya P., Zamaraeva, Julia S., Sertakova, Ekaterina A. (2011). Sociocultural Research of the Cultural Requirements of the Residents of the Krasnoyarsk City. – *Humanities & Social Sciences* 11 (2011 4). – P. 1577–1588.
2. Zamaraeva Julia S. (2011) Relation of the Migrant and the Receiving Environment as a Phenomenon of the Krasnoyarsk Territory Modern Culture (Association Experiment Results Based on the Methodology “Serial Thematic Associations”). – *Humanities & Social Sciences*. – 2011 4 (6). – P. 805–815.
3. Zamaraeva, Julia S. Historiografic Overview of Approaches and Concepts Regarding the Issue of the Migration in International and Russian Research of the 20th Century. *Humanities & Social Sciences* 3 (2010 3). – P. 437–444.
4. Берри Д.У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // *Развитие личности*. – 2001. – № 3. – С. 183–193.
5. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию: учеб. пособие. – М.: Ключ-С, 1999. – 223 с.
6. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. – М.: Наука, 1975. – С. 10.
7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Ин-т психологии РАН; Академический проект, 1999. – 320 с.
8. Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // *Социологические исследования*. – 2007. – № 5. – С. 70–77.

Часть 4

**Педагогические модели обучения
русскому языку как иностранному**

**Школьные учебники
с обновленным содержанием в Казахстане:
общие тенденции с Россией
и реализация реформы в образовании**

Уразаева Куралай Бибиталыевна

доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева

Кожамкулова Гульмира Есенбековна

кандидат филологических наук, старший менеджер отдела лингвистических
предметов АО НИШ (Назарбаев интеллектуальных школ)

Республика Казахстан

Поле́м скреще́ния яростных атак и мнений в странах постсоветского пространства становится система школьного образования. Именно здесь с особой остротой выявляются узловые социальные проблемы. Катализатором общественных дискуссий стала критика учебников по русскому языку для 5 и 7 классов издательства «Мектеп», для 5 класса АО «Назарбаев интеллектуальных школ» (НИШ) [1; 2], учебников для школ с нерусским языком обучения, написанных по технологии коммуникативно-деятельностного подхода, отразившая сомнение в оправданности реформы в образовании в данное время [3; 4]. Высокая активность родителей и общественности посредством СМИ повлекла за собой в приграничных областях общественные слушания с участием учителей, местных департаментов образования, представителей Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной Академии образования им. И. Алтынсарина,

Центра образовательных программ (ЦОП) АО «НИШ». Опасения общественности об угрозе массовой безграмотности, неприятие новых подходов к обучению русскому языку, даже конспирологические теории заговора против народа и будущего стали перерастать в требования о необходимости моратория на проведение реформы образования, о неготовности школ к переносу модели, апробированной в НИШ и показывающей высокие результаты по итогам PISA на фоне результатов по стране¹ [5]. Дискуссии привели к слушаниям в парламенте страны, и с 13 ноября по 16 регионам страны проходят встречи авторов учебников с обновленным содержанием для 3, 6 и 8 классов с учителями страны. Эти мероприятия получили название практической оценки учебников. Обсуждение учебников на сайте Республиканского научно-практического центра «Учебник» МОН РК с 1 октября с. г. представляет собой общественную экспертизу [6]. Это часть экспертизы, долженствующей обеспечить объективный и профессиональный уровень контроля качества учебной литературы и эффективность проведения реформы образования.

Почему необходима реформа в образовании и конкретно – преподавании русского языка как неродного? Как модель коммуниктивно-деятельностного подхода обеспечивает результативность реформы образования? Что следует понимать под эффективностью внедрения нового стандарта образования и долгосрочной программы, разработанных АО «НИШ» для общеобразовательных школ Республики Казахстан, или, в частности, каким должен быть современный учебник по предмету «Русский язык и литература» для общеобразовательных школ с нерусским языком обучения? Настоящая статья ставит целью освещение этих вопросов и иллюстрацию основных положений коммуниктивно-деятельностного подхода на основе УМК «Русский язык и литература» для 6 класса общеобразовательных школ с нерусским языком обучения [7], проходящего апробацию в стране, разработанного для 2017–2018 учебного года.

Во-первых, эволюция научных представлений о современной дидактике и ее роли для социальной адаптации выпускника школы воплощает новое понимание результативности обучения: «Результативность современного урока стратегична – это вклад в долгосрочный банк формирования у учащихся умений работать не на уровне действий и операций (когда цель задана и обсуждению не подлежит),

¹Programme for international Student assessment.

а на уровне деятельности (когда цель освещается смыслом и у человека возникает возможность выбора способов деятельности) [8, с. 70].

В современной науке в связи с концепцией о 4-мерном образовании, включающем четыре грани: знания, навыки, личные качества и метаобучение, центральное место принадлежит метаобучению, которое часто называют обучением умению учиться, имея в виду «внутренние процессы, то, как мы осмысливаем и адаптируемся к обучению» [9, с. 91]. Другими словами, реформа в образовании вызвана обучением школьников тому, чтобы они стремились к улучшению вне зависимости от поставленных целей.

Во-вторых, известно, что практика преподавания русского языка как родного, так и неродного, длительное время опиралась на изучение правил и законов, на усвоение норм орфографии и пунктуации. Понятие коммуникации лежит в основе практических всех современных подходов к культуре и воспитанию личности в школе и вузе. Общим для известных дефиниций является соответствие между коммуникативной культурой и эффективным взаимодействием субъектов. Эффективность в различных сферах системно-мыследеятельностного подхода, разработанного Г.П. Щедровицким, объясняет востребованность в РФ коллективов, способных создавать опережающие решения. Это федеральные «несистемные» проекты, такие как «Месторождение талантов», «Сириус», «Иннопрактика», «Кванториумы», «Лифт в будущее», ЦМИТы. На прогнозирование и создание опережающих решений направлены цели обучения по обновленной программе в РК.

Современное общество нуждается в человеке, обладающем навыками свободного говорения, грамотного и свободного письма, адекватно понимающего смысл прочитанного или услышанного («чужого» текста), а также основное содержание собственного текста и способности донесения его до адресата. Отсюда такая тенденция в школьном и вузовском образовании РФ и РК, как риторизация.

На смену прежнему преподаванию приходит практическая цель – формирование навыков общения. Так, в учебнике 6 класса – в соответствии с программой – авторы предлагают такие ситуативные (коммуникативные) задания: написать поздравление, объяснительную записку, расписку, создать рекламу. При этом апробируется, в частности, стратегия «учебы с улыбкой» (например, сочинить, с соблюдением требований к содержанию и структуре, расписку от имени Лисицы о получении сыра от Вороны на примере басни И.А. Крылова, или написать объяснительную врачу о нарушении диеты при изуче-

нии темы «Здоровый образ жизни»). А средством достижения цели становится практическое пользование языком, для чего необходимо создавать условия речевого общения. Как подчеркивает И. Милославский: «Способность моделировать возможные события и их последствия – очень нужный аспект совершенствования интеллекта» [10]. Так, ученикам 6 класса предлагается смоделировать такие ситуации, например, при изучении рассказа А.П. Чехова «Хамелеон» и выполнении задания «Включите воображение»: «Представьте, что Хрюкин, тыкавший собаке сигаркой в нос и укушенный ею, побил собаку, а Очумелов заставил Хрюкина писать объяснительную. Посмотрите образец объяснительной записки и напишите ее от имени Хрюкина. Используйте просторечную лексику и цитаты». Каковы пролонгированные последствия таких приемов? Приведем пример из российской действительности: работа с гуманитарной методикой позволила ее автору выявлять нацистские молодежные группировки и «переключать» их из стиля жизни «нациков» в военно-патриотические сообщества [11]. Этот факт иллюстрирует смещение центра обучения с предметного содержания на метапредметный результат. Неслучайно в программе по русскому языку и литературе для 6 класса разделы названы несколько неожиданно: «Мир вокруг нас», «Древние и современные цивилизации», «Астрономия. Планеты и звезды», что не означает изучения на уроках русского языка и литературы биологии, истории, астрономии. Сейчас признано, что отличительной чертой новой школы должен стать переход от дисциплины к самодетерминации учащихся и от объяснений – к достижению понимания (А. Асмолов) [12]. Интегративный подход обеспечивает достижение такой цели. При выполнении заданий в школе с нерусским языком обучения очень важна работа учащихся, связанная с прослушиванием текста.

При новом подходе меняется система взаимоотношений учителя и ученика. Форма S-S (субъект-субъектная деятельность) означает смещение акцента на творческую деятельность ученика. Если изучение правил и норм русского языка обеспечивало формирование навыков письма, то сущность обучения речевой деятельности сейчас – это стремление к комплексному овладению всеми видами речевой деятельности как необходимого условия общения и формирования коммуникативной личности.

Целеполагание реализуется в придании названиям заданий побуждения к действию: «Напишите в блог», «Сочините историю», «Обсудите картину». Используются приемы педагогики сотрудничества: «Сделаем вместе», используется национальный компонент: «Переиграй Ал-

дара», «Стань Жиренше». С помощью заданий «За и против», «Истина рождается в споре», «Мозговой штурм» и т. д. реализуется критическое мышление.

Особенностью реализации современного подхода является индивидуально-дифференцированный подход и принцип прогрессии, при котором различается степень сложности заданий, сочетаются разные виды речевой деятельности, соблюдается принцип организации учебной деятельности в разноуровневых группах. Сейчас все больше утверждается роль понятия «хай-хьюм» (high-hum – высокие гуманитарные технологии) как совокупности знаний, духовных и культурных ценностей, а также методов передачи информации, «организующих людей и побуждающих их к определенной коллективной деятельности» [11]. Авторы УМК рекомендуют сочетать индивидуальную, парную, групповую, коллективную формы работы для создания коллаборативной и безопасной для учащихся среды, где они оттачивают навыки работы в команде.

Дифференциация осуществляется и по преобладающему типу восприятия информации – аудиальному и визуальному каналам и склонности к кинестетическому типу. Необходимость развития разных каналов восприятия информации объясняет включение аудиозаписей, репродукций классической живописи и работ современных художников Казахстана. Важно отметить новую, самостоятельную методическую роль иллюстрации на уроке обучения русскому языку как неродному. Дифференциация деятельности и дифференцируемые результаты обеспечивают достижимость целей обучения за счет измеримости результатов.

В новом подходе заявлена новая роль оценивания. Распознавание учеником собственных возможностей развития, установка на развитие для уверенности и способности к успешному развитию помогает ему осознать личную значимость и собственные возможности. Вхождение в практику школ понятий формативного и суммативного оценивания коррелирует с убеждениями мнений российских экспертов о необходимости отказа от оценок [13].

Один из основных аргументов против новых учебников – замена реального обучения самостоятельной работой учащихся с привлечением интернета, опасения вовлечения подростков в запрещенные соцсети. Здесь можно привести авторитетное мнение педагога Москвы: «Есть такое мнение, что, поскольку теперь существует интернет, детей не надо накачивать информацией, надо их учить только компетенциям. Во-первых, компетенций – как и навыков, и умений – без

знаний не бывает, и все это можно формировать только в единстве, а не противопоставлять одно другому» [14]. В мотивации к поиску информации ученые различают любознательность и любопытство как «желание знать» и «состояние». Не столько с точки зрения дидактики, сколько с точки зрения поиска текстов для изучения обосновано обращение в учебнике к электронным ресурсам.

Нужно не учить, а обучать тому, как учиться – это основной посыл реформы. Обобщая изложенное: не преувеличена ли роль технологии коммуникативно-деятельностного подхода, ведь никакая технология не панацея, это всего лишь «набор полезных инструментов для улучшения образовательного опыта учащихся, помощи в обучении» [9, с. 193].

Показать преимущества внедрения технологии коммуникативно-деятельностного подхода, ее преимущество с традиционной методикой позволяет сравнительный анализ упомянутого УМК с прежними 13 изданиями учебника «Литературное чтение», написанными теми же авторами [16]. Книга ведет историю с 1954 г. Еще в 70–80-е гг. в рамках обучения речевой деятельности были предвосхищены актуальные ныне понятия и категории, составляющие педагогический инструментарий: инновационные технологии, билингвизм и полиязычие, активизация познавательной деятельности, интерактивные методы обучения, проблемное обучение и др. С 2015 г. интеграция предметов «Русский язык» и «Русская литература» подтвердила, с одной стороны, приоритетность текстоцентрического подхода при обучении русскому языку как неродному, с другой стороны, обозначила важность смещения образовательной парадигмы от знаниецентричной к формированию навыков и компетенций. Концепция УМК 2015 г. базируется на модели компетентностного подхода, при котором задания представляли помощь обучающимся в процессе социальной адаптации. Продолжение стратегии «учебы с улыбкой» привело к введению в круг чтения таких произведений, как «Золотые слова» М. Зощенко, «На задней парте», «Никто и другие», «Кто на кого похож», «Моя Вообразия», «Мохнатая азбука» Б. Заходера, «Вредные советы жуликам и ворам» Г. Остера и др. Это способствовало активизации у учеников наблюдательности, логического мышления, воображения, визуализации скрытых образов. Предлагая в учебнике модели готовых ответов, авторы решали задачу контроля правильности суждений и выработку механизма самоконтроля у школьников.

Задания учебников всегда включали обучение навыкам сочинения. Большое значение придавалось авторами развитию речевой

культуры путем подбора синонимов, понимания значения и правильного употребления фразеологических оборотов, примерам семантизации, что расширяло лексический фонд обучающихся на неродном языке, углубляло понимание и применение правил построения речи. Выработывался опыт игровой формы взаимодействия педагога и учащихся через реализацию определенного сюжета (игры, сказки, спектакля, делового общения).

Особое место во всех изданиях занимало изучение русской классики. Для дидактики национальной школы оказался плодотворным опыт разработки инновационного стандарта литературного образования в РФ, отразивший влияние литературоведения на развитие методики и учебников Н.Д. Тмарченко – для школ с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла [17], И. Сухих [18], Г.В. Москвина [19]. Следует отметить роль для казахстанской школьной системы среднего образования методологии коммуникативной дидактики и работы В.И. Тюпы [20], приоритета согласия над дискуссией [21; 45].

Компетентностный подход стал базой для расширения дидактических задач разработки школьных учебников в РК. Технология коммуникативно-деятельностного подхода, включающая модель компетентностного подхода, обусловила реализацию в новом издании УМК «Русский язык и литература», проходящем апробацию в стране, разработанном для 2017–2018 учебного года.

Список литературы

1. Загрибельный А. Шутингом – по мундиалу // URL: <http://www.time.kz/articles/ugol/2017/10/02/sutingom-po-mundialju>.

2. Загрибельный А. Учить нельзя помиловать! // URL: https://i-news.kz/news/2017/10/03/8628911-aleksandr_zagribelnyi_uchit_nelzya_pomil.html.

3. Боранбаева З.И. Что не так с новыми учебниками по русской литературе для казахских школ? // URL: <https://informburo.kz/stati/что-не-так-с-новыми-учебниками-по-русскому-языку-для-казахских-школ.html>.

4. Боранбаева З.И. Что не так в учебниках русской литературы для казахских школ? // URL: https://total.kz/ru/news/obshchestvo_sobitiya/что_не_так_в_учебниках_русской_литературы_для_казахских_школ_date_2017_10.

5. Казахстан занял 59-е место из 65 стран по оценке грамотности школьников // URL: https://www.kt.kz/rus/education/kazahstan_zanj_59_mesto_iz_65_stran_po_ocenke_gramotnosti_shkolnikov_1153529071.html.

6. Сайт Республиканского научно-практического центра «Учебник» МОН РК // URL: <http://expert.okulyk-edu.kz/>.

7. Нуртазина Р., Сулейменова Э., Уразаева К. Русский язык и литература для 6 класса общеобразовательных школ с нерусским языком обучения. УМК. – Алматы: Білім, 2017. – Учебник в 2 ч. (134 с. и 172 с.); Рабочая тетрадь в 2 ч. (98 с. и 160 с.); Книга для учителя (82 с.).

8. Методика преподавания русского языка в вопросах и ответах: справочное пособие / авт.-сост. Г.В. Писарук. – Брест: Академия, 2008. – 101 с.

9. Фейдл Ч., Бялик М., Триллинг Б. Четырехмерное образование. [Online] Available. URL: http://www.skolkovo.ru/public/images/stories/news/2016/SKOLKOVO_SEDeC_4D_Education.pdf.

10. Милославский И.Г. Правила вместо смысла. – Знамя. – 2011. – № 12. (<http://magazines.russ.ru/znamia/2011/12/mi14.html>).

11. Сергеев Ю. Образование – это образ будущего». Интервью с экспертом // URL: <https://easaily.com/ru/news/2017/09/30/obrazovanie-eto-obraz-budushchego-intervyu-s-ekspertom>.

12. Локомотивом российского образования стали колледжи // URL: <http://www.mk.ru/social/2017/11/12/lokomotivom-rossiyskogo-obrazovaniya-stali-kolledzhi.html>.

13. Волошин Д. От оценок в школе пора отказываться // URL: <https://newizv.ru/article/general/04-05-2017/dmitriy-voloshin-ot-otsenok-v-shkole-pora-otkazyvatsya>.

14. Кацва Л. Я бы не гордился успехами московского образования // <http://www.pravmir.ru/ya-by-ne-gordilsa/>.

15. Коробатов Я. Исследование: чем выше уровень образования, тем меньше зависишь от смартфона. Ученые выяснили, для чего москвичи используют мобильники [опрос «КП»] // URL: <https://www.kp.ru/daily/26749/3778530/>.

16. Нуртазина Р.Б., Сулейменова Э.Д., Уразаева К.Б. Литературное чтение: учебник. – 13-е изд. – Алматы: Білім, 2015. – 176 с.

17. Тамарченко Н.Д., Стрельцова Л.Е. Путешествие в «чужую» страну. Литература путешествий и приключений: учеб. пособие по литературе для 5 кл. шк. гуманит. типа. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 239 с.

18. Сухих И.Н. Литература. 11 класс: учебник в 2 ч. (базовый уровень). – 4-е изд. – М.: Academia, 2011. – Ч. 1 – 352 с. – Ч. 2 – 368 с.

19. Литература. 5 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений : в 2 ч. / Г.В. Москвин, Н.Н. Пуряева, Е.Л. Ерохина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вентана-Граф, 2012. – Ч. 2 – 256 с.

20. Тюпа В.И. Инновационный стандарт литературного образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://metlit.nm.ru/materials/communic/innovst.html>

21. Тюпа В.И., Троицкий Ю.Л. Основы коммуникативной дидактики // Коммуникативная педагогика: от «школы знания» к «школе понимания». Материалы научно-практической конференции. – Новосибирск, 2004. – С. 43–51.

Изучение современной российской драмы в курсе РКИ

Шуников Владимир Леонтьевич

кандидат филологических наук, доцент Института филологии и истории
Российского государственного гуманитарного университета

г. Москва

Изучение языка иностранцами сопряжено со знакомством с художественной словесностью, созданной на этом языке. Особый интерес в этом плане вызывает литература, созданная современными авторами: ее использование в курсе РКИ позволяет решать целый комплекс лингвокультурологических задач. Однако новейшая российская словесность, в том числе драма, иностранцам практически неизвестна. Эта ситуация обусловлена объективными причинами: произведения для театра, созданные в России 1990–2010-х, на иностранные языки лишь начинают переводиться; гастрольные выступления русских театров включают в свой репертуар весьма небольшое количество спектаклей «новой драмы». Вместе с тем неизменным успехом за рубежом пользуется классическая русская литература XIX – начала XX в. Среди прозаиков популярны Ф. Достоевский, Л. Толстой, среди драматургов – А. Чехов. Читающая и посещающая театры публика знает и некоторых русских авторов XX столетия – М. Булгакова, Г. Газданова, В. Набокова, драматургов А. Вампилова, А. Арбузова и др. Восхищение классикой не превращает ее в глазах иностранцев в нечто неприкосновенное: они готовы воспринимать новые, постмодернистские интерпретации этих произведений.

Наличие в «культурном багаже» студентов-иностранцев представлений о классической русской литературе и готовность прочитать ее «по-новому» может стать хорошим подспорьем для знакомства

с современной российской драмой. Атрибутивной чертой произведений для театра, созданных в России в конце XX – начале XXI в., является интертекстуальность, причем главным источником для игрового заимствования стала русская классика: в новейшей драме можно обнаружить цитаты, образы, «маркеры» стиля и концепты самых разных авторов 19 столетия, часто в весьма неожиданном сочетании.

Следовательно, анализ новейших драматургических произведений можно построить на «опознании» в этих текстах известных иностранным студентам образов и осмыслении принципов их трансформации и рекомбинации. Обнаружение в тексте известных литературных феноменов на микро- и/или макроуровне представляет произведение как в чем-то знакомое реципиенту, формирует позитивное отношение иностранца к новому тексту¹. Интертекстуальные образы, узнаваемые читателем-инофоном, облегчают объяснение тех «литературных фактов», которые ему неизвестны, посредством встраивания в уже существующую систему представлений о русской культуре. И самое главное: такой подход изначально задает диалогизм рецепции, представляет современную российскую драму как существующую в напряженном взаимодействии с русской литературой в целом, стремящуюся создать свой образ мира и человека путем переосмысления его предшествующих версий.

В статье мы рассмотрим несколько произведений, представляющих собой разные варианты игры с классическими «первоисточниками».

Драматург Василий Сигарев назвал свою пьесу «Метель» (1999)²: данная номинация идентична заглавию одной из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», написанных А.С. Пушкиным, в силу чего адресует нас к этому произведению. Сопоставление хромотопа, системы персонажей и набора ключевых событий неизбежно приведет читателя к выводу о близости друг другу двух этих сочинений. Обнаруженное сходство литературного «материала» позволяет поставить реципиента-инофона перед дилеммой: как расценивать драму Сигарева – как самостоятельное произведение или сценарную версию пушкинской повести? Данный вопрос становится началом более пристального анализа пьесы.

¹ В плане методологии отметим, что выявление интертекстуальных образов не предполагает особых процедур и осуществляется в процессе анализа произведения.

² Все цитаты из пьесы В. Сигарева даются по: Сигарев В.В. Метель // <http://vsigarev.ru/doc/metel.html>.

Стоит обратить внимание студента на то, что объектом литературной игры в данном случае является эпический текст. В нем речь героев представлена в минимальном количестве, что дает свободу драматургу при изложении событий от лица персонажей: в драматическом произведении большая часть текста создана Сигаревым. Принципы изображения человека и мира в повести Пушкина основываются на иронии над романтическими канонами и даже отчасти на пародировании таковых¹. Ирония проявляется и в том, как Пушкин трансформирует культовый сюжетный мотив романтизма – побег из мира (в варианте бегства романтической героини из дома родителей вместе с возлюбленным), и в иронии над романтическими штампами при изображении героев и событий. Подчеркивается или известность сообщаемых обстоятельств читателю – в силу избитости данных черт персонажей и сюжетных ходов², либо же комическое несоответствие эмблемных предметных деталей, столь любимых романтиками, изображенной ситуации³. Ироническая модальность раскрывает несостоятельность романтического мироощущения – как героев, так и читателя. Последнему демонстрируется, чем оборачивается романтическая иллюзия при попытке воплотить ее в жизнь – и как сама действительность может быть полна поистине мистических коллизий, которые свежи и убедительны, а тем самым сильнее воздействуют на читательское воображение, чем романтически шаблоны.

Василий Сигарев предлагает читателю осмыслить изображенные события и персонажей с иной позиции. Определить ее изначально реципиенту весьма сложно: очевидно, что Сигарев «реабилитирует» персонажей классика, изображая их искренне любящими, а не действующими в соответствии с книжными романтическими образцами. Поэтому Марья Гавриловна, которую он называет Маша, искренне страдает из-за того, что ее родители не готовы принять Владимира

¹ Например, разные характеристики Марьи Гавриловны сведены в предложении как однородные прилагательные, ибо для романтизма это дежурный набор черт героини: «Марья Гавриловна стройная, бледная и семнадцатилетняя девица» (5, с. 968).

² «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и, следовательно, была влюблена» (5, с. 969); «Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать» (5, с. 969); «Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны» (5, с. 969).

³ Так, в момент весьма драматический – при сочинении прощального письма родителям, расставание с которыми – трагедия для Марьи Гавриловны, она пользуется «тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью...» (5, с. 969).

Николаевича в качестве жениха. Несколько измененная сюжетная ситуация показывает, что герои в безвыходном положении: их побег – это шаг отчаяния¹. Они, в отличие от персонажей Пушкина, не рассматривают его как непродолжительное приключение, которое закончится покаянием перед старшим поколением и возвращением к былой гармонии в отношениях с ним.

Драма показывает происходящее изнутри – в восприятии персонажа, чем Сигарев пользуется сполна: трагизм страданий героини продемонстрирован со всей силой таланта, которым наделен современный автор. В «Метели» Сигарева представлен ролевой романтизированный взгляд на любовь, побег, тайное венчание и пр., но он отделен от главной героини и передан иной даме, обозначенной инициалами К.И.Т. Естественно, что этот образ оттеняет образ Маши, еще более возвышая героиню в глазах читателя. Наконец, так как именно Маша оказывается главной страдающей персоной, на ней и сконцентрировано все внимание: то, что у Пушкина составляет главный элемент развития действия и предшествует первой кульминации (блуждание Владимира Николаевича во время метели), в пьесе отсутствует. Тем достигается большая композиционная целостность произведения – о драматичной судьбе девушки. Анализ позволяет увидеть серьезные изменения в образах героев, их интенциях, структуре сюжета в пьесе В. Сигарева по сравнению с классическим первоисточником.

Сигарев почти не использует цитаты из «Метели» Пушкина: отдельные заимствованные выражения, обозначающие связь современного текста с классическим, встречаются лишь в речи К.И.Т, мыслящей «романтично»². Только в финале он приведет речь Бурмина без изменений, так как в этот момент герой говорит искренне. Обратим внимание, что фразы Марьи Гавриловны Сигарев изменяет, так как у Пушкина героиня к тому моменту играет свою роль согласно романтическим канонам³.

¹ Владимир через три дня должен отправиться на службу, что разлучит героев навсегда.

² Например, «...разве грех – клясться друг другу в вечной любви и верности. Разве грех – немочь от чувств, видясь со своим избранником наедине в сосновой роще или у старой часовни. Это счастье, моя милая!»

³ «...Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, – сказал Бурмин, – я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову еще ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux...)» (5, с. 973).

В итоге же финал пьесы В. Сигарева не менее эффектен, чем развязка в произведении Пушкина: но если при чтении классика мы воспринимаем все произошедшее как разрешение некоего казуса, то здесь – как вознаграждение за страдания и, как озвучивает автор, милость рока. Казалось бы, все это должно вызывать читательское сочувствие героям Сигарева, даже более искреннее и сильное, чем персонажам пушкинской повести.

Однако обратимся к авторскому паратексту в пьесе: появляющийся в финальной ремарке образ судьбы, высших сил, восстанавливающих гармонию в жизни героев, едва ли может быть воспринят эрудированным читателем серьезно – как достоверный, а не условно-литературный. Остальные образы в этой ремарке тоже могут быть оценены не иначе как литературные штампы: «И в это мгновение ангелы заплакали на небе от счастья. И пошел дождь...». В авторском слове (здесь, а также в начальной ремарке, которую рекомендуем напомнить студенту-инофону) мотив судьбы нарочито подчеркивается – в речевой формуле, стилизованной под литературную речь XVIII – начала XIX в.¹ Усиливается такое впечатление благодаря использованию в ремарках принципов поэтической речи: фраза «Эх, судьба, судьба, судьба!» повторяется несколько раз, становясь рефреном. Она обрамляет пафосные размышления, изложенные все тем же возвышенно-поэтическим слогом. Образный ряд и особенности стилистики приводят к выводу: авторская позиция в пьесе ролевая. Он имитирует в своей речи манеру иных сочинителей, причем не Пушкина – а как раз романтиков.

Стилизованность и даже пародийность (в силу утрирования черт имитируемой поэтики) иных ремарок в пьесе Сигарева тоже сложно не заметить: описание церкви имитирует стилистику готических романов², она же ощутима в гиперболизации образа метели³. Автор вво-

¹ Состоящей из междометия и эмоционального повтора ключевого слова: «Эх, судьба, судьба, судьба!»

² Знаковые детали здесь: «...по углам горят несколько жалких свечей. Их пламя, временами изгибающееся под мертвым дыханием сквозняков, озаряет блаженные лики святых, которые сделались какими-то странными от этого убого света...». Потом «...ворвавшийся из дверей порыв ветра тушит одну из свечей. Становится еще темнее...». В момент венчания «...тени выплывают на стенах какие-то шаманские танцы, словно души мертвецов, которых когда-то отпели в этих самых стенах».

³ Которая «все кричит и кричит, словно роженица, явившая в руки повитухи мертвеца»; далее «вой <ветра> еще более страшный, еще более душераздирающий», наконец, «метель все орет и орет, как животное после неточного удара мясника».

дит в ремарки имена персонажей¹ или описания предметных деталей, адресующие внимательного читателя к иным текстам².

Столь искренне пережитую и изложенную героями историю автор в своем слове декорирует литературной «мишурой», поэтому задаваемая речевыми партиями персонажей инерция читательского восприятия при чтении ремарок разрушается. Формирующаяся в итоге рецепция произведения дихотомична: сочувствие персонажам не исчезло окончательно, его «послевкусие» сохранено – и вместе с тем принять показанную историю как заслуживающую серьезного восприятия, отражающую ценностную позицию автора невозможно.

В пьесе Сигарева достигается тот же художественный эффект, что и у классика, – ирония над литературностью. Но современный автор демонстрирует, как можно создать более изощренный – постмодернистский – вариант иронии, объектом которого в равной степени становятся и очевидная стилизация, и «аутентичное» слово героев, выражающее их искренние чувства и интенции.

Пьеса «Русское варенье», созданная Людмилой Улицкой в 2003 г., соотносима с эстетикой и проблематикой драматургии А.П. Чехова. Прежде всего нужно помочь увидеть студентам-иностранцам параллели с комедией «Вишневый сад». На связь между произведениями указывает заглавие современной драмы – именно из вишни будут варить герои варенье³. Сопоставление названий Чехова и Улицкой позволяет обнаружить различие позиций этих авторов. В иностранной аудитории следует прокомментировать: чеховское заглавие поэтично, образ вишневого сада символизирует красоту «старого мира» и вызывает сочувствие автора и читателя, то есть формирует лирическую модальность. Словосочетание «русское варенье» таких коннотаций лишено, напротив, может интерпретироваться как сниженный, «гастрономический» аналог вишневого сада.

Коллизия чеховской драмы в пьесе Улицкой перенесена в современную нам эпоху: действие разворачивается в «усадьбе» XX в. – герои живут в дачном поселке Академии наук под Москвой. Старшее поколение персонажей представляет собой элиту недавнего советско-

¹ При описании церкви упоминается образ брата Лоренцо из «Ромео и Джульетты» В. Шекспира.

² В ремарке в начале 2-го действия при описании шкафа Маши среди другой одежды называется и «шляфрок на вате» (1). Этот образ – реминисценция из пушкинского романа «Евгений Онегин»: такую же одежду носила мама Татьяны Лариной.

³ Правда, и эта ягода ими покупается, так как собственный сад персонажей засох окончательно.

го прошлого – ученых, которые теперь уже не вписываются в жизнь. Пришло время других героев – успеха добиваются сын Натальи Ивановны, коммерсант, и его жена, под псевдонимом Евдокия Калугина сочиняющая женские романы. Герои не хотят потерять свою дачу (отказываются продавать ее целиком или делить на более мелкие дачные участки), но по ходу действия все более очевидным становится, что этот итог неизбежен.

При сходстве сюжетов едва ли получится последовательно соотнести систему персонажей в пьесе Улицкой с героями только «Вишневого сада». Конечно, в некоторых героях «прототипы» из этой пьесы Чехова узнаваемы: Андрей Иванович похож на Гаева своей непрактичностью и любовью к риторизмам¹. Константин симметричен Пете; Семен Золотые Руки – современный аналог плебея и хама Яши. Имя одной из дочерей Натальи Ивановны – Варвара, эта героиня отличается набожностью. Однако у Натальи Ивановны есть и еще две дочери, которые в одной из ремарок называются «три сестры» (3, 189); напоминая о другой пьесе Чехова. Их, как и героинь классика, не устраивает насущная жизнь, они рассматривают как идеальное пространство далекий город (уже не Москву, она героям доступна, а Париж, Амстердам и пр.). Ряд героинь – Наталья Ивановна², Марья Яковлевна³ – говорят о своем жертвенном труде ради счастья других, в связи с чем могут быть сопоставлены с персонажами пьесы «Дядя Ваня».

В связи с этими героями в пьесу введен объемный набор концептов из чеховского творчества. Прежде всего, конечно же, идея несовпадения эпохи и мировоззрения человека: невозможности жить по-старому (старый дом разрушается, жить в нем так, как это было прежде, более нельзя) – и одновременно с этим ущербности новых моделей поведения и идеалов. В речи ряда героев звучит идеализация

¹ Герой формулирует лишь один тезис «Русский человек любит прикидываться дурачком...» (3, с. 102), который повторяет несколько раз почти дословно.

² «Наталья Ивановна: (садится, закрыв лицо руками). Почему я? Почему обо всем должна я? Господи, если бы ты знал, как я устала. Всю жизнь я работаю как ломовая лошадь. Не покладая рук. С семнадцати лет, без единого дня отдыха... Бедный графинчик...» (3, с. 79).

³ «Марья Яковлевна: ...я тридцать лет с вами живу ради моего брата! Уже пятнадцать лет, как он ушел от нас, а я все живу с вами... в память Николая... Я стала домработницей! Я потеряла профессию, я не выслужила пенсию... всю жизнь я служу вашей семье...» (3, с. 99).

и даже героизация прошлого¹, при этом они говорят, что жизнь прошла зря. Персонажи не замечают движение времени² – или ощущают его быстротечность³. Наталья Ивановна является апологетом постоянного труда⁴, в то время как Ростислав излагает альтернативный идеал: «Хватит работать! Пора отдыхать! Пришло время отдыхать!» (3, с. 190). Одни герои мечтают о культурных столицах мира – другие говорят о том, чтобы уехать в провинцию⁵.

Пестрота обсуждаемых тем позволяет утверждать: в «русском варенье» смешан весь Чехов. При этом Улицкая не предлагает собственную интерпретацию, которая была бы радикально отличной от чеховской, ни одного из концептов. Современного автора привлекает другое: предметом игровой трансформации становится художественная техника А.П. Чехова. Улицкая пользуется чеховскими принципами изображения мира и человека, но педалировано и даже агрессивно. Катастрофичность мира в ее пьесе значительно усилена: у Улицкой герои не просто не могут себя финансово обеспечить, чтобы сохранить родовое гнездо. Их дом в аварийном состоянии, ощущение того, что он скоро развалится, последовательно нагнетается: пол в нескольких местах прогнул, свет регулярно отключается, засоряется уборная, потом перестает поступать вода и т. д. В итоге герои живут едва ли не на улице, варят варенье на костре – и все равно продолжа-

¹ Наталья Ивановна, в частности, говорит о генеалогическом древе их семьи, находя родство с историческими личностями – политиками и творческими деятелями; герои готовят блюда по старинным рецептам из книги Молоховец, причем меры весов и стоимости, указанные в этой книге, в силу их архаичности персонажи понять не в состоянии.

² «Наталья Ивановна: Валентина Никитична? Так отдайте ей. И почему молочнице нужны доллары? Впрочем, она милая старушка. Отдайте ей ее доллары... Марья Яковлевна: Наталья Ивановна! Валентина Никитична, милая старушка, восемь лет как умерла. Давно уже другая молочница ходит» (3, с. 100).

Этот диалог аллюзивно может быть соотнесен с репликой Гаева «А без тебя ...няня умерла» (6, с. 198) из «Вишневого сада».

³ «Андрей Иванович: (вздыхает). Недавно Рождество было, а уже Пасха...» (3, с. 81).

⁴ «Наталья Ивановна: Когда папа получил Сталинскую премию, он даже не знал, что за нее полагается сто тысяч рублей! Потому что Лепехины всегда были работники – отец, дед, прадед! Все трудились от зари до зари. А теперь... я живу в семье, где никто не хочет трудиться. Один Ростислав трудится. А девочки... Одна молится, вторая принимает позы... А Лизочка совсем не занимается... Как она сессию сдаст?» (3, с. 90).

⁵ «Варвара: В Москве вообще невозможно жить... Ты помнишь, какая прелесть была наша Старая Басманная? Во дворе огромные липы... А теперь из одного окна стройка, из другого этот кошмарный дом с новыми русскими... Нет. Я бы поехала куда-нибудь в провинцию, в старый русский город... Где люди неиспорченные... куда не добралась вся эта мерзость...» (3, с. 98).

ют утверждать, что покинуть место, где жили их предки, невозможно. Образ кризисного мира явно гиперболизирован и тяготеет к тому, чтобы стать гротескным. Улицкая находит эффектный прием, отражающий процесс сокращения жизненного пространства героев: в тех местах, где сгнил пол или по каким-то иным причинам ходить уже нельзя, герои ставят стулья, переворачивая их вверх ногами. Пространство все более заполняется такими импровизированными баррикадами¹.

Выявляя эти особенности изображенного мира в пьесе, мы помогаем студенту-инофону понять креативную интенцию автора современной пьесы: Улицкая утрирует чеховскую поэтику намеков и отказывается от их иносказательности. Так, в «Вишневом саде» Раневская старается не замечать того, что приближается день торгов, и лишь однажды проговаривается: «Я все жду чего-то, как будто над нами должен обвалиться дом» (6, с. 219). У Чехова эта фраза предельно значима, ибо она отражает скрытое беспокойство героини. Персонажи «Русского варенья» говорят о том, что дом вибрирует (а следовательно, может рухнуть), неоднократно. И в финале дача героев действительно проваливается под землю. То, что у Антона Павловича имело метафорический и весьма утонченный смысл, здесь реализуется буквально и становится бурлескным воплощением чеховского приема.

Персонажи и отношения между ними изображены тоже, казалось бы, «по-чеховски», а фактически – иначе. В «Русском варенье» все они номинально – единая семья (за исключением Семена Золотые Руки). Однако душевности в отношениях между персонажами нет. Пьеса заканчивается «happy endom» – сын Натальи Ивановны Ростислав перевозит героев в новый, комфортный дом. Но делает он это не из любви к близким, а прежде всего потому, что на месте их дачи строит развлекательный центр, то есть планирует получить от этого экономическую выгоду. Образ Ростислава, облагодетельствовавшего близких без любви к ним, оказывается сниженным по отношению к чеховскому Лопухину: тот был крепостным у отца Раневской, но при этом заявляет: «...я забыл все и люблю вас, как родную... больше, чем родную» (6, с. 204). Вследствие этого исчезает конфликт

¹ «Марья Яковлевна переворачивает стул и ставит его на опасное место ножками вверх. Теперь имеется три перевернутых стула, остальные девять вокруг большого стола» (3, с. 87).

«Марья Яковлевна: (берет стул). Я пока поставлю возле уборной, чтоб не пользовались» (3, с. 87).

в душе персонажа, который был у Лопухина, – между самовозвеличиванием и состраданием Раневской. В свою очередь, сочувствия автора данный образ не вызывает – утрачивается лирическое начало. Снимается такой системой персонажей и сюжетный мотив несчастной любви, непонимания и несовпадения запросов людей (Лопухин и Варя у Чехова), что также приводит к минимизации сострадания автора героям, являющегося «фирменной» чертой чеховской манеры.

Наконец, очевидно парадоксальным и вместе с тем бурлескным по отношению к «прототипу» из чеховского произведения выступает образ кошки: именно так представляет в «Русском варенье» Л. Улицкая Фирса. В «Вишневом саде» Фирс первым среди героев произносит слово «недотепа». Он повторяет его несколько раз, но персонажи эту характеристику с собой не соотносят, тем самым Фирса не слышат. В пьесе Улицкой кошку героям не заметить не удастся, ее настойчивые крики всех раздражают. У Чехова функция образа Фирса – донести информацию до читателя/зрителя, слово «недотепа» можно рассматривать как одно из средств выражения авторской оценки героев. В пьесе Улицкой данная задача реализована быть не может¹; кажущееся усиление образа в итоге оборачивается его пародированием и приводит к утрате им своей прежней функции.

Соотнеся тематику соседствующих в «Русском варенье» реплик, произнесенных разными персонажами, читатель-инофон увидит, что текст пьесы Л.Е. Улицкой строится на основании тех же принципов, что и драмы А.П. Чехова. «Русское варенье» изобилует диалогами, лишь номинально являющимися таковыми: реплики разных героев в них содержательно не связаны друг с другом². В речи большинства персонажей регулярно осуществляются тематические скачки от обсуждения частных проблем, комментариев актуальной ситуации

¹ Мяуканье кошки читатель/зритель не может понять так же, как и герои пьесы.

² «Марья Яковлевна: Совершенно нервы расстроены... Вава переутомлена... И потом, она же совершенно ничего не ест. Весь пост она совершенно ничего не ест! Ужас какой-то!

Андрей Иванович: Я же говорю – русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей.

Константин: Сосредоточь внимание между бровями, и пусть ум будет прежде мысли» (3, с. 107).

«Наталья Ивановна: У Вавы с отцом были близкие отношения, они были очень дружны...

Марья Яковлевна: Он был настоящий коммунист и свято в это верил...

Лиза: Вава у нас тоже свято верит.

Андрей Иванович: Каша-то пригорела» (3, с. 109).

к «философским» рассуждениям о глобальных вопросах – и обратно¹. Внутренняя алогичность высказываний используется Улицкой, как и драматургом-предшественником, в качестве средства создания комического эффекта и экспликации «недотепистости» персонажей. «По-чеховски» Улицкая дискредитирует проникновенные высказывания героев – звуковым антуражем, сопровождающим их². Но нет чеховской «деликатности» в использовании всех этих приемов. Они реализуются в пьесе нарочито: чтобы подчеркнуть отсутствие взаимопонимания между героями, Улицкая заставляет их не только отвечать друг другу невпопад, но и говорить одновременно, перекрикивая друг друга. Ассортимент звуков и шумов в пьесе для чеховской стилистики совершенно избыточен³. Все это меняет качество комизма – он огрубляется.

В «Русском варенье» можно обнаружить богатый арсенал «фирменных» приемов Чехова, представлены многие образы из его произведений. Однако создаваемый при помощи всего этого инструментария мир в пьесе Л.Е. Улицкой на образ действительности в драмах А.П. Чехова не похож. Нарочитое использование чеховской техники, стремление усилить и заострить производимый ею эффект оборачивается ее пародированием. Образы в силу своей гиперболичности и даже гротескности оказываются ближе не чеховским, а, как ни парадоксально это звучит, совсем иным по эстетическим качествам – гоголевским. То, что Улицкая ориентируется и на поэтику Николая Василье-

¹ «Наталья Ивановна: Папа был святой человек. В своем роде... Графинчика жалко» (3, с. 81).

² В «Русском варенье»: «Наталья Ивановна: Прости, Дюдя! Минута слабости... Но ты ведь старший... Старший брат. Кому еще я могу пожаловаться? Подумай, еще недавно мы были дети, бегали в саду. Качались на качелях. Помнишь, ты меня раскачал так, что качели «солнышко» сделали...

Раздается ритмичный скрип раскладушки и стоны» (3, с. 79).

В «Вишневом саде»: «Шарлотта (в раздумье). ...А откуда я и кто я - не знаю... Кто мои родители, может, они не венчались... не знаю. (Достает из кармана огурец и ест.) Ничего не знаю» (6, с. 208).

³ «У спектакля разнообразная и сложная звуковая партитура, которая в идеале доходит до симфонизма. Составляющие партитуры – треск пишущей машинки, на которой печатает Наталья Ивановна, компьютерная музыка, производимая Константином, а впоследствии, когда компьютер окончательно ломается, грохот ударной установки, подозрительный скрип раскладушки, временами доходящий до неприличия, мяуканье кошки, которая жаждет любви, вибрация отбойного молотка, дребезг разбиваемой посуды и прочие шумы домашнего обихода – спускаемой воды в туалете, падения предметов, колокольный звон из близлежащего монастыря, звонки телефонов – главным образом, Лизиного мобильного и, наконец, визг тормозов и рев бульдозеров. Естественно, все эти шумы не заглушают речи» (3, с. 75).

вича Гоголя, подтверждает использование в пьесе художественных «ноу-хау» этого автора. Самый яркий пример – предложение в конце пьесы прибегнуть к «цветовому удару»¹. По своему шокирующему воздействию на зрителя он должен быть похож на немую финальную сцену из «Ревизора». В результате в пьесе современного автора оказываются сплетены творческие манеры драматургов-классиков, которые, кажется, невозможно соединить – в силу разнородности этих манер.

Пьеса «Смерть Ильи Ильича», написанная Михаилом Угаровым в 2000 г., представляет собой иной вариант взаимодействия современной драмы с классикой.

Интертекстуальный фон в пьесе широк: упоминается Фридрих Шиллер, представленный как полковой врач, давший начало чуть ли не фрейдизму, «голядка» Ф.М. Достоевского, тезис Ницше «Бог умер», процитирован словесный портрет одного из героев, Печорина. Все они – маркеры того культурного слоя, с которым играет Угаров.

В заголовочном комплексе содержится аллюзия на произведения двух авторов XIX в., на которые более всего надо обратить внимание при анализе этой пьесы: роман И.А. Гончарова «Обломов» (в заглавие вынесено имя главного героя, Ильи Ильича Обломова), и повесть «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого.

С романом Гончарова пьесу связывает многое: из этого источника Угаров берет почти всех персонажей, сюжет и даже немалую часть текста. Формула, заимствованная из названия толстовского произведения, помогает обозначить вектор переосмысления Угаровым жизни Ильи Ильича: современный драматург представляет существование Обломова как обрекающее героя на смерть. Поддерживает такую интерпретацию и эпиграф к пьесе: в этом качестве используется цитата из романа Гончарова – диагноз врача о том, что Обломов болен и в силу этого должен отказаться от «ежедневного хождения в должность»².

От других драм пьесу Угарова отличает то, что в ней предельно высока доля чужого слова – колоссальное количество точных цитат из романа Гончарова. Ключевой принцип трансформации классики в драме Угарова близок парафразу: при том, что воспроизведена узнаваемая последовательность событий из классического романа, более того, она загнана в «прокрустово ложе» знакомого эрудированно-

¹ «В последней сцене возможен цветовой удар, как в современной дискотеке» (3, с. 75).

² Все цитаты из пьесы М. Угарова даются по: Угаров М.Ю. Смерть Ильи Ильича // http://www.theatre-library.ru/files/u/ugarov/ugarov_3.html.

му читателю классического текста, Угарову удастся представить иной образ героя.

В процессе чтения пьесы мы постоянно опознаем те или иные фрагменты текста из романа Гончарова: у нас возникают определенные ожидания – в связи с тем, что мы знаем «классическое» продолжение этих фрагментов. Но в пьесе продолжение оказывается иным, досочиненным Угаровым. «Ортодоксальный» образ Обломова (и других персонажей) постоянно актуализируется в нашем сознании – и столь же регулярно трансформируется. Чтобы понять все это, необходимо предложить иностранным студентам для сопоставления фрагменты из пьесы Угарова и из романа Гончарова. Например, диалог со Штольцем, в процессе которого Обломов и в романе Гончарова, и в пьесе Угарова разражается пафосным монологом о бессмысленном увлечении людей глобальными мировыми проблемами – и забвении близких. Нетрудно заметить, что в пьесе Обломов приводит много более конкретные и звучащие отчасти даже странно аргументы¹.

Дописанные Угаровым продолжения реплик героев комичны, тем самым радикально меняют образы персонажей. По рудиментам гончаровского текста у читателя формируется мнение об Илье Ильиче как о человеке серьезном, склонном к философствованию. Фразы, которыми наделяет героя Угаров, представляют его как эксцентрика, ведущего себя не всегда адекватно (почему он и считается в пьесе душевнобольным). Так, беседуя с Ольгой, герой посредством слов из романа Гончарова раскрывается как способный на сильные чувства, а буквально в следующей реплике, сочиненной Угаровым, предстает ребенком². Характеризуя героиню, сначала Обломов упоминает

¹ У И.А. Гончарова: «Рассуждают, соображают вкривь и вкось, а самим скучно – не занимает это их; сквозь эти крики виден непробудный сон! Это им постороннее; они не в своей шапке ходят. Дела-то своего нет, они и разбросались на все стороны, не направились ни на что. Под этой всеобъемлемостью кроется пустота, отсутствие симпатии ко всему!» (4, с. 41).

У М. Угарова: «Обломов: А у самого дочь куксится, в девках засиделась... Сын не учен, галок гоняет... У жены зоб, а ее лечат кумысом... И это ему – ничто! Где жена? Где сын и дочь? Ему депутат роднее родного, и восточный вопрос!»

² «Обломов: Постойте минуточку! Мне стыдно. Поверьте, это вырвалось невольно. Я не смог удержаться. Я сам теперь жалею! Бог знает что дал бы, чтоб воротить глупое слово. Забудьте! Тем более, что это – неправда.

Ольга: Неправда? Что неправда?

Обломов: Уверю вас, это только минутное. От музыки.

Ольга: Все же я пойду. Ма tante ждет.

Обломов: Вы в салочки играете? Или в пятнашки? Это очень просто, я вас мигом научу. Хотите, сейчас и начнем? А лучше – в жмурики! У вас платок есть?

портретную деталь, придуманную Гончаровым, которая раскрывает психологию героини и представляет Илью Ильича как весьма пронизательного человека. Угаров обогащает эти наблюдения Обломова иными, которые могут вызвать у читателя только улыбку¹.

В созданных Угаровым фрагментах текста изменена и речевая манера Обломова: в отличие от пространных высказываний Ильи Ильича, заимствованных из гончаровского романа, здесь речь героя состоит из простых и лаконичных предложений. Данные синтаксические особенности речи не обусловлены содержанием, напротив, дезавуируют его, превращая реплику в своего рода речевую игру². Меняется темпоритмика речи: Илья Ильич у Угарова может говорить быстро, импульсивно.

В итоге образ главного героя в пьесе становится «мерцающим»: он постоянно трансформируется из серьезного человека в клоуна, из здравомыслящего – в реагирующего неадекватно. На наш взгляд, цель такого варьирования – сделать классический текст не утомительно назидательным, а вызывающим юмористическую улыбку. Но посредством этого выразить и новый авторский взгляд на жизнь Ильи Ильича: вместо социальной трактовки, данной в романе Гончарова в слове «обломовщина», Угаров предлагает осмыслить Обломова онтологически. Современному автору этот герой кажется нежизнеспособным по причине того, что пытается сохранить себя как человека, не размениваясь на разные социальные роли. Поэтому в пьесе номинация болезни Ильи Ильича звучит по-латыни «TOTUS», то есть «целый человек». Невозможность такого образа жизни в современном мире, где все увлечены сиюминутными проблемами, обрекает героя на смерть. Сквозь веселость проступает драма, вполне серьезная, рождающая у читателя даже ощущение жертвенности героя.

Ольга: Платок?

Обломов: Как же! Без платка нельзя. А то будете подглядывать – я вас знаю!»

¹ «Обломов: (*смутившись*). Какова? Ах ты Господи, не сказать. У ней одна бровь никогда не лежит прямо, а все немного поднявшись. И не нащипана пальцем в ниточку. Нос выпуклый, губы ровные. Росту среднего. Кушает с аппетитом. А как в пятнашки играет, как увертывается! А догнав, пятнает по спине довольно сильно».

² «Обломов: Я очень болен.

Аркадий: И что же у вас болит?

Обломов: Желудок почти не варит. Под ложечкой тяжесть. Изжога замучила. Ноги отекают. Ячмени пошли. То на левом глазу, то на правом. В сердце отверделость. Дыханье тяжело. А то вдруг ни с того ни с сего начнет коробить и трясти. Вчера вот губа вдруг раздулась? Муха, наверное, укусила. По ночам кашель. Особенно когда поужинаю...».

Изложенные в нашей статье наблюдения далеко не исчерпывают варианты взаимодействия предшествующей и современной драмы, хотя и позволяют обнаружить доминантный вектор «игры с классикой», носящий пародийный характер. Интертекстуальность новейших произведений для театра становится тем методическим ключом, который позволяет продуктивно изучать эти тексты в курсе РКИ – через привлечение знакомых иностранцам классических «первоисточников».

Список литературы

1. Сигарев В.В. Метель // <http://vsigarev.ru/doc/metel.html>.
2. Угаров М.Ю. Смерть Ильи Ильича // http://theatre-library.ru/files/u/ugarov/ugarov_3.html.
3. Улицкая Л.Е. Русское варенье // Улицкая Л.Е. Русское варенье и другое. – М.: Эксмо-пресс, 2008. – С. 75–190.
4. Гончаров И.А. Обломов. – М.: Эксмо-пресс, 2008.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2008.
6. Чехов А.П. Вишневый сад // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 13: пьесы 1895–1904. – М.: Наука, 1986. – С. 195–254.
7. Автономова Н.С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 7–107.
8. Алистов С. Цитата в системе художественного текста // Литература. – 1998. – № 12.
9. Вербицкая М.В. К обоснованию теории «вторичных текстов» // Филологические науки. – 1989. – № 1.
10. Владимирова Н.Г. Категория интертекстуальности в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI века. – М., 1998.
11. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам: Текст в тексте. – Тарту, 1991. – Вып. XIV.
12. Тынянов Ю.Н. О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.

Квест как технология реализации коммуникативного метода обучения русскому языку как иностранному

Кочерова Анастасия Викторовна

магистрант направления «Практическая психология в образовательных организациях» кафедры социальной психологии Института психолого-педагогического образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

г. Красноярск

Горбачева Диана Витальевна

направление «Педагогическое образование с двумя профилями: русский и иностранный (английский)» кафедры теории русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

г. Ростов-на-Дону

Русский язык входит в список официальных языков ООН и ЮНЕСКО, во многих странах бывшего СССР он все еще имеет статус второго государственного языка. Россия – один из центров, где приток иностранных граждан увеличивается с каждым годом. В миграции в Сибирский регион увеличивается доля выходцев из стран Центральной и Средней Азии [1].

С января по август 2016 г. население Красноярского края увеличилось на 3 855 человек. Увеличение численности происходит за счет притока мигрантов из государств Средней Азии и Кавказа: «из Таджикистана 1061 человек, Казахстана – 424 человека, Узбекистана – 162 человека, Киргизии – 448 человек; Азербайджана – 418 человек, Армении – 345 человек)», а также идет приток мигрантов из Украины (1 050 человек) [2].

Интересно, что в другом наблюдаемом нами регионе, Ростовской области, присутствует приток мигрантов тех же национальностей. По данным официального портала городской Думы и Администрации города Ростова-на-Дону, «больше всего иностранцев прибывает из Украины (35,6 %), Армении (18,7 %), Узбекистана (9,6 %) и Таджикистана (7 %)» [3].

Соавторы данного исследования ставят перед собой цель разработать образовательный квест по РКИ как технологию, применимую в каждом из регионов исследователей: в Красноярском крае и в Ростовской области. Объектом исследования являются образовательные

технологии коммуникативного подхода в обучении РКИ; предметом – образовательный квест для детей мигрантов, обучающихся в общеобразовательных школах.

Под квестом мы понимаем ограниченный территорией и временем формат игры, в котором основным игровым моментом является поиск предмета (локация, материальный объект, зашифрованный ответ), повторяемый участниками неоднократно по траектории, основанной на сменяющихся друг друга заданиях. Компоненты: тема, сюжет, правила, наличие локаций (территориальных или содержательных), задания, цель.

Д.В. Шлегель указывает, что школьники с РКИ, обучающиеся в красноярских школах, зачастую испытывают трудности в освоении образовательной программы не из-за низкого уровня способностей в целом, а из-за невысокого уровня владения русским языком [4]. Владение русским языком необходимо для формирования универсальных учебных действий и для следования заданному в школе темпу усвоения материала.

Для формирования таковых существуют различные методы обучения РКИ: грамматико-переводной, сознательно-сопоставительный, аудиолингвальный, аудиовизуальный, сознательно-практический и коммуникативный. Современные методисты отдают предпочтение последнему подходу обучения РКИ, поскольку общепризнанной целью изучения иностранных языков признали обучение коммуникации и развитие коммуникативных компетенций [5].

М.Н. Вятютнев в работе «Теория учебника русского языка как иностранного» так определяет понятие коммуникативной компетенции: «сознательное или интуитивное знание системы языка для построения грамматически и семантически правильных предложений» [6]. Он также утверждает, что общение, как и грамматический уровень языка, представляет собой систему, регулируемую социальными правилами. Это достаточно важное дополнение, поскольку позволяет рассматривать коммуникацию как структуру и разделить ее на такие элементы, как речевой акт и речевая ситуация.

У истоков коммуникативного метода стоит российский методист Е.И. Пассов. Он определяет сущность метода в создании и реализации модели естественного общения [5]. Одной из задач данного подхода является формирования вторичной языковой личности, способной не только грамотно формулировать высказывания на изучаемом языке, но и мыслить на нем.

Освоению образа мысли, образа действия во время той или иной речевой ситуации способствует игровой вариант образовательной си-

туации. Игровые методы для реализации коммуникативного подхода часто разрабатываются современными авторами: это и ролевая (Бирюкова) [7], и игровая (Гуляева) [2], и игра на основе литературного сюжета (Бакурова) [8].

Альтернативный игровой формат – это квест. Использование квестов в обучении языку пока описывается только иностранными авторами. Например, Фалтин Карлсен дает квесту характеристику структурной единицы игры, то есть подструктуры большого игрового пространства, а именно – конкретное действие, связанное с поиском чего-либо [9]. Также существует целый портал Quest Teaching, но при исследовании материалов портала мы понимаем, что квестом здесь обозначается довольно широкая область обучающих игр [10].

Мы же будем основываться на определении квеста как игры, имеющей тему, сюжет, правила, локации, задания, цель и в которой основным игровым моментом является поиск предмета. Опираясь на перечисленные компоненты квеста, разработаем теоретическую структурную схему квеста, на основе компонента «локации», а все остальные компоненты будут наполняться в различных вариациях.

В области РКИ квест способен создать условия для учащихся, в которых они смогли бы получить опыт решения базовых коммуникативных задач и погрузиться в культурную среду изучаемого языка. Лингво-культурологическая среда, погружение в которую и является задачей коммуникативного подхода, может быть воссоздана с помощью квеста. Актуальность такого квеста для детей мигрантов в подростковом возрасте основана на том, что образовательный продукт будет создаваться на базе красноярской молодежной лаборатории по созданию квестов Quest School, участниками которой являются подростки, а значит ровесники целевой аудитории. Теоретические обоснования каждой составляющей квеста описываются до начала его предметной разработки подростками и заключаются они в следующем:

А. Под «условиями» создаваемой среды имеются в виду речевые ситуации, в которых собственно и реализуется речевой акт.

Б. Речевая (коммуникативная) ситуация – структурная организация ситуации общения. Помимо присутствия адресата и адресанта при коммуникативном акте, необходимо наличие у собеседников интенции.

В. Формат квеста подразумевает передвижение по локациям, что обеспечит «переключение» из контекста в контекст, акцентируя внимание участников на характере той или иной ситуации, тем самым сильнее закрепляясь в памяти, позволяя провести четкое сопоставле-

ние поведенческого и речевого стереотипа и предложенной ситуации. Локации будут разграничены и территориально (находятся в разных комнатах), и формально (подразумевают различающиеся формы заданий), и содержательно.

Г. Такая организация речевой деятельности позволит приносить удовлетворение от каждого этапа, что является необходимым условием коммуникативного подхода.

Д. Наличие разных людей на каждой из локаций позволит командам коммуницировать с разными русскоязычными носителями.

Е. Прохождение каждой из пяти локаций подразумевает освоение одного из пяти актуальных для подростков аспектов использования русского языка: 1) интуитивное владение языком; 2) культурологический аспект; 3) преодоление языкового барьера; 4) использование речевых стереотипов; 5) интернет-аспект. Шестая локация не отличается формально от предыдущих, тот же игровой формат заданий. Однако она заключается в тренировке грамматических правил, а значит, не первостепенным является коммуникативный акт, он становится средством достижения цели.

Первая локация связана с развитием так называемого языкового чутья студентов. Общеизвестно, что довольно сложно воспринимать юмор, загадки на основе игры слов, каламбуры на иностранном языке. Для их понимания нужен опыт и практика. Поэтому на данной локации студентам будет необходимо решить задания следующего типа: 1. Раскройте смысл предложения «Заря подобна прилежному ученику: она каждое утро занимается»; «Из окна дуло. Штирлиц выстрелил. Дуло исчезло». 2. Отгадайте загадку: «Со стенки светит первый слог, наездник мчится на втором, а третий (кто б подумать мог?) в славянской азбуке найдем. А в целом неприятен он, его преследует закон». 3. Объясните, в чем юмор: «Змея из кожи вон лезла, чтобы линька прошла быстрее». Задания принимают различные формы и шифровки. В данном случае преимущественной является вербально-визуальная форма: использование изображений в качестве средства выполнения задания, данного вербально.

На второй локации участники квеста будут преодолевать языковой барьер, а именно страх перед коммуникацией на неродном языке, который, несомненно, во многом препятствует свободному освоению второго языка. На основе педагогической языковой практики мы пришли к выводу, что человек перестает стесняться говорить на иностранном языке, когда осознает, что его понимают, несмотря на все допущенные ошибки. Для решения данной проблемы мы предлагаем задание по типу

настольной игры Alias, где первостепенной задачей участников становится за определенный период времени объяснить как можно больше слов. Никто не станет снижать баллы за грамотность игрока, а каждое угаданное слово делает его речь более уверенной.

Третья локация имеет культурологическую направленность. Здесь участникам предстоит познакомиться с наиболее распространенными русскими поговорками, пословицами, идиомами и фразеологизмами. Заданием может быть изобразить имеющимися средствами идиому/пословицу/поговорку/фразеологизм так, чтобы команда участника смогла отгадать ее. В данном случае считаем преимуществом формат с использованием тактильных ощущений (использование атрибутики – например, шест длиной с «аршин» для фразеологизма «аршин проглотить»).

Четвертая локация знакомит участников квеста с наиболее часто используемыми речевыми клише. Они могут относиться к таким темам, как приветствие, знакомство, выражение мнений, эмоций и т. д. Здесь преобладающим является ролевой формат, освоение ролей по А.Б. Бирюковой [7].

Поскольку целевая аудитория состоит из подростков, то квест должен включать особенности речи носителей соответствующей возрастной группы. Поэтому пятая локация связана с сетевой коммуникацией, а именно как визуальными, так и вербальными мемами. Участникам может быть предложено соотнести текст с картинкой, на которой он должен быть, а также самостоятельно создать новый нестандартный мем, актуальный для их команды.

Для прохождения шестой локации студентам необходимо иметь теоретическую базу, поскольку заданием будет решить ребус, а ответом – название конечной станции. Например: вам предстоит разгадать слово. Первая буква – 3-я с конца буква алфавита; вторая – суффикс прошедшего времени глагола; третья – гласная в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения; четвертая и пятая – суффикс, под ударением при добавлении к основе глаголов совершенного вида образующий формы несовершенного вида глаголов первого спряжения; последние три буквы – корень слова “проторенная”.

Обозначенный формат квеста представляет собой структурированную по пяти аспектам схему, которую можно наполнять различной тематикой: от общеобразовательной и теме о культуре страны, до узконаправленной и интересующей конкретный школьный класс.

Апробация разработанной схемы и ее тематическое наполнение подростками в 2017 г. позволит провести наблюдения за эффективно-

стью подхода по нескольким критериям: а) осуществляется ли возможность погружения в актуальную культурную среду; б) успешно ли реализуется командный вид образовательной деятельности; в) насколько свободным является формат, а именно стимулирующим к свободному речевому действию; в) ведет ли к повышению уровня знания языка. Разработки могут быть использованы и в других регионах страны, в первую очередь, в Ростовской области.

Список литературы

1. Смирнова Т.Б. Этнические миграции в Сибири по данным статистики и неформальным наблюдениям // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2015. – № 1 (5). – С. 71–75.

2. Гуляева Н.П. Дифференциация условий жизни как фактор миграции // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы [Электронный ресурс]: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., 28–30 ноября 2016 г. – С. 322–325, с. 224–229.

3. Официальный портал городской Думы и Администрации города Ростова-на-Дону. Статья «Миграционная ситуация в Ростове-на-Дону остается стабильной» [Электронный ресурс]. – URL: <http://rostov-gorod.ru/index/news/32879/662580/>.

4. Шлегель Д.В. Особенности использования стратегий семантизации школьников-инофонов и русскоговорящих детей, обучающихся в одном образовательном пространстве // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы [Электронный ресурс]: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., 28–30 ноября 2016 г. – С. 322–325.

5. Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного, 2011. – 309 с.

6. Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного. Методические основы. – М.: Русский язык, 1984. – 144 с.

7. Бирюкова А.Б. Моделирование коммуникативно-речевых ситуаций при обучении русскому языку как иностранному в условиях неродной языковой среды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 4 (34): в 3 ч. Ч. III. – С. 34–37.

8. Бакурова О.К. Обучение русскому языку как иностранному на основе художественной литературы // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы [Электронный ресурс]: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., 28–30 ноября 2016 г. – С. 326–328.

9. Faltin Karlsen. Quests in Context: A Comparative Analysis of Discworld and World of Warcraft [Электронный ресурс] // Game Studies. – URL: https://vk.com/im?peers=c11_67562641_88203740_c24.

10. Quest teaching (interactive learning quests, book reviews, lesson plans, teacher tools and technology tips for teachers) [Электронный ресурс]. – URL: <http://questteaching.com/wordpress/about-quest-teaching/>.

Вопросы и проблемы языковой политики Красноярского края в отношении коренных малочисленных народов

Былкова Екатерина Сергеевна

направление «Международные отношения» исторического факультета
Томского государственного университета»

г. Томск

На территории Красноярского края проживает 8 коренных малочисленных народов Севера (КМНС) [1]. К ним относятся долганы, нганасаны, ненцы, кеты, селькупы, чулымцы, эвенки, энцы. Важно отметить, что на сегодняшний день представителей данных народов, соответственно, носителей данных языков становится меньше. Эта тенденция наблюдается по причине того, что традиционный образ жизни и уклад активно вытесняются, а в общеобразовательных школах национальные языки находятся в ущемленном положении по отношению к русскому. Какие факторы способствуют их вытеснению?

Во-первых, недостаточное количество педагогов, имеющих специальное лингвистическое образование; во-вторых, методики преподавания и материально-техническая база многих школ являются устаревшими; в-третьих, нельзя не сказать о негативном влиянии глобализационных процессов, из-за которых происходит постепенное вымирание целых языков. Помимо этого, официальное делопроизводство обычно ведется на русском языке.

Однако наиболее значимый фактор, под воздействием которого происходит снижение использования национальных языков – социально-экономическое положение и катастрофическая демографическая ситуация для коренных народов. По данным доклада «О проблемах реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края

в 2012 г.» [2] можно сделать вывод о том, что представители КМНС действительно нуждаются в комплексной помощи и поддержке. Отсутствие работы, высокие цены на продуктовые товары, отчужденность населения от результатов деятельности осваивающих промышленных компаний на территории Севера, общая социальная неустроенность большинства граждан побуждает их переезжать в города. Но это не решает проблему, ведь многие зачастую не имеют образования, не могут приспособиться к городской жизни, следовательно, возвращаются обратно.

Конечно, на региональном уровне существует специальная Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Красноярского края, которая занимается разработкой специальных документов, программ развития КМНС. На федеральном уровне подобную деятельность реализует Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНС и ДВ РФ); также время от времени обсуждается важность поддержки КМНС, поскольку в данном случае идет речь об исчезновении огромного культурного пласта, уникального уклада и традиций.

Но важно сказать, что многие решения, стратегии и программы часто оторваны от реальности и носят декларативный характер, тем самым выявляя несовершенства федерального и регионального законодательства. Переходя к конкретным проблемам, стоит отметить, что процесс языковой ассимиляции происходит из-за отхода коренного населения от традиционного образа жизни, являющегося основой и культуры, и языка. Таким образом, складывается ситуация, при которой оставшимися носителями того или иного языка остаются лишь пенсионеры и старожилы небольших сел и деревень.

Зачастую чиновники при разработке федерального законодательства в отношении КМНС неглубоко разбираются в проблемах граждан Севера, не обладают достаточными представлениями об их укладе и традициях, тем самым именно стереотипы и предрассудки приводят к принятию казусных и абсурдных решений.

Что касается регионального уровня, то в Красноярском крае проблемы языковой политики заключаются в следующих аспектах. Во-первых, фактически на языках КМНС обучение в настоящее время не осуществляется [3], хотя в 2010–2011 учебном году в системе школьного образования обучение велось на эвенкийском, энецком языках. Вместе с тем, по данным этого источника [3], в 2010–2011 учебном году из всех языков КМНС обучение велось лишь на долганском в г. Дудинке, но и оно в 2011–2012 учебном году прекратилось.

Обучения на нанайском и эвенском языках не ведется в школах уже несколько лет.

Во-вторых, новой инициативой правительства Красноярского края стало решение о создании лингвистических лагерей для школьников. Продолжительность пребывания в них, как правило, 3–4 недели, в это время дети погружаются в языковую среду, занимаются изучением национальной культуры, народных промыслов. Но проблема заключается в том, что в школах нет квалифицированных специалистов, методических материалов по интенсивному языковому обучению в полевых условиях. Определенные трудности заключаются в том, что большинство учебников имеют малый тираж и издавались еще в 1930-е гг. в СССР, когда ориентир был на учащихся, которые уже знают и активно используют свои родные языки. Помимо этих факторов, молодые специалисты из крупных городов не горят желанием ехать на Север из-за отсутствия инфраструктуры в этом районе, невысокой заработной платы за столь тяжелый труд в суровых климатических условиях.

В-третьих, подобная языковая ситуация в районах Крайнего Севера является следствием отсутствия постоянного финансирования, активного воздействия русского языка на всех уровнях, распространения средств массовой информации. Конечно же, самая главная причина постепенного вымирания языков КМНС имеет взаимосвязь с социально-экономическими факторами.

Из-за перечисленных причин снижается уровень образования учащихся, которым трудно впоследствии поступить в средние и высшие учебные заведения. Основная масса в дальнейшем становится безработной, криминализируется, социально деградирует. Таким образом, выстраивая ту или иную стратегию развития КМНС, следует понимать, что действительное сохранение и поддержание языкового и культурного разнообразия КМНС зависит от развития экономической инфраструктуры региона, с одной стороны, поскольку именно это оказывает влияние на благополучие как отдельных граждан, так и целых этносов, с другой стороны, только совместные усилия как носителей языков, так и представителей власти федерального и регионального уровней дадут положительный эффект.

Список литературы

1. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. – URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/.

2. Доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае «О проблемах реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края в 2012 году». – Красноярск, 2012. – 59 с.

3. Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. – 488 с.

Понимание русской культуры через стихотворение Б. Пастернака «Никого не будет в доме»

Сатива Гамбоа Хуан Себастьян

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Введение

Мне всегда нравилась русская культура, и, чтобы понимать лучше эту культуру, я начал учить язык, потому что самый яркий носитель культуры – это язык, но потом я не только захотел понимать эту культуру, но и чувствовать ее. И вот я начал смотрел фильмы и читать стихотворения, это все было уже год назад. Однажды я смотрел фильм «Ирония судьбы» и услышал песню «Никого не будет в доме». Оказалось, что эту песню все знали, и я нашел, что это не только песня, но и стихотворение Б. Пастернака. Я начал учить это стихотворение, надеясь найти некое русское чувство, которое могло бы помочь мне чувствовать себя как русский и, таким образом, говорить лучше.

Основная часть

Я проанализирую каждый параграф, освещающий идею или основные идеи, которые меня вдохновляют. В общем, стихотворение подчеркивает неизбежность и готовность принять неизбежное.

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме

Незадернутых гардин.

Эта часть стихотворения относится к уверенности, не означает что-то хорошее или плохое, это просто описание сценария, который известен и подтвержден на основе опыта, поскольку у всех людей есть сомнения, надежды и уверенность. Сомнения дают нам возможность, надежды дают нам мотивацию, но единственное, за что мы можем уцепиться, – это то, в чем мы уверены, и на этом мы строим нашу идею о мире.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк моховой,
Только крыши, снег, и, кроме
Крыш и снега, никого.

Отсутствие материализуется наличием снега. Компания, которую составляют крыши и снег, служит только для того, чтобы он знал об уединении, вот как уверенность питается окружающей средой, а белое место приравнивается к белому холсту, на котором никто не собирается рисовать.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

Когда элемент, внешний по отношению к нам, захватывает нашу основную человечность, мы идентифицируем ее как свою собственную. Повторение, привычки, кожа, которые решают быть одинаковыми каждой зимой, но меняются каждое лето. Концепция того, что когда-то было ожиданием, теперь является отказом принять неизбежное и положить чистый ковер на вход для приветствия.

И опять кольнут доньне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Толерантность, принятие и сила – это то, что определяет характер человека, как мы справляемся с ситуацией, как мы ее ассимилируем и как мы сталкиваемся с этими фактами. В этой части мы говорим о трудностях, с которыми сталкивается человек и описывает их как нечто сверхчеловеческое, чтобы их преодолеть.

Но нежданно по портъере
Пробежит сомненья дрожь, –
Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдешь.

Способность быть пораженным – это то, что теряется, когда мы вырастаем, и все становится привычным. В этой части мы говорим о способности к изумлению, хотя ранее ситуация описывалась так, как будто мы полностью знали обо всем, как будто мы знаем, как все будет, мы можем продолжать удивляться всему, что будет происходить.

Ты появишься из двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

В этой части упоминается восхищение, ранее были упомянуты трудности времени и его повторяемости, однако в этой части нет обиды на эти трудности, и, наоборот, запись этого момента очень красивый способ, относящийся к белому цвету и деликатности хлопка.

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

В конце стихотворения возникает ощущение, что все должно повториться снова, что эта ситуация бесконечна. Важным условием продолжения данной ситуации является готовность ее продолжать в модальности принятия неизбежного, готовность бороться, твердость воли, стойкость, упорство, цепкость.

Конкретные концепции

Неизбежность выражена грамматически использованием форм будущего времени (никого не будет в доме, и опять зачертит иней, и опять завертит мной, и опять кольнут, сдавит голод дровяной, пробежит сомненья дрожь, ты войдешь). Лексически неизбежность будущего выражена словами опять и будущность. Причем слово опять имеет негативную коннотацию.

Принятие неизбежного основано на знании данной ситуации из прошлого опыта (дела зимы иной, зима – как образ повторения). Зима представлена как единственный спутник (никого, кроме зимы), ее характеризует сырость (мокрые хлопья), что влечет за собой невозможность развести огонь (голод дровяной), основной цвет – белый, он ассоциируется с прекрасным, чистотой, холодом.

Заключение

Человеческий характер включает в себя факт установления себя на месте, у русского характера есть борьба и сила, поэтому против

любой трудности и с необходимым упорством русский характер не только приспосабливается к холоду, потому что он уже принадлежит ему, но и имеет одинаковую силу. Русская душа – это то, что возникает из смеси характера и идеи мира, которые его порождает.

Изменения миграционных процессов среди западных эвенков в XXI веке

Ермилова Елизавета Сергеевна

магистрант по направлению «История стран Азии и Африки» кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Историю накопления и изучения сведений, касающихся современных эвенков и связанных с ними этнических процессов, рассматривали еще в конце XX в. В Сибири, благодаря старанию ученого В.П. Кривоногова, был разработан метод анкетирования населения по специальной этнографической анкете. Был внесен огромный вклад в изучение эвенков Эвенкийского автономного округа, в результате экспедиции 1997 г. наработан обширный материал, который дал нам представление о современных этнических и миграционных процессах.

В 2017 г. было проведено повторное комплексное этнографическое исследование современных этнических процессов у западных эвенков, проживающих на территории Эвенкии. Мы также использовали метод массового опроса населения при 25%-ной выборке. В перечень изучаемых проблем был включен вопрос о переселении этноса в другие регионы.

Изучая миграции относительно этнических процессов, важно понимать, как именно эти процессы влияют на размещение эвенков среди других национальных культур. С какой вероятностью эвенки могут покинуть родную территорию и какие процессы могут еще более способствовать этому? Также важно выделить одну из наиболее актуальных проблем на сегодня – какие факторы влияют на то, что в последние десятилетия происходит довольно активная миграция из сельской местности в более крупные города и села?

Для представителей малочисленных этнических общностей, безусловно, будет более благоприятной та обстановка, которая способствует сохранению традиционной культуры и языка. На сегодняшний день

такая обстановка может быть частично отражена в однонациональных поселках (Эконда, Суринда) либо в поселках с низкой долей смешения национальностей. Несомненно, что народы с различной национальной психологией и культурой мирно уживаются друг с другом и в смешанных поселках, но все же сближение национальных культур происходит на фоне роста этнического самосознания и целостности.

В ходе этнографической экспедиции удалось выяснить, что в большинстве своем миграции идут из однонациональных поселков в окружные и районные центры, которые на сегодняшний день являются преимущественно русскими. Но необходимо понимать, что в прошлые десятилетия подобные миграции шли менее интенсивно, национальный состав менялся вследствие притока русских в Эвенкию, а не из-за того, что эвенки сами активно переселялись. Но если говорить о переселении самих эвенков, то большая их часть прибыла в Эвенкию из Иркутской области и Забайкальского края. Подобные миграции обусловлены большим количеством факторов, во главе которых будет государственное распределение. Выпускников вузов отправляли работать в Эвенкийский округ.

В связи с такими процессами половина старшего и среднего поколения на данный момент проживает не в месте своего рождения.

Говоря о потенциальных мигрантах в настоящее время, заметим, что их число среди мужчин составляет 20,4 %, а среди женщин – 28,5 %. Для народности Севера такой процент остается высоким. Так же высока доля тех, чья миграция будет означать полную смену этнической среды. Так, в районные центры планируют переехать 2,8 % мужчин и 9,5 % женского населения.

Кроме того, большой процент и тех, кто имеет миграционный опыт. На высокий уровень миграционных процессов указывает еще и процент стабильно живущих на своей земле эвенков. Совсем низкое количество тех, кто ни разу не сменил геолокацию и остался там, где жили родители.

Отдельного внимания заслуживают миграции, связанные с учебной и профессиональной деятельностью. Чем выше уровень образования, тем больше возникает желание у людей покинуть родные края и переехать в более крупные районные центры и города. При длительном интервьюировании молодых людей, имеющих высшее образование, многие из них признались, что хотели бы переехать в крупный город и заняться дальнейшим образованием в профессиональной области, процент таких граждан составляет 22,2 %. Как и в других округах, местное районное образование направлено на ме-

дицину, социальную работу и пищевую промышленность. Чаще всего опрашиваемые молодые люди (до 25 лет) хотят в дальнейшем развиваться в сфере педагогики и медицины. В связи с этим многие из них, кто имеет средне-специальное образование, настроены покинуть свою этническую территорию. Примечательно и то, что внутри малочисленных групп оленеводов, которые ведут кочевой образ жизни в тайге и не имеют возможности часто посещать дом, молодое поколение эвенков становится заинтересованным в получении образования в более крупных районных центрах и городе, что дает нам право говорить о них как о потенциальных мигрантах.

Среди более младшего поколения, которое только заканчивает школу (16–19 лет), процент потенциальных мигрантов составляет 42,9 %. Уже более уверенно опрашиваемые говорят о том, что хотят оставить Север и перебраться в город на постоянное место жительства – юноши 40 %, девушки 85,7 %. Альтернатива переезда в город, в данном случае – в более крупный окружной и районный центр, и с каждым годом намерения подростков становятся более четкими.

Все вышеизложенные данные свидетельствуют о том, что не произошло полного размежевания и смешения народа и соответствующей трансформации этнического самосознания, но такая вероятность возрастает с каждым годом, что и демонстрирует нам этническая миграция. Это указывает на высокую тенденцию изменения в расселении этноса в дальнейшем.

Список литературы

1. Аблажей А.М. Современная экономическая и этносоциальная ситуация в Эвенкийском автономном округе // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1997. – С. 125

2. Кривоногов В.П. Эвенки бассейна Енисея (в соавт.). – Новосибирск, 1992.

3. Кривоногов В.П. Трансформация культуры эвенков // География на службе науки, практики и образования. – Красноярск, 2001.

4. Кривоногов В.П. Западные эвенки на рубеже тысячелетий. – Красноярск, 2001.

5. Кривоногов В.П. Изменения в этнических процессах у западных эвенков в конце XX века // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. – Омск, 2001.

6. Савоскул С.С. Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. – М., 1970. – С. 183–185.

Процесс адаптации студентов-мигрантов, прибывших для обучения на факультет иностранных языков в Томский государственный университет

Зотова Алина Александровна

направление иностранных языков Томского государственного университета

г. Томск

Успешность обучения любого иностранного студента и уровень профессиональной подготовки в значительной степени зависят от системного вхождения иностранца в образовательное, научно-исследовательское и социокультурное пространство в вузе. Проблема адаптации и компетентного подхода актуальна каждый учебный период в российских вузах, что доказывается высокой академической мобильностью и увеличением количества иностранных студентов в стенах университета.

В ТГУ существует такое подразделение, как Отдел социальной адаптации и сопровождения иностранных студентов, которое направлено на создание наиболее комфортных социальных и культурных условий для обучения студентов, прибывших из других стран, например, мероприятие Международный день студента, устраиваемый для дальнейшего сближения иностранцев с культурой, преподавателями и самими студентами [1; 2]. Специалисты начинают работать с иностранцами, помогая им освоиться в городе, изучить русский язык, оформить документы и т. д. Также совсем недавно появилась волонтерская организация студентов TSU-online, работающая с приезжающими гостями, и «Русский разговорный клуб», предлагающий курсы усовершенствования русского языка в рамках еженедельных встреч. Профсоюзная организация студентов в лице комиссии «ИнтерYES» также вносит свой вклад в реализацию и развитие творческого и личностного потенциала. Команда комиссии способствует интеграции зарубежных студентов, проводит культурно-массовые мероприятия, такие как Фестиваль национальной кухни и «Этногород». В ТГУ существует множество организаций, которые занимаются взаимодействием с зарубежными студентами. Например, 6 декабря 2017 г. проведено мероприятие «ЭТНО-университет», которое устраивают студенты ТГУ. Этот фестиваль объединит в себе предоставление иностранными студентами блюд их национальной кухни, творческие номера, песни и танцы.

Цель данных мероприятий: создание условий для межкультурного диалога и межнационального сотрудничества, а также обеспечение иностранцев дополнительной возможностью духовного и интеллектуального развития путем приобщения к искусству. Студенты ТГУ активно содействуют процветанию духовных ценностей и традиций национальных культур. По мнению самих иностранцев [3], в Томске есть все возможности не только для получения престижного высшего образования, обретения полезных знакомств, но также для изучения русского языка и приобщения к культуре.

Модель формирования профессиональных, коммуникативных и командно-ролевых компетенций студентов была рассмотрена не только на базе университета, но и на базе факультета иностранных языков. Одной из основных задач факультета является подготовка высококвалифицированных выпускников в области педагогического образования, лингвистики, перевода. Также важную роль играет межкультурная адаптация, освоение студентами надпрофессиональных и социально-психологических навыков. В таблице приведены данные обучения иностранных студентов за период с 2012 по 2017 г.

Страны, откуда прибыли студенты	Количество студентов и их успеваемость	Здоровье	Пути преодоления социокультурных барьеров
Великобритания, Венгрия, Вьетнам, Германия, Греция, Ирак, Ирландия, Италия, Китай, Молдова, Польша, США, Турция, Франция, Чехия	Успеваемость 84 студентов на факультете иностранных языков в среднем составляет 4,2 из 5	1. Участие в спортивной жизни факультета: посещение занятий физкультуры, «Спортивная весна», День здоровья. 2. Медицинская помощь: за все время обучения только 5 человек обращались к врачу	1. Студенческие клубы: TSU-online, «ИнтерYES». 2. Участие в культурно-массовых мероприятиях. 3. Экскурсионная программа. 4. Курсы русского языка как иностранного

Таким образом, адаптация иностранных студентов в стенах Томского государственного университета требует применения системного и компетентного подходов, а также активного участия студентов и преподавателей для повышения качества подготовки иностранных студентов в высшем учебном заведении.

Список литературы

1. НИ ТГУ: Как ТГУ помогает иностранным студентам освоиться в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tsu.ru/podrobnosti/kak-tgu-pomogaet-inostrannym-studentam-osvoitsya-v-rossii>.
2. НИ ТГУ: Иностранцы показали на фотовыставке, какой они видят Сибирь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tsu.ru/news/inostrannye-studenty-pokazali-na-fotovystavke-kako>.
3. РИА Новости: В Сибирь по собственной воле: студенты-иностранцы о жизни в Томске [Электронный ресурс]: российское агентство междунар. информации «Россия сегодня»; 2014. – URL: <https://ria.ru/society/20140602/1010329919.html>.

Внешняя миграция в Красноярском крае в 1992–2015 годах: ее влияние на поселенческую структуру региона

Задорин Артем Викторович

ассистент кафедры истории России Гуманитарного института
Сибирского федерального университета

г. Красноярск

В современном мире миграции оказывают заметное влияние на расселение во многих регионах. Не исключение и Красноярский край, второй по площади субъект Российской Федерации. Издавна край привлекал население из близлежащих и отдаленных территорий. Но в последнее время ситуация сложилась напряженная.

Вопросы внешней миграции в крае рассматривались автором в ряде публикаций [1; 2]. Здесь мы обозначим лишь некоторые тенденции.

В 1990-е гг. роль, значение и виды миграционных потоков существенно изменились. Снизился объем внутренней (социально-экономической) миграции. Одновременно возникли неизвестные ранее на территории России и в крае миграционные потоки, представленные такой категорией мигрантов, как вынужденные переселенцы, беженцы. Их появление было вызвано новой геополитической ситуацией, в которой оказалась Российская Федерация: от исторически сложившегося территориального пространства произошел одновременный переход к границам, которые рассматривались ранее в СССР как внутренние.

Таблица. **Внешняя миграция населения Красноярского края в 2003–2015 гг., человек***

Год	Прибывшие				Выбывшие				Миграционный прирост			
	в том числе				в том числе				в том числе			
	Всего	из других регионов	из стран СНГ и Балтии	из других стран	Всего	в другие регионы	в страны СНГ и Балтии	в другие страны	Всего	между регионами	со странами СНГ и Балтии	с другими странами
2003	19 739	18 420	1 210	109	26 306	23 457	1 198	1 651	-6 567	-5 037	12	-1 542
2004	19 066	18 176	760	130	24 604	22 458	899	1 247	-5 538	-4 282	-139	-1 117
2005	20 090	17 735	2 211	144	25 050	23 269	846	935	-4 960	-5 534	1 365	-791
2006	21 331	18 586	2 573	172	25 369	23 994	1 010	365	-4 038	-5 408	1 563	-193
2007	26 034	19 407	6 286	341	25 168	24 050	818	300	866	-4 643	5 468	41
2008	25 294	18 429	6 545	320	23 752	22 923	654	175	1 542	-4 494	5 891	145
2009	24 280	16 890	6 971	419	20 654	19 981	432	241	3 626	-3 091	6 539	178
2010	23 894	17 910	5 550	434	21 668	21 111	385	172	2 226	-3 201	5 165	262
2011	36 868	29 530	6 711	627	28 901	28 126	441	334	7 967	1 404	6 270	293
2012	40 835	34 208	5 764	863	37 042	35 668	958	416	3 793	-1 460	4 806	447
2013	44 063	35 539	7 672**	852	42 672	40 265	1 604**	803	1 391	-4 726	6 068**	49
2014	45 511	36 425	8 365**	721	44 576	40 693	3 092**	791	935	-4 268	5 273**	-70
2015	48 470	37 196	10 641**	633	45 717	41 062	4 050**	605	2 753	-3 866	6 591**	28
Итого	395 475	318 451	71 259	5765	391 479	367 057	16 387	8 035	3 996	-48606	54 872	-2 270

* Составлено по: [5–10].

** Без стран Балтии.

За 1993–2000 гг. из государств СНГ и Балтии в Красноярский край прибыло 100 172 человек, что составило 99,3 % от числа всех прибывших из-за границы. В том числе за период с июля 1992 по 2000 г. включительно прибыло 20 115 беженцев и вынужденных переселенцев [2, с. 13]. В силу удаленности края от Европы основная масса мигрантов прибывала из Казахстана (50 %), Киргизии, Узбекистана и Таджикистана (всего 35 %) [3]. Переселенцам из Закавказья и Чечни проще было обустроиться в Центральной России.

Если рассматривать мигрантов по национальному признаку, то 85 % составляли русские, 4,5 % украинцы, по 2,5 % белорусы и молдаване, остальные 5 % – азербайджанцы и жители Среднеазиатского региона. Если же классифицировать мигрантов по уровню трудоспособности, то в пределах 50 % это были полностью трудоспособные люди, из них всего 12 % имели высшее образование [3]. Почти все они нуждались в переквалификации для трудоустройства на новом месте.

Мигранты расселились практически по всей территории Красноярского края, но все-таки отдавали предпочтение городам: там их закрепились почти в 2,7 раза больше, чем в сельской местности [4, с. 137], так как в городах легче трудоустроиться, не имея высшего и профессионального специального образования; в них также лучше развита социальная инфраструктура.

В сельской местности лидирующими районами являлись пригороды Красноярска либо территории с развитым промышленным производством.

В начале XXI в. ситуация изменилась. Оживление экономики активизировало процесс урбанизации, который приобрел характер гиперурбанизации. В результате в 2012 г. численность населения Красноярска перевалила за миллион. Факт, на первый взгляд, позитивный. В современной России статус города-миллионника дает возможность участия в большем количестве федеральных программ и проектов, в том числе и общенациональных. Но, с другой стороны, новый статус городу обеспечил приток мигрантов.

Рассмотрим структуру внешней миграции в Красноярском крае в 2003–2015 гг. [5–10] (см. таблицу). Всего за данный период официально прибыло в край 395 475 человек, в том числе из других регионов – 318 451 человек, из стран СНГ и Балтии – 71 259 человек, из других стран – 5 765 человек. Выбыло 391 479 человек, в том числе в другие регионы – 367 057 человек, в страны СНГ и Балтии – 16 387 человек, в другие страны – 8 035 человек. Итого за 13 лет миграцион-

ный прирост составил 3 996 человек. В принципе, сколько приехало, столько и уехало. Вопрос в том, кто приезжал и кто уезжал. Миграцию со странами дальнего зарубежья можно не принимать во внимание: минус 2 270 человек за 13 лет. Интерес представляет миграционный обмен с другими регионами и странами ближнего зарубежья (СНГ и Балтия).

Анализ статистических данных позволяет говорить об идущем замещении местных жителей выходцами из ближнего зарубежья. За период 2003–2015 гг. в результате миграционного обмена с другими регионами РФ Красноярский край потерял 48 606 человек. Уезжали в основном русские в Европейскую часть страны. Прибывали же таджики, киргизы, узбеки, азербайджанцы, армяне и др. Сальдо миграции со странами СНГ и Балтии составило 54 872 человека. И это только легально въехавшие люди.

Мигранты предпочитают селиться, конечно, не в селах и малых городах, а в Красноярске и его окрестностях. Например, в 2012 г. они обеспечили 88 % роста численности краевого центра, и лишь 12 % приходились на прирост рождаемости [11]. В городе образовались районы компактного проживания нерусского населения.

Концентрация финансовых ресурсов в Красноярске только усугубляет проблемы города и края. Несмотря на это, с 2007 г. в краевой и городской администрации началось рассмотрение вопроса по объединению в муниципальное образование Большой Красноярск значительной части его агломерации – Красноярска, его городов-спутников (Дивногорска и Сосновоборска), Березовки и других близлежащих поселков. Предполагается, что благодаря объединению и ускоренному развитию численность населения Большого Красноярска составит в 2020 г. около 1,5 млн человек. Федеральный центр поддерживает эту инициативу и включил Большой Красноярск в разрабатываемую Минрегионразвития и Минэкономразвития программу создания в России четырнадцати так называемых опорных российских городов-миллионеров. А тем временем в научных кругах обсуждается «крамольная» для нынешних чиновников и застройщиков мысль: Красноярск далее не развивать [12].

Таким образом, изученные материалы статистических сборников, научные публикации и статьи в периодической печати позволяют сделать следующие выводы.

Тенденции внешней миграции в Красноярском крае в указанный период определялись по большей части ситуацией в стране. Распад СССР в 1991 г. заставил многих людей выехать (часто – бежать) из бывших союзных республик, которые стали суверенными государствами.

Основная причина – дискриминация по национальному признаку. 85 % иммигрантов составляли русские. К концу 1990-х гг. этот поток практически иссяк. Приезжие частично компенсировали убыль населения от депопуляции (превышения смертности над рождаемостью).

В начале XXI в. после относительной стабилизации экономики в край стало пребывать много нерусских мигрантов, особенно из Средней Азии. В настоящее время идет процесс замещения местных жителей мигрантами.

Экономическая привлекательность Красноярска только усугубляет проблему неравномерного размещения населения в регионе. Однако экономический курс краевой администрации направлен на дальнейший рост краевого центра и, следовательно, приток мигрантов.

Список литературы

1. Задорин А.В. Миграционная политика в Красноярском крае в 90-е гг. XX в.: проблемы и особенности // Сибирский исторический альманах: в 2 т. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. – Красноярск, 2011. – С. 32–41.

2. Задорин А.В. Внешняя миграция в Красноярском крае в 90-е гг. XX в.: особенности и основные тенденции // Вопросы теории и практики гуманитарных исследований: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. 14 февраля 2013 г. – Чебоксары, 2013. – С. 10–13.

3. Истомин Н., Крюков В. Рыба ищет, где глубже... // Красноярский рабочий. – 2002. – 9 апр. – С. 2.

4. Полиновский В.И. Проблемы миграций населения в Красноярском крае в 1992–2000 гг. // Народы Приенисейской Сибири. История и современность: материалы научно-практической конференции. Красноярск, 1–2 декабря 2000 г. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – С. 135–138.

5. Демографический ежегодник Красноярского края. 2005 год: стат. сб. № 8-1. – Красноярск, 2006. – С. 136.

6. Демографический ежегодник Красноярского края. 2008 год: стат. сб., № 1-38. – Красноярск, 2009. – С. 129.

7. Демографический ежегодник Красноярского края: стат. сб., № 1-38. – Красноярск, 2013. – С. 164.

8. Общие итоги миграции населения по Красноярскому краю в 2013 году: экон. табл., № 1.8.10.1. – Красноярск, 2014.

9. Распределение мигрантов по видам миграции и длительности проживания в предыдущем месте жительства по Красноярскому краю в 2014 году: экон. табл. № 1.8.10.3. – Красноярск, 2015.

10. Распределение мигрантов по видам миграции и длительности проживания в предыдущем месте жительства по Красноярскому краю в 2015 году: экон. табл. № 1.8.10.3. – Красноярск, 2016.

11. Информационное агентство «Росбалт» [Электронный ресурс]: Гастарбайтеры сделали из Красноярска миллионник. – URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2012/04/10/968018.html>.

12. Лесников Н. Экология кварталов // Экология Красноярска. – 2017. – 26 окт. – С. 3.

Часть 5

**Этнокультурная динамика
и этническая мобильность
в XXI веке**

**Миграция как основание для датировки
фольклорных текстов коренных
малочисленных народов Сибири
на примере нижнеколымских юкагиров**

Шмальц Марк Евгеньевич

PhD, научный сотрудник Института общего языкознания и языковой типологии
Университета им. Иоганна Гутенберга

г. Майнц (ФРГ)

Наиболее полным собранием образцов устного творчества нижнеколымских юкагиров является «Фольклор юкагиров» [1], вышедший в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Н.Г. Курилов [1, с. 28] подразделяет его на пять основных содержательно-стилистических групп:

- 1) сказки (караваалпэ);
- 2) сказки о железных чудовищах (чуонгөрэл караваалпэ);
- 3) рассказы (ньиэдьилпэ);
- 4) рассказы о древних людях (чуольэдьии ньиэдьилпэ);
- 5) сказания о древних людях (чуольэдьии пундулпэ).

Сказкам, в которых значительное место отводится животным, присуща простота изложения. В отличие от сказок, большей частью являющихся плодом воображения, в рассказах повествуется о событиях, действительно имевших место в прошлом. Рассказы же о древних людях, в которых вымысел тесно переплетается с правдой, занимают промежуточное положение. Наконец, сказания о древних лю-

дах, представляющие собой либо героические предания, об одном из которых здесь пойдет речь, либо повествования социально-бытового характера, отличаются многоплановостью сюжета.

До сих пор не предпринималось попыток датировки устного творчества юкагиров. Н.Г. Курилов [1, с. 35] лишь отмечает, что сказания о древних людях «несомненно более поздние», чем сказки, и дает краткое тому обоснование. В частности, он обращает внимание на незамысловатость содержания последних, значительно более простое, нежели в сказаниях о древних людях, построение, а также меньшее богатство изобразительных средств. Помимо того, о древности сказок, по его мнению, свидетельствует «наличие этиологических сюжетов, т. е. таких, где прослеживается стремление объяснить особенности внешнего облика и строения животных».

То, что датировка устного творчества особенно затруднительна, очевидно. Однако пусть не абсолютная, но во всяком случае относительная датировка должна быть возможна с одновременным привлечением исторических и географических данных, а также на основе психологических соображений [2, с. 524–532]. Так, упоминание предметов материальной культуры в фольклорных материалах может способствовать установлению нижней временной границы последних, т. е. «не раньше времени икс», если археологические исследования однозначно установили время возникновения данных предметов. Наличие множества противоречивых объяснений какого-либо обычая свидетельствует о его древности. Наличие же в разных культурах сходства в деталях повествования, не имеющих прямого отношения к сюжетной линии, говорит о вероятном заимствовании повествования у той из рассматриваемых культур, которая является более древней. Пользу географических данных можно показать на примере обычая охоты на крапивника, распространенного по всей Ирландии, кроме Ольстера. Из неполного охвата Ирландии этим обычаем Армстронг [2, с. 532] делает вывод, что он проник на территорию острова уже после того, как представители клайд-карлингфордской мегалитической культуры, свойственной всей Ирландии, поселились в Ольстере. Явное выражение подсознательного в фольклорных образах, в частности отождествление образа ворона с отлетевшей душой, предположительно отражает психологию первобытного человека и свидетельствует о глубокой древности фольклорного повествования, обращаемого к подобному образу.

Языковедческий анализ вкупе с учетом сведений о расселении того или иного народа также может способствовать оценке глубины

нижней границы данного образца фольклора. Сравнение двухсот наиболее употребительных слов в центральном и восточном диалектах западноафриканского языка Иджо, на котором говорят в дельте Нигера, дало основание утверждать, что исследуемые диалекты должны были обособиться около тысячи лет назад. Поскольку имеются указания на то, что исходной областью расселения носителей Иджо была средняя часть дельты, стало возможным утверждать, что предания на восточном диалекте не старше тысячи лет. Уточнение этой грубой оценки низовой границы осуществилось в результате проведения радиоуглеродного анализа остатков древесного угля в местах проживания представителей племени Онъема, переселение которого в область проживания племени Нембе, говорящем на восточном диалекте, стало основным мотивом устного творчества Нембе. При этом была выявлена нижняя граница, соответствующая примерно 1330 г. [3, с. 20].

По моему мнению, в первом из сказаний, посвященных народному юкагирскому герою Эдилвею, содержится эпизод, который позволяет более или менее точно определить нижнюю границу его создания. Текст, приводимый в цитируемом издании, содержит следующие мотивы (по Курилову [1, с. 30]): «а) сиротство мальчика (Эдилвея. – прим. М. Е. Шмальца) после убийства его родителей чукчами-чачинцами; б) воспитание у деда; в) возмужание, превращение в искусного охотника и богатыря, обзаведение семьей и детьми; г) выслеживание чукчей, убивших родителей героя, и их истребление; д) похищение жены героя чукчами и ее страдания в плену; е) побег жены из плена с помощью старухи-юкагирки; ж) помощь, оказанная обессиленной женщине медведем». Интересующий нас и приводимый ниже отрывок относится к последнему мотиву, точнее к той его части, в которой медведь приводит девушку к берегу реки, где она встречает людей, впоследствии оказавших ей помощь [1, с. 143]:

«Тогда она отправилась к людям. Их деревянные дома стояли на берегу большой реки. Оставив бабу на берегу, медведь ушел сквозь заросли тальника. Тут пришла за водой одна старуха. Старуха заговорила — [баба] не понимает, язык чужой. Тогда объяснились жестами. Старуха, ведя [бабу] за руку, повела ее. Завела [в дом]. Так жена Эдилвея в первый раз оказалась в деревянном доме. Огляделась: очаг земляной, нары деревянные. Кроме этого, многие вещи ей были в диковинку».

Учет географических и исторических сведений, касающихся данного отрывка, а также его лингвистического анализ позволяет с высокой степенью вероятности определить этническую принадлежность

людей, приютивших жену Эдилвея, а вместе с ней и нижнюю временную границу возникновения этого сказания. Очевидно, что старики не являются юкагирами. Более того, они не могут быть ни чукчами, от которых жена Эдилвея бежала, ни эвенами, поскольку ни те, ни другие не имели деревянных жилищ и соответствующих предметов обихода, таких как деревянная кровать и, по всей видимости, печь, не считая другой неназванной утвари, также показавшейся жене Эдилвея в диковинку. То, что речь идет именно о печи, может быть подвергнуто сомнению, но то, что очаг был, во всяком случае, закрытым, как мне представляется, неоспоримо. На это указывает форма слова «земля»: лукулэк – это творительный, а не местный падеж. Таким образом, выражение лачидэдуолпэги лукулэк виэйуонь означает, строго говоря, «был сделан из земли», а не просто «земляной», как в переводе, или «в земле». У коренных народов северо-восточной Азии, насколько мне известно, не было закрытых очагов; огонь разводили посреди чума (по-юкагирски *ниме*), сооруженного из жердей и покрытого оленьими шкурами, под отверстием в куполе. Таким образом, хозяева дома могли быть либо якутами, либо русскими. Последнее представляется более вероятным, поскольку основная масса якутского населения Сибири ко времени прихода в Восточную Сибирь русских первопроходцев компактно проживала по среднему течению Лены [4, с. 47], а те немногочисленные якуты, что жили в тундре, вероятно, вели сходный юкагирскому образ жизни и имели сопоставимые жилища. Во всяком случае, маловероятно, чтобы жена Эдилвея не знала их наречия. С другой стороны, бросается в глаза, что в исследуемом сказании не упоминаются якуты, в то время как о чукчах и эвенах речь идет прямо. Это может быть истолковано так, что и в языковом отношении якуты приспособились к юкагирской среде и говорили по-юкагирски. В этой связи стоит упомянуть, что потомки тех якутов не держат пришлых якутов с Лены за вполне своих. Если предположение о том, что хозяева дома, в котором оказалась жена Эдилвея, русские, верно, то нижнюю временную границу можно установить с точностью до года. Дело в том, что упоминаемая «большая река» — не просто описание. В юкагирском языке есть такой гидроним. Он соответствует русскому названию Алазея. Известно, что в 1642 г. возникло Алазейское зимовье [4, с. 48]. Итак, сказанию об Эдилвее, по всей вероятности, не может быть больше 375 лет. Любопытно, что эта оценка перекликается, в частности, с предположениями о возрасте устных преданий в Океании, который колеблется между 500 годами в Полинезии и тремя-пятью поколениями в Микронезии [5], а также в Афри-

ке, где время возникновения образцов фольклора в основном не ранее 1200–1500 гг.

По крайней мере, один момент все же дает некоторый повод к тому, чтобы усомниться в правильности данной оценки для нижне-колымского фольклора. В последней части исследуемого сказания рассказывается о судьбе дочери Эдилвея, которую выдали замуж за представителя племени ламатканов, принятых поначалу родственниками Эдилвея за ламутов, ныне называемых эвенами. История не сохранила сведений о ламатканах. В сказании об Эдилвее они представлены в качестве людоедов. Причем человечина является их единственной пищей [1, с. 151]. Такие мотивы обычно рассматриваются как свидетельство древности соответствующего предания. Тем не менее, как утверждает Армстронг [2, с. 531], нередко удается доказать, что сцены каннибализма являются поздними включениями, призванными удерживать внимание слушателя на повествовании. Не исключено, что и здесь мы имеем дело с чисто стилистическим приемом.

Список литературы

1. Курилов Г.Н. Фольклор юкагиров // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 25 / гл. ред. А. П. Деревянко. – М., Новосибирск: Наука, 2005.
2. Armstrong E.A. A Technique for Ascertaining the Age of Folklore // *Folklore*. – 1959. 70.4. – P. 519–532.
3. Alagoa E.J. Dating Ijo oral tradition // *Òdùmá magazine*. – 1976. 3.1. – P. 19–22.
4. История Сибири. Т. 2. / гл. ред. А.П. Окладников. – Л.: Наука, 1968.
5. Mercer P.M. Oral Tradition in the Pacific: Problems of Interpretation // *The Journal of Pacific History*. – 1979. 14.3. – P. 130–153.

Дагестанцы в Сургуте: неформальные транслокальные сообщества и официальные земляческие организации в принимающем сообществе

Капустина Екатерина Леонидовна

кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии Кавказа
в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера) РАН,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

г. Санкт-Петербург

В статье будет рассмотрен феномен миграции из сельских районов Дагестана в города Западной Сибири как вариант транслокальной миграции, когда мигранты поддерживают изменчивые формы отношений и в отправляющем, и в принимающем сообществе, организуя для себя единое социальное пространство из нескольких удаленных друг от друга географических точек. Будет проанализировано современное устройство и функционирование дагестанских транслокальных сообществ, строящих свою идентичность и свои социальные сети на принадлежности к тому или иному дагестанскому селению, но активно участвующих в жизни сибирских городов. Внимание будет уделено, в частности, проявлениям транслокальности в пространстве сибирского города, а также деятельности официальных земляческих структур и реакции на это государственных институтов Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) и Дагестана.

Ханты-Мансийский автономный округ в настоящее время является активно развивающимся регионом-реципиентом страны, один из значительных миграционных потоков направляется сюда с Северного Кавказа, в частности из Республики Дагестан. Дагестан, в свою очередь, представляет собой образец региона-донора: безработица, большое число молодежи, коррупция в республике, политическая и социальная нестабильность и т. п. Дагестанцы начали выезжать в Западную Сибирь с начала 1980-х гг., пик миграции в этом направлении наблюдается в начале 2000-х гг. Официальная статистика не передает масштабов миграционных потоков между этими двумя регионами вследствие отсутствия обязательного пограничного учета. Разные исследователи оперируют разными цифрами, но, по косвенным данным, один из самых крупных городов ХМАО, Сургут, может похвастаться численностью выходцев из Дагестана в несколько десятков тысяч человек. Это, прежде всего, жители северных районов республики и Южного Дагестана,

центральные и западные районы представлены в меньшей степени и позже включились в этот миграционный поток.

В статье речь пойдет именно о практике долговременной миграции в ХМАО. В этих условиях мигрант долгое время проживает в новом населенном пункте, снимает жилье, обустроивает быт. Некоторые члены его семьи зачастую присоединяются к нему в миграции, однако подчас часть семьи продолжает жить в отправляющем сообществе. Да и сам мигрант часто сохраняет связи с местом отправления, участвует в социальной и экономической жизни селения, планирует возвращение. Наблюдая практики, принятые в таких семьях, и анализируя актуальные для нее дискурсы, приходится признать, что мигрант и его близкие не могут быть отнесены к той или иной территориальной или социокультурной реальности и существуют словно в нескольких мирах. В этом случае, на мой взгляд, очень продуктивным может стать использование транснациональной теории и концепта транслокальности, уделяющих внимание локальным сообществам и их членам, существующим более чем в одной географической точке, при этом поддерживающим свое единство при помощи сетей, трансфертов и различных форм мобильности.

Транслокальность рассматривается некоторыми авторами как частный случай транснациональной миграции, когда речь не идет о пересечении национальных границ. Действительно, в некоторых регионах мира миграция внутри одной страны по масштабам, последствиям и сложности сопоставима и даже порой превосходит международную; внутрироссийская миграция, очевидно, такой случай. Другой взгляд на транслокальность – смещение интереса исследователей на другие вопросы, где этот термин может восприниматься как зонтичный для определения мобильности и различных форм пространственных связанностей [11]. Центральной идеей для определения транслокальности стала идея мобильности, движения и потоков: денежных переводов, товаров и символических потоков – стиль, идеи, символы [10]. Этот подход, на мой взгляд, очень продуктивен, когда рассматриваются современные мигрантские практики дагестанцев.

Транслокальный характер миграции из Дагестана в города ХМАО обусловлен следующими факторами: невозможность полностью вписаться в жизнь отправляющего сообщества, примерно в равной степени временный характер жизни в миграции и на малой родине и постоянные перемещения между ними, а также важность отправляющего сообщества как экономического, социального и идеологического центра для мигранта. Все эти факторы и делают дагестанских мигрантов трансмигрантами.

В основу статьи легли полуструктурированные и биографические интервью, а также наблюдения, полученные автором в ходе изучения трудовой миграции из Дагестана в города Западной Сибири в 2011, 2014–2016 гг.¹, – преимущественно работа велась в различных регионах Республики Дагестан (Махачкала, Хасавюртовский, Дахадаевский, Кайтагский и другие районы) и в ХМАО (Сургуте, Нижневартовске, Пыть-Яхе).

На основании моих полевых данных можно сделать вывод, что существует определенная корреляция между городами ХМАО и селениями Дагестана. Как правило, выходцы из одного селения предпочитают миграцию в те города, где уже живут и работают их односельчане. Таким образом, селение строит сеть в одном или ограниченном числе населенных пунктов в Сибири. Это правило, однако, не непреложно, ведь, безусловно, играет роль и насыщенность рынка труда в том или ином городе, и наличие у конкретного мигранта в этом месте близких родственников, и другие факторы. С другой стороны, миграция из Дагестана в города и поселки Западной Сибири – преимущественно миграция из сельской местности в города, поэтому внимание мигрантов к своему отправляющему сельскому сообществу более объяснимо.

Взаимодействие между отправляющим обществом и мигрантом требует существования эффективных социальных сетей, соединяющих людей и места через время и пространство, дающих информацию и поддержку, снижающих стоимость и риски миграции [8, с. 638–639]. Мигрантские сети могут формироваться под влиянием разных факторов, но, применительно к дагестанской миграции, не последнюю роль играет так называемый сельский ресурс. Благодаря социальным сетям на основе сельского землячества может происходить передача информации, навыков, обеспечение безопасности – все это может помочь в миграции. Эта практика использования сетей, сформированных со стороны отправляющего сообщества, весьма характерное явление, так как, как показывают многие исследования миграций, чем больше число мигрантов из сообщества, тем дешевле и проще она становится для новых мигрантов. В случае с Дагестаном взаимодействие земляческих сетей приводит к определенной экономической спецификации ряда селений республики.

Родное селение – традиционное место приложения своих трудов, арена престижной экономики мигранта. Большая часть заработанных

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 14-18-02149 «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России».

средств направляется и тратится именно в родном селении, причем не только на вышеназванные задачи, которыми объясняется миграция, но и на многочисленные ритуалы, а также на престижное потребление. В этом случае можно говорить о формировании неформальных землячеств, основанных на принадлежности к тому или иному селу или реке – району (группе сел), в месте миграции, в частности в городах Западной Сибири.

Важно отметить, что трансмигранты не выпадают из цикла социальных взаимодействий внутри отправляющего сообщества, даже будучи в миграции: они в той или иной степени стараются участвовать во всех значимых событиях сельского сообщества и своей семьи. Так, выходцы из Дагестана, даже долгое время проживая на севере, при выборе брачных партнеров ориентируются, прежде всего, на свое родное селение или район, там же нередко празднуется свадьба. Умерших в миграции непременно увозят хоронить в Дагестан, несмотря на сложность перевозки тела и степень финансовых затрат. При этом помощь – финансовую и организационную – нередко оказывают мигранты-земляки: сбрасываются на перевозку тела самолетом и на билет сопровождающему, если нет родственника – таким сопровождающим назначают кого-то из земляков. Правда, участвуют в этом не только односельчане семьи покойного, но и другие дагестанцы, особенно когда наличествует активная земляческая организация. Если мигрант сам не может принять участие в значимых ритуалах в селении, то он перепоручает родственникам, оставшимся в Дагестане, от его имени посещать важные мероприятия, или же выполняет все обязательства перед земляками во время своих визитов на родину (выражает соболезнования, поздравляет со свадьбой и т. п.).

Вложение сил и средств в родное селение показывает степень вовлеченности мигранта в жизнь отправляющего селения, а также степень консолидации сельского сообщества в целом. Так, для многих мигрантов-северян привычным стал сбор средств на нужды родного селения: для постройки мечети, спортзала, прокладки дороги, организации газо- и водоснабжения, открытия родников и т. п. Ориентация на свое село, а не на мусульманскую общину мечети в миграции, прослеживается в момент окончания поста Рамадан: некоторые постящиеся предпочитают «отпускать уразу» не по разрешению имама сургутской мечети, а по дате, установленной в родном селе, в родное село многие платят закят, хотя, согласно шариату, нередко должны делать это в сургутской мечети.

Живущие на севере дагестанцы, как недавние мигранты, так и северяне со стажем, питают интерес к культурным мероприятиям, связанным с родной республикой, которые можно с некоторой долей условности разделить на иницилируемые местной администрацией в рамках проекта мультикультурализма Югры и проводящиеся по инициативе самих сообществ.

Первый тип мероприятий, как правило, иницируется властями в рамках культурных фестивалей, а также согласно планам развития городских домов творчества и подобных им структур. Показательный пример – фестиваль «Соцветие», проходящий в Сургуте 12 июня. На этом городском празднике вот уже ряд лет дагестанские землячества представляют свою республику – организуют павильон со сценой, угощают гостей национальными блюдами, показывают танцевальные номера, выставляют традиционные предметы быта.

Л. Голдринг, изучая транснациональную миграцию между Мексикой и США, описывал ситуацию, когда государство поддерживает транснациональные стратегии своих земляков. В частности, в Мексике есть государственные программы для изучения мексиканской культуры для тех, кто живет в США, также мексиканская сторона оплачивает проезд мексиканских певцов, музыкантов и т. д., то есть приобщает выходцев из страны к местной культуре» [9, с. 167]. В описываемом мной случае инициатива исходит не от властей Республики Дагестан, а всегда от самих мигрантов или же от артистов, ожидающих, что северными концертами можно заработать больше, чем выступлениями на родине. Примечательно, что официальные земляческие организации, относящие себя к Дагестану, в подобных мероприятиях задействованы минимально (данные 2011 г.), за что вышеупомянутые активисты (еще не будучи таковыми) их критиковали. Это характерно и для других земляческих структур в стране, где активисты формальных организаций и остальные представители данной общины существуют в разных измерениях и разных социальных ролях» [1].

Один из характерных примеров – организация досуга для сообщества земляков – выходцев из одного из Кайтагского района Дагестана (его жителей, помимо административного, связывает и лингвистическое единство – кайтагский диалект даргинского языка). Судя по всему, инициативу взял на себя успешный предприниматель, уже много лет ведущий свой бизнес на Севере (а с некоторых пор и в Москве). Он известен тем, что активно помогает своим землякам-кайтагцам устраиваться на работу (в основном на его предприятие) и занимается благотворительными проектами в селах родного района. Этот меценат, к примеру,

инициировал собрание кайтагцев в одном из спортивных залов Сургута, где земляки играют в футбол или волейбол. Аренду зала оплачивает он сам, а в качестве цели, по словам одного из информантов, значится упорочение единства земляков на севере.

Приглашение певцов и танцоров из Дагестана на север – общая практика. Упоминались случаи приглашения специалистов из республики с тем, чтобы они организовывали на севере, к примеру, танцевальные секции. Но чаще деятели культуры из республики сами предлагают себя северу, справедливо полагая, что здесь конкуренция меньше, цены на билеты выше и на них работает ностальгия дагестанцев-северян. В интервью упоминались люди, которые зарабатывают (или, скорее, подрабатывают) тем, что поют, танцуют или играют на музыкальных инструментах на местных кавказских свадьбах. Например, участники ансамбля иногда выступают на местных свадьбах (свадьбах своих земляков), где танцующих традиционно осыпают деньгами – как правило, пятисотенными и тысячными купюрами, которые потом они тратят на поездки на конкурсы, на костюмы и тп.

Неформальные земляческие объединения институционально аморфны, активизируются по определенным случаям, группируются скорее вокруг групп социальных сетей (ВКонтакте, Whatsapp и т. п.) и фактически не видны остальным жителям сибирских городов. Однако в Сургуте существует весьма активное в последние годы официальное дагестанское землячество – Национально-культурная автономия Республики Дагестан (НКА РД), и именно с ней предпочитают взаимодействовать власти и общественные организации города.

В последнее десятилетие в Сургуте происходит череда конфликтов, маркируемых широкой общественностью города как межэтнические, в которых принимали участие и выходцы из республики (это особенно подчеркивалось местными СМИ и представителями правоохранительных органов и региональной власти). Этнический совет при администрации Сургута, куда входили представители основных земляческих организаций города, фактически заставлял их отчитываться за действия их земляков. В 2011–2014 гг. активность в городе, не без покровительства некоторых чиновников, проявляла весьма одиозная организация «Совесть», позиционировавшая себя как сообщество ЗОЖ, но фактически предлагавшая городу националистический антикавказский проект и спровоцировавшая ряд конфликтов, в том числе с дагестанцами и чеченцами Сургута.

Конфликт в 2011 г. представителей НКА РД и полиции на ежегодном празднике национальных культур «Соцветие» 12 июня, а так-

же бойкот этого праздника землячествами Дагестана, Чечни, Азербайджана, езидов и болгар в связи с чередой превышений служебных полномочий ОМОНОм по отношению к их землякам (например, знаменитый поход приор на Сургут) также продемонстрировали отношения между НКА РД и местными властями как сложные.

В этих условиях НКА РД меняет свою тактику. В 2013 г. глава автономии А. Зубаиров провозгласил создание из рядов земляков мобильных групп быстрого реагирования, которые бы выезжали на место конфликтов с участием дагестанцев [5]. В 2014 г. уже новый глава НКА РД, молодой успешный спортсмен и предприниматель В. Абдулаев, все больше ставит на координацию своей работы с властями Сургута, активно взаимодействует с земляками, пропагандируя конформный стиль поведения в городе. В рамках этой политики, к примеру, была проведена встреча представителей полиции с молодыми дагестанцами, где пришедших дагестанцев фактически журили за плохое поведение в городе, а заместитель начальника УМВД города И. Топчиев отметил «Пока что ваша национальность и еще несколько находятся на особом контроле. За вами смотрят и наблюдают» [6]. Однако в то же самое время неформальное противостояние дагестанского землячества с «Совестью» закончилось, последняя была распущена, а на ее руководителей заведены уголовные дела (очевидно, при участии региональных властей, фактически санкционировавших падение «Совести»).

НКА РД в Сургуте декларирует свою лояльность региональной власти и вне своей компетенции землячества: так, В. Абдулаев стал вдохновителем и одним из организаторов митинга, посвященного годовщине присоединения Крыма к России 7 марта 2015 г. На уличном митинге, помимо чиновников, депутатов и представителей землячеств, на сцене, несмотря на мартовский мороз, танцевали ансамбль «Ватан», пела молодая дагестанская певица Виола Гаджиева, зрители махали флагами северокавказских республик, Азербайджана и России [3].

Примечательно, что не только выходцы из Дагестана, живущие в Сургуте, внимательно следят за тем, что происходит на малой родине, в той или иной мере активно участвуют в жизни метрополии и заинтересованы в сохранении связей с родными селами. Дагестанские власти также начали декларировать свой интерес к Северу и землякам, живущим на Севере. Территория страны, непосредственно не граничащая с республикой, но традиционно актуальная для республиканских властей и общества, – это Москва. Столицу в Дагестане вос-

принимают как весьма амбивалентную территорию, которая может стать и важным ресурсом, и арбитром в спорах и конфликтах, и источником головной боли, она может обеспечить повышение коллективного социального капитала республики, но может и обрушить его. Западная Сибирь, а именно ХМАО и ЯНАО, появляется в поле зрения дагестанских властей и связанных с ними религиозных лидеров сравнительно недавно. Тем не менее в последние годы Дагестан в той или иной степени признает свое присутствие там и включает ХМАО в орбиту своих действий. В частности, контакты между представителями ХМАО и Дагестана проводились в 2008 г. в рамках двухстороннего сотрудничества: туризм в обмен на трудовую миграцию. Тогдашний министр по национальной политике, информации и внешним связям Дагестана Э. Уразаев на двусторонней встрече с чиновниками из ХМАО в Махачкале подчеркивал, что дагестанцы живут и работают в Югре и там имеются представительства республики. Советник губернатора ХМАО по делам национальностей и общественных объединений Г. Выдрин отмечала «Дагестанцы трудятся во всех сферах жизнедеятельности общества, вносят достойный вклад в развитие экономики Ханты-Мансийского округа. Дагестанцы являются хорошими, ответственными тружениками и вносят большой вклад в воспитание молодежи» [2].

Активность, а главное успешность призыва ИГ (запрещенной в России организации) в регионе, в том числе среди молодых дагестанцев, заставили официальное дагестанское духовенство также обратить внимание на жизнь земляков в Западной Сибири. В 2015 г. города ХМАО в разное время посетили религиозные деятели республиканского масштаба – заместитель муфтия Республики Дагестан А. Кахаев и имам центральной мечети Махачкалы М. Саадиев. Первый проповедовал в сургутской мечети, а потом пришел на встречу с дагестанской молодежью, организованную местной земляческой организацией, где обсуждались темы «Ислам – религия мира и добра», «Экстремизм» [4]. Второй выступил не только в мечети Сургута, но и с лекцией перед студентами в СурГУ, причем в рамках «большого просветительского турне по территории Зауралья». Оба проповедника осуждали ИГ и радикальные течения ислама и призывали земляков не поддаваться на их пропаганду. «Наш визит, в первую очередь, продиктован заботой о наших земляках-единоверцах. Когда мы дома – в Дагестане – слышим что-то о ваших хороших поступках, то очень радуемся. И, наоборот, огорчаемся, когда узнаем, что чье-то поведение недостойно мусульманина. Для того чтобы мы могли только радоваться, необхо-

димо каким-то образом удержат молодежь в лоне настоящего – умеренного – ислама. За этим мы и приехали. Ну и, конечно, просто увидеться – посмотреть в ваши лица”, – пояснил имам махачкалинской мечети по поводу встречи» [7].

В результате можно отметить, что мигранты из Дагестана нередко выбирают стратегию транслокальности в качестве способа взаимодействия одновременно с принимающим и отправляющим сообществом. При этом стоит учитывать роль неформальных и официальных земляческих структур в организации жизни дагестанцев в городах ХМАО и в отправляющих селах. Сургутская власть и общество склонны смотреть на выходцев из Дагестана как на представителей республики, чем также обрекают их на транслокальность. Различные официальные структуры, как сургутские, так и дагестанские, признают готовы работать с официальными земляческими структурами или с религиозной общиной вокруг мечети. Неформальные сообщества на основе сельских джамаатов, которые, на мой взгляд, наиболее релевантны для мигрантов и немигрантов из этого транслокального мира, для государства не существуют.

Список литературы

1. Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М.: ИЭА РАН, Институт философии РАН, 2002. – С. 43–45.
2. Дагестан и Ханты-Мансийский автономный округ будут укреплять межнациональные отношения. 17.04.2008. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/135159/>.
3. Дагестанский митинг 7 марта 2015 года, город Сургут. 11.03.2015. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6AToQH0QhRw>.
4. Заммуфтия РД провел пятничную проповедь в Сургуте. 15.12.2015. – URL: <http://www.islam.ru/news/2015-12-19/45119>.
5. Правда что ли? Дагестанцы в Югре создают свой ОМОН. «Группа будет выезжать на место и разбираться». 15.08.2013. – URL: <https://ura.news/news/1052163541>.
6. Степыгин А. Стволы, лезгинка и ОМОН... // Ура.ру. 31.03.2014. – URL: <http://ura.ru/articles/1036261701>.
7. Прокопенко М. Главный имам Махачкалы объяснил молодым мусульманам Сургута, почему деятельность ИГ негодна Аллаху. 20.10.2015. – URL: <https://ugra-news.ru/article/20102015/19992>.
8. Boyd M. (1989) Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendas // International Migration Review. – Vol. 23. – №. 3. – P. 638–670.

9. Goldring L. (1999) Power and Status in Transnational Social Spaces // Migration and transnational social spaces / Ed. by L. Pries. Ashgate, Brookfield USA. – P. 162–186.

10. Greiner C., Sakdapolrak P. (2013) Translocality: Concepts, applications and emerging research perspectives // Geography Compass. 7 (5). – P. 373–384.

11. Greiner C. (2010) Patterns of Translocality: Migration, Livelihoods and Identity in Northwest Namibia. – Sociologus 60 (2). – P. 131–161.

**Сохранность традиционной культуры
Енисейского района Красноярского края
(по материалам фольклорно-этнографической экспедиции
Красноярского государственного института искусств
в 2017 году)**

Чихачева Мария Михайловна

кандидат искусствоведения, начальник Центра исследования искусства
Сибири Красноярского государственного института искусств

Экард Лариса Давыдовна

доцент кафедры хорового дирижирования
Красноярского государственного института искусств

Шкредова Ирина Николаевна

старший преподаватель кафедры истории музыки
Красноярского государственного института искусств

г. Красноярск

Енисейский район Красноярского края представляет интерес для исследователей-фольклористов как один из самых ранних по заселению регионов Сибири. Многие деревни и поселки Енисейского района ведут свою историю с первой трети XVII столетия. В составе русских колонистов, заселявших Енисейский район, преобладали переселенцы из Северного Центрального Поморья; в меньшей мере среди пришлых людей встречались выходцы из других частей страны. Уже к 1680-м гг. осевших на постоянное место жительства русских поселенцев можно было характеризовать как старожилов. Активный процесс колонизации енисейских земель (с центром в г. Енисейске) продолжался вплоть до начала XX в., что было обусловлено в том числе

развитием золотодобычи. Важно отметить, что Енисейская губерния долгое время была местом политической и уголовной ссылки.

Процессы консервации фольклорной традиции, сложившейся в среде старожилов, были обусловлены своеобразной изоляцией местного населения от основных дорог вследствие проложенного Московского тракта (а затем и строительством Сибирской железной дороги) южнее старого водного пути. К тому же г. Енисейск постепенно теряет свои лидирующие позиции в связи с переносом административного центра Енисейской губернии в г. Красноярск (в 1822 г.).

Приведем данные о музыкально-фольклорных экспедициях, работавших в Енисейском районе. Дважды – в 1956 и 1957 гг. – состоялись студенческие экспедиции по Красноярскому краю, организованные Московской государственной консерваторией им. П.И. Чайковского и Государственным музыкально-педагогическим институтом им. Гнесиных. В 1956 г. одна из групп экспедиции производила записи в селах Ялань, Плотбище и Потапово Енисейского района. В 1957 г. экспедиция работала в городе Енисейске и в поселениях района – Маковское, Малая Белая, Подгорное и Ялань.

В 1989–1990 гг. в Енисейский район выезжают экспедиции преподавателей и студентов Красноярского государственного института искусств для исследования традиционной культуры в с. Ярцево, д. Никулино, д. Новошадрино, д. Маковское, д. Малая Белая, д. Ялань, д. Мариловцево, д. Ворожейка.

Участниками всех указанных экспедиций была отмечена высокая степень сохранности фольклорной традиции поселений Енисейского района. Тем не менее комплексного аналитического исследования музыкальный фольклор Енисейского района Красноярского края пока не получил. Исключением являются работы О.В. Крахалевой, посвященные традиции енисейских вечерочных песен. Отдельные песенные образцы музыкального фольклора Енисейского района встречаются в ряде публикаций, как правило, представляющих собой песенные хрестоматии.

В 2017 г. преподавателями Красноярского государственного института искусств был реализован проект «Фольклорно-этнографическая экспедиция по Енисейскому району Красноярского края», в рамках которого были обследованы такие населенные пункты, как города Енисейск (осн. в 1619 г.) и Лесосибирск (осн. как дер. Маклаков Луг в 1640 г.), поселок Усть-Кемь (осн. ок. 1620 г.), села – Чалбышево (осн. в нач. XVII в.), Плотбище (осн. в 1664 г.), Потапово (осн. в 1670-х гг.), Погодаево (осн. в 1640–50-х гг.). Целью экспеди-

ции являлось выявление наличия и степень сохранности традиционной культуры в целом и музыкального фольклора в частности в русских старожильческих поселениях Енисейского района, сравнение результатов экспедиций разных лет, а также фиксация образцов музыкального фольклора.

В памяти старейших жителей обследованных поселений сохранилось немало информации о традиционных обрядах и народных песнях. Наибольшую сохранность получили вечерочные песни, которые можно рассматривать как центр местной жанровой системы.

Традиционные собрания молодежи в Енисейском районе Красноярского края особенно активно проводились в осенне-зимний период и чаще всего именовались вечерками. В экспедиции 2017 г. возраст информаторов, владеющих сведениями о характере проведения вечеров, варьировался от 75 до 85 лет; более молодое население вечеров уже не знало.

Вечёрки, как правило, предварялись совместной женской работой – прядением, вязанием, вышиванием. Как рассказывала в с. Чалбышево А.И. Кривоносова, 1932 г. р., «парни сидели возле порога и терпеливо дожидались окончания работы». На вечерках водили хороводы, играли в вечерочные игры, а также под балалайку, гитару или гармонь исполняли такие танцы, как кадрили («четверку» и «шестерку»), краковяк, коробочку, вальс и фокстрот. Летние вечерки проводились на открытом воздухе – в специально отведенном месте (роща, полянка). Они сразу начинались с игр, песен и хороводов.

Музыкальный материал енисейских вечеров можно разделить на основной (хороводно-игровые песни) и фоновый (пляска, частушки, протяжные лирические и поздние городские песни). В экспедиции 2017 г. А.И. Кривоносовой (с. Чалбышево) были записаны отдельные вечерочные хороводно-игровые песни («Как у нас во кружке», «В хороводе были мы») с напевами и со сценарием их проведения. Зафиксированные хороводно-игровые песни заканчивались «поцеловками». Также А.И. Кривоносова подробно описала несколько игр, бытовавших на вечерках: «В полено», «Фантики», «Меняшь – не меняшь».

В с. Усть-Кемь от Г.Г. Ляйком, 1937 г. р., в контексте репертуара вечеров зафиксирован вариант напева и сценарий хороводно-игровой песни «А мы просо сеяли», а также структура игры «Третий лишний» (с ремешком). Другая игра, разыгрываемая на собраниях молодежи, – «Ремешок» – была записана в г. Лесосибирске от Р.И. Немчиновой, 1933 г. р.

Анализируя воспоминания о енисейских вечерках, можно констатировать, что в конце 1950-х – начале 1960-х гг. произошла полная

замена традиционных собраний молодежи на клубные вечера (танцы) и клубную самодеятельность. Такая замена явилась следствием разрушения традиционной вечерки в военное и послевоенное время, вызванного рядом причин, среди которых значимым стало резкое изменение пропорций в соотношении женского и мужского населения, в том числе среди молодежи (послевоенное общество стало преимущественно женским).

Особенности возрастно-половой структуры сельского населения способствовали исчезновению возрастной дифференциации собраний молодежи, отмеченной в ходе экспедиций прошлых лет. Так, в экспедициях 1989–1990 гг. были зафиксированы сведения о дифференциации вечеров довоенного времени по возрасту участников на собрания группы 10–13 лет с ведущей ролью игрового элемента в вечерках и собрания группы 14–16 лет, включающие множество поцелуйных игр. По сведениям, полученным в ходе экспедиции 2017 г., на вечерки военного и послевоенного времени собирались девушки от 13–14 лет и «парни» – мальчики с 10 лет и старше, а также могли прийти молодые замужние женщины с мужьями (как правило, те, у кого еще не было детей). Вероятно, именно с нивелированием возрастных ограничений связаны такие изменения в ходе проведения вечеров, как частичная замена хороводно-игровых песен детскими играми и усиление роли игрового начала в целом, а также ограничение или полное отсутствие «поцелуйных игр».

В качестве самостоятельного репертуара, исполняемого иногда и во время вечеров, функционировали лирические песни, представляющие собой пласт так называемой поздней лирики. В частности, в ходе экспедиции 2017 г. были записаны песни, которые респонденты определили как «старинные»: «Подружки, вы, подружки», «Вспомни, милый, тот вечер», «Молоденький мальчик был», «Чурбачок», «Вы не вейтесь, русые кудри», «Огирочки», «Скажи, скажи, фартовая», «Вспомни, милый, тот вечер заветный», «Чалдоночка», «Поздно вечером погода» и др.

Особое внимание в экспедиции 2017 г. при опросе информаторов отводилось музыкальному фольклору, связанному с обрядами жизненного цикла. Колыбельные песни пели во всех экспедиционных пунктах (в том числе используя в этой функции другие жанры, как в пос. Усть-Кемь), но вспомнить текст и напев традиционной колыбельной смогли немногие: А.И. Кривоносова, 1932 г. р. (с. Чалбышево), Н.С. Телеутова, 1936 г. р. (с. Плотбище) и А.И. Поздеева, 1930 г. р. (с. Погодаево).

Колыбельные, записанные в селах Чалбышево и Плотбище, построены по принципу исполнения разных сюжетов на один напев, что является типичным для функционирования этого жанра. В колыбельной, исполненной А.И. Кривоносковой, объединяются текстовые блоки с угрозами («колотушек надаю» и «ты не бегай на лужок»), с обращением к Угомону, сюжет с обещанием покупок, рассказ о Пелагеюшке, обращение к Буке. В колыбельной Н.С. Телеутовой чередуются три сюжета: о сереньком волчке, о покупках и о распределении хозяйственных обязанностей в семье («Отец пошел за рыбою...»). Данные колыбельные обнаруживают черты сходства с севернорусскими байками, описанными в работе Б.Б. Ефименковой «Северные байки». Общность проявляется в строении колыбельных – поэтическом и музыкальном. Круг сюжетов, охваченных в приведенных колыбельных, также типичен для севернорусских традиций. Даже название старинной русской колыбельки – «люлька», «зыбка» – может указывать на общие корни енисейской и севернорусской фольклорных традиций.

Колыбельная песня, записанная от А.И. Поздеевой, является примером фольклоризации авторского текста: в ее основе лежит стихотворение А. Майкова «Колыбельная песня», которое, наряду с «Казачьей колыбельной песней» М. Лермонтова, бытует в народной среде более полутора веков.

В ходе экспедиций 1989–1990 гг. неоднократно были зафиксированы полные описания важнейшего этапа обрядов жизненного цикла – свадьбы. При этом енисейская свадьба, в целом сохранившая признаки обряда севернорусского типа, в каждом населенном пункте имела отличительные особенности, что выражалось в терминологии (обозначении этапов и наименовании участников обряда), наличии тех или иных компонентов свадьбы, различии песенного наполнения. Кроме того, анализ сведений, записанных в с. Ярцево, указывает на бытование обряда в староверческой среде: вместо венчания в церкви в дом невесты приглашали старика, который и совершал «венчание»: читал особые молитвы, а затем благословлял молодых. В то же время в д. Никулино, д. Ворожейка и др. обязательным компонентом свадебного обряда было церковное венчание.

Во время экспедиции 2017 г. выяснилось, что старейшие жительницы сел знают только, как проходило сватовство. Это было связано с тем, что в военное и послевоенное время в Енисейском районе вообще перестали праздновать свадьбы, даже регистрацию брака в сельсовете могли отложить до рождения первого ребенка. Тем не

менее сведения о современном состоянии свадебной обрядности были записаны, но от представителей более молодого поколения, в частности от уроженки д. Никулино Н.А. Судневой, 1970 г. р., с 2006 г. проживающей в с. Чалбышево.

Нина Афанасьевна рассказала о двух типах свадьбы, ныне существующих в исследуемом ареале – старообрядческой и мирской. Однако и тот, и другой тип свадьбы не имеет отношения к обряду, существовавшему в Енисейском районе в довоенное время. Старообрядческая свадьба бытует в среде позднейших переселенцев, местная специфика в ней отсутствует (в том числе изменились сроки проведения свадьбы: если раньше свадьбы праздновались в зимний мясоед, то теперь – на Покров или после Пасхи). В современной мирской свадьбе вместо ориентации на севернорусскую традицию с преобладанием инициационного плана ритуала реализуется лишь коммуникативно-обменная линия, что в большей степени характерно для свадьбы восточнославянского Запада. Однако, в отличие от западной свадьбы и даже в отличие от свадьбы, записанной в 1989 г., современный обряд свадебных песен уже не содержит.

Неотъемлемая часть обрядов жизненного цикла, похоронный обряд, за последние 60–70 лет не претерпел существенных изменений. При этом в ходе экспедиции были зафиксированы сведения о бытовании похоронных причитаний, которые до сих пор звучат в некоторых селах. В частности, старейшая жительница с. Чалбышево А.И. Кривоносова рассказала о том, что еще недавно осуждалось отсутствие причитаний на похоронах. В некоторых населенных пунктах с этой целью из других сел приглашали «плакальщиц». Традиция причитаний не исчерпывается похоронным обрядом; причитать можно было в любое другое время, причем как на кладбище, так и дома. Александра Ильинична привела пример начала такого причета: «Ой, родимая моя мамонька, ой, ничего-то ты не знаешь-то, как-то мне больно-досадно-то...».

Материалы экспедиций Красноярского государственного института искусств разных лет позволяют проанализировать сложившуюся в Енисейском районе иерархию календарных праздников (базирующуюся на церковном календаре). В памяти информаторов наиболее развитой предстает система рождественских обрядов. В Святки традиция обхода дворов ряжеными сохранялась во всех населенных пунктах. Персонажи, в которых перевоплощались ряженые, на протяжении века практически не менялись: это медведь, коза, баран, черт, смерть, старики, мужик. Повсеместно ряженые, заходя в дом,

старались как можно дольше остаться неузнанными: молчали или меняли голос. Поздравляя хозяев с праздником, в некоторых селах пели колядки, в некоторых – частушки.

Молодежь в Святки чинила бесчинства (снимали ворота и калитки, меняли местами почтовые ящики, могли унести сани или подвесить их на дерево), что является характерным компонентом празднования Коляды. В с. Потапово ночь под Старый Новый год называют «Творилой». Помимо обходов дворов, ряжения и творения, в Енисейском районе существует развитая система святочных гаданий.

Празднование Масленицы (проводы зимы) в исконной для Енисейского района форме сохранялось в среднем до середины XX в. Главными атрибутами Масленицы являлись не сжигание чучела или всевозможные состязания, а катания на лошадях или на санках.

Пасха и праздники, попадающие под ее влияние – Вербное воскресенье, с одной стороны, и Родительский день (Радуница), с другой, на памяти информантов носили не столько массовый, сколько семейный характер. На Вербное воскресенье повсеместно ходили за вербой, ставили ее к иконам. В Пасху обязательно красили яйца и много стряпали, а также в этот день украшали дома пихтой (с. Погодаево, с. Потапово) или «кедриком» (с. Плотбище). В с. Погодаево на Пасху бытует обход дворов детьми, которые собирают яйца и конфеты.

Родительский день сохраняет свое значение главного дня поминовения умерших. В праздновании Троицы, как и Родительского дня, важное место отводится поминовению умерших, но в этот день на кладбище ходили по желанию. Самые главные обряды в этот день связаны с величанием березы: вокруг нее водили хороводы, с ней ходили по селу, ее наряжали, ставили в палисадник возле каждого дома. В п. Усть-Кемь рассказали, что в Троицкую субботу девушки плели венки на березках (на укорененном дереве), а в эти венки вставляли цветочки. Каждая девушка делала свой венок, а в воскресенье утром их срезали и пускали в воду. Считалось, что чей венок дальше всего уплывет – та девушка далеко замуж выйдет.

Празднование Ивана Купалы в Енисейском районе ограничивалось обливанием водой.

Сведения о традиционной народной культуре Енисейского района Красноярского края, полученные в ходе экспедиции 2017 г., позволяют сделать выводы о степени сохранности фольклора в исследуемом регионе и определить причины деформации либо исчезновения тех или иных традиций. Так, тяжелое военное и послевоенное время повлияло на бытование традиционной свадьбы и функциониро-

вание традиционных собраний молодежи, а поскольку в этот период государство изъяло из района всех лошадей, то исчезли и масленичные гуляния. Антираелигиозная агитация и пропаганда советского времени способствовали закрытию церквей, но не оказали особого влияния на существующую систему календарных праздников, центром которой является празднование Святков.

Поскольку во всех сферах бытования фольклора отмечается уменьшение роли музыкального компонента вплоть до его полного исчезновения, одним из значимых результатов экспедиции представляется обнаружение живого бытования причитаний и колыбельных песен. Тем не менее, к сожалению, приходится констатировать практически полное угасание даже в памяти информаторов основного музыкального репертуара енисейских вечеров.

Некоторые музыкальные жанры традиционного фольклора, по сведениям информаторов, в большей степени могли сохраниться в старообрядческих поселениях, находящихся в труднодоступной местности, а значит, они все еще ждут своих исследователей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-14-24601.

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, Government of Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk Region Science and Technology Support Fund to the research project № 17-14-24601.

Список литературы

1. Крахалева О.В. Структура и драматургия енисейской вечерки // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 30. – С. 68–75.

2. Чихачева М.М., Экард Л.Д., Шкредова И.Н. Детский игровой фольклор Туруханского района Красноярского края (по материалам фольклорно-этнографической экспедиции 2016 г.) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 12-2. – С. 183–186.

3. Nuovinen E., Kaila A.-K. The Semantics of Musical Topoi: An Empirical Approach // Music Perception: An Interdisciplinary Journal. Vol. 33, No. 2, December 2015, pp. 217–243. DOI: 10.1525/mp.2015.33.2.217.

4. Koskinen I. At Least Two Concepts of Culture // Folklore. Vol. 125, November 2014, pp. 267–285. DOI: 10.1080/0015587X.2014.947858.

5. Maes Pieter-Jan, Van Dyck Edith, Lesaffre Micheline, Leman Marc, Kroonenberg Pieter M. The Coupling of Action and Perception in Musical Meaning Formation // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 32, No. 1, September 2014, pp. 67–84. DOI: 10.1525/mp.2014.32.1.67.

6. Palmer C. Listening, Imagining, Performing: Melody As A Life Cycle of Musical Thought // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 33, No. 1, September 2015, pp. 3–11. DOI: 10.1525/mp.2015.33.1.3.

7. Widdowson J. D. A. New Beginnings: Towards a National Folklore Survey // *Folklore*. Vol. 127, December 2016, pp. 257–269. DOI: 10.1080/0015587X.2016.1198178.

8. Krakhaleva O.V. Struktura i dramaturgiya eniseyskoy vecherki [The structure and drama of the Yenisei evening]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2008. №30, pp. 68–75.

9. Chikhacheva M.M., Ekard L.D., Shkredova I.N. Detskiy igrovoy fol'klor Turukhanskogo rayona Krasnoyarskogo kraya (po materialam fol'klorno-etnograficheskoy ekspeditsii 2016 g.) [Children's play folklore of Turukhansk district of the Krasnoyarsk Territory (based on folklore and ethnographic expeditions of 2016)]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. 2016. №12–2, pp. 183–186.

10. Huovinen E., Kaila A.-K. The Semantics of Musical Topoi: An Empirical Approach // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 33, No. 2, December 2015, pp. 217–243. DOI: 10.1525/mp.2015.33.2.217.

11. Koskinen I. At Least Two Concepts of Culture // *Folklore*. Vol. 125, November 2014, pp. 267–285. DOI: 10.1080/0015587X.2014.947858.

12. Maes Pieter-Jan, Van Dyck Edith, Lesaffre Micheline, Leman Marc, Kroonenberg Pieter M. The Coupling of Action and Perception in Musical Meaning Formation // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 32, No. 1, September 2014, pp. 67–84. DOI: 10.1525/mp.2014.32.1.67.

13. Palmer C. Listening, Imagining, Performing: Melody As A Life Cycle of Musical Thought // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 33, No. 1, September 2015, pp. 3–11. DOI: 10.1525/mp.2015.33.1.3.

14. Widdowson J. D. A. New Beginnings: Towards a National Folklore Survey // *Folklore*. Vol. 127, December 2016, pp. 257–269. DOI: 10.1080/0015587X.2016.1198178.

**Трудовая миграция глазами читателей
городского портала «Новости в Томске»
(по результатам контент-анализа комментариев
к новостным сообщениям)**

Джаньзакова Сеиль Давлетовна

магистрант направления «Антропология и этнология», лаборант Лаборатории
социально-антропологических исследований (ЛСАИ) исторического факультета
Томского государственного университета

г. Томск

Современное интернет-пространство – это социальный институт, который создает информацию, знания, идеи и распространяет их в обществе. В свою очередь, социальные сети, информационные порталы – это ресурсы, где пользователь и читатель дают оценку тому или иному политическому, социальному, экономическому явлению, событию в стране и мире. Информационные материалы, обсуждаемые в интернет-среде, влияют на общественные настроения и общую атмосферу в любом сообществе [1, с. 29]. Очевидно, что вопросы миграции не остаются в стороне от обсуждений в виртуальном пространстве, их актуальность подтверждается тем, что миграция включена в глобальные процессы современности. Стремительный и массовый характер перемещений и технологическое развитие медиа приводят к тому, что каждый текст, включая комментарий, имеющий миграционный контекст, оказывается явлением межнациональной и межкультурной коммуникации.

В России актуальной остается проблема взаимоотношения мигрантов и принимающего сообщества, в том числе важен вопрос влияния средств массовой информации на восприятие трудовой миграции и конструирование образа мигранта [2, с. 167]. Материалы интернет-СМИ, посвященные миграционным процессам, могут выполнять толерантную и позитивную миссию, но чаще направлены на распространение у населения установок нетерпимости и призывов противостоять «им» как нашему противнику, защитить нашу ценность, отстоять ее. Как известно, это нередко означает: не пустить, прогнать, выселить, убрать «чужих», «не нас», «этнически других», «не таких, как мы» [1, с. 45].

В статье мы обращаем внимание на реакцию читателей, которая отражена в комментариях к новостям, посвященным мигрантам и миграции на новостном портале «Новости в Томске» за ноябрь 2015 г. –

ноябрь 2016 г. Ценность комментария состоит в том, что он дает интернет-коммуниканту возможность развернуто оценить ценность информации, уточнить непонятные моменты или выразить несогласие с автором корневого поста [4, с. 24], в данном случае новостного сообщения. В качестве основного метода исследования выбран метод контент-анализ. Цель анализа – выявление отношения читателей новостного портала, как части принимающего сообщества-жителей города, к мигрантам, возможным вызовам и проблемам миграции в Томске.

Портал «Новости в Томске» был выбран в качестве исследовательского «поля» неслучайно. По данным на 2015 г. он стал самой читаемой региональной интернет-платформой [3]; также на портале возможна регистрация личного профиля читателя, позволяющая оставлять комментарии, ставить «лайки» и «дислайки». Наличие комментариев, их количество, возможность диалога пользователей – это реакция принимающего сообщества и оценка миграции читателями, что позволило определить для них наиболее волнующие вопросы.

Представленные на портале новостные заголовки в большинстве своем имеют провокационный характер, обращая взор читателя на информационный повод. Актуальность тематики заголовка для читателей новостного сообщения может быть измерена в количестве прочтений и в комментировании. Было выявлено, что наиболее обсуждаемыми стали часто прочитываемые новостные сообщения: «Томичу, прописавшему мигрантов за 800 рублей, грозят три года тюрьмы» (3812 прочтений и 10 комментариев); «Ученые ТГУ выясняют, как молодежь Томска относится к мигрантам» (3652 просмотра и 24 комментария); «Исследование: 66 % горожан считают, что Томск обойдется без мигрантов» (2892 просмотра и 23 комментария) и «Томские приставы купили билеты и автокресла для выдворения семьи мигрантов в Ташкент» (2882 просмотра и 17 комментариев); «Опрос: томичи лояльно относятся к мигрантам и рады студентам-иностранцам» (1921 прочтение и 16 комментариев). Актуальными и требующими обсуждения, по мнению читателей «Новостей в Томске», стали поводы, где приведены результаты исследований томских ученых, посвященных отношению принимающего социума к трудовым мигрантам.

Всего комментариев за период с 2015 по 2016 г. опубликовано 153. Автор условно разделил их на три категории: прямая реакция на новостное сообщение; индифферентная, чаще всего косвенно связанная или вообще не связанная с новостным поводом; ответ на реакцию предыдущего комментатора. Для анализа отношения томичей

к мигрантам и к миграции из трех категорий высказываний было выделено 12 смысловых групп, которые, в свою очередь, включены в ряд более широких «объединений»: социальные, экономические, финансовые угрозы со стороны мигрантов; критика власти, законодательства; противопоставление «своих» (русских как принимающее сообщество и русских в республиках СНГ) и «чужих» (мигрантов); дружелюбие по отношению к иноэтничным мигрантам; негативная оценка трудовой миграции.

В комментариях по отношению к мигрантам и оценки миграции важное место занимает страна либо регион-донор трудовой миграции. Чаще всего (8 упоминаний) указывают на страны Средней Азии (Таджикистан и Узбекистан), что подтверждается официальной статистикой – граждане именно этих постсоветских республик занимают лидирующие позиции во внешней иммиграции в Россию. Следующая страна – Китай (6 упоминаний). В этой категории следует обратить внимание на новостное сообщение «Приставы выдворили из Томска 14 мигрантов из КНДР» – это единственный случай за указанный период, где в самой новости и в комментариях «встречаются» «корейцы», реже «граждане КНДР». Пользователь Евпатий пишет: «Из всех мигрантов, корейцы самые незаметные...» А Joker96 дополняет: «Лучше бы наших южных друзей, торгующих на рынках выдворяли назад в их аулы и кишлаки, нет, эти гады (приставы. – *Прим. авт.*), как обычно, находят самых трудолюбивых, безобидных и незащищенных, чтобы продемонстрировать показушную суровость закона». Вышеприведенные комментарии свидетельствуют о сравнительной оценке трудовых мигрантов из Средней Азии с гражданами КНДР: негативное отношение к «южным друзьям» и терпимое к корейцам, как к «самым незаметным из всех мигрантов».

Следующий важный момент, который автор относит к конструированию стереотипного образа мигранта – это комментарии, актуализирующие тезис о конкуренции за рабочие места иностранцев и россиян. Этот критерий явился одним из основных показателей взаимоотношений «приезжий – местный». По этому поводу пишет Михаил Иванович: «Для местных нет работы, зачем мигранты?» Здесь вопросы конкуренции на рынке труда начинают обсуждаться читателями независимо от того, идет ли речь в новостном сообщении об этом. Комментаторы приводят в пример опыт других российских городов, что позволяет им аргументировать тезис, что мигранты отнимают рабочие места: «...P.S. Недавно вернулся с Е-бурга, просто поражен – половина мужского населения точно мигранты или быв-

шие мигранты (с российским паспортом). В общественном транспорте и маршрутках все водители и кондуктора – джигиты». У ж.д. вокзала по вечерам таборы тех же джигитов. В поездах (не курортных и не московских) их тоже много. «Борзеют», однако на вахты едут, на станциях где поезд стоит, сплошные “лезгинки”...» (кухонный ЧеГеВара).

По результатам контент-анализа комментариев 59 «реплик» пользователей имеют негативный характер по отношению к трудовым мигрантам. В этом случае наблюдается связь с «критикой власти» (134 комментария), «миграционных структур и законодательства» (41 комментарий). Тесно переплетены экономические, социокультурные вызовы со стороны мигрантов для принимающего социума: «скоро Томск будет состоять из одних иностранных граждан), а им (властям. – *Прим. авт.*) главное бюджет у них вырос))))))» (ghjcnjnfr). Ироничное высказывание комментатора Мерлуш: «Крым ваш – Сибирь наш!..», – якобы с такими мыслями трудовые мигранты приезжают в сибирские города, что проявляется в формировании отрицательных ожиданий томичей от «нашествия» мигрантов. 23 высказывания из 153 утверждают, что иностранные работники – угроза для россиян на рынке труда, не только в плане конкуренции, но и «сбивания» цен на труд.

Дружелюбное отношение к мигрантам как к представителям разных национальностей и религий встречается в 12 высказываниях. Чаще всего такие «реплики» выступают именно как защита в полемике между комментирующими новостное сообщение, высказывающие резко негативное восприятие мигрантов как «чужих» в противовес «своим»: Joker96 написал(а): «Эти люди в своем большинстве не желают адаптироваться к нашему образу жизни, и не желают уважать местные традиции, при этом, напротив, не стесняются демонстрировать свое презрение к местному населению». Ответ: «Адаптация мигрантов в новой для них среде – это непростой процесс. Представьте себя на месте этих приезжих в другую страну. А мигранты, в большинстве своем, вполне нормальные люди, заброшенные к нам по причине невозможности заработать у себя на родине. Наше отношение к ним, как правило, вполне нормальное, терпимое и мы (взрослые люди) понимаем, что они здесь не от хорошей жизни» (комментарий пользователя avt52).

В сфере рынка труда читатели делятся своим опытом, аргументируя свою точку зрения в русле дихотомии «свои – чужие», но «чужие» рассматриваются исключительно в позитивном и дружелюбном

ключе: «Я – за мигрантов. Я посмотрела, как они работают и как работают наши. Мне баню сложили в три дня 5 человек. Работали слаженно, каждый четко выполнял свою функцию, перерыв на обед 1 час + 2 перерыва на чай по 15 минут. Работали с 9 и до 18. Их работодатель также восточной национальности, но с томской пропиской, их в родной стране набирает на работу на лето, платит за них положенную мзду государству. Мне очень понравилась бригада. А вот сосед за забором сдуру нанял на сборно-щитовой домик 3,5x3,5 метра двоих русских, так эти “работнички” ВСЕ ЛЕТО!!! собирали домик, по большей части, сидя на моей куче гравия и наблюдая мою задницу в красном купальнике на огороде. А какой фундамент мне поставили “мои” восточные жители аккуратный, все по уровню, прямые углы и какой эти русские – кривые страшные пеньки! Так что, буду делать дом, позову нерусских» (пользователь suharik53).

Критикуется читателями чрезмерное «нашествие» «южных друзей», так как это трансформирует российское сообщество, что может отразиться на всех сферах жизнедеятельности россиян. «Естественным может явиться то, что «большой наплыв людей с другой культурой (или бескультурьем), религией и т. д. плюсов в перспективе не принесет» (пользователь Myrzylka).

Очевидно, что растущая субъективизация дискурса СМИ о мигрантах, приводящая к активизации эмоциональной составляющей общественного сознания, небезопасна. В условиях, когда в отношении мигрантов уже сложился негативный стереотип, она может спровоцировать обострение социальной напряженности, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов [5, с. 117]. Несмотря на это, важным остается вопрос корреляции уровня толерантности по отношению к мигрантам в виртуальном пространстве и за его пределами. Возможно, причиной этому служит конфликтность, агрессивность комментаторов в социальных сетях и информационных порталах, которая нередко имеет националистический характер, приводящий к межнациональному разногласию.

Список литературы

1. Малькова В.К. СМИ и современное полиэтничное общество // Антропология медиа: теория и практика. – М.: ИЭА РАН, 2016. – С. 29–65.

2. Нам И.В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) / И.В. Нам [и др.] // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 165–192.

3. Портал «В Томске» – на первом месте в регионе по читаемости. – URL: <https://corp.vtomske.ru/news/view-140.html>.

4. Базина Е.С. Тема миграции и мигрантов в российских СМИ: образ «чужого» и проблема информационной объективности // Бизнес. Общество. Власть. – 2015. – № 23. – С. 24–36.

5. Скребцова Т.Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23). – С. 115–118.

Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов Севера как механизм конструирования региональной идентичности

Петрова Ксения Ильинична

магистрант направления «История искусств» кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Коренные и малочисленные народы Севера представляют большой интерес для исследователей культуры. В настоящее время существуют целые комплексные разработки, предметами которых являются качество жизни, основные, связанные с этим, проблемы населения, государственная политика в направлении решения данных проблем, механизмы самоопределения, а также культура и основные способы ее сохранения. Результаты этих работ позволяют ученым спрогнозировать дальнейшее развитие коренных малочисленных народов и выработать наиболее продуктивные стратегии их поддержания и развития. Эта тема является актуальной для Красноярского края, на территории которого проживают представители 8 северных народов: долганы, нганасаны, ненцы, кето, селькупы, чулымцы, эвенки, энцы. Именно поэтому интерес к этим этносам первостепенен.

Но при этом возникает вопрос: а чем принципиально они отличаются от других? На него можно ответить так: народы создали своеобразную, специфическую культуру, а ее исследование и анализ позволят не только сохранять традиционные формы жизни этносов, но и предоставят возможность сформулировать особенности их мироустройства, мировоззрения.

Основным хранителем традиционной картины мира коренных северных народов, их культурной картины мира является искусство.

Традиционный вид искусства народов Севера – декоративно-прикладное искусство (ДПИ), украшенные предметы быта: жильё, одежда и т. д. – воспринимается как примета народа, как ресурс восстановления культурной памяти. Но есть и позиция, утверждающая, что уникальный характер данного явления оценивается с точки зрения его связи с хозяйственной жизнью народа. Чтобы лучше разобраться с тем, почему существует неоднозначность восприятия, необходимо изучить словарные определения данного понятия. Декоративно-прикладное искусство, согласно словарям, есть вид искусства, границы которого определяются не предметом, а спецификой творческого метода. Эта специфика представлена разнообразием жанров, связанных с художественными материалами, практическим назначением предметов и техникой выполнения работ. Однако главная особенность декоративно-прикладного искусства состоит в том, что его произведение – это не функциональная, но связанная с бытовыми нуждами людей вещь [1].

В исследовательской литературе есть множество работ, посвященных анализу ДПИ коренных и малочисленных народов Севера. Зачастую учеными исследуется декоративно-прикладное искусство как элемент культуры, на базе которого происходит и закрепляется этническая идентичность этнокультурных групп. Такое исследование логично вытекает из определения ДПИ, которое было представлено выше.

Само понятие идентичности, а в особенности социальной, давно уже стало одной из главных тем социологии, психологии и других гуманитарных наук. Основной функцией идентичности является адаптация человека в социальной среде, а также ее организация, что говорит о том, что идентичность выступает как сложное, ступенчатое образование, имеющее многоуровневую структуру. Согласно теории Э. Эриксона, идентичность выстраивается посредством прохождения нескольких уровней: индивидуального, личностного и социального. На индивидуальном уровне человек осознает границы собственной протяженности, на личностном – ощущение уникальности своего личного жизненного опыта, а на социальном – отражение связи человека с социальными идеями и нормами. Этот признак раскрывает идентичность как феномен, приводящий к установлению тесной взаимосвязи индивида и общества.

Есть множество подходов к формированию идентичности, однако коренным малочисленным народам Севера присуща позиция эссенциализма и примордиализма. Эссенциализм основан на предположении о существовании изначальной «сущности», которая определяет идентичность (пол, раса и др.). Основу примордиализма составляют

биологические признаки. Например, кровное родство, формирующее группу «семья» [2].

На основе исследования литературы, посвященной изучению идентичности, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, идентичность является выражением потребности индивида, поскольку именно группа дает то ощущение единства, которое необходимо человеку.

Во-вторых, идентичность позволяет переносить индивиду на себя положительные аспекты и качества, присущие его группе, создавая образ более эффективного осуществления жизнедеятельности.

В-третьих, идентичность позволяет осуществлять право человека на выбор, который характеризуется положительным настроением, поскольку индивид осуществляет его исходя из своих предпочтений. Результатом этого выбора зачастую является ощущение надежности.

В-четвертых, идентичность предполагает одновременно выделение личности из культурной среды конкретно-исторического социума, но в то же время принадлежность человека к этому социуму [3].

Актуальность поиска идентичности в регионах России связана с несколькими процессами в стране и мире. Во-первых, глобализация, которая делает необходимым стремление территорий обособиться и определить собственную специфику, для того чтобы выдержать экономическую конкуренцию на мировом рынке, сохранить самостоятельное право на управление, а также подчеркнуть культурную уникальность. Во-вторых, социальные изменения в постсоветском пространстве, которые все еще вызывают необходимость самоопределения через обращение к устойчивым основаниям – семье, ближайшему окружению, территории, вновь подчеркивая важность региона как идентификационного ресурса.

Список литературы

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь. – М.: Эллис Лак, 1997. – 735 с.

2. Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социальном научном знании // Вопросы социальной теории. Том IV. – 2010. – С. 170–192.

3. Колесов Д.В. Антиномии природы человека и психология различия (К проблеме идентификации и идентичности, идентичности и толерантности) // Мир психологии. – 2004. – № 3. – С. 16.

4. Копцева Н.П., Пименова Н.Н., Середкина Н.Н. Изучение декоративно-прикладного искусства и традиционных религий коренных

малочисленных народов Севера как фактор формирования позитивной общероссийской культурной идентичности // Педагогика искусства. – 2013. – № 2. – С. 15–30.

5. Жуковский В.И. Теория изобразительного искусства. – СПб.: Алетейя, 2011. – 496 с.

Народные верования как репрезентация этнокультурной идентичности ирландцев

Пашова Элина Витальевна

магистрант направления «История искусств» кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

В настоящее время в научном сообществе еще не сложилось единой точки зрения на понятие «этнокультурная идентичность». В данных тезисах в основу положено представление о том, что этнокультурная идентичность представляет собой сложный социально-психологический феномен, содержание которого определяет осознание индивидом своей общности с некоторым этнонациональным образованием на основе разделяемой культуры, глубинное эмоциональное переживание этой общности и соответствующие культурные формы ее манифестации [1].

Этнокультурная идентичность любого народа формируется через социокультурную сферу и социально-культурные институты, входящие в ее состав (например, семья, сеть образовательных учреждений, культурно-досуговые учреждения и т. д.) на основе знания истории и культуры народа, его родного языка, укоренившихся вариантов получения образования и сохранения культурной самобытности. Этнокультурная идентичность формируется в процессе свободного и добровольного жизнетворчества нации [2].

Народные верования (народная религия) могут определяться как формы и проявления религиозных представлений, отличные от официальных доктрин и практик институциональных (организованных) религий. Народная религия есть нечто, состоящее из этнических и региональных религиозных обычаев под оболочкой религии, но вне официальной доктрины и практики [3].

На основе этих определений можно говорить о том, что народные верования (народная религия) являются одним из способов ре-

презентации этнической идентичности, поскольку они – неотъемлемая часть процесса формирования культуры любого народа.

Если не считать глубоких по своей синеве моря и неба, в портрете Ирландии преобладают две краски: свежесть зеленой травы, спорящая с холодной сединой камня. Даже изгороди из серых камней, разделяющие многочисленные пастбища, кажутся такими же неподдельно древними, как развалины средневековых крепостей и сторожевых башен. Ирландская природа поражает тем, что донныне выглядит почти такой же нетронутой и необитаемой, как в те далекие века, когда последователи святого Патрика строили монастыри и воздвигали на взгорьях каменные кельтские кресты.

Ирландия – страна легенд и сказок. Именно на основе данного материала происходит анализ народной религии. Основными персонажами, наиболее часто встречающимися в ирландских сказаниях, являются Племя богини Дану, фэйри, или феи (по некоторым представлениям имеющие родственную связь с данным Племенем), и ле-преконы.

В кельтской (ирландской) мифологии Дану – богиня созидания, мать-прародительница основной группы богов, представляющих собой могущественных и прекрасных туатов, вошедших в предания как Племя богини Дану (Туата де Дананн – Племя богов, чья мать Дану), четвертой из пяти мифических «рас», правивших Ирландией до прихода Сыновей Миля (людей), предков современных ирландцев. Представители Племени богини Дану считались волшебниками и обладателями магических знаний. После поражения от Сыновей Миля в Битве при Тальтиу Племени богини Дану были вынуждены скрываться от глаз смертных в подземном мире. В связи с этим подземная Ирландия стала пониматься как царство туатов, некогда могущественные Племена богини Дану превратились в обитателей холмов, владык нижнего мира, в позднем фольклоре преобразившихся в сидов – ирландских эльфов, фей и гоблинов, а Дану – в покровительницу эльфов и фей [4].

Фэйри, фея – существо метафизической природы, обладающее необъяснимыми, сверхъестественными способностями, ведущее скрытый (как коллективный, так и обособленный) образ жизни и при этом имеющее свойство вмешиваться в повседневную жизнь человека, под видом добрых намерений нередко причиняя вред [5]. Феей может называться существо как женского, так и мужского пола, но в различных мифах по отношению к мужчинам гораздо чаще фигурирует название «король фей».

Племя фэйри обладает тонким чувством права и справедливости и никогда не будет мириться с нарушениями их законных границ во всех областях (материальной и духовной). Во все времена люди мечтают о встрече с этим прекрасным, вечно юным народом, но эта встреча легко может обернуться несчастьями и даже смертью для неосторожных: подглядывать за феями во время их веселья, угощаться их едой и вином в спрятанных дворцах, танцевать под музыку фей и любым способом нарушать их исконные права и границы – все дошедшие до настоящего времени легенды предостерегают ирландский народ от подобных поступков ради их же блага. И добропорядочные ирландцы продолжают жить в мире со своими необычными соседями.

Племя сидов восхищается красотой юных девушек и юношей, прекрасными младенцами – и это восхищение заставляет предпринимать всяческие попытки похищения заинтересовавшего фей человека. Чаще всего во дворцы фей попадают люди, привлечшие внимание волшебного народа своей красотой или же отмеченные особым благословием фей за определенные качества. К таким качествам относятся ценимая ирландцами щедрость и, конечно же, уважение к исконным правам племени сидов [6]. В связи с этим известны случаи, что от брака феи и смертного рождались дети со странной и мистической натурой, имеющие невероятные таланты к музыке и поэзии. Но эти же дети были страстными и мстительными, с ними было крайне непросто ужиться. Их легко можно было узнать по прекрасным глазам, отважному и бесстрашному характеру.

Наиболее узнаваемым персонажем ирландских народных верований является лепрекон, представляющий собой волшебника, исполняющего желания [7]. Традиционно изображаемый в виде небольшого коренастого человечка или имеющего вид маленького (не выше детей) человека преклонного возраста, лепрекон чинит один из ботинок с серебряной пряжкой, сидя чаще всего под терновым кустом.

Цвет одежды лепрекона зависит от местности, из которой он происходит, но обычно считается, что они предпочитают зеленое всевозможных оттенков. Большинство лепреконов больше всего любят три вещи: танцы, виски и охоту. К тому же курят крепкий и крайне едкий на запах табак.

Лепреконы могут творить свое волшебство лишь по ночам, с восходом солнца их чары не действуют; они могут выполнить ваши любые три желания, но если вы загадаете четвертое, то предыдущие пожелания отменяются, и вы остаетесь у разбитого корыта. Также существует поверье, что если вы смогли поймать зеленого башмачни-

ка, то вы имеете право потребовать у него горшок, полный золота. Но и еще никому и никогда не удавалось обмануть лепрекона: он всегда найдет способ вывернуться и удрать. Лепреконы носят с собой два кожаных кошелька: в одном из них лежит серебряный шиллинг – магическая монетка, которая всегда возвращается в кошелек, если ею расплатиться; в другом они носят золотую монету, которую используют для подкупа честных людей, оказавшись в трудной ситуации. Эта монетка обычно превращается в листья или пепел, как только лепрекон с ней расстаётся. Во всех случаях, заключая сделку с лепреконом, нельзя сводить с него глаз, ибо он может исчезнуть в любую секунду.

Вообще лепреконы существа хоть и не очень дружелюбные, но безобидные, они сами избегают людей. Но стоит их обидеть (а обижает их не выставленное на ночь блюдо с молочком, не снятая перед пыльным смерчем шляпа, убитая малиновка, срубленный терновый куст, присвоенный горшок золота да и любое нарушение их прав), и они тут же продемонстрируют свой мстительный характер и виртуозное владение волшебством. Спокойной жизни вам больше не видать. Самое разумное в этом случае хватать семью и нажитое добро и бежать подальше, не оглядываясь.

При наличии проработанной системы народных верований ирландцы с готовностью приняли христианство, так как рассказ о чистой и невинной Деве-Матери и ее Боге-Ребенке затрагивал самые глубокие струны душ нежных, любящих и благожелательных ирландцев [9]. Не уничтожая первоначальные верования, христианство тесно переплелось с ними и таким образом образовало мягкую и не навязанную со стороны религиозную систему. В дальнейшем ирландцы никогда не оскорбляли образа Божьего невериём или неблагочестием, хотя преследования и жестокие законы были для них крайне оскорбительными и унижительными. Уильям Йейтс писал, что, когда с приходом христианства ирландцы перестали почитать древних богов, те уменьшились в размерах [10]. Видимо, именно этим фактом объясняется миниатюрная комплекция всего волшебного населения Ирландии.

Создавая в своих преданиях образ волшебного племени фей, ирландцы опирались на собственные предпочтения и свой характер. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ирландцы представляют себя как народ, склонный ко всему прекрасному и артистичному. В их жизни огромную роль играли красота формы, музыка и песни, поэзия, блеск и благородные наслаждения. Цени интеллект и очарование, они ставили все духовное и идеальное гораздо выше матери-

ального и грубого. Поэзия, ученость, музыка, ораторское искусство, героизм и блестящие достижения – таковы были истинные качества, почитаемые ирландцами во все времена.

Список литературы

1. Малыгина И.В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – Режим доступа: <http://vestnik.uspu.org>.

2. Студенческий научный форум [Электронный ресурс]: VI Международная студенческая электронная научная конференция. – Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru>.

3. Bowman M. Chapter 1: Phenomenology, Fieldwork, and Folk Religion / M. Bowman // Religion: Empirical Studies: ed. Steven Sutcliffe. – Ashgate Publishing. – 2004. – 279 p.

4. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. – М.: Астрель, 2005. – 431 с.

5. Britannica Concise Encyclopedia: fairy [Электронный ресурс]: Britannica Concise Encyclopedia. – Режим доступа: <http://www.answers.com>.

6. Уайльд Ф.С. Легенды, заговоры и суеверия Ирландии. – М.: Центрполиграф, 2014. – 512 с.

7. The Leprechaun Legend: Fantasy Ireland [Электронный ресурс]: Fantasy Ireland. – Режим доступа: <http://www.fantasy-ireland.com>.

8. Королев К.М. Мифология Британских островов: энциклопедия. – СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 640 с.

9. Вагнер В. Норвежские, кельтские и тевтонские легенды. – М.: Центрполиграф, 2010. – 284 с.

10. Йейтс У.Б. Кельтские сумерки. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 224 с.

11. Шушлебина Т.А. Волшебные существа: энциклопедия / под ред. Т.А. Шушлебиной. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 512 с.

Перспективы развития международных отношений в освоении ресурсов Арктического шельфа

Аброськин Данил Александрович

аспирант кафедры экономики
Новосибирского государственного университета

г. Новосибирск

Арктика является одним из центров международного сотрудничества. Постепенно к региону повышается внимание ввиду перспектив разработки углеводородных месторождений Севера. Непредсказуемым становится соприкосновение интересов мировых держав в регионе.

Экспертным сообществом Арктике было дано название «крайний энергетический рубеж», так как регион может стать одной из последних неосвоенных кладовых с природными ресурсами планеты [1], в связи с чем обоснован как экономический, так и политический интерес большинства государств к Арктике, и особенно к Арктическому шельфу.

Со стороны России видится необходимость развития нового направления международного экономического сотрудничества, в ходе которого будет организовано содействие появлению и развитию науки и технологий, повышена привлекательность и конкурентоспособность региона. В том числе развитие и исследование энергетических ресурсов поможет в обеспечении стратегической безопасности.

На сегодняшний день состояние энергетического комплекса во многом определяет развитие мировой экономики. В мире, вопреки различным, в большинстве своем европейским, программам перехода к «зеленой» энергетике и применению возобновляемых источников энергии, потребление углеводородов занимает значительное место. Основным из перспективных направлений является повышение добычи энергоресурсов из шельфовых месторождений.

Арктический шельф России – это богатый природными ископаемыми регион, способный обеспечить значимую долю энергетических потребностей как России, так и мира в целом. Это наталкивает нас на предположение, что уже сейчас, одной из важнейших геополитических задач России является освоение ресурсов Арктического шельфа и укрепление своих позиций на международной энергетической арене. В свою очередь, актуальным является вопрос: есть ли не-

обходимость в наращивании темпов освоения энергоресурсов в Арктике уже сейчас или оптимальным будет сосредоточение сил и ресурсов на добыче уже существующих месторождений и продолжении геологоразведочных работ в Арктике? Цель данного исследования – проанализировать экономический потенциал Арктики и выявить возможности и перспективы освоения ее энергетических ресурсов на международном уровне в сотрудничестве с основными арктическими державами.

Если говорить о российско-норвежских отношениях в плане развития региона, то на первом месте находятся вопросы освоения углеводородов на шельфе, далее – о более широком применении транспортных морских путей, главным образом Северного морского маршрута. Поскольку Норвегия выступает крупнейшим экспортером сырья в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), она имеет интерес к расширению поставок и, соответственно, к использованию маршрутов, в наибольшей степени выгодных для доставки. Это осуществимо с помощью объединения мощностей в сфере морского транспорта, поэтому довольно важным является применение СМП, так как он представляет собой наиболее краткий водный путь между Европой и АТР. Тем не менее такая кооперация может привести к появлению конкуренции, ведь Норвегия также имеет интерес к растущему объему грузопотоков на Севере, который приходится именно на норвежские порты.

Для стратегического партнерства России и Норвегии существует база в рамках исследовательских работ и добычи нефти и газа. Так, например, в 2008 г. подписан договор между тремя известными компаниями – Россия («Газпром»), Норвегия (Statoil) и Франция (Total) – о создании совместной компании «Штокман Девелопмент АГ» для разработки Штокмановского месторождения. Сама компания «Штокман» отмечает, что это в большей степени проект РФ, развивающийся благодаря вовлечению международного опыта и инвестиций. Запасы месторождения оценены в 3,8 трлн м³ газа и примерно 37 млн т газового конденсата. Данные запасы расположены в центральной части российского шельфа Баренцева моря. По разведанным данным считается, что Штокмановское на сегодняшний день одно из самых крупных месторождений мира. В 2012 г. Statoil, а затем, в 2015 г., Total покинули состав акционеров компании, и теперь «Газпром» – его единственный акционер. Так как произошло снижение цен на углеводороды и перепроизводство газа в США, проект, к сожалению, временно прекратил свою деятельность, однако в будущем планируется

его дальнейшее развитие и возможная причастность иностранных компаний к этому процессу.

Совместным российско-норвежским проектом в Арктике также следует считать подписанное в 2012 г. соглашение между «Роснефтью» и Statoil о сотрудничестве по освоению частей российского и норвежского шельфа в Баренцевом и Охотском морях. Положительным моментом данного соглашения является участие «Роснефти» в освоении норвежских участков. Помимо этого, соглашение поможет в урегулировании вопроса о границах морских пространств. В целом, несмотря на различия в национальных интересах, конфликты из-за архипелага Шпицберген и ряд других аспектов, в отношениях России и Норвегии наблюдается конструктивное желание к компромиссному принятию решений, достижению поставленных целей и избеганию всевозможных конфликтов. После заключения Договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане растет возможность стратегического партнерства стран в вопросах усовершенствования и развития Арктики [2]. Немаловажным является принятие решений, основанных исключительно на международно-правовой базе, а также принятие принципа взаимной выгоды, а не только достижения высоких политических амбиций.

В перспективе российско-датского сотрудничества существует несколько приятных моментов, которые создают базу для дальнейшей совместной работы в Арктическом шельфе. Однако позиция Дании в первую очередь нацелена на кооперацию в рамках международных организаций и многосторонних соглашений, но не на двухстороннем партнерстве. Цель Дании – обеспечить безопасность навигации в арктических водах, увеличить сотрудничество и доверие в мировом сообществе, усовершенствовать системы обмена данными по вариациям в регионе. Вопреки существующей конкуренции между Россией и Данией в вопросах расширения границ континентального шельфа за пределы двухсотмильной зоны, ее действия никогда не покидают рамки Конвенции ООН по морскому праву, это является подтверждением стремления страны к усилению стабильности, прозрачности и сотрудничества в Арктике, что совпадает с интересами РФ.

Дания отмечает, что одним из основных ее интересов является увеличение роли Арктического совета (АС). Тот факт, что становление АС как единственной политической структуры, регулирующей возникающие проблемы в Арктике, согласующей основные направления сотрудничества и разрабатывающей общие нормы и соглаше-

ния для стран-членов, является неоспоримо выгодным для обеих стран. Такое усовершенствование АС позволяет дать гарантию на исключительность арктических государств в вопросах принятия решений и определения ключевых параметров развития, не допуская помех со стороны неарктических стран. Таким образом, уже заключены соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в регионе, а также соглашение по борьбе с нефтяными разливами в Арктической зоне.

Перспективным является двухсторонняя кооперация по освоению нефтегазовых ресурсов шельфа, а также по использованию специальных судов для бурения скважин, строительства и обслуживания инфраструктуры, энергетической и транспортной. Важным направлением российско-датского сотрудничества представляется экология, а именно мониторинг изменений в климате региона, с целью избежать или преодолеть возможные негативные исходы. Вышеизложенные перспективные курсы сотрудничества Дании и России в Арктическом регионе – всего лишь часть большого потенциала. Стратегия Дании в Арктике выражена стабильным и бесконфликтным развитием региона, созданием благоприятных возможностей для наиболее тесного двухстороннего сотрудничества в различных областях: экономической, политической, научной, социальной, экологической и других.

Несмотря на спорные отношения между Россией и Канадой, существует несколько сфер, в которых сотрудничество стран является возможным. Так, например, существует тенденция к укреплению институциональной базы российско-канадских отношений. Поводом к этому послужило создание российско-канадской Межправительственной экономической комиссии (МЭК) в середине 1990-х.

Работа данной комиссии направлена на усовершенствование условий в аграрных, экологических, инфраструктурных и других сферах. МЭК способствует реализации множества проектов, которые касаются сохранения и восстановления биологического многообразия и защиты окружающей среды Крайнего Севера. Политический Договор о согласии и сотрудничестве (1992) и разного рода экономические соглашения являются правовой базой в межстрановых отношениях, они регулируют и контролируют капиталовложения, торгово-коммерческие отношения, уклонение от налогообложения и многое другое.

В 2000 г. было подписано и затем дополнено Совместное российско-канадское соглашение о сотрудничестве в Арктике, в котором были заявлены ключевые курсы двухсторонней кооперации в Арктическом регионе, в их состав включены рациональное и правомерное

пользование атомной энергией в мирных целях, в сельскохозяйственных, рыбоводческих и других областях. Более того, с 2002 г. действует рабочая группа из нескольких стран по сотрудничеству в области мониторинга изменения климата. Важным аспектом является совместная инициатива России и Канады в поддержку превращения Арктического совета в главную международную организацию, которая бы обладала правом принятия решений, обязательных к исполнению для ее членов, и разрешения возникающих вопросов во всех сферах в регионе. Также РФ и Канада отстаивают необходимость четкого определения положения постоянных наблюдателей АС по вопросам неарктических государств и международных организаций. С помощью этого представляется возможным полностью понять границы возможностей неарктических государств и международных организаций в регионе и одновременно подтвердить преимущество пяти арктических государств, что является выгодным как России, так и Канаде – странам с наиболее протяженными границами в Арктике [3].

В итоге на сегодняшний день основными проблемами в сотрудничестве между Канадой и Россией, а также во всем арктическом сообществе является безопасность судоходства, загрязнение морской среды и т. п. Допускается, что грамотно согласованная политика правительственных ведомств и институтов может позволить снизить конфликтность российско-канадских отношений и укрепить механизмы кооперации не только в Арктике, но и в мире в целом [4].

Если говорить о двустороннем сотрудничестве США и России, необходимо упомянуть проекты, связанные с освоением природных ресурсов региона. Вовлечение финансовых ресурсов и новых технологий увеличивает доступность процессов бурения в арктической зоне. Совместные проекты существуют, например, у компаний «Роснефть» с ExxonMobil и «Лукойл» с ConocoPhillips. Однако в настоящее время развитие данных проектов приостановлено из-за наложенных на Российскую Федерацию санкций в связи с украинским кризисом.

В вопросах военно-политического направления отношений существует тенденция к укреплению мер обоюдного доверия в регионе. Например, уведомление друг друга о прогнозируемых передвижениях военных кораблей, ограничение военного присутствия в особенно чувствительных природных областях. Однако на сегодня довольно сложно представить дальнейшее развитие отношений России и США в Арктике ввиду влияния огромного числа факторов.

Играет важную роль продуктивность внешней политики России по привлечению технологий и иностранных инвестиций. Наконец, не-

ясно, сохранится ли у США потребность в преимущественно односторонних действиях, или все же они предпочтут многостороннее сотрудничество.

Каковы перспективы России по работе на Арктическом шельфе. Что ждет Арктическую зону России в будущем?

Намерения Министерства промышленной торговли РФ до 2020 г. состоят в снижении на 20 процентных пунктов с помощью импортозамещения доли импорта в потреблении таких направлений, как переработка сырья, сжижение природного газа, увеличение эксплуатации и нефтеотдачи скважин, их бурение, геологоразведка и транспортировка нефти и газа. Однако, ссылаясь на мнения экспертов, следует отметить, что для воплощения такого плана существует необходимость инвестировать в отрасли значительно раньше. Так как в такой короткий промежуток времени усовершенствовать или создать с нуля технологии, до этого момента не развивавшиеся в России, практически невозможно.

Эксперты выделяют два ключевых пути развития энергетической политики в данных условиях: первый состоит в сохранении прежних приоритетов в энергетической политике и стремлении справиться с негативными последствиями от введения санкционных ограничений, а второй путь – адаптирование приоритетных направлений с учетом изменившихся экономико-политических условий, также связанных с санкциями.

Первое направление подразумевает дальнейшее освоение ресурсов, но для воплощения данных планов необходимо финансирование и технологии, поступающие в основном из азиатских стран, главным образом из Китая, который является наблюдателем в Арктическом совете, а также Индии, Сингапура, вместо Европы и США. Но существует проблема, которая связана с компетентностью стран Востока, так как разработанные ими технологии для освоения участков, расположенных в значительно более благоприятных климатических условиях, могут не подойти для российской Арктики.

В связи с этим есть вероятность высоких финансовых затрат при значимом риске невозврата капиталовложений, а также экологических рисков. Кроме того, существует проблема, связанная с целесообразностью стремления сохранить досанкционные масштабы освоения путем больших заимствований при том, что в последние годы условия получения финансовой помощи на любом финансовом рынке стали существенно дорожать.

Второе направление связано с временным стратегическим снижением темпов освоения Арктического шельфа в связи с труд-

ностями извлечения ресурсов, необходимостью огромных затрат и переходом к усиленным работам по добыче углеводородов в уже действующих месторождениях, которые расположены в Западной и Восточной Сибири.

Если выбрать данную стратегию, то существует немалая вероятность избежать экологических потерь в регионе, а также произойдет уменьшение спроса на инвестиции в капиталоемкие проекты на континентальном шельфе при негативных условиях для их финансирования, а у предприятий России, которые занимаются производством нефтегазового оборудования, возникнет возможность расширить свою деятельность.

В целом в мире существует понятие важности и уникальности Арктического шельфа, а также необходимости его освоения, однако, по мнению авторов, сложившиеся геополитические условия, несоответствие состояния флота с лицензионными обязательствами, низкие цены на нефть, неразвитая инфраструктура, экологические риски и сложная ледовая обстановка в определенных районах Арктики говорят в пользу выбора более рационального варианта развития событий. Стоит временно отложить проекты по добыче нефти и газа и уделить внимание активизации геолого-разведочных работ, территориальных и климатических исследований, проектов по модернизации флота, усовершенствованию инфраструктуры и транспортных путей.

В будущем, после снятия санкций с России и российской нефтегазовой отрасли, техническое оснащение за счет собственной или импортной инфраструктуры улучшится, появится необходимое финансирование, решатся остальные проблемы, настанет время провести работы по добыче на континентальном шельфе российской Арктики.

В заключение отметим, что развитие Арктики и исследование шельфа есть важная государственная стратегическая задача, а шельфовые проекты в Арктике представляют собой драйверы социально-экономического развития малодоступных, отдаленных районов страны. Развитие этих регионов в будущем принесет большую отдачу, а временная неблагоприятная конъюнктура на мировом рынке углеводородов не должна оказать влияние на реализацию намеченных планов.

Список литературы

1. Медведев Д.А. Международное экономическое сотрудничество в Арктике. Арктический экономический совет / под ред. В.П. Журавеля. – М.: АНО ЦСОиП, 2015. – 92 с.
2. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? – М.: РИСИ, 2011. – С. 86–93.
3. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Стратегия Канады в освоении Арктики // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. – М.: Аспект Пресс, 2013. – С. 148–150.
4. Уткин С.В., Карлусов В.В., Лунев С.И. и др. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. – М.: АспектПресс, 2013. – С. 231–256.

Представления о цыганах в современном российском обществе

Резникова Ксения Вячеславовна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Цыгане являются одним из наиболее неоднозначно (в том числе и крайне негативно) воспринимаемых этносов. В данной работе предпринята попытка исследования представлений о цыганах, причин представлений, способов их формирования и изменения.

В качестве материала для изучения выбрана дискуссия в «Живом журнале» [1], развернувшаяся в августе 2016 г. и инициированная цыганом, участниками которой стали молодые родители (по большей части женщины). Тема дискуссии была обозначена следующим образом: «Лаше дес, русские сестры! Скажите, а ваши дети боятся нас, цыган, когда видят на улицах? И что вы им про нас рассказываете? Спасибо. (Мне просто интересно знать, ВСЕ ли русские врут своим детям, будто мы сплошь наркоторговцы и – надо же такое выдумать – детей воруют, или нет...)». По данной теме было оставлено 438 комментариев.

Метод исследования – нарративный анализ. Высказывания, оставленные в дискуссии, были проанализированы с точки зрения того, как представляют себе цыган россияне, какие черты данного этноса

видятся наиболее характерными (внешний вид, места дислокации, виды деятельности и др.).

Внешний вид цыган. Внешность является одним из наиболее значимых маркеров цыганского этноса. Причем женщины обладают более характерной внешностью, чем мужчины. Характерность эта обусловлена, во-первых, традиционной одеждой – цыганки носят платки, длинные юбки; во-вторых, атрибутом цыганок является присутствие рядом неопрятных детей. Характерных фенотипических признаков цыган участники дискуссии не смогли выявить. Следовательно, цыган, одетых не в традиционные одежды и не окруженных детьми, как правило, невозможно идентифицировать как принадлежащих к этому этносу.

Места дислокации цыган. Многие участники дискуссии отмечают, что сейчас цыган стало меньше, по крайней мере, в крупных городах. В Москве цыган можно встретить обычно на вокзалах, по городу их стали замечать редко. Проживают цыгане в Тульской области, в Брянске, в Уфе, в Ивановской области и др. Как правило, цыгане обитают в деревнях, поселках или городском частном секторе. Порой они занимают поселок целиком или составляют значительную часть его населения или живут таборами. Благополучные районы, по представлениям участников дискуссии, не связаны с цыганами.

Виды занятости цыган. Виды занятости цыган можно разделить на две группы. В одной – положительно или нейтрально оцениваемые общественностью. В другой – негативно. По мнению участников дискуссии, делами из первой группы заняты единицы цыган. К положительно или нейтрально оцениваемым занятиям можно отнести искусство, работы по металлу, заводское производство, спорт, науку. Искусство, в котором задействованы цыгане, – это театр, песни и танцы. Но даже в оценке этой сферы деятельности мнения разделились. Одни (и в первую очередь цыгане) считают цыганское искусство неплохим и даже замечательным; другие высказываются пренебрежительно или крайне негативно. Участник, инициировавший обсуждение, идентифицирует себя с котлярами – занимающимися работами с металлом. Кроме инициатора дискуссии, о цыганах-жестянщиках упоминали лишь два комментатора, и один из них – резко негативно. Единжды в комментариях упоминаются цыгане-ученые, спортсмены и заводские рабочие.

К отрицательно оцениваемым участниками дискуссии видам деятельности цыган относятся по большей части противоправные занятия (воровство, грабеж, наркоторговля, незаконное хранение ору-

жия), а также гадание, попрошайничество и т. п. Чаще всего комментаторы приводят примеры незаконного завладения имуществом, осуществленного цыганами. Крадут цыгане не только имущество, но и детей. Мнение цыгана, участвовавшего в дискуссии, о воровстве неоднозначно. С одной стороны, умение воровать им расценивается как отличительная черта его этноса, которой он даже гордится (некоторые участники дискуссии также склонны рассматривать умение воровать как талант цыган); с другой стороны, этот же цыган говорит, что воры среди цыган не распространены, что это миф.

Типично женским видом деятельности среди цыган является гадание; причем цыганки не только гадают, но также занимаются заговорами и активно предлагают эти услуги. За отказ от гадания или других услуг цыганки проклинаят. Цыганки также побираются, причем, как отмечают участники форума, делают это не в форме просьбы милостыни, а в более агрессивной манере; попрошайничеством активно занимаются дети. Цыганские подростки могут избивать других подростков. В целом, с точки зрения участников дискуссии, по большей части цыгане занимаются плохими делами. Не единожды упоминается, что цыгане много мусорят.

Жертвы цыган и меры сопротивления им. Как правило, жертвами цыган становятся женщины: как участницы дискуссии, так и их родственницы, подруги. Также жертвами могут выступать не только физические лица, но и предприятия, в частности связанные с газовой промышленностью.

В качестве мер сопротивления цыганам обычно называются три способа действий. Во-первых, игнорирование. Это самый простой метод борьбы с цыганами – переходить на другую сторону улицы, не разговаривать и др. Во-вторых, повторение приемов самих цыган: например, предлагать погадать им самим или проклинать их. В-третьих, поиск защиты у тех, кто воспринимается как более сильный. Как правило, женщины, будучи потенциальными жертвами цыган, таковыми воспринимают мужчин, в том числе родственников и представителей силовых органов. Для детей защитниками от цыган выступают родители.

Отношение к цыганам. Отношение к цыганам у участников дискуссии неоднозначное: оно двояко в силу наличия, по практически общему мнению, двух разных типов цыган, отличающихся в том числе по численности. К первому относятся осуждаемые общественностью цыгане, их большинство, это «типичные» представители этноса. Ко второму – малочисленные нетипичные цыгане, которые, с одной

стороны, не осуждаемы, с другой – их сложно идентифицировать как цыган. Вообще, обычно о цыганах говорят во множественном числе. Это или цыганские поселки, деревни, таборы – в том числе в переносном значении; или совместные дела, осуществляемые группой цыган. Если о цыганах говорят в единственном числе, как правило, речь идет о нетипичных представителях этноса.

Подавляющее большинство участников дискуссии оценивает цыган негативно и резко негативно. Причем такое отношение к цыганам распространено не только в России, но и за ее пределами. Причин плохого отношения к цыганам, как правило, называют две. Во-первых, это личный опыт. Хотя участники дискуссии и говорят о том, что не все цыгане плохие, но хороших большинство не встречало. Во-вторых, отношение к цыганам у некоторых участников дискуссии сформировано еще в детстве наставлениями родителей. Отдельные участники дискуссии говорят, что цыганами их пугали, цыгане воспринимались как вымышленные персонажи. Мнения о том, какое отношение необходимо сформировать к цыганам у собственных детей, у участников форума разделились. Одна группа настроена толерантно и не собирается специально рассказывать детям про цыган. Другая группа намерена и уже рассказывает детям о цыганах в негативном ключе и обучает мерам сопротивления цыганам.

Нетипичные цыгане встречаются крайне редко, это отдельные представители этноса. Нетипичность может быть проявлена в нескольких аспектах: во-первых, нетипичным является отсутствие традиционной одежды; во-вторых, незадействованность в криминальных сферах и наличие легального заработка; в-третьих, наличие образования; в-четвертых, оседлость; в-пятых, уважительное отношение к нецыганам, проявляющееся в дружеских или даже семейных отношениях с представителями не своего этноса.

В дискуссии представлена также точка зрения, согласно которой по цыганам нельзя определить – типичные они или нет. А также крайне негативная точка зрения на цыган, заключающаяся в том, что исключений, нетипичных цыган не бывает.

Отношение цыган к цыганам и нецыганам. Судя по анализируемой дискуссии, у цыган сильно противопоставление на своих (цыган) и чужих (всех остальных). Интересно обратиться в первую очередь к рассмотрению признаков, по которым происходит это деление. Если извне цыган отличают по внешности, роду занятий, местам обитания, то складывается впечатление, что изнутри различие происходит, прежде всего, по кровной, кровнородственной принадлежно-

сти или непринадлежности к этносу. На такой вывод наталкивают два обстоятельства.

Во-первых, при описании цыган инициатор дискуссии активно использует слова, описывающие родоплеменную принадлежность, – клан, род, племя, семья, братья, сестры; перенимают его манеру и другие участники дискуссии. Во-вторых, у участниц дискуссии наличие «цыганских кровей» не является поводом хорошего отношения к цыганам. И такое отношение к собственным корням является для цыгана – зачинателя дискуссии поводом для осуждения, поскольку, если человек признается в наличии цыганских корней, автоматически он должен придерживаться разделения на своих и чужих и всецело стоять на стороне цыган.

Проведя разграничение на своих и чужих, цыгане положительно отзываются о своих. Себя сами они (через инициатора дискуссии) называют «люди-праздник». Цыгане яростно защищают цыганские кланы, то есть своих, даже если никто из участников на них и не нападал. Если у чужих можно воровать, то своих обходят стороной. При этом маркером разделения на своих и чужих может служить внешний вид. Зачинатель дискуссии упоминает только положительные характеристики цыган, например почтительное отношение к старости. Причем делает это на противопоставлении «своих» и «чужих».

К чужим цыгане относятся достаточно плохо, не уважают их.

Способы изменения отношения к цыганам. Инициатор дискуссии в качестве средства для изменения представлений о цыганах обращается к фильмам, книгам и другим средствам конструктивизма. И часть участников дискуссии также полагают, что конструктивизм – довольно сильное средство, но цыгане воспользовались его результатами для собственной наживы.

Точка зрения других участников дискуссии заключается в том, что конструктивизм может быть применен только на основании реальных действенных мер, предпринимаемых цыганами по улучшению собственного поведения.

Выводы. Цыгане опознаваемы представителями других этносов прежде всего по внешнему виду (в основном женщины и дети), по роду занятий (отрицательным или условно-положительным) и местам обитания (поселки, городской частный сектор, вокзалы; в благополучных районах цыган практически нет). Жертвами противоправных действий цыган выступают, как правило, женщины. Меры сопротивления цыганам – игнорирование, использование их же методов, поиск защиты.

Цыгане четко разделяют всех людей на своих и чужих и делают это, видимо, по признаку кровной принадлежности. Свои активно и даже агрессивно защищаются, в отношении своих не совершаются противоправные поступки. К чужим у цыган отношение плохое.

Отношение к цыганам основывается на двух составляющих: в первую очередь, это личный опыт (негативный зачастую), во вторую – представления, сформированные родителями (также негативные). Негативное отношение распространяется на типичных цыган, к которым относятся все перечисленные ранее признаки; положительно участники дискуссии относятся к нетипичным цыганам.

Цыгане полагают, что отношение окружающих к себе можно изменить исключительно средствами конструктивизма (в частности, с помощью произведений искусства). Представители других этносов считают, что конструктивизм может быть применен только на основании измененного самими цыганами поведения.

Список литературы

1. Лаше дес, русские сестры! // Живой журнал «Малыши». – Режим доступа: <http://malyshi.livejournal.com/55739509.html?thread=1487011445#t1487011445>.

2. Правда и вымыслы о цыганах // Арзамас. – Режим доступа: <http://arzamas.academy/courses/4>.

Основные культурные смыслы в сознании современной молодежи (на материале контент-анализа СМИ и интернет-опроса молодежи)

Хребтов Михаил Яковлевич

аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Практически любая социальная группа, независимо от размеров, устойчивости и степени интегрированности в социум, обладает культурными смыслами в своем сознании. «Историческая реальность, отражаясь в умах людей, порождает общественные настроения, идеологии, социальные психологии, национальные характеры и проч. Те, в свою очередь, оказывают действенное влияние на реальность» [1].

Одна из важнейших функций культурной общественной деятельности сознания – формирование культурных смыслов поколений. Посредством этих смыслов, закрепленных в общественном сознании нации или народа, создается этнокультурная картина мира, которая оказывает свое влияние на жизненные принципы, личное восприятие и осознание внешнего мира у каждого индивида. Общие культурные смыслы людей, принадлежащих к одной нации, народу или социальной группе, составляют основу этнокультурного мифа, содержащего представление о главных общественных ценностях, общественной иерархии и этических запретах. В тех или иных различиях этот смысловой ценностный миф бытует в сознании поколений. «Важнейшую роль здесь, конечно, играет “вплетенность” в структуру личностных переживаний. Последние, характеризующие субъективную сторону мифа, его индивидуальную укорененность, выступают известным критерием истинности. Культурные смыслы мифа актуальны для индивидуума тогда, когда он находит в мифе ответ хотя бы на один свой смысложизненный вопрос» [2]. Таким образом, в смысловом мифе тесно взаимосвязаны традиционное историко-культурное содержание и личный опыт человека, его эмоциональное переживание этих смыслов.

Молодежь является социальной группой, которая имеет личные смыслы, формирующие свои этнокультурные мифы, которые дают ответы на понимание желаний, потребностей, стремлений и т. д. Поэтому данное исследование ставит своей целью выявить основные культурные смыслы современной молодежи, которые и развивают ее культурные мифы. Данное исследование базируется а) на проведенном контент-анализе СМИ, где использованы материалы из выступлений молодых людей в СМИ, на молодежных ток-шоу, в социальных сетях, в ходе публичных молодежных протестов, а также художественные тексты с молодежным авторством, маркированные лозунгами и логотипами молодежные события; и б) на социологическом опросе молодежи, в результате которого было опрошено 94 респондента в возрасте от 16 до 25 лет.

Проведенные контент-анализ СМИ и интернет-опрос выявили основные культурные смыслы молодежи: стремление проявить себя и доказать свою значимость; желание самоутвердиться; прославиться, невзирая на культурные ограничения и запреты, а порой осознанно пренебрегая ими; утверждение своей самостоятельности, которая нередко оказывается мнимой; молодежный протест как доминирующая форма, содержание которой может быть самым различным; недоволь-

ство властью; стремление к самовыражению; увлечение различными течениями субкультур и «культурными миксами»; использование современной сленговой речи; стремление к обогащению; карьерный поиск; подражание кумирам; желание обладать самыми брендовыми продуктами благ; психологическая зависимость от интернета, от социальных сетей, компьютерных игр, видеоблогов; желание уехать в другое более перспективное место или страну насовсем или попутешествовать по миру; предпочтение западного образа жизни, образцы которого транслируются иностранными кинофильмами; общение с друзьями своего круга, чаще всего не лично, а через социальные сети; привязанность к современной громкой иностранной музыке (как западной, так и азиатской); неприемлемость однополых браков; стремление к занятиям спортом (причем спорт – это не сама цель, а способ достижения цели); потребность в поддержке родителей в важных и сложных жизненных ситуациях. Культурные смыслы, связанные с понятием «войны и мира», с проблемами родных и близких, с созданием собственной семьи отходят на второй план; так же, как желание заниматься общественными проблемами, проявляющееся у относительно небольшой части молодых людей. Опрос также выявил, что в выборе работы на первое место ставится заработная плата, далее сам процесс труда и атмосфера в коллективе.

Исходя из данных, полученных путем контент-анализа СМИ и интернет-опроса респондентов, можно убедиться, что к условиям актуализации культурных смыслов относятся: мощное влияние средств массовой информации и интернета, культурные практики самой молодежной среды, иностранное кино и сериалы, телевизионные ток-шоу, иностранная музыка, пропаганда западного образа жизни, популярные аспекты восточной культуры. Существенным также является «стремление к перемене мест» на более перспективные и комфортные, причем возможность мигрировать или возможность путешествовать для этой социальной группы является одним из определяющих факторов их успешности, статусности, материального достатка.

Эмоциональные переживания молодежи своих смыслов также связаны с противоречивыми процессами социализации и самоутверждения себя в мире, идентификацией с одними смысловыми феноменами и резким отрицанием других, с чрезмерным увлечением модными явлениями и различными фанатскими движениями, что приводит порой к тому, что характеристики современного молодежного сознания могут существенно отличаться от характеристик сознания, присущего обществу в целом. Поэтому вполне правомерно вошедшее

в научный обиход понятие «молодежная культура», хотя более правильно было бы охарактеризовать ее как молодежную субкультуру в контексте культуры общенациональной.

Стратификация молодежи в современном российском обществе достаточно велика, молодежные интересы охватывают профессионально-карьерное пространство, связаны с обширной спортивной и творческой деятельностью, различными формами досуга, группами в социальных сетях, общественными молодежными объединениями и так далее. Поэтому молодежь является той значительной социальной группой, которая усложняет социальную организацию общества, что обусловлено интенсификацией культурных связей и обменов между поколениями, а также широко распространенным в последний период благодаря информационным технологиям межнациональным и межкультурным диалогом. Возникают новые варианты культурных смыслов, которые не вытесняют и не замещают предшествующие, а находят место рядом с ними. Тем самым углубляется и усложняется социально-культурная комплексность общества, но вместе с тем в него привносятся рассогласованность и разногласия, что становится источником потенциального общественного напряжения.

Список литературы

1. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры: традиция и современность. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 172 с.
2. Карлова О.А. *Mipnos sapiens* – миф разумный. – Красноярск, М.: КрасГУ, Академия поэзии, 2001.

Образ мигранта через призму кинематографа

Шантур Юлия Витальевна

направление «Зарубежное регионоведение» исторического факультета
Иркутского государственного университета

г. Иркутск

Проблема миграции и образа мигранта уже давно беспокоит общественность не только России, но и всего мира. Неконтролируемая, нелегальная миграция очень обострилась в последнее время в связи с событиями на Ближнем Востоке. На данную тему написано множе-

ство статей, снято не меньшее количество фильмов, и из-за своей актуальности данная проблема заинтересовала и автора данной работы.

При написании данной статьи автор опирался на другие работы по данной теме; в частности, на статью Е.Ю. Авдониной «Тема миграции в современном кинематографе: рефлексия над проблемой», где исследователь пишет о большом значении кинематографа (и, прежде всего, художественного кино) для восприятия зрителем каких-либо социальных проблем (в данном случае – проблем миграции). Сделав анализ трех фильмов на тему миграции, автор статьи приходит к выводам, что в современном мире проблема миграции является достаточно острой, а кинематограф, раскрывая эту проблему, помогает либо понять ее суть, либо примирить конфликтующие стороны и снять социальное напряжение, либо разрушить стереотипы зрителей относительно мигрантов.

Также была взята статья Ольги Кривилевой «Мультикультурализм в европейском кино: стихийный процесс или политический заказ?», в которой подробно рассматривается гипотеза о том, что возросший интерес режиссеров к проблеме миграции является политическим заказом, нежели естественным интересом.

В данной работе для анализа было взято три фильма (научно-фантастический фильм Нила Бломкампа «Район № 9», комедия Пола Мазурски «Москва на Гудзоне» и драма Аки Каурисмяки «Гавр»), которые выбирались в соответствии с определенными критериями: во-первых, выбирались фильмы разных жанров, для того чтобы проанализировать отражение проблемы миграции в фильмах разных категорий; во-вторых, выбирались фильмы разных режиссеров с целью рассмотреть проблему с разных углов и точек зрения; в-третьих, все фильмы сняты в разное время, и это тоже не случайность, а намеренный выбор, так как автор данной работы хотел проследить, менялся ли образ мигранта в глазах режиссеров.

Научно-фантастический фильм Нила Бломкампа «Район № 9» (2009 г.) очень хорошо, хотя и аллегорично раскрывает проблему миграции (в том числе апартеида). Данная работа рассказывает о межпланетном взаимодействии, а героями являются как реальные люди, так и вымышленные пришельцы. Для правдоподобности и максимального приближения картины к реальности режиссер использует такой прием, как мокьюментари (повествование с перемежающимися документальными кадрами). Достаточно лишь заменить вымышленных инопланетных существ реально существующими мигрантами, и картина будет налицо: беженцы приезжают в принимающую стра-

ну, где поначалу им предоставляется полный пакет социальной помощи. Далее количество прибывших увеличивается, денег из бюджета расходуется все больше, а среди населения начинает зреть недовольство: «Так много денег тратят на то, чтобы их здесь держать, как будто нет других проблем! Ну хотя бы держали их отдельно от нас» [3]. Со временем ситуация усугубляется и уже начинаются нападения на мигрантов со стороны обычного населения с целью их уничтожения, массовые беспорядки и протесты. Подобное положение совершенно невыгодно принимающей стране, так как напряженная атмосфера в обществе грозит вылиться в недовольство правительством и, возможно, приведет к его отставке. В такой обстановке страдают и сами мигранты, которые и без того неуверенно чувствуют себя, хотя бы потому, что находятся в чужой стране, живут изолированно от местного населения и полностью зависят от принимающей стороны.

Проблему миграции, затрагиваемую в данном фильме, можно проследить на конкретном примере Германии в 2016 г. Германия всегда была страной, куда стремились беженцы (например, в конце 90-х гг. Германия приняла более половины миграционных потоков ЕС), но в 2016 г. возник миграционный кризис.

Как известно, в 2015–2016 гг. активизировался миграционный поток в Европу, и в ФРГ в частности, из стран Северной Африки и Ближнего Востока. Желаящих переехать в хорошие условия жизни, которые правительство предоставляло нуждающимся, становилось все больше, а на их обеспечение требовалось дополнительное финансирование, что, в свою очередь, порождало недовольство населения. Катализатором агрессии со стороны граждан в отношении мигрантов стали массовые нападения последних на женщин ФРГ в канун наступления 2016 г., что вызвало волну протестов против мигрантов. Вся эта ситуация привела к тому, что осенью 2016 г. правительство ФРГ приняло решение о депортации большей части мигрантов.

Следующий кинофильм, который показывает проблему миграции, – это работа Пола Мазурски «Москва на Гудзоне» (1984 г.). Картина показывает 1980-е гг., разгар холодной войны. На гастроли в США приехал советский цирк, и саксофонист Владимир Иванов, увидев кардинально отличающуюся от советской жизнь граждан Америки, решает больше никогда не возвращаться на Родину. Он никогда раньше не задумывался об эмиграции из СССР, но, увидев «свободное» общество и другой уровень жизни людей, он вдруг сбежал. Владимир пытается устроиться на работу, но так как у него пока что нет гражданства, он перебивается временными подработками.

Однако, чтобы получить гражданство, нужно высидеть в огромной очереди и пройти множество процедур приема, что растягивается года на три. Живя в Америке, он знакомится с обратной стороной жизни принимающего общества и с множеством других проблем, таких как языковой барьер, предвзятое отношение к русским, проблемы трудоустройства и получения гражданства, бандитизм и безразличие к иммигрантам.

Фильм «Москва на Гудзоне» на примере главного героя – Владимира Иванова – очень четко и лаконично показывает проблемы мигрантов. Приезжающие люди, помимо проблем административного и бюрократического характера, сталкиваются с трудностями среди общества. Всегда существует языковой барьер между носителями разных языков и, как следствие, недопонимание друг друга. Помимо этого, мигранты и иммигранты сталкиваются с проблемой конфликта менталитетов.

И, наконец, последний фильм, который был использован при написании данной работы, – это кинофильм «Гавр» финского режиссера Аки Каурисмяки, вышедший в 2011 г. Сюжет разворачивается вокруг бывшего французского писателя Марселя Маркса, который однажды встречает мальчика Идриссу – нелегального мигранта из Африки и помогает ему скрываться от полиции. Друг главного героя – Чанг, тоже мигрант. Он рассказывает небольшую часть своей жизни, из которой становится понятно, что ему нелегко живется в чужой стране. Прежде чем ему дали разрешение на работу, он вынужден был долгое время обивать пороги различных инстанций, заполнять бумаги, оплачивать страховки и т. д.

Этот непримечательный момент иллюстрирует серьезную проблему адаптации мигранта в чужой стране как гражданина. Данную сюжетную линию нельзя назвать голословной, потому что мигрантам действительно нужно пройти через множество организаций и фирм, прежде чем им дадут хотя бы вид на жительство. Например, в Иркутской области, чтобы получить патент, нужно принести ряд документов (паспорт, полис, сертификат о сдаче экзамена по русскому языку, медицинские справки и т. д.) и заплатить 3106 руб. [3]. А ведь это немалые деньги для мигранта, учитывая то, что экзамен и заполнение медицинской справки тоже платные. Получается, что, приехав в какую-либо страну на заработки, мигранты сначала сами должны заплатить немалую сумму, чтобы их не депортировали из этой страны.

Следующий пример тяжелого положения мигрантов (в данном случае нелегальных) раскрывается в образе африканского мальчика Идриссу. Он вместе с еще полусотней мигрантов нелегально прибыл

в Гавр в грузовом контейнере. Как только полицейские обнаружили нарушение миграционного закона, они открыли контейнер с мигрантами, часть людей забрали в участок, часть отправили в лагеря для беженцев, а мальчик сбежал. Лагеря для беженцев представляют собой ужасную картину: грязь, антисанитария; люди спят на матрасе в палатке и готовят еду на костре на улице. Правительство не занимается ими, разве что только периодически сносит эти самостоятельно возникшие лагеря, депортируя часть их жителей на родину.

Получается, что по прибытии в другую страну мигрант либо должен пройти через все «круги ада», чтобы официально там остаться и работать; либо жить в нелегальных лагерях для беженцев, скрываясь от полиции и в девяти из десяти случаев промышляя бандитизмом.

Анализ данных кинокартин показывает положение мигранта в принимающем обществе и раскрывает такие проблемы, как адаптация мигрантов в принимающей стране, порядок их официального признания и трудности с получением гражданства. Фильмы также способствуют формированию у зрителя картины жизни мигранта и обсуждают такую важную и серьезную проблему, как столкновение менталитетов и культурное недопонимание между принимающей стороной и мигрантом.

Вышеперечисленные фильмы достаточно полно раскрывают большой спектр проблем мигрантов, подтверждение чему можно найти в реальной жизни (что и было сделано в данной работе для большей достоверности и насыщенности). Таким образом, данные фильмы отражают очень серьезную и актуальную, особенно в последнее время, проблему.

Список литературы

1. Авдони́на Е.Ю. Тема миграции в современном кинематографе: рефлексия над проблемой [Электронный ресурс] // V Междунар. науч.-практ. конф. «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы». – 2015. – URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/20924>.

2. Кривилева О.Г. Мультикультурализм в европейском кино: стихийный процесс или политический заказ? [Электронный ресурс] // Известия Иркутского университета. Серия: Политология и религиоведение. – 2012. – № 1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-v-evropeyskom-kino-stihiynyyu-protsess-ili-politicheskiy-zakaz>.

3. Халилбеков Х. Сколько стоит патент в регионах России в 2016 году? [Электронный ресурс] // Россия для всех. – 2016. – URL: <http://tjk.rus4all.ru/infographics/20160102/726408758.html>.

Фильмография

1. «Район № 9» (District 9), реж. Нил Бломкамп, ЮАР, США, Франция, 2009.
2. «Москва на Гудзоне» (Moscow on the Hudson), реж. Пол Мазурски, США, 1984.
3. «Гавр» (Le Havre), реж. Аки Каурисмяки, Финляндия, Франция, Германия, 2011.

Этническая специфика восприятия гендерных образов школьниками (результаты ассоциативного эксперимента)

Пчелкина Дарья Сергеевна

аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Кризисность подросткового возраста определяется социокультурными условиями, а также радикальными биологическими, психологическими, социальными и правовыми изменениями, в целом промежуточностью этого возраста в онтогенезе (М. Мид, Л.С. Выготский, В.И. Слободчиков и др.). Промежуточность статуса подростка заключается в том, что он пребывает в состоянии между взрослым и ребенком. Происходит избавление от родительской опеки в попытках получить или отстоять собственную независимость. И это избавление происходит не через отделение, разрыв отношений, а путем возникновения нового качества отношения, стремления к более дифференцированным отношениям с другими людьми. Все прежние идеалы подвергаются переоценке, поскольку отношения подростка с миром, обществом, различными социальными группами в целом дисгармонизированы. Подростковый период считается периодом социального созревания личности. Взгляды на окружающую действительность меняются. С 11 до 15 лет человек стремится осмыслить свою жизнь, свои права и обязанности, понять и утвердить самого себя; формируется стремление быть и считаться взрослым; чувство взрослости является структурным стержнем личности. Подросток определяет, что является нормами, идеалами для него самого.

Именно система ценностей является тем базисом, что соединяет деятельность индивида и социокультурную систему – определяет мо-

дели поведения, убеждения, мировоззрение, привязанности, то есть определяет личность как таковую и общество в целом. Подросток в процессе самопознания, определения ценностных ориентиров в том числе, выстраивает для себя образ мужчины, образ женщины, осмысляет их роли и функции в социуме.

При исследовании различия мужских и женских ценностных ориентиров был введен термин «гендер». Понятие «гендер» (gender) возникло в связи с необходимостью разграничить биологический и социальный пол. Так, слово *gender* в английском языке означает «социальный пол в совокупности с его психологическими и культурными признаками». Исследователи утверждают, что современная гендерная теория не ставит под сомнение наличие определенных биологических, социальных, психологических различий между женщинами и мужчинами: гендерная теория основывается на отрицании связи между анатомией мужчин и женщин и выполняемыми ими социальными ролями. Гендер находится под постоянным влиянием культурных норм, социальной ситуации, исторических факторов развития общества и т. п. Иначе говоря, имеет значение социокультурная интерпретация тех или иных различий между мужчинами и женщинами. В настоящее время, прежде всего, выделяют два вида идентичности: социальную и личностную (персональную).

Ассоциативный эксперимент является одной из наиболее эффективных и разработанных техник анализа. Ассоциация является символической, иногда прямой проекцией понятий, образов часто неосознаваемого содержания сознания. У каждой личности свое ассоциативное поле по составу наименований, по силе и количеству связей между ними. Закономерно, что уровень образования является одним из критериев объема понятий. Преимущество ассоциативного эксперимента – простота и удобство применения, так как он может быть проведен с большой группой испытуемых одновременно.

Испытуемые работают со значением слова в «режиме употребления». Испытуемый должен отвечать на определенный набор слов-стимулов как можно быстрее любым пришедшим ему в голову словом. Исследователем фиксируется тип ассоциаций, частота однотипных ассоциаций.

Данный ассоциативный эксперимент включал опрос 70 респондентов. Результаты опросов анализируются исходя из этнической принадлежности опрошенных, так как это позволяет зафиксировать, насколько стереотипные представления маскулинности и феминности эффективно работают у современных подростков при учете их этни-

ческой принадлежности. Для ассоциативного эксперимента респондентам были предложены понятия «мужское» и «женское».

«ЖЕНСКОЕ» в ответах респондентов

Все ответы респондентов можно разделить на три группы: положительные, нейтральные и негативные характеристики.

Респонденты группы 1 – немцы, латыши, поляки

К группе положительных к слову «женское» относятся: мать (2)¹, (1), чувство (1), дом (1), жизнь (1), уют (1), шопинг (2), магазин (1), развлечения (1), интересность (1), разнообразность (1).

К группе негативных характеристик относятся: тупость (1), лень (1), диета (1), вес (1).

К группе нейтральных: Фрейд (1), феминизм (1), платье (2), одежда (2), красота (2), стиль (1), прическа (1), духи.

Количество опрошенных – 5 человек.

Респонденты группы 2 – татары, грузины, азербайджанцы

Группу положительных характеристик составляют следующие слова: мама (6), красота (3), бабушка (1), девушка (1), забота (1), нежность (2), мягкое (1), обнимающее (1), расслабленное (1), длинные волосы (2).

К нейтральным характеристикам относятся: одежда (2), прическа (1), туфли на каблуках (1), косметика (1), магазины (1), украшения (1), фигура (1), роды (1), розовый цвет (1).

Группу негативных характеристик составляют такие характеристики, как некрасивое (1), уродливое (1), хитрое (1), непонимающая (1), слабое (1), хрупкость (1).

Количество респондентов – 8 человек.

Респонденты группы 3 – евреи

Положительные характеристики составляют следующие слова: гармония (1), любовь (1), романтичность (1), семья (1).

Группу нейтральных характеристик составляют такие слова, как тело (2), феминизм (1), эстроген (1), феминистка (1), одежда (1).

К группе отрицательных характеристик относятся следующие слова: несправедливый (1), ущемление (1), диета (1).

Число опрошенных – 5 человек.

Респонденты группы 4 – русские

Следующие слова относятся к группе положительных характеристик: мать (13), бабушка (4), сестра (4), тетя (3), жена (1), семья (2),

¹ Здесь и далее в скобках указано количество повторений данного слова в ответах респондентов.

подруга (3), бизнес-леди (2), феминистка (2), кухарка (2), человек (1), развитие (2), спортзал (1), работа (5), культура (2), искусство (3), мудрость (2), нежность (1), женственность (2), аккуратность (1), хитрость (2), сильный характер (5), решимость (5), скромность (2), элегантность (2), забота (3), поступок (2), скромность (2), мягкость (1), стиль (1), наглость (1), ласковая (1), доброта (1), любовь (7), уход (1), красота (13), коса (1), молодость (1), стройность (1), грудь (4), грация (2), тонкое (1), руки (4), фигура (4), глаза (1), губы (1), украшения (4), ребенок (4), кукла (1), солнце (2), шутки (1).

Нейтральные характеристики составляют такие слова, как помощь мужчине (1), готовка (2), домашняя работа (2), вера (1), путешествия (2), слабость (1), любит сплетни (2), думает, что не такая, как все (2), розовый (2), магазин (2), цветы (3), ваза (1), одежда (6), платье (3), наряды (3), духи (2), косметика (3), волосы (5), 90-60-90 (1), весы (1), мелодрамы (1), разговоры (2).

К группе негативных характеристик относятся: блондинка за рулем (1), эмоциональность (2), злорадство (2), нет памяти (1), строит из себя (2), распущенная (1), месячные (3).

Количество опрошенных – 54 человека.

«МУЖСКОЕ» в ответах респондентов

Респонденты группы 1 – немцы, латыши, поляки

Следующие характеристики относятся к положительным: поступки (2), сила (2), мощь (1), мышцы (1), смартфон (1), папа (1), благородство (1), мужское дело (1),

К нейтральным характеристикам можно отнести: мужской пол (1), черный (1), одежда (3), очки (1), обращение (1).

Такая характеристика, как матерщинник (1), составляет негативную характеристику слова «мужское».

Количество опрошенных – 5 человек.

Респонденты группы 2 – татары, грузины,
азербайджанцы

Группу положительных характеристик составляют следующие слова: папа (4), творчество (1), мнение (1), сила (4), мощь (1), род (1), наглость (1).

К нейтральным характеристикам относятся: охота (1), рыбалка (1), тело (3), парфюм (1), синий цвет (1), короткие волосы (1), большой (1), плечи (1), рука (1), глаза (1), прическа (1), борода (1), квадратное (1).

Группу негативных характеристик составляют такие характеристики, как брюхо (1), сидит за компьютером (1), грубое (1).

Количество респондентов – 8 человек.

Респонденты группы 4 – русские

Следующие слова относятся к группе положительных характеристик: папа (20), дедушка (2), брат (2), дядя (1), муж (3), парень (2), человек (7), самец (3), глава семьи (2), вожак (2), работник (9), сын (1), мужчина (3), мужик (4), мальчик (3), мастер (1), защитник (5), помощник (1), индивидуалист (1), солдат (2), президент (2), учитель (2), кутюрье (1), директор (1), ремонт (6), семья (1), носит на руках (1), сильный (14), мощный (7), смелый (2), храбрый (2), логика (2), хороший (2), умный (4), мужественный (5), брутальный (2), оберегает (1), веселый (4), поступок (1), четкость (1), обязанность (1), татуировка (2), красивый (2), спорт (9), охота (1), рыбалка (1), походы (1), баня (1), машина (5), автомобиль (3), игры (2), собака (2).

Нейтральные характеристики составляют такие слова, как начальство (1), необычный (1), тестостерон (1), строгость (2), много ест (1), сдерживание эмоций (1), хладнокровный (1), патриархат (1), официальный (1), гендер (1), национальность (1), право (1), одеколон (2), голос (2), борода (5), кадык (2), темные волосы (2), тело (7), мускулы (3), пресс (4), телосложение (5), одежда (8), пиджак (3), галстук (3), рубашка (3), брюки (2), носки (1), тяжелый (2), телевизор (1), телеканал (1), «Лего» (2), компьютер (2), телефон (2), статуя (2), говорит по-русски чисто (2), паспорт (1), гараж (1), жареная картошка (1), кофе (2).

К группе негативных характеристик относятся: неответственный (1), глупый (1), оказывает давление (1), грубый (2), плохой (1), злой (1), жадный (1), ужасный характер (2), гордость (1), нервный (1), нытье (5), власть (1), болтливый (1), носки валяются (1), диван (1), курение (2).

Количество опрошенных – 54 человека.

Подводя итоги исследования, можно увидеть, как общие ассоциативные ряды понятий, характерные для всех представленных этнических групп, так и характерные особенности, присущие определенной группе.

Можно говорить о том, что практически все подростки визуализируют «мужское» и «женское» через образы отца и матери, через образы родственников. В каждой группе зафиксированы длинные ассоциативные ряды, связанные с внешними признаками, внешностью – различная одежда, обувь, косметические средства, украшения. Это связано с возрастными особенностями респондентов, поскольку для психологии людей подросткового возраста характерна акцентировка

на внешности, на внешнем воплощении чего-либо, это проявление интереса к окружающему миру, к тому, как проявляют себя другие индивиды.

Людам в указанном возрасте, вне зависимости от этнической принадлежности, свойственна жесткая поляризация понятий, поэтому закономерны ассоциации, находящиеся в оппозиционном положении относительно друг друга. Так, слово-стимул «женское» наделяется рядом «красивое – уродливое», «умная – глупая», а «мужское» характеризуется «добрый – злой», «ответственность – безответственность» и т. д.

Однако результаты позволяют сделать некоторые выводы относительно этнических особенностей понимания женского и мужского у современных подростков:

- Ассоциации респондентов-евреев являются наиболее актуальными социально: к слово-стимулу «женское» предложили слова «феминизм», «феминистка», «ущемление». На опросных листах эти понятия были зафиксированы первыми, что говорит о том, что понятия «женское» и «феминизм» обладают в данный момент времени наиболее сильными связями.
- Респонденты-евреи также обращаются к ассоциациям, связанным с внешним видом, однако наделяют их негативной коннотацией; используются слова «диета», «вес».
- Респонденты группы 2, в состав которой входили татары, грузины, азербайджанцы, репрезентируют в обоих случаях (и на слово «женское», и на слово «мужское») относительно стереотипные ассоциации. Например, это ассоциации, определяемые родственными узами, – папа, мама; акцентирующие черты стереотипной внешности мужчины и женщины (так «женское» наделяется длинными волосами, а «мужское» – короткими); описывающие черты характера, традиционно приписываемые восточной женщине, – мягкость, нежность, слабость (ассоциация «красота» не является для данной группы респондентов ведущей), и мужчине – сила, мощь, ответственность.
- Группа респондентов 1, включающая немцев, латышей, поляков, наделяет «женское» негативными чертами характера – лень, тупость; акцентирует внимание на внешних показателях статусности – «мужскому» приписывается смартфон, «женскому» предлагается отправиться на шопинг и в магазин; также привлекается внимание к телу – зафиксированы ассоциации «диета» и «вес».

Реже встречаются ассоциации, связанные с родственными связями, семейными узами – реже в сравнении с остальными этническими группами, принимавшими участие в эксперименте. Также встречается понятие «феминизм».

- Группа русских респондентов являлась наиболее многочисленной, поэтому ответы демонстрируют разнообразные ассоциативные ряды. Ответы респондентов показывают два направления в понимании подростками маскулинности и феминности – традиционное и трансформирующееся. С одной стороны, зафиксированы понятия-родственники: папа, мама, бабушка, дядя, тетя, сестра. И «женскому», и «мужскому» приписаны стереотипные качества характера: красивое, нежное, заботливое, грациозное и т. п. – «женское» и сильное, мощное, умное, защищающее и т. п. – «мужское». С другой стороны, стоит отметить, что именно по результатам эксперимента в данной группе можно зафиксировать изменения и трансформацию образа «женского» и «мужского». Расширяется представление о сферах деятельности и реализации потенциала – так, женскому предлагается стать бизнес-леди; за исключением ответа одного респондента, отсутствует понятие «жена»; респонденты приписывают женскому такие черты характера, как решимость, логика, ум, поступок, деятельность и т. п. Несмотря на то что «мужское» остается сильным и смелым, одновременно респонденты наделяют «мужское» слабостью, безответственностью и нытьем. Русские известны вниманием к внешнему виду, поэтому ответы этой группы наиболее подробно ассоциируют гендерные отличия через различные виды одежды, украшений, косметики, обуви и т. д.

И в завершение стоит отдельно сказать, что в целом образ «мужского» не претерпел каких-либо значительных изменений, в то время как представление о «женском» переживает трансформацию. «Женское» отправляют в спортзал, реже связывают с замужеством, но ассоциируют с занятостью на работе, отправляют путешествовать, и достаточно часто звучит слово «феминизм». Без изменений образа «женского» прошла эксперимент группа, состоящая из этносов традиционно патриархального уклада жизни – татар, грузин, азербайджанцев. Поэтому если говорить о межкультурных взаимодействиях среди различных этнических групп, то необходимо учитывать факт изменения способа видения «женского» в современном мире, в том числе и в Красноярске.

К проблеме этнической идентичности эвенков

Метляева Светлана Васильевна

аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета

г. Красноярск

Рассматривая социальный контекст развития человека, его личности, необходимо прежде всего обратить внимание на этническую принадлежность. Несогласие человека в своем родовом существовании с характеристиками этносреды, ее спецификой либо способствует, либо препятствует раскрытию человеческой сущности. Любая культура сама по себе уникальна, она обогащает человеческое существование и цивилизацию самим фактом своего естества. Тем не менее хочется поговорить об особенностях культуры и языка эвенкийского народа, так как на сегодняшний день эта народность близка к полному исчезновению.

В 90-е гг. после распада Советского Союза случился некий кризис, вследствие которого эвенкийский язык почти полностью уходит из обихода. Остается он «маленькими крупицами» в устном творчестве старого поколения. Проблемой сохранения культуры, традиций народа обеспокоены современные российские этнографы. На протяжении многих лет совершаются полевые экспедиции к коренным народам Севера.

Их опросов коренного населения следует, что сохранение традиции и культуры эвенков невозможно без родного «эвенкийского языка». Необходимо понять, в какой форме возможна передача культурных ценностей от поколения к поколению.

Без всякого сомнения, можно смело говорить о том, что сохранение традиций – это почитание культурных ценностей и обрядов внутри каждой семьи малочисленного народа. В одном из интервью А.С. Елдыгир говорит, что «сохранение родного языка должно начинаться с семьи, с садика и заканчиваться школой». И это, безусловно, истина. Изучение необходимо начинать с малого детского возраста – это изучение сказок, пословиц и т. п. Если это будет интересно, «модно» и в «тренде», то проблемы, связанной с исчезновением культуры целого народа, вообще не будет. Но пока такая тенденция прослеживается, и необходимо искать пути ее разрешения.

Одно из таких решений – издание учебных пособий на эвенкийском языке. Современный мир со своим темпом развития диктует опре-

деленные принципы и устои. Можно говорить о том, что молодежь сегодня не имеет потребности в своем родном языке. Школьная программа в основном направлена на изучение английского языка, так как владение им открывает современному поколению определенные перспективы в будущем. Конечно, знание английского языка необходимо в нынешней жизненной модели, но и забывать свои родные корни никак нельзя. Главная причина исчезновения родного языка, как считают старожилы, – это смешанные браки. В семьях в основном стали общаться на русском языке, поэтому и эвенкийская речь мало где звучит.

Один из методов изучения эвенкийского языка – чтение текста на родном языке с переводом. Если книги пишутся для детской аудитории, то обязательно должны быть иллюстрации, так как с картинками интересней изучать язык. Содержание народного эпоса лучше всего подавать через образы животных. Эвенкия – это прежде всего животные и природа. Например, такие сказки, как «Как карась плоским стал», эвенкийская серия про птичек из «Горы самоцветов», «Как бурундук накормил медведя» и др., записаны в аудиорежиме местной театральной студией. Главное в этом то, что в процесс были вовлечены дети. Никогда не стоит забывать о том, что дети – это наше великое будущее.

В основном учебная литература – это букварь и родная речь на эвенкийском языке. Со времен советской власти велась такая политика: «Мы сохраним, не уничтожим, но вы должны на русском языке знать математику и все остальное тоже». Конечно, изучение математики на родном языке – это довольно сложно, ведь этот язык специализированный и больше подходит для повседневной бытовой жизни, охоты и рыбалки. Как известно, эвенкийский язык включает в себя до 13 падежей. Есть очень много слов, которые мы будем говорить долго, например «иди той дорогой, спустись через дерево», а носитель одним словом передаст весь смысл на эвенкийском языке. Он специализирован для этой цели, но никак не для математики.

Если рассмотреть эвенкийский язык с лингвистической стороны, то можно проследить его связь с тунгусо-маньчжурским. От русского он отличается тем, что падеж может означать «куда человек пошел, зачем пошел, в какое время он придет». Например, *гунчау* означает «сказал позавчера», *омодимех* – «могу прийти через год или через месяц». В эвенкийском языке разное время обозначается конкретными словами.

Необходимо также сказать о диалектах, которых в эвенкийском языке большое количество, и они «друг с другом спорят» иногда. На-

пример, кто-то говорит: *сулаки*, кто-то *хулаки*, а переводится одинаково – «лисица»; разница в первых звуках «х» и «с», в каких-то районах начальные буквы могут быть другими. Поэтому возникает еще одна проблема – на каком языке издавать книги. Необходимо выявление всех диалектов. Издавать литературу нужно не на каком-то одном языке, а подиалектно. Литературный язык можно сохранить, а диалекты, к сожалению, могут исчезнуть.

Эвенкия богата своими обрядами и традициями. Например, главным праздником у эвенков считается Мучун – это как Новый год. Ранее он носил название Суглан. Прежде всего, праздник посвящен новому году и отмечается весной. В этот день люди делятся опытом и строят планы на будущий год. Этот праздник посвящен зарождению всего нового – пробуждению природы, появлению приплода и т. п. Изначально он отмечался в лесу, но, так как в густом лесу сыро и мокро, его стали отмечать на поляне.

Приметы – еще одна особенность северного народа. Например, чтобы дорога была благополучной, нужно «прикормить огонь». Прикармливают его чаем, сахаром, солью. Чтобы погода нормализовалась, машут медвежьими шкурами. Даже в еде есть своя символика. Например, в повседневной лепешке делаются специальные отверстия, каждое из них имеет свое обозначение и место: пять дырок – это земля, солнце, огонь, луна, вода. Земля – это жизнь, солнце – свет, огонь – тепло, луна – отражение темноты на свете, вода – пища.

Занимаются эвенки не только охотой и рыболовством, но и оленеводством. Интересно, что к оленеводству детей приучают с малого возраста. Почти каждый эвенк имеет стадо оленей. В холода олени уходят в лес, но с наступлением теплых дней возвращаются; они сами выходят к хозяину. Каждый олень имеет свою атрибутику – колокольчик, повязку и т. п. Если бегучий олень, то на него вешают деревянное приспособление, чтоб не убежал далеко.

Возвращаясь к особенностям эвенкийского языка и не отходя далеко от предыдущего контекста, приведем следующий пример: слово *олень* имеет несколько обозначений. В русском языке слово *олень* мужского рода. А в эвенкийском олень будет называться по-разному; другими словами, у него несколько определений. Дело в том, что его название определяется возрастом: олень – *орун*, старый олень – *сагдый*, *акдый*, где-то говорят *хакдый*.

В эвенкийском языке нет мужского и женского рода. Фиксируется все по значению: то, что принадлежит мужскому, – будет мужской, что женскому – будет женское.

В настоящее время существуют переводы классической литературы, детских современных сказок, стихотворений на эвенкийский язык. Ресурсы при большом желании можно найти, главное, чтобы инициатива восстановления своих корней и языковой среды шла от администрации. Если проводить праздники, обряды постоянно, то народ будет вовлекаться в культурное пространство, будет заново узнавать о своих обрядах, традиционных праздниках. Необходимо выпускать больше методической литературы, учебных пособий, чтобы не прервать связь, передаваемую от поколения к поколению.

В заключение хочется сослаться на С.Л. Рубинштейна: «сердце» того или иного народа может быть понято, охарактеризовано через анализ системы взаимоотношений его членов как между собой, так и с другими народами.

Научное издание

**Специфика этнических миграционных процессов
на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках:
опыт и перспективы**

Материалы Международной научной конференции
(30 ноября – 2 декабря 2017 г.)

Корректор Л. А. Киселева
Компьютерная верстка И. В. Гревцовой

Подписано в печать 24.05.2018. Печать плоская
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,25
Тираж 100 экз. Заказ № 4475

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru